

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН
НАПРЯЖЕНИЕ
РАСТЕТ

Annotation

Слишком много силы в крови одаренных, их слово способно начать войну, остановить кровопролитие, быть гарантом мира и крепкого союза. Максим, потомок княжеского рода, ради исполнения пророчества преданный забвению и вычеркнутый из родовой записи, следует предначертанному. Грядет большой турнир на землях империи, собирая лучших из лучших представителей клановых школ и лицеев. Грандиозный приз и честь стать первыми заставят рискнуть немалым вступительным взносом, а запрет на использование дара станет лучшей проверкой воли и храбрости участников. Для Максима, собравшего свою команду вопреки всем канонам и боевым рангам, главным призом станет просто дружба. Ведь, собственно, он для этого все и устроил. А сопутствующий тому урон – уже дело тех, кто полагает турнир своим.

- [Владимир Ильин](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Владимир Ильин

Напряжение растёт

© Ильин В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Пролог

Большая вода неторопливо отступала, обнажая каменистое дно, заваленное серым булыжником. Вскоре медленный выдох северной реки сменится вдохом, и русло наполнится вновь – как было вчера, как было сотни лет назад. Природа несуетлива и не любит перемен. В отличие от людей.

– Долго еще? – сверкнув позолотой часов на цепочке, поинтересовался щегольски одетый молодой человек.

Ему было холодно в отлично сшитом костюме, его ноги мерзли в модных штиблетах, а злой ветер то и дело норовил сорвать шляпу.

– Еще полчаса, и пройдем, – сверившись с солнцем, степенно заверил невысокий кряжистый мужчина. Но не удержался и тоже щелкнул овалом часовой крышки, полюбовался на дорогой подарок. Смотрителю забытого всеми заповедника нравилось выглядеть как гости из столицы. Он копировал их жесты и слова, дымил тоненькими сигарами, не чувствуя вкуса, и даже оделся похоже – в первый свой визит гости подарили достаточно, чтобы заказать отличный костюм и сейчас гордо вышагивать в нем по бережку реки. Картину портили только высокие охотничьи сапоги с заправленными в них отглаженными брюками, но это уж дураков нет – по такой погоде морозить ноги.

Услышав прогноз, рядом зябко поежились спутники аристократа. Городские жители – таким легкий ветер уже непогода. Хотя по виду – все до единого плечистые, опасные, да еще с грозным, выпирающим углами оружием под запахнутыми поплотнее коричневыми пиджаками. Но не бандиты, нет. У аристократов все по закону, и право на стреляющие игрушки для себя и свиты дается им с колыбели. Возможно, смотрителю тоже подарят красивый хромированный пистолет – он на это надеялся. Оттого помогал всеми силами. И не замечал того, что по долгу службы должен бы был увидеть, а по совести – доложить.

– Если этот не врет, – буркнул один из свиты, косясь на инвалидную коляску со стариком и суетящегося рядом врача.

Пожалуй, не холодно в этой странной группе было только этим двоим. Доктор запахнул поверх белоснежного халата теплую куртку и вполне комфортно переносил бодрящую северную погоду начала лета. Второму же было все равно – лицо закрывала маска, снабжающая легкие дикой смесью обезболивающего и наркотика.

Иногда тело старика пробирала мелкая дрожь, не от холода, от ненависти к окружающим, но в эти моменты сопровождающий отворачивал вентиль баллона, соединенного с маской. После этого тело, завернутое в грязное тряпье, некогда бывшее элегантным бежевым костюмом, вновь безвольно замирало, позволяя тихонечко вздохнуть всем окружающим.

– Сколько там, сантиметров двадцать глубины? – нетерпеливо спросил аристократ, глядя на скальный выступ, от которого лениво откатывала волна.

Большой валун, принесенный сюда движением ледников, некогда сковывавших мировой океан, в моменты прилива казался небольшим островком и только на несколько часов отлива показывался в полный рост, скалясь трехметровым черно-зеленым клыком в небо.

– Десять – пятнадцать, – прикинул смотритель.

– Так пойдем, – решил его новый знакомый и первым ступил в черно-зеленую слякоть обнажившегося дна.

– Осторожнее, господин! – всполошился смотритель и даже хотел было предложить свои сапоги, но вовремя одумался – высокородным простуда не страшна, а ему мерзнуть не след. – Там могут быть ямы!

– Да плевать. – Аристократ обернулся. – Что встали? Коляску на руки, и за мной! – И, уже не оборачиваясь, зашагал к скале, не сомневаясь в исполнении отданного приказа.

Молодой аристократ шагал по воде, высоко задирая ноги, но упрямо продвигался к близкой цели. Плевать на холод, его дар не позволит заболеть. Плевать на воду, одежду и обувь можно будет просушить в вертолете, который дожидается их на одной из лесных полян. На слуг плевать тем более, он все равно оставит их здесь – не важно, в воде или у вертолета – в зависимости от того, каким окажется приз и насколько тяжело его будет нести одному.

Он не знал, что должно быть внутри. Но верил, что причина уничтожения целого рода стоит его усилий. Если этого настолько боялись... то он определенно хочет этим владеть.

– Что, старик, помнишь, а? – улыбнулся он коляске.

Маска на лице одурманенного чуть заметно дернулась, но умный и злой взгляд свидетельствовал о жизни разума в скованном теле.

– Мы тут почистили прошлый раз. – Аристократ махнул рукой на расчищенную от зеленой патины плоскость, испещренную неглубокими сколами – следами работы инструмента. – Но твоя старуха открыть не смогла, – с досадой добавил он, отряхнул и вновь надел шляпу.

Старик резко дернулся и чуть не вывалился из кресла.

– Док, какого черта?! – запаниковал щеголь, отскочив назад.

– Сейчас, сейчас, – засуетился врач, откручивая вентиль баллона, идущего к маске.

В легкие старика ударила новая порция дурмана, лишая подвижности одно из некогда самых страшных существ этого мира.

– Да что ты делаешь, урод, он же соображать не будет! – разозлился босс, крошечным огненным шаром скидывая ярость в воду.

Ноги обдало приятным теплом, а воздух, вторя боссу, мерзко зашипел облаком пара.

– Не сомневайтесь, господин, будет! И говорить будет! – подобострастно поклонился док, выуживая из кармана многоразовый шприц и ловко вставляя в него ампулу с грязно-желтой жидкостью. – Полчаса гарантирую.

– Смотри у меня, – успокоился молодой аристократ и нервно вздохнул. – Старик, что ты дергаешься? Я же обещал привести тебя к пропавшей жене. Вот, слово мое нерушимо, – шутливо, но с определенной опаской, он повел рукой вокруг. – Где тело, извини, не знаю. Снесло водой, сам понимаешь.

Доктор ловко закатал рукав, обнажил руку старика и привычно сделал инъекцию.

– Давай, открой нам хранилище, и я отправлю тебя вслед за старухой, быстро и без мучений.

– Ты проклят, – прохрипел старик непослушными губами, стоило только злой химии влиться в кровь, а маске немного отойти от лица.

– Я не верю во все эти клятвы, – как маленькому, объяснил щеголь. – И знаю другие источники Силы, кроме чести. Например, целесообразность.

– Ты умрешь...

– Как и все, – не стал отрицать аристократ. – Но мне хватит времени, чтобы сделать жизнь твоих потомков невыносимой... если ты станешь упрямым.

– Они... Не знают...

– Да мне плевать, знают они о хранилище или нет, – поджал губы щеголь. – Я убью их из-за твоей несговорчивости, старик. Как убили весь твой род. – Он махнул рукой на скалу. – А туда я все равно доберусь.

– Я открою... – после долгой паузы ответил живой труп.

– Поднесите его ближе, – тут же распорядился молодой и тоже зашагал к валуну, чтобы обойти слуг и видеть, что делает его пленник.

Пленник не сделал ничего, только прижал ладонь к массиву скалы – да

и то это проделали за него слуги, выполняя еле слышное указание.

Скальный монолит дрогнул.

– Ох ты ж... – прошептал смотритель.

– Стоять на месте! – прикрикнул молодой аристократ, с восхищением глядя, как с тихим рокотом обнажается прямоугольный лаз в десятке сантиметров над водой.

Через две минуты движение камня закончилось, обозначился узкий проход с лестницей, уходящей вниз, под дно реки, а судя по глубине и изгибу, виднеющемуся в отсветах ручных фонарей, поворачивающей обратно, под берег.

– Ты, живо вперед, – толкнул молодой смотрителя. – Иди и говори, что видишь.

Тот обернулся, недобро прищурился, но спорить не посмел.

– Черный камень без единой щели, господин. Проплавили, не иначе, – медленно ступая, докладывал он обо всем, что видел в свете фонаря, подбадривая себя громким голосом. – Стена теплая, как живая.

– Под землей всегда тепло, – нетерпеливо оборвал босс. – Что за поворотом?

Смотритель дернул щекой от досады – была надежда, что его заменят. Достигнув поворота, отчитался, доложил, что следующий пролет завершается коридором. И тут же получил распоряжение проверить коридор. Как же, заменят...

– Тут еще одна дверь, господин! – чуть повеселев, крикнул он, вытирая смятой в руках шляпой пот со лба и молча кляня себя за нерасторопность – мог бы и позади встать, тогда под руку попался бы кто-то другой. Но вроде обошлось... Повод для радости имелся существенный – он все еще жив. Родовые хранилища отличались редкостными мерзостными ловушками, о чем знали все. Но спорить с господином – означало в лучшем случае позабыть про хромированное оружие и дорогие подарки, а в худшем... В худшем то же самое, только идти в подземелье пришлось бы под страхом смерти.

– Старик, что за дверь? – затормошил аристократ то ли уснувшего, то ли вновь скатившегося в наркотическую зыбь пленника.

– Нетерпелив... – так и не открыл тот глаза.

– Заносите его внутрь, – нахмурился щеголь, подумал немного – не лучше ли подождать отчета тут или стоит увидеть сокровищницу первым? И не смог обуздать алчность.

Тело предусмотрительно закрыл щит Силы, оберегая своего хозяина от возможных сюрпризов.

Чтобы открылась новая дверь – железная, обитая заклепками, – тоже хватило прикосновения старика. Массив металла почти метровой толщины скользнул в сторону, вызвав у присутствующих пораженный вздох. Все были потрясены как совершенной конструкцией, так и осознанием того, что пробивать такую мощь, да еще рискуя обрушить свод пещеры под рекой, было бы самоубийством. Но все мысли моментально испарились при взгляде на содержимое комнаты, расположенной сразу за дверью – осталось только растерянно выдохнуть и простецким жестом почесать макушку.

– Старик, ты гнил в долбаной Австрии, в долбаном приюте для престарелых, имея это?! – возопил босс, пинком откидывая в сторону пирамидку золотых слитков с мизинец размером.

– Вот это да.... Твою же... Не верю... – охали слуги, разглядывая несметные сокровища, сверкающие в лучах фонарей.

Даже смотритель невольно поддался очарованию богатства и попытался выудить из кучи серебряную вазу с золотым узором. Не вытащил – тяжелая.

– Господин, посмотрите, – непочтительно затормошил босса доктор, показывая лучом фонаря на дальнюю стену с широким столом в самом углу.

В овале света под слоем пыли тускло блестели, поглядывая на гостей крупными самоцветами, странные предметы, разложенные на поверхности.

– Артефакты! – ахнул босс, нетерпеливо растолкал слуг и направился к столу. – Старик, вы идиоты! Вас не зря вырезали! Иметь такое... такое... И не победить! Я бы смел половину мира, а вторую купил бы!

Замерший в кресле полутруп поднял веки, вновь их закрыл и одними губами прошептал фразу, до которой никому не было дела.

– Все... проклято...

Вокруг него откровенно резвились, швырялись золотом, серебром, украшениями, пока начальственный голос не повелел прекратить, потому как надо немедленно все выносить, иначе прилив вновь запечатает скалу.

Через минуту группа слуг, нагруженная самым ценным – артефактами той эпохи, когда допускалось применять все, что вело к власти и силе, – под бдительным оком господина покинула хранилище. Сейчас даже на личных территориях княжеств, в защищенных от бдительного взора императора убежищах, подобного себе не позволили бы. Потому что новую вещь, выкованную на крови и боли, рано или поздно заметят, и наказание не заставит себя ждать. Но старое, древнее – этим дозволялось пользоваться. Если хватит духа.

– Посторожи тут пока, мы быстро. – Щеголь напоследок похлопал старика по плечу и положил свой фонарь на безвольное перекрестье рук.

Через пару минут шаги затихли. Еще через десять минут старик пошевелился. Невероятным усилием разум заставил мертвое тело жить и подчиняться. Не ради жизни, ради чести.

Под скрип инвалидного кресла некогда могучее тело поднялось на ноги, но рухнуло на коляску вновь, на этот раз сбоку. А после новой попытки старик смог, став сзади, упасть грудью на спинку кресла, после чего зашагал к видимой только ему одному цели – голой стене слева от входа.

На середине пути пол и стены резко трянуло, посыпалась известка с потолка. Позади послышался сильный удар металла о камень – это двери поспешили закрыться.

– Охраняется... не нами... – упрямо продолжая путь, шептал старик. – Заперто... не нами. Заперто... не от нас. – Он делал шаг за шагом, опираясь всем телом на кресло. – До тех пор... пока не будет... нарушено слово!

Последние фразы он говорил монолиту стены, упираясь в него лбом. Каталка валялась рядом, отброшенная яростным жестом. Свет упавшего фонаря отбрасывал огромную тень, изменявшуюся от каждого движения старика, – будто не он, а человекообразное чудовище сейчас тяжело дышало в подземелье мертвого рода.

Старик залез тремя пальцами себе в рот и выщелкнул нижний коренной зуб.

Керамический ключ блеснул слюной – там, где полагалось быть корню, стоял витой стержень с десятком насечек на нем. Через секунду ключ, упрямо удерживаемый дрожащими руками, вжался острием прямо в поверхность стены. И глухая поверхность без единой трещинки и щели будто сдалась чужой воле, протаяла и приняла ключ в себя.

Плоскость вздрогнула, медленно заскользила внутрь. Только тогда старик позволил себе рухнуть на пол, не спуская взгляда с открывающегося лаза. То, что было великой надеждой рода, но стало его великим проклятием, получит шанс забрать души его врагов. Тех, кто дал слово, но не уследил за жизнью его жены. Слово... Нарушено...

– Лида...

Каменная плита скользнула вбок. И старое зло с гулом вдохнуло воздух нового тысячелетия.

Глава 1

Спустя тринадцать лет после открытия тайника

Бледно-розовая вода стекала по эмали раковины, унося вместе с прохладой грязь и боль, затаившуюся в разбитых пальцах. Из зеркала хмуро поглядывало отражение – растрепанное, в порванном костюме, без пуговицы на воротничке рубашки, со сбившейся набок алой бабочкой.

– Как первое сентября? – бесшумно появился за спиной старик.

– Было интересно, – поделился я впечатлениями.

– Познакомился с классом? – без особых эмоций спросил он, доставая из шкафа справа от зеркала две стерильные упаковки и антисептик.

– Кое с кем.

Мои руки легли на предложенное им полотенце и были аккуратно освобождены от влаги.

– Как они тебе? – Наставник сноровисто наложил мазь и теперь бинтовал правую. – Вот тут придержи, вот так.

– Дружные, – поморщился я от прикосновения ткани.

– Один за всех? – поднял взгляд мой учитель, домоправитель, а теперь еще и врач.

– Все за одного, – пожал я плечами, подставляя другую руку.

– О чем спорили?

– О различиях между людьми. Вот тут немного давит.

– Сейчас лучше? – поправил он узел.

– Да, спасибо. – С искренней признательностью я посмотрел на плотные, похожие на варежки, повязки.

– Хоть не на уроке спорили? – Старик строго глянул на меня.

– В парке спорить удобней.

– Тогда ладно, – вздохнул он спокойно. – И что, отличаются люди?

– Если очень сильно настаивают на своем, то да.

– Чем же? – поинтересовался учитель, складывая перевязочные материалы обратно в шкаф.

– Разбитым носом. Хотя они что-то говорили про происхождение и право приказывать.

– Вот как, – старик досадливо пожевал губами. – Впрочем, я примерно так и представлял. Час назад к воротам подъехали две машины, постояли, полюбовались на княжий щит над калиткой и усвистали по своим делам. Почему-то сразу на тебя подумал.

– Чуть что – сразу я?! – искренне возмутился, покидая ванную комнату.

– Потому что все остальные уже были дома, – назидательно поднял наставник палец вверх, выходя следом. – А потом приехала машина из школы и забрала твоего отца. В связи с этим у меня два вопроса.

– А покормить?

– Переодеешься в чистое и пойдем, – покладисто согласился домоправитель, помогая снять костюм. Перевязанные руки не добавляли ловкости. – А пока переодеваешься, ответь мне, отрок, где была твоя голова?! – звенящим от еле сдерживаемой ярости голосом сказал он прямо в ухо.

– Была в переносицу главному, – буркнул я, отводя в сторону взгляд.

В таком состоянии с ним лучше не спорить. Все-таки заслуженный преподаватель, сорок лет стажа – ему такие, как я, на один зуб.

– Головой надо думать, а не бить! Хотя иногда! Они живы?!

– Дышали, когда уходил, – неохотно ответил, кутаясь в расстегнутую рубашку и не торопясь из нее вылезать.

Так отчего-то было легче – прямо как под одеялом в детстве.

– Ты должен был уйти два часа назад! – Меня силком вытащили из моего ненадежного укрытия.

– Так я и ушел. – Настал черед майки обеспечивать мою безопасность. Ее-то я надежно держал руками, потому что знал, какой последует вопрос.

– И где ты был все это время?!

– Гулял.

Материя не выдержала и с треском разорвалась по шву. На меня грозно смотрели синие глаза.

– В таком состоянии? Ты понимаешь, что в раны могла попасть инфекция?! О чем ты вообще думал!

– Об алиби, – тяжело вздохнув, признался, поднимая взгляд.

Все-таки не чужой человек. Хотя месяца два назад был вполне себе чужой – сидел с коробками, заполненными учебниками и одеждой, дожидаясь транспорта для переезда. Тут-то его папа и заметил, заинтересовавшись обилием школьной литературы. Нам как раз нужен был репетитор – для меня, а дедушка смотрелся если не как бывший директор, то как заслуженный учитель. Вот и поговорили они о погоде, о делах. А прибывшая через десять минут машина отвезла все добро старика не на вокзал, как до этого планировалось, а к нам в дом.

Отец прямо светился от радости – в чужом городе найти хорошего специалиста очень сложно. Тут знакомства нужны, а где их взять? Да и хорошие люди – они без дела не сидят, все на своих местах. Иначе какие

они хорошие? Так что столкнуться прямо на улице с нужным человеком, имеющим кучу рекомендаций, а потом еще убедить его отложить поездку на юг ради моего обучения – серьезный повод для радости! Для всех, кроме меня. Потому что учитель оказался страшным человеком с тяжелым нравом и металлической линейкой, которой умел громко стучать по столу. Меня он бить не мог, хотя наверняка хотел – я ведь ничего толком не знал по огромному числу предметов. А не мог он этого делать по договору с нашей семьей – оказывается, личные учителя, они как врачи. И, как врачи, не имеют права вредить подопечным, а также рассказывать о том, что услышали или увидели во время своей работы. Потому наставника легко пускали за общий стол, обсуждали вместе с ним самые разные вопросы, частенько получали дельные советы, а через две недели как-то и вовсе стали считать членом семьи. Опять же – все, кроме меня. Я взрослым не особо верю, а уж бывшим школьным директорам – тем более.

Мое отношение изменил Федор, мой новый брат. Новый – не потому, что новорожденный, а из-за того, что старого никогда не было, как и семьи. Месяц назад появилась – то ли они меня нашли, то ли я их. Просто там, в руинах полуразрушенного города, среди толп беженцев, которых записывали в добровольное рабство, я был нужен им, а они – мне. Потом оказалось, что мы действительно нужны друг другу – осиротевшая на маму семья из брата, двух сестер и отца нуждалась в ком-то, кто сможет отвлечь от не затянувшейся раны, а я всю жизнь мечтал услышать слова «сын» и «брат».

В общем, брат сказал, что я зря боюсь старика. Был бы Федор просто добрым и умным парнем, которым и является, я бы просто потрепал его по волосам (а я и не удержался!), а потом делал по-своему. Но Федор, как и вся семья, не совсем обычные – они видят «Искру Создателя» внутри вещей. Не знаю, что это такое, – так и не разглядел ни разу. Дар помогает создавать волшебные предметы, собирая самоцветы с «искрой» в красивые украшения, способные защитить и уничтожить, ободрить и ослабить. Говорят, в нашей империи всего шесть семей, способных делать такое, и не всякому их работа по карману.

У меня тоже есть своя «искра» – между пальцев, обрадовавшись, что о нем вспомнили, незаметно крутанул крохотный электрический огонек. Есть свой талант, доставшийся от родителей, которых я никогда не знал, но обязательно найду... Но все это – видимое остальным людям.

А Федор вдобавок различал «искры» в людях, и, как он признался по секрету, те «искры» тоже бывают очень разными, у хороших и плохих, сильных и слабых. Потому меня легко приняли в семью, буквально через

полчаса после встречи. И потому, наверное, мне не следовало бояться нового учителя. Федор сказал, что внутри у него сияет суровое пламя – почти белое, с легким алым отливом, сжатое в тугой ком красными и желтыми лентами. Но когда старик смотрит на меня, его «искра» наливается нежно-зеленым и стихает, как шторм внутри векового леса. Брат умеет красиво говорить, хоть и вдвое младше меня.

Для меня все это было настолько необычно, что я перенял отношение семьи к старику и с осторожностью принял его в друзья. Сразу стало легче учиться – другу можно признаться в своем незнании или попросить еще раз все повторить. С учителем так вроде бы нельзя... Наверное... Никогда не учился.

В интернате, где я жил до этого, мое имя упоминалось только в медкарте донора, спрятанной там же, где и изъятое из архива личное дело. Меня как бы не было, а значит, и учить было незачем. Все мое существование сводилось к тому, что я должен был подарить еще несколько лет жизни очень богатому человеку. Но я учился им назло, только не химии и литературе, а сложным процентам, с помощью которых управлял должниками, прикладной химией для производства товара, экономикой подпольной продажи – в интернате много свободных рук, а у меня были много свободного времени и воля. Наверное, поэтому я выжил, а мои враги – нет. Только моих знаний недостаточно, чтобы пойти в школу, как и положено нормальному человеку в нормальной семье. Чтобы это исправить, как раз и требовался учитель.

За пару месяцев сложно усвоить достаточно для того, чтобы не смотреться странно в новом классе, но я очень старался и занимался с перерывами только на сон и еду. Получалось, что со стариком я виделся и разговаривал гораздо чаще, чем с семьей, и вскоре дружба переросла в доверие – достаточное, чтобы предупредить, что ничем хорошим этот восьмой класс для меня не кончится. Не поверил.

– Так, – тяжело вздохнул учитель, откидывая обрывок майки на пол и падая в кресло. – Ты побил... Сколько там их было?

– Трое. – Я повернулся к шкафу за одеждой.

– Побил троих одноклассников. А затем ушел создавать себе алиби, я верно понимаю? Ты их, случайно, дубиной по голове не треснул, чтобы им память отбило?

– А что, так можно? – заинтересовался я, повернувшись.

– Максим! – рыкнул наставник тем самым голосом, после которого всегда хотелось сесть прямо и усиленно решать задачи. – Зачем тебе алиби, если они прекрасно помнят твое лицо?!

– Да мне не для них, – отмахнулся я.

– Очень интересно, – сардонически хмыкнул старик. – А для кого же?

– Я имею право хранить молчание!

– Предлагаю сделку – ты говоришь мне чистую правду.

– И? – Я настороженно ожидал продолжения.

– На этом сделка заканчивается.

– Так себе предложение. – Подыскав в гардеробе целую майку, шустро натянул ее на себя, накинул рубашку.

– Зато я всем скажу, что ты был все это время в саду, в этой деревянной коробке на дереве.

– Это штаб!

– Хорошо-хорошо! – поднял он руки вверх.

– Да говорите, что хотите, – буркнул я, застегивая пуговицы на рубашке. – Я вам сразу сказал, не мое это – школа.

– Школа необходима, – ввернул старик поучительный тоном. – Как и высшее учебное заведение. Они дают навыки общения и социализации, плюс знания.

– А морды бить – это общение или социализация?

– Скорее, второе, – осторожно произнес он.

– Так директору и скажу, – качнул я головой.

– Но школа как раз учит искать способы решения конфликтов без драки. Доказывать свое мнение в дискуссии, а не на кулаках!

– Да понял я, – вздохнул, надевая домашние брюки.

– Так для чего тебе нужно было алиби?

– Да этот, Пашка, хвастал, какой у него отец крутой. И корабли у него большие. – Я поправил штанину и застегнул ремень. – Богатые они. И охрана его встречает-проводит каждый день.

– Просто так хвастал? – уточнил старик. – Ты ничего ему не говорил?

– Угу. Я же пешком пришел и пешком собрался уходить. Он ведь не знал, что мы в трех минутах от школы живем, думал, на остановку иду. Вот и начал друзьям рассказывать, что вот такие будут ему служить и трюмы, когда вырастут, драить на его корабле. Мы поспорили. Я сломал ему нос. Потом я сломал носы его друзьям. Потом я сходил в порт и затопил его корабль.

– Нет, в целом ты прав... Что?! К-какой корабль?!

– Там на борту герб, как у Пашки на лацкане формы. Большой такой корабль, – очертил я руками силуэт. – С кучей контейнеров.

– Так, – закрыл учитель глаза.

– Да никто не видел, – пожал я плечами.

– Как. Можно. Не. Заметить. Тонущую. Баржу?! – отчеканил он фразу.

– Так там нефтяной танкер горел, ничего же не видно.

– Максим!!!

– ... А танкер врезался в баржу. Там людей уже не было – рулить некому, все на берег ушли.

– Еще что-нибудь ценное пострадало? – Старик начал массировать себе виски.

– Бабочка моя, – вздохнув, я погладил чуть потемневший алый лепесток ткани. – Но вроде еще можно отстирать. Пара нитей, правда, совсем закоптилась. Или мне кажется?

– Максим!!! Ладно. Стоп. – Он с силой провел ладонями по лицу. – Я тебя разве не учил, что нельзя топить и сжигать корабли?

– Нет, – честно попытался припомнить все уроки. – Зато мы разбирали основы пожарной безопасности. Представляете, они их совершенно не соблюдают!

Из-под ладоней донесся тихий стон.

– Если тебя узнают... Ты хоть понимаешь, что будет? С тобой, с твоей семьей? Если бы сегодня не было над воротами княжьей защиты, нас всех уже могли сжечь!

– То есть им можно сжечь нас, а мне нельзя топить их корабли? – напрягся я.

– Мы живем в мире, где нельзя доводить дело до драки, до пожаров и смерти, до утонувших кораблей!

– Где простолюдины служат, а аристократы правят?

– Не так! Это детские слова, слова мальчишки, который совсем ничего не понимает! И ваша драка – детская ссора, которая должна таковой и остаться!

– Но в наш дом приехали до того, как я добрался до порта, – холодно заметил в ответ. – Значит, не все детские дела остаются детскими.

– Поэтому старайся разрешать все конфликты на словах, – обескураженно отвернулся учитель. – У тебя странная школа. Там не должно быть таких детей. И таких родителей. Они обычно сходят с ума, если жизнь ребенка под угрозой. Но могут простить обидчика, если поединок велся честно. Только прощение иногда приходит после глупого и жестокого поступка.

– То-то я Пашку уже полчаса как простил.

Старик жег меня хмурым взглядом.

– Забудь этот момент своей жизни. Даже не вспоминай, что это случилось из-за тебя! Заруби себе на носу – оно само, ты тут ни при чем!

– Это мое жизненное кредо, – важно отозвался я, но предпочел притихнуть, учуяв очередную волну гнева.

– Скорее всего, твой Пашка больше к тебе не полезет, – успокоился учитель.

– Из-за боли?

– Из-за герба над нашими воротами, – отрицательно качнул наставник головой. – Отец ему запретит. А сегодня еще директор предупредит других родителей. В произошедшем был и его просчет.

– Главное, чтобы к мелким не лезли, – вздохнул, вспомнив Федора и сестер – как прошел их день, я пока не знал.

– Но даже не мечтай, что все для тебя этим закончится! Если отец Пашки мелковат душой, он постарается тебе тайно отомстить. Сейчас вряд ли, ты ему создал проблемы... Но потом, когда он со всем разберется...

– Ну, у него еще много кораблей, – рассудительно заметил я.

– Максим! Даже думать не смей!

– То думай, то не думай... – заворчал я для порядка, бросая испорченную одежду в корзину.

И вообще, надо прибраться. Скоро отец придет из школы, а ведь каждый знает: чистая комната – это первое смягчающее обстоятельство.

– Думай! – хлопнул старик ладонью по колену. – О последствиях в первую очередь. Следи, что у тебя за спиной! А еще лучше – устрой новую драку и проиграй Пашке.

– Исключено.

– Тогда подружись с ним! Найди в нем хорошее. Ведь не бывает совсем плохих людей, верно? – вкрадчиво спросил учитель и просительно посмотрел мне в глаза.

– Бывают, – припомнил я свое прошлое.

– Пойми, работая кулаками, ты наживешь себе только врагов, – с напором произнес он. – У этих врагов будет могущественная родня. Если о себе не думаешь, о семье вспомни – месть, она ведь не только по тебе ударить может.

– И как подружиться? – без энтузиазма спросил я. – Там уже свои компании, группы по интересам. Я пришел чужим сегодня утром и таким же ушел.

– Ни с кем не поговорил? Ну, кроме этих троих.

– Говорил. Но они странные, скучные. Все как будто собрались жить не сейчас, а года через четыре, когда окончат школу.

– Значит, попробуй увлечь их теми делами, которые интересны тебе! Тяни за собой, становись лидером!

– Как? – вздохнул я, не зная, каким способом это осуществить. – Как мне им понравиться?

– Даже не думай! – вскинулся учитель. – То есть, я хотел сказать, не вздумай стараться нравиться! Не лебези. Будь самим собой и не ломай себя ради других! Они такого совсем не поймут, просто раздавят и перестанут с тобой считаться.

– Тогда вообще не вижу вариантов, – покачал я головой.

Мои старые друзья сделались друзьями безо всяких ухищрений – просто однажды мы стали плечом к плечу.

– Будь источником их побед. Это самый лучший способ, – произнес старик и даже подошел, чтобы положить руку мне на плечо. – За победу тебе простят все и станут лучшими товарищами.

– И где ту победу найти? – поискал я ответ в его повеселевшем взгляде.

– Я тебе дал подсказку, остальное делай сам. И вот что, идем есть, второй раз греть я не стану.

Победу, значит. Я на ходу почесал затылок. Хм!

– Я на минутку! – под укоризненным взглядом домоправителя свернул по лестнице направо.

Под ногами заскрипели старые половицы. Отец давно грозился все тут починить, но каждый раз откладывал, просиживал ночами в мастерской над княжеским заказом. Дело не в деньгах, работа на хозяина этого города и окрестных земель давала нам защиту – ту самую прямоугольную дощечку над калиткой. Папа посчитал это важным. Ремонт дома он тоже считал важным, как считал важным не делать два важных дела одновременно. Потому паркет на втором этаже скрипел под ногами, стены украшали портреты незнакомых людей, а в подвале пахло сыростью. И неведомо было, когда на ремонт появится время – заказ огромен, отец занят с утра до ночи. Он частенько призывал на помощь брата и сестер. Я тоже рад бы помочь, но ювелирное дело моей новой семьи передается по наследству, как цвет глаз или волос, поэтому меня не звали, хоть и глядели каждый раз виновато и даже приглашали иногда посмотреть на работу.

– Федор, говорят, ты лучший мастер в своем классе? – начал я с лести, предварительно постучав в дверь к брату.

Комната Федора выглядела точной копией отцовской – тот же огромный зал, разделенный рядом шкафов на кабинет и мастерскую, тот же стол – только чуть ниже, для удобства. И такое же черное кожаное кресло, в котором брат сидел, как на троне, настолько оно было велико.

– Пожалуй, да, – с важным видом сцепил он руки на животе и

откинулся на спинку кресла. – Хотя во втором «Б» Женька делает отличные самолетики.

– Не важно, – отмахнулся я от пока не нужной авиации. – Сделаешь мне огромного робота-убийцу?

– 3-зачем? – замешкался брат, удивленно округлив глаза.

– Чтобы он держал в ужасе весь город, а потом я пришел бы и его победил? Ну, не один победил, – тут же исправился, вспомнив о главной цели задумки. – Со мной еще трое будут.

– Это ведь робот должен быть размером с дом. – Брат задумчиво почесал подбородок и пододвинул к себе блокнот и ручку. – Нет, слишком тяжелый, проваливаться станет.

– Так, а если для нападения только на школу? – упростил я задание.

– Это можно, – великодушно согласился он и нацарапал на листке что-то паукообразное. – Вооружение?

– Зубы и хвост, – навис я над его плечом и с интересом наблюдал, как к рисунку добавилось несколько штрихов. – А это зубы или хвост?

– Это зубы на хвосте! – весело заявил брат. – Подвижные части в одном узле! Легко менять.

– Да для одноразового пойдет, – отмахнулся я. – Мне главное его победить красиво.

– С жертвами, без? – деловито уточнил Федор.

– Лучше бы, конечно, с жертвами, но пойдет и сломанная рука. Можно ведь?

– Это задача, – цокнул брат. – Может, руку до нападения сломаем?

– Хотелось бы не мне, – честно признался я.

– Что-нибудь придумаем, – к рисунку добавилась запись мелким почерком: «Ломатель руки! Срочно!»

– И чтобы рычал грозно и гонялся за всеми по коридорам.

– С искусственным интеллектом сложно, – покачал брат головой. – Его еще не изобрели. Только радиоуправление!

– А если посадить внутрь собаку? – задумался я. – У меня Лайка есть. Знаешь, как рычит? И меня точно не обидит.

– Хм... – Федор парой штрихов добавил кабину для хвостатого пилота и четыре рычажных привода для лап. – А ты точно сможешь победить? – засомневался он, поглядывая то на получившуюся конструкцию, то на меня.

– Конечно! – возмутился я. – Это ерундовое дело – одна котлета, и мир спасен.

– А если у кого-то другого найдется котлета?

– Ой, да кто в школе носит с собой котлеты! – отмахнулся я. – Кстати, будешь?

– Тогда может сработать, – признал Федор, отмахнулся от упаковки с бутербродом и дважды подчеркнул результаты предварительного планирования. – Только я сразу все сделать не смогу, мне подучиться надо.

– Время есть, – похлопал я его по плечу. – Месяца два точно.

– А, нормально, – успокоился брат, вывалил на стол толстенный справочник по электронике и открыл его на первой странице.

Одной проблемой меньше.

– Спасибо! Обедать пойдешь?

– Нет, я уже ел, – задумчиво пробормотал он, погружаясь в текст.

Тихонько, чтобы не мешать, я покинул его кабинет, прикрыл за собой дверь и вновь заскрипел по паркету, направляясь на кухню.

– Максим, я в город, – окликнул учитель, когда я проходил мимо. – Уроки сделай, приду – проверю.

Тут же хлопнула дверь, оставив меня наедине со звенящей тишиной дома – верный признак того, что сестры в мастерской у отца. Потом к ним зайду – потому как не тронь лихо и не придется снова переодеваться в чистое. Мелкие сестры унаследовали от Федора привычку забираться на плечи, используя ноги и зубы, а я надеялся предстать перед отцом в приличном виде.

На обед сегодня была разогретая манная каша, щедро политая маслом. Наверное, вкусная – оценил я, однако проверять не решился, отодвинул от себя. Но тут за окном резко затормозила машина, выпуская из задней дверцы разозленного отца, и я с энтузиазмом взялся за ложку. Потому что пока человек ест, его трогать нельзя, это каждый знает.

Раздраженно хлопнула входная дверь, на кухню быстро прошагал папа, нацелился на кувшин с водой. Замер, глядя на меня, увидел замотанные бинтами руки, нахмурился, но так ничего и не сказал, молча взял воду и стакан.

– Зайди ко мне, после того как поешь, – донеслось из коридора.

Резко захотелось добавки этой чудесной и волшебной каши – эдак порции на четыре, чтобы есть маленькой ложкой, дотянуть до ночи и тихонечко просочиться к себе в комнату, а утром улизнуть из дома, пока никто не проснулся. Но это для трусов. Так что, поковырявшись без аппетита и даже кое-что съев (отчего чувствовал себя уже наказанным – если не за танкер, то за драку точно), через полчаса отправился к отцу.

– Ты все сделал правильно, – молча пободавшись со мной взглядами, все-таки выдохнул папа, положив сцепленные замком руки на стол.

Я тихонько сидел напротив, положив руки на колени и выпрямив спину. По бокам адвокатами пристроились Катя с Тоней и сурово поглядывали на отца.

– Но драться – плохо, – скорее для сестер, а не для меня упрямо сообщил он. – Хотя иногда нужно, не спорю. Но делать это лучше по правилам!

– То есть их должно было быть четверо? – удивился я.

Рядом в тон мне хмыкнула Тоня, а Катя осуждающе покачала головой.

– Нет, – сощурившись, словно от головной боли, произнес отец. – Девочки, я вас прошу, погуляйте во дворе полчаса.

Сестры синхронно скрестили руки на груди.

– Да не буду я его ругать! – Не уловив ни единого движения, отец достал ключ из верхнего ящика и отправил его по поверхности стола в нашу сторону. – Можете покататься на машине.

– Ю-ху! – Сестры вихрем слетели с подлокотников, смахнули со стола ключ и мигом испарились из комнаты.

– Только вокруг дома! – обратился отец к закрытой двери.

– Хана машине, – спокойным тоном вынес я вердикт, расстроившись как из-за симпатичного внедорожника, так и из-за двух плиток шоколада, отданных этим легкомысленным существам за защиту.

– Нет, это ключи от гаража, – отмахнулся папа, слабо улыбнувшись. – Пока разберутся, пока вернутся обратно, у нас с тобой будет минут пять... – замялся он, не зная, как продолжить.

– Что там с правилами? – помог я ему, поудобней устраиваясь в кресле.

– Правила, точно. – Отец потер подбородок, скользнул взглядом по поверхности стола и привычным жестом пододвинул к себе блокнот с карандашом. – Вот смотри, мы все – ты, я, Катя, Тоня, Федор живем в обществе. Как и твои одноклассники. Как и все люди.

Карандаш очертил большой круг посередине листка и остановился в его центре.

– У этого общества есть правила, – продолжил отец, заключая круг в квадрат. – Пока мы придерживаемся этих правил, общество соблюдает их относительно нас. Если мы правила нарушаем, то выходим за грань круга.

– Я понимаю, – кивнул терпеливо.

– Думаю, не совсем, – отрицательно покачал он головой. – Вышел ты за рамки или нет, решаешь не ты. Решают те, кто видит тебя и может свидетельствовать о мотивах твоих поступков. Когда ты побил этих троих в парке, рядом с тобой не было никого, кроме обидчиков.

– И они сказали, что это я все начал? – приподнял я бровь.

– Именно так. – Отец согласно кивнул. – Один из трех детей, Ян, сказал, что ты первый ударил Пашу Зубова. Головой в нос. Я, разумеется, не поверил. – Он поднял руки, пресекая мои справедливые возражения.

– Ссориться надо при свидетелях, – хмуро озвучил я результаты урока.

– Верно, – чуть улыбнулся папа. – Но лучше вообще не ссориться. А если решишься, то при ссорах в вашей школе тоже существуют правила – дуэльные. Оказывается, для этих дел на территории школы есть отдельный полигон.

– И там можно бить друг другу лица? – не поверил я.

– Не все так просто – для начала вас выслушают преподаватель и психолог, попытаются примирить, и уже потом деритесь под присмотром врача.

– А там надо перчатку в лицо кидать, да? – деловито поинтересовался я, представив толстое лицо Яна – точно не промахнусь. – А можно сразу железную и с размаха?

– Для вызова хватит просто слов.

– А если откажется?

– Это дуэль! Никто, уважающий себя, не может от нее отказаться без урона чести! Разумеется, для вызова должна быть причина, понятная окружающим, иначе все вновь обернется истерикой охраны и надуманными обвинениями. Не вынуждай меня снова звонить князю! То есть я хотел сказать... – осекся он и с досадой притих.

– Все так плохо, да?

– Нормально, – чуть раздраженно отмахнулся папа. – Отец этого Павла на особом счету. Почти все речные перевозки под его рукой, одних только кораблей сорок восемь.

– Сорок шесть.

– Ну, может, и сорок шесть, – пожал папа плечами. – Но у него привилегия на беспошлинную торговлю во всех княжествах вдоль реки, тем он и ценен. Перед ним, конечно, не лебезят, но то, что ребенок его в нашем городе, налагает на князя определенные обязанности по его защите.

– А тут ему нос разбили, – виновато продолжил я. – Что теперь будет?

– От князя – ничего. Ребенок жив, а на дальнейшее князю плевать, – махнул папа рукой. – Не забивай голову, не станет он суетиться из-за обычного дворянчика. Но вот сам Пашин отец...

– Смотреть, что происходит за спиной. Желательно подружиться с Пашей, – озвучил я рецепт, за что удостоился удивленного взгляда отца. – Учитель подсказал.

– Умнейший человек, – согласно качнул он головой. – Повезло нам с

ним.

– А вот насчет общества, – заерзал я на месте, глядя на пространство блокнота за чертой круга. – Что будет, если рядом со мной и врагами опять не окажется свидетелей?

– Старайся этого не допускать и иди к людям... – протянул он, поймав мой терпеливый ожидающий взгляд, хмыкнул и одним движением широко распахнул верхний ящик стола. – Верно, не от всего можно просто убежать, и далеко не все согласны соблюдать правила.

Он достал несколько предметов из ящика и положил первый из них на стол. На меня глянул блеклый прозрачный камень в навершии небольшого кольца.

– Это поможет тебе убежать. Закроешь глаза, добавишь Силы, будет очень яркая вспышка. Работает один раз, после чего можно выкидывать. – Он перевел взгляд с кольца на меня. – Бери.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, принимая подарок.

– На палец не надевай, храни в кармане, – проинструктировали меня, одновременно выкладывая в ладонь новое кольцо – простое, серебряное и без камней, хотя и толстое.

– Камни запечатаны в металл, – пояснил папа. – Эта вещь защитит в радиусе метра, но лучше предварительно присядь, а лучше прижми ноги руками и постарайся откатиться в сторону. Действует в зависимости от силы удара, но десяток секунд у тебя будет наверняка. Его носи всегда.

– Здорово!

– Да и сам ты вроде как не промах, – подмигнул он мне, пряча последнюю вещицу в кулаке и намереваясь положить ее на место.

Хм, интересно! Я задумчиво проводил его руку взглядом, пытаюсь найти подходящую причину, чтобы заполучить кольцо.

– А если бежать никак не получится? И враги сильнее?

– Тогда... да. – Он посмотрел на свою руку, хлопнул сжатым кулаком по столу, но все-таки разжал его и дал еще одному колечку украсить собой стол. Необычное, с десятком желтых камней и черным ободом, оно напоминало многоглазого паука, сжавшего лапки. – Тогда используй вот это.

– Оно убьет врагов? – любопытствовал я, с опаской касаясь обода подушечками пальцев.

– Оно убьет тебя, – устало улыбнулся отец. – Совсем, на один день. А через день ты проснешься здоровым, целым и невредимым. Подгадай к вражеской атаке, используй кольцо с защитой, а потом и это. Будет немного больно, зато кольцо не оставит после себя следов и исчезнет. Не носи

напоказ, но всегда держи при себе. В жизни... все бывает. Вот у меня было такое кольцо, у Федора, Тони, Кати, – зажмурил он глаза. – Поэтому мы живы. Извините...

– Папа, мне нужно килограмм сто авиационного алюминия, – деловитой стрелой влетел в комнату Федор, пронесся мимо книжных полок, по пути нагружая себя различными справочниками.

– Тебе зачем? – удивленно спросил отец, наблюдая, как сын складывает поверх солидной стопки свежий каталог по сервомоторам.

– Для Бруно!

– Какого Бруно? – настороженно уточнил он.

– Боевого робота-убийцы номер один.

– Федор, немедленно объясни!

– Да это не для меня, это Максим просил.

– Максим! – рыкнул папа.

– Да я хотел сделать робота, чтобы тот напал на школу.

– Какой хороший у меня сын, вы посмотрите!

– А потом бы мы вместе с Пашей его победили и помирились, – протараторил я, не давая вставить очередное едкое замечание.

– Ну... не лишено смысла, – подавился заготовленной фразой папа. – Хорошая идея.

– Правда?

– Нет!!! Никаких роботов-убийц!

– А если просто робот? – просительно уточнил я.

– Ма-аленький... – тихо пискнул Федор. – Со щеночком.

– Каким еще щеночком?!

– Ну, роботу нужен пилот, – важно заметил я.

– Так, стоп! Тишина! Все из-за щенка, да? Хорошо! Будет тебе щенок, но следить будешь сам!

– Ю-ху! – подпрыгнул Федор, тут же ойкнул и завиял по комнате, стараясь не уронить всю стопку с книгами.

– Но никаких роботов-убийц!

– Ладно, – выдохнули мы с братом.

– Удачи! Я в штаб! – протараторил брат, скрывшись с книгами за дверь.

– Максим, – с осуждением, будто мое имя – уже проступок, произнес папа. – Я рад, что ты подогреваешь интерес Федора к технике и нашему ремеслу. Я даже дам материалы для небольшого робота-игрушки... Но пожалуйста...

– Все понял, никаких роботов-убийц, – поднял я руки. – Придумаю

что-нибудь еще.

– Мирное! Без жертв!

– Мирное, без больших жертв, – со вздохом согласился, оставив себе небольшую лазейку.

Папа хотел было тут же меня поправить, но в этот миг со двора донесся азартный рык мотора, резкий взвизг шин и глухой удар бампера о дерево.

– Девочки! – изменился папа в лице и мигом вылетел из комнаты.

– Какая разница, что у них нет ключей, если у Федора они есть! – мудро заметил я, глядя из окна на покосившуюся яблоню, подпертую белым внедорожником. А затем вернулся к столу, подхватил черное колечко, поднес к глазам. – Надеюсь, до тебя дело никогда не дойдет. – Положил его в нагрудный карман.

Глава 2

Черное полотно покрывало поверхность залива, грязной кляксой расползаясь вниз по течению. Изредка по нему проходили низкие волны, словно река под нефтяным кляпом пыталась вдохнуть хотя бы немного воздуха, но вновь теряла сознание. И каждая попытка такой борьбы приносила на берег черную взвесь, окрашивая в траурный цвет бетонные сходни и декоративный пляж с некогда белым песком. Над портом не было солнца, оттого каждое черное пятно без единого отблеска казалось вырезанным из цветного мира.

Жуткое зрелище. Но у солидного мужчины, рассматривающего порт с обзорной площадки, было на уме совсем другое прилагательное – дорогое.

Виктор Александрович Зубов, несмотря на типичную внешность борца – толстую шею, узкий лоб и кряжистую невысокую фигуру, уважал финансы гораздо больше единоборств. И состояние скопил не кулаками, а умением подбивать два скучных столбика с доходами и расходами. Внешность – она для деловых партнеров, предпочитающих наличные и ночную загрузку катерами.

Внутри же работал четко выверенный механизм, без труда жонглирующий неповоротливыми цифрами – стоимостью груза и страховых выплат, суммами, нужными на поднятие кораблей из воды и их починку. Издержки, связанные с простым порта, соединялись с выплатами за вред, нанесенный экологии. Высочайшее недовольство местного князя тут же обретало ярлычок ценника на дорогих подарках. Любопытство журналистов утихомирил крупный заказ на рекламу – достаточный, чтобы в новостном выпуске произошедшее описали всего двумя предложениями, показав старое фото порта в солнечную погоду без единого пятнышка на водной глади.

Много расходов, маленьких и крупных, наличными и перечислениями, подарками или обязательствами. Все складывалось в солидную сумму, но вовсе не фатальную – в бюджете имелась отдельная статья, названная «непредвиденные обстоятельства», куда ежегодно отчислялась малая толика прибыли, чтобы однажды быть изъята для погашения трудностей размером в два потерянных корабля и небольшую экологическую катастрофу. Так что, если бы в трюмах был только официальный груз, все на этом и закончилось бы.

Если бы не шесть тонн груза деловых партнеров в бронированных

огневодостойких кейсах, спрятанных под обшивкой баржи, которые смяло ударом танкера, а последующим взрывом разнесло ко всем чертям – для начала по воздуху, а затем смыло водой и основательно перемешало с нефтью.

Виктор Александрович любил точные цифры, но в данном случае мог только догадываться о стоимости груза – ни его характера, ни его предназначения он не знал и никогда им не интересовался. Все-таки он благородных кровей, и лучше не пачкать герб излишне опасной информацией. Почти от любого обвинения можно уйти, прикрывшись титулом и правильно оформленными документами, но со своей совестью приходилось искать общий язык, чтобы не потерять честь, а вместе с ней и солидную толику зависящей от нее Силы. Поэтому все годы взаимовыгодного сотрудничества лучше было ничего не знать.

Единственное, на что имело смысл опереться при расчетах, – так это на заоблачную плату за тайный транзит, аккуратно и без задержки доставляемый в спортивных сумках на один из дальних складов. И если с этими цифрами провести стандартные расчеты, умножить на коэффициент риска, приблизительно представить ожидаемую прибыль... выходило дорого. Очень дорого – даже для бюджета целого благородного рода.

Разумеется, Зубов не считал потерянный груз своей проблемой. Вопрос в том, считали ли так же его деловые партнеры.

Простолюдины, добиваясь богатства и собирая под свою руку солдат, частенько начинают считать себя ровней благородным. Это заблуждение легко проходит в битве, когда Сила, заключенная в древней крови, планомерно отнимает жизни врага огнем или водой, землей или воздухом. Она доводит до суеверного ужаса, до паники и бегства...

Но дело в том, что у простолюдинов, добившихся богатства и собравших под свою руку солдат, очень быстро появляются благородные хозяева. Игнорировать требования такого уровня уже не получается. Отчего-то Виктор не сомневался как в наличии хозяев, так и в том, что претензии обязательно последуют – ни один благородный род не упустит возможности получить положенное с должника.

В таком деликатном деле никто не пойдет в суд, не станет выслушивать историю о коротком замыкании в одном из перекачивающих насосов, опрашивать обескураженных капитанов, технический персонал или читать спасенный корабельный журнал. Экспертные заключения с десятком штампов столичных лабораторий останутся невостребованными. Все ограничится личной беседой, роли в которой расписаны, а ответы на любые доводы известны заранее.

У вас короткое замыкание? Вы плохо следили за кораблем, это ваша вина. У вас нештатная ситуация? Вы отвечаете за нанятый персонал. Вы подозреваете диверсию? В ваши обязанности входила защита груза.

В самом деле, зачем ворошить бумаги, если сильный уже знает выгодное ему решение? Слабому же остается выбирать между смирением и безнадёжной схваткой.

Какую роль – сильного или слабого – доведется ему примерить?

Впервые Зубов пожалел, что его род так и не вошел ни в один клан, выбрав вместо стабильности и защиты независимость и возможность вести дела с кем угодно. Метаться в поисках господина поздно – никто не любит, когда на его порог приходят с проблемами. Его, разумеется, возьмут, но заберут в клановую казну едва ли не больше того, что могут потребовать хозяева груза.

Как бы пригодился сейчас живой виновник, способный говорить и каяться! Чтобы не глупая техногенная катастрофа была всему виной, а человек! И очень хорошо бы – из числа старых врагов его деловых партнеров, чтобы вместе с его головой отсечь все претензии в его, Зубова, адрес! А может, все-таки найдется?

– Сережа, данные с камер достали?

Референт звучно откашлялся и пошелестел страницами блокнота.

– Виктор Александрович, записи со всех камер близлежащих зданий собирают представители княжеской охраны. Они обещают поделиться.

– Когда? – встрепенулся тот.

– После того как порт будет очищен от нефти и наших кораблей, – с капелькой вины в голосе доложили ему.

– А на наших кораблях не было камер? – раздраженно гаркнул Зубов.

– Были, Виктор Александрович.

– И где они?

– Так это... Половина утонула, половина сгорела, – растерянно сглотнув, вымолвил референт.

– Возьми наличные и обойди все магазинчики, все банки, все заведения в этом районе, где есть камеры, – прикрыв глаза, распорядился босс. – Затем с помощниками выстроишь картину всех перемещений каждого человека в часовом интервале от момента происшествия. Бегом!

Почему им надо рассказывать, как делать их работу?! Или он слишком нервничает? Зубов оправил рукой белоснежную рубашку в районе сердца и на минуту оставил там ладонь, высчитывая пульс. Стандартные семьдесят ударов, тело не боится.

– Виктор Александрович, к вам приехал сын, – тактично подождав,

когда господин тряхнет руками после долгой неподвижности, сообщил подошедший слуга, поворачивая голову в сторону двух черных седанов возле заграждения, час назад выставленного у въезда в порт.

Зубов невольно улыбнулся, но тут же собрался и зорко осмотрел пространство вокруг. Порт окружали три круга людей, и если первый – из числа его слуг и работников, выгребавших черную муть с берега – его устраивал полностью, а третий был достаточно далеко, чтобы его разглядеть, то второй круг с портовыми рабочими, временно оставшимися без дела, не совсем соответствовал тому, что можно показывать восьмикласснику.

– Разогнать зевак, подмести асфальт. Затем вежи, – повернулся он обратно к воде.

Зубов не был тут хозяином, но и тех, кто мог ему об этом напомнить, тут тоже не было.

Позади раздавались окрики разозленной охраны, сгонявшей недовольных и резких характером мужиков к ограждению. Зашуршали несколько метел, сметая в сторону пластик бутылок и окурки.

Грязь этого мира, видимая и скрытая – не для его сына. С возрастом ему придется столкнуться с разными сторонами жизни, не все открытия будут добрыми. Тем ценнее детство, беззаботное и счастливое, организовать которое вполне под силу его отцу. Втайне даже от себя Зубов-старший искренне надеялся, что жизнь его первенца пройдет в офисе, а не в забегах по всей стране, что налаженное дело освободит от необходимости влезать в темные дела. Хватит, отец всю жизнь карабкался вверх, пытаясь обеспечить себе герб и замшелые бумаги с привилегиями, на которые все плевали, капиталами и боевой силой – достаточной, чтобы его вновь начали звать на рауты как равного, а дарованное прадедам право беспопытной торговли было узаконено. Пусть сын просто живет, без потрясений и войн, без голода и крови, преумножая величие рода из кресла своего кабинета. Но для этого предстояло еще немало потрудиться.

– Привет, – буркнул сын, скрывая за угрюмостью волнение.

Виктор Александрович улыбнулся, рассматривая свою будущую копию – такого же основательного на вид и непростого характером парня. Правда, еще умеющего смущаться и испытывать чувство вины – за полоску пластыря на носу, к которой невольно потянулся, за проигранную драку, после которой эта полоска появилась.

– Подрастили тебя сегодня, а? – подмигнул он сыну и получил несмелую улыбку в ответ. – Голова не болит? Не кружится?

– Нормально, – дернул тот плечом. – Адам Георгиевич смотрел.

– За что воевал? – любопытствовал отец, с удовольствием взъерошив сыну волосы.

– Да там, – отклонился в сторону Пашка, освобождая голову из-под отцовской руки и неохотно отвечая куда-то в сторону. – Погорячился.

– Павел Викторович! – построжел Зубов-старший.

– Новенький у нас в класс пришел. Ходит, смотрит на всех свысока, – забубнил под ноги сын. – Как будто мы ему слуги, а он император.

– А имя у твоего новенького есть?

– Максим, – скривился Пашка. – Самойлов Максим.

– Из семьи Самойловых, – продолжая благостно улыбаться, кивнул Зубов. – Что мы знаем про эту семью?

– Н-но... – поднял вверх удивленные глаза парень. – Но у них же Федор!

– А теперь еще и Максим, – одарив отпрыска легким подзатыльником для улучшения памяти, уточнил отец. – Приемный сын, о чем было написано в новостном циркуляре месяц назад.

Павел замер и, вместо того чтобы погладить место удара, задумчиво почесал голову.

– Циркуляры пишутся, чтобы их вдумчиво и очень внимательно читали, – наставительно добавил Зубов-старший. – А не использовали вместо подставки под кружку.

– Все равно бездарь, – тихо буркнул сын, но был услышан и награжден еще одним подзатыльником. – А что он!!! – искренне возмутился Пашка.

– Не он, а ты, – вздохнув, положил старший руку отпрыску на плечо. – Надо быть умнее, сын. Какая разница, есть ли у него дар? Я тебе больше скажу: у его семьи его тоже толком нет.

– Нет? – Паша недоверчиво вздернул голову, чтобы посмотреть отцу в глаза.

– Их Сила в вещах, которые они делают, – поведал он первенцу. – И нам с тобой важно, чтобы эти предметы... ну, продолжишь?

– Они не использовали против нас? – предположил сын.

– Не продали нашим врагам с хорошей скидкой, – качнул старший головой. – А то и подарили бесплатно... Не надо с ними ссориться, сын.

– Я с ним дружить не буду! – упрямо насупился Пашка, коснувшись пластыря.

– Ты опять меня не слушаешь, – недовольно поджал губы Зубов-старший. – Не хочешь – не дружи.

– А как тогда? – растерялся тот.

– Достаточно уважения с его стороны, опаски или небольшой толики

страха. Пусть сам держит дистанцию.

– Этот вообще бояться не умеет, – буркнул Пашка.

– Он просто еще не видел, чего должен бояться, – подмигнул отец. – Вот представь, был бы ты ростом как дядя Борис из охраны и с такими же мышцами – стал бы он с тобой драться?

– Нет, наверное.

– А почему?

– Ну, дядя Боря сильный. Он его одним ударом в землю вобьет!

– Он увидел бы мышцы, увидел бы силу и ощутил страх, – одними губами улыбнулся Зубов. – Даже связываться не стал бы, верно?

– Но я ведь не дядя Боря...

– Ты сильнее, – потрепал он сына по волосам. – У тебя есть дар. Только этот парень не знает. Он видит обычного мальчишку без горы мышц, поэтому не боится.

– Но дар нельзя применять в обычной драке! – возмутился Паша, вспомнив крепко-накрепко, в том числе ремнем, вбитые уроки.

– Тебе не нужно его применять, – терпеливо пояснил отец. – Когда человек видит такого, как дядя Боря, его воображение мигом рисует, как такая махина сносит его с ног. Заметь – он даже не знает, умеет ли противник драться! Так и тебе не нужно его калечить. Просто зажги огонь в руке, и разум твоего соперника уже будет чувствовать боль от ожогов.

– И он станет бояться! – расцвел сын.

– Уважать, – поправил старший. – Так маскируют страх сильные люди. Этого достаточно, больше он к тебе не сунется. Может, сам начнет набиваться в друзья.

– Вот еще!

Виктор Александрович тяжело вздохнул, но упрашивать сына не стал. А ведь было бы неплохо иметь таких союзников.

– Весь мир держится на страхе и уважении, – продолжил он урок, выпрямляясь и закладывая руки за спину. – Наша задача поддерживать их. Во-первых, не лезть в те драки, где мы можем проиграть. Понял, о чем я говорю?

– Не драться на кулаках, – чуть поникнув, кивнул Паша.

– Вот именно. Иногда достаточно слов, чтобы противник проиграл в глазах окружающих. Не матерных, – тут же уточнил отец. – Не надо опускаться до уровня простолюдинов, пусть они сами покажут свою культуру окружающим и заработают их презрение.

– Я понял.

– Хотелось бы надеяться... Во-вторых, надо постоянно напоминать о

своей Силе! Для начала – однокласснику, потом этому городу, а потом и всему миру! Чтобы все знали, что с Зубовыми лучше не связываться!

С куражом, рожденным восхищенным взглядом сына, Виктор выплеснул в сторону воды дикую смесь из воли и Силы. Это не его работа, есть люди, которые выполняют ее быстрее и качественнее, но урок должен быть подкреплен ярким впечатлением – достаточным, чтобы запомниться на всю жизнь.

Черная поверхность залива пошла ощутимыми волнами, закручиваясь против часовой стрелки – первые минуты медленно, но с каждой секундой все быстрее... она будто бы поднималась в самом центре над водой!

Рядом восхищенно раскрыл рот сын, вцепившись в перила обзорной площадки. Зубов отметил это довольной улыбкой – как и то, что вокруг не оказалось ни одного равнодушного к происходящему. Только охрана дисциплинированно отвернулась от взбесившейся воды, бдительно наблюдая за публикой, – будет им премия.

В небо над портом вытягивалось монструозное черное веретено, сотканное из нефти, собранной волей одного человека с десятка тысяч квадратных метров. Шипела падающая вода, гудел воздух под напором чужой воли, радостно вопил сын, не слыша себя за всеобщим грохотом.

– Подожди его! – наклонившись к уху сына, прокричал Зубов.

– А? – не сразу понял Пашка.

– Поднеси огонь!

– Далеко! – кивнул было сын, но потом мотнул головой, оценив свои силы.

– Я верю в тебя! – хлопнул его по плечу отец, на пределе воли продолжая удерживать заклинание.

– Хорошо, – не подкачал наследник и, упрямо закусив нижнюю губу, зажег над ладонью крохотный огнешар.

«Нормально, – с отцовской гордостью отметил Зубов. – Понимает, что хватит и искры, а так меньше Силы и лучше контроль».

Огненная точка стремительно унеслась к стонущему в небесах веретену, почти сразу же исчезнув из вида – и только по сосредоточенному лицу Пашки было понятно, что огонек еще жив и продолжает движение к цели по прямой.

Момент завершения пути крохотного огонька увидели все в городе – как полыхнул самый край, как огонь узкой лентой достиг вершины, скользнул кольцом вниз и будто бы взорвал огромный факел целиком.

Виктор до крови прикусил щеку, пытаясь помочь огню сына, нагнетая волну за волной воздух, стараясь удержать всю конструкцию целиком.

Свои силы он изрядно переоценил, но какой позор для чести, если все рухнет сейчас в воду! Ради славы рода, ради сына, ради чести тянул он из себя Силу волна за волной, одержимый желанием удержать волшебство в узде, и это ему пока удавалось. А через минуту, когда огонь основательно подъел часть массы, растворив ее чадным дымом по небу, пришло приятное осознание, что все у него получилось. За следующие десять минут нефть вместе с тем самым неудобным грузом обратилась облаком пепла и жирной пленкой, осевшей на воде и берегу. Мелочи, слуги подчистят.

– Вот так вот, сын, – ответил он улыбкой на взгляд, полный обожания. – Пусть город помнит, что такое «стихийный мастер».

– И боится! – с восторгом подхватил Пашка.

– Господин, – объявился откуда-то референт, пришибленно глянул на босса и протянул ему белоснежный конверт с золотым вензелем. – Секретариат князя.

Настроение ухудшилось, Зубов разорвал печать и, скривившись, вчитался в цифры очередного штрафа за ущерб, нанесенный экологии.

– Но бояться не все, – вздохнул он, комкая бумагу в руке.

– А кто не боится? – полюбопытствовал сын.

– Те, кого надо бы бояться нам. Но мы не будем, верно?

– Да!

– Мы будем их уважать и стараться держаться подальше...

Отец и сын медленно побрели в сторону стоянки. Большая, как у медведя, рука придерживала Пашку за плечи, чем тот с удовольствием пользовался, позволяя себя вести и прикрыв глаза так, что видел только узкую полосу асфальта под ногами. В голове царило ощущение приятной пустоты, сменившей яркие эмоции восторга и гордости.

Тем неожиданней оказался резкий крик и сильный толчок в спину, буквально швырнувший наследника на асфальт. Тренированное тело привычно погасило удар приближающейся земли, разум откинул боль в ладонях как досадную помеху и с кристальной четкостью начал вбирать в себя картины окружающего мира, доступные с невеликой высоты. Мир в пяти метрах вокруг искажала тонкая пленка сотворенной защиты, образуя купол с вершиной в метре над головой отца. А за щитом, вроде как ничего не изменилось – не ревело рукотворное пламя, не гремели выстрелы, только сине-фиолетовые круги, плывшие по охранному барьеру, придавали порту тревожный вид – все-таки высший цвет энергонасыщения...

Пашка решил было прижаться к асфальту ухом, чтобы лучше прислушаться, но тут же охнул от резкого головокружения и соленого привкуса во рту. Ударило в грудь и больно обожгло прямо напротив

нагрудного кармана. Перекатившись на спину, он резким движением отшвырнул раскаленный предмет, выдернув его из рубашки вместе с карманом. И с удивлением опознал в дымящем золотистом пластике сотовый телефон – весь вздутый, с полураскрытой крышкой, отчаянно чадающий неприятным запахом пластмассы. Откатившись в сторону и охнув от очередного приступа головокружения, парень остановился у самой пленки барьера, тяжело дыша и с испугом переводя взгляд от сгоревшего телефона к линии складских зданий и обратно. И только через постыдные десять секунд догадался поставить собственный защитный барьер вокруг тела, виновато глянув в спину отца – глупо думать, что он этого не заметит.

Странное противостояние длилось не больше пяти минут – да и боролся ли кто-то с той стороны? Завершилось все тем, что Пашкин отец одним движением развеял щит, довольно потянулся на месте и обернулся к сыну, сияя улыбкой.

– А у меня телефон сожгло, – невпопад буркнул Пашка.

– Все сожгло, – удовлетворенно добавил отец. – Все телефоны, камеры, регистраторы. Всю технику в округе. И это очень, очень хорошо! – с воодушевлением завершил он.

– Почему? – искренне удивился сын.

– Потому что это значит, что виновник наших бед есть. – Наставительно произнес Зубов-старший. – Осталось его только найти.

Глава 3

Неслышно провернулся ствол, высвобождая последний виток резьбы. Оружие аккуратно, без единого звука, легло на стол, коснувшись полированной гранью мягкой поверхности расстеленной бумаги, освободило пальцы для внимательного и вдумчивого выбора патрона. Идентичные на вид, из одной партии и одного материала, они были совершенно разными по ощущениям – только один из пяти показался достойным выстрела. Остальные аккуратно сложил обратно – найдут себе цель попроще. Сегодня нет права на промах, ведь не будет шанса сделать вторую попытку.

Патрон занял надлежащее ему положение. Чуть прищуренный взгляд легко отыскал затылок цели. Совместить линию прицеливания. Глубокий вздох, тело расслабленно. Выдох. Резкий крик.

– Ай!

– Ян, последнее предупреждение!

– Марья Степановна, это не я! – полный негодования голос плеснул по классу.

– Еще раз повернешься – два за экзамен.

– Это Максим плюется бумажными шариками!

– Что-о? – возмущенно оскорбился я, одновременно воссоединяя ствол шариковой ручки с колпачком.

– Это ты сделал! – взбеленился Ян, доставая из пышной гривы волос скомканный в плотный комок патрон из листка бумаги и демонстрируя его классу.

– Я писал изложение по жизни и творчеству Антона Павловича Чехова! – дрожащим от негодования голосом поведал классу и экспрессивно махнул рукой.

– А это тогда что такое?!

– Тебе виднее, это твои волосы.

– Да ты-ы... Да я тебя-я! – зарычал Ян, дернулся ко мне и неловко зацепил соседку локтем.

– Дуэль?

– Д-да!!! – поднявшись из-за парты, выплюнул он.

– Ну и отлично, – улыбнулся я ему и виновато поклонился его очаровательной соседке по парте. Та смущенно фыркнула и отвернулась.

А мне соседки не досталось, увы. Да и парта – последняя, хоть

центральный ряд. Зато все затылки недоброжелателей как на ладони.

– Ян, выйди из класса! – Холод учительского голоса моментально сковал эмоции ученика до арктической безнадежности и тоски. Даже меня легонько зацепило.

– Ну Ма-арь Степа-ановна-а...

– Тетрадь оставь, сколько успел, столько и оценю.

За поверженным противником тоскливо скрипнула дверь. Улыбка сама выползла на лицо, но я вовремя прикрыл ее рукой, изобразив глубокую задумчивость и заинтересованность судьбой писателя.

– Максим, тетрадь на проверку.

– Да, Марья Степановна, – подхватив тетрадь, через мгновение бережно положил ее перед глазами преподавателя.

– Хм, – через массивную оправу на меня глянули умные карие глаза. – Один в один с учебником?

– Хорошая память, – чуть виновато развел я руками.

– А знаки препинания где потерял? – улыбнулась ледяная леди уголками губ.

– Я предпочитаю ставить их в самом конце, – доверительно поделился с учительницей. – Для интриги.

– Какой еще интриги?

– Всегда есть шанс, что я поставлю их правильно, – вздохнул и отвел взгляд.

– Иди, ставь, – протянула она мне рабочую тетрадь. – Интриган.

Вот только последнее слово было сказано совсем с другим смыслом. Но вроде обошлось.

Сел на свое место и привычно оглядел класс, тут же наткнулся на внимательный взгляд Пашки Зубова. Что-то он целый день на меня сегодня смотрит, но сам не подходит. А когда я решил подойти замириться – угрем выскользнул в коридор, да так ловко, что не догнать. Явно задумал недоброе.

Хрипло запели динамики в коридоре, объявляя перемену. Странная тут школа – вместо резкого звонка целая песня, да еще перед каждым уроком разная. Зато не перепутать, какой по счету. Вот и сейчас вполне понятно – пятый и вроде как последний на сегодня завершен.

– Тетради на угол стола!

Последний раз с тоской взглянул на расставленные запятые, отложил свой труд в сторонку. Надеюсь, мне повезет сегодня... Если не с изложением, так хотя бы удастся поймать Пашку и поговорить. Вот он, кстати, пытается успеть записать какую-то мысль, пока учительница

медленно вытягивает тетрадь из-под его ручки. Сложив все вещи в кейс (а у меня есть кейс!), приготовился к захвату будущего друга.

– Можете идти. Максим, задержись.

Все поникло внутри, когда увидел, как Пашка быстро сложил свои вещи в портфель (пф!) и вылетел из класса, напоследок глянув в мою сторону. Но ничего, от моей дружбы еще никто не уходил.

– Да, Марья Степановна? – убрав хищный оскал с лица, мило улыбнулся преподавателю.

– Камеры, – изящный палец с острым ноготком указал на завитушки в гардинах и портреты научных деятелей, развешенные по стенам. – Монитор, – пальчик указал на плоскость стола.

– Здорово, – согласился, потыкав пальцем в иконки экрана. – А вам тут, кстати, сообщение от Котика.

– Руки! Так вот, Максим, я прекрасно видела, что ты делал на последней парте. Эта запись также есть в архиве школы. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Можно получить копию? – Мои глаза загорелись.

Все-таки навесом стрелял, через две головы и целый ряд! Федор точно оценит.

– Чтобы такого на моих уроках больше не было, – прикрыв глаза, вздохнула учительница.

– Хорошо, – покаянно качнув головой, я отвел взгляд.

Быстрее бы разговор закончился, пока шансы догнать Пашку совсем не исчезли. Проще соглашаться.

– И перед Яном извинись. Никаких драк!

– Давайте вы мне просто двойку поставите? Можно две, – поскуцневшим голосом произнес я и отвернулся к окну.

Темные тучи, лениво собиравшиеся с самого утра, разразились-таки ливнем, размывавшим вид из окна потоками воды. Вот только Пашку это не задержит – его встречают на машине. Так что я снова опоздал с разговором. Может, обойтись без него? А есть ли шанс подружиться без участия второго человека? Хм...

– Максим, ты меня слушаешь? Ты ведь намеренно его спровоцировал.

– Ставьте три двойки, – пожал я плечами.

– Ладно, пусть родители с тобой разбираются, – обреченно вздохнула Марья Степановна, прервав затянувшуюся паузу. – Давай дневник. – Рука требовательно потянулась в мою сторону.

– Вот, – положил я на стол одну из двух имеющихся у меня в кейсе абсолютно одинаковых книжиц с императорской короной на обложке.

Опыт небольшого бизнеса научил, что лучше иметь несколько отчетных документов, чтобы не портить настроение проверяющим.

– Пусть твой папа напишет мне ответ на этой же странице, – произнесла Марья Степановна, продолжая украшать красивым почерком разлинованный лист.

Провал. Хотя в поле для оценок не отыскалось ни одной двойки.

– Оценки за поведение ставить нельзя, – прокомментировала она мой удивленный и благодарный взгляд. – Но мое мнение о тебе изменится в лучшую сторону, если драки не состоится.

Серьезный аргумент. Тем более что Ян и без того достаточно напуган, так как знает, за что его будут бить. Да и отцу мало радости, если его снова вызовут в школу.

– Я подумаю над этим, – со всей ответственностью уверил ее, забирая дневник.

Вредно менять свое мнение на ходу, без серьезного и вдумчивого торга. Иначе ценить его совсем перестанут.

– Хотелось бы верить, – задумчиво произнесла мне в спину учительница, когда я медленно и солидно удалялся из класса.

Впрочем, солидности той хватило ровно до закрытия двери, после чего последовал стремительный рывок на первый этаж, к парадному входу. Я все еще мог успеть за Пашкой!

Только и возле входа его тоже не оказалось – ни возле самой двери, ни около расписания, и даже в раздевалке не висела знакомая черная куртка.

– О, Максим, – окликнули меня с правой стороны обширного холла.

Рядом с массивными шкафами, за толстыми стеклами которых томились узниками шоколадные батончики и чипсы (когда-нибудь я освобожу их всех!), деловито управлялся с кофейным аппаратом Руслан Артемьевич – тот самый, с помощью которого нам удалось устроиться в эту школу. Хотя, как называется его должность, я так и не узнал – в расписании фамилии не было, а те учителя, которых я спрашивал, отчего-то добавляли перед его именем слово «господин» и кратко обозначали его положение: «В руководстве».

– А я тебя как раз жду, – протянул он мне пластиковый стаканчик, наполненный чем-то горячим и волнующе шоколадным. – Угощайся.

– Спасибо, – с благодарностью отозвался я, прислушиваясь к горячей волне блаженства, устремившейся к желудку.

– Найдется пять минут на беседу?

– Да, – кивнул я. В самом деле, теперь спешить особо некуда.

– Тогда пойдем ко мне в кабинет, – улыбнулся Руслан и шагнул к

лестнице.

Обернувшись напоследок, так и замер, глядя в открытую кем-то входную дверь. Там, во дворе, глядя в мою сторону, стоял Пашка, укрытый от дождя черным зонтом, удерживаемым в руке охранника.

– Максим? – поторопили меня.

– Эх. – Я с тоской глянул на дверь, затем на горячее лакомство в своих руках и все таки зашагал вверх – иначе неудобно как-то. Ладно, завтра поговорим.

– Присаживайся, – гостеприимно махнул Руслан Артемьевич рукой на кресло напротив небольшого стола в крошечном кабинете на самом последнем этаже здания. Кроме стола, двух кресел и стальных жалюзи, окрашенных в белый цвет, в комнате ничего не было – ни шкафа с бумагами, ни компьютера, ни других признаков того, что тут кто-то работает. Разве что отсутствие пыли подсказывало, что этим местом пользуются. – Как тебе в школе?

– Брату и сестрам нравится, – уклончиво сообщил я.

– Отлично, – воодушевленно улыбнулся Руслан. – Ведь главное семья, верно? Ради нее можно потерпеть мелкие неудобства.

– Да, – с настороженностью подтвердил я, одновременно обдумывая, в какую сторону пойдет разговор.

Руслан Артемьевич не был плохим человеком, хоть поначалу, два месяца назад, отказал нам, не пустив за ограду. Не стал он хорошим после того, как заинтересовался моим даром и распахнул двери школы для меня и брата с сестрами. Обычный человек с собственными интересами, ради которых готов улыбаться и поить шоколадом. А я достаточно вежлив, чтобы улыбаться в ответ. Но интересы у меня – свои, и они подороже горячего лакомства.

– Для нас вот тоже самое главное – семья, – сменив открытую улыбку на чуть грустную, произнес он. – Большая, огромная семья размером в целое княжество.

– Разве бывают такие? – усомнился я в ответ.

– Сам посмотри, – тронул он жалюзи, указывая на город.

– Но там живут совсем разные люди.

– Семья – это забота, защита, взаимопомощь, любовь и память о предках, – наставительно качнул Руслан Артемьевич пальцем. – Даже если люди не знакомы друг с другом, это не делает их чужими. Разные фамилии, цвет кожи, внешность – это все пустяк, если внутри человека есть понимание слова «родина».

– Но там, за окном, много плохих людей...

– Это гости, – прикрыл мужчина глаза и качнул головой, словно соглашаясь. – Плохие или хорошие – пока они соблюдают правила, им даровано наше гостеприимство. Мы не очень им рады, но пускаем в наши города, позволяем жить и работать. Придет горе, гости соберут вещи и уедут, а семья останется защищать свой дом. В этом отличие.

– Мы будем хорошими гостями, – вежливо улыбнулся я.

– А я думаю, что вы уже в семье, – поделился своим мнением Руслан и тут же выставил ладони вперед. – Это ни к чему вас не обязывает. У нас есть кому защитить слабых и позаботиться о лечении больных. Город полон памятников и не даст забыть о славном прошлом. Но, по моему мнению, если на школу нападут, ты станешь на ее защиту, – подмигнув, добавил он.

– Есть такой план, – подтвердил я его мысли. – Увидите хищного робота-убийцу – сразу вызывайте.

– Договорились, – хохотнул мужчина и тут же добавил без единой эмоции: – Только вот что делать, если вместо робота грянет ракетный залп?

– А тут все застраховано?

– Разумеется, – подтвердил Руслан. – Кроме жизни учеников жизни Федора и твоих сестер.

– Но ведь этого не случится? – сжав пальцами край стола, тихо уточнил я.

– Мы постараемся, – со всей серьезностью пообещал он. – Приложим все силы, как делаем это всю свою жизнь. Но вдруг мы ошибемся? Вдруг между школой, Федором и ракетами останешься только ты?

– Это будет любопытно, – сухо ответил, зажигая в ладони искру собственной Силы.

Я умел защитить себя, умел защитить пространство рядом с собой, но будет ли этого опыта достаточно, чтобы закрыть целый корпус? Отчего-то угроза Руслана совсем не казалась страшилкой или выдумкой. Он говорил о возможной беде так, как рассуждают о буйном соседе, уже не единожды пробовавшем входную дверь на прочность.

– Если бы ты умел пользоваться своей Силой в полной мере, – кивнул он на мою руку, – смог бы защитить всех. А то и направить ракету туда, откуда она поднялась.

Наверное, я должен был сейчас зажечься и, соглашаясь на все условия, попросить научить меня.

– Было бы здорово, – спокойно подтвердил я, ожидая продолжения и приготовившись торговаться. Потому что если вам что-то предлагают задаром, обычно это очень дорого обходится. А принимать предложение все равно придется. Потому что любопытно.

Руслан чуть улыбнулся и наклонил голову, с интересом меня разглядывая.

– Но если бы мы знали об атаке заранее, ни одна ракета не поднялась бы в воздух, – с куда большим интересом продолжил он после минуты гляделок. – Мы можем научить и тому, и другому. Мы – не только школа, мы – род и клан Шуйских, – с мрачной торжественностью завершил Руслан.

– Не бесплатно.

– Что ты, денег абсолютно не нужно!

– А вот мне – очень пригодились бы. – Я по-доброму улыбнулся и выставил вперед сцепленные в замок руки. – Учеба потребует от меня времени и усилий, верно?

– Да, – недоуменно поднял он бровь.

– Мое время очень дорого, – с обеспокоенностью добавил, чуть наклонившись вперед. – Я мог бы потратить его на бизнес.

– Да какой там бизнес, – с легким раздражением махнул он в ответ рукой. – Газетки раздавать?

– Давайте сойдемся на том, что потраченное мною время будет стоить столько же, сколько я зарабатывал раньше?

– Стипендию хочешь? – прищурился он. – Хм, на мороженое...

– Именно на него, – поддакнул я.

– Предложение принимается.

Мха-ха, мха-ха-а! МХАХАХА!

– Максим? – с легким недоумением окликнул меня Руслан.

– Ладони разогревал, – перестал я потирать руки и звучно откашлялся. – К тому же все это нанесет вред моей основной учебе. Я не хочу быть двоечником!

– С этим решим, – отмахнулся собеседник. – Школа полностью под нашей рукой.

Уф, прямо от сердца отлегло.

– Но не вздумай специально игнорировать учебу! – строгим голосом отреагировал он на мою довольную улыбку. – Лично буду контролировать.

Предложение о полной отмене посещения уроков так и замерло на губах, оставшись невысказанным. Эх.

– Тогда девочку, – решительно высказал я свое последнее условие.

– Девочку? – нахмутив брови, уточнил Руслан Артемьевич.

– Симпатичную и умную, – поспешил уточнить я. – А то мне не выдали.

– Где не выдали? – Он недоуменно поднял брови.

– Так в классе, – терпеливо пояснил я. – У всех есть, у меня нет. Несправедливо!

– А, соседку по парте, – ощутило расслабившись, выдохнул Руслан. – Так, значит, больше девочек нет, – пожал он плечами.

– Это не решение! – Я категорически хлопнул ладонью по столу.

– Соседок не выдают, – улыбнулся собеседник. – Они – такие же ученики, как и все. Если кто-то захочет подсесть к тебе самостоятельно, тогда пожалуйста. Но силой этот вопрос не решить.

– Хм, – задумался я на мгновение. – Ладно, сам найду.

– Девочка должна быть из твоего класса! – отчего-то запаниковал Руслан. – И сидеть с тобой должна добровольно!

– Хорошо, – покладисто заверил его.

Тем более что уже знал, у кого ее можно забрать. Интересно, как у нее с запятыми?

– Тогда взамен прошу простить мне то, что я сделал, но о чем вы еще не знаете. – Смутившись, я отвернулся к окну.

– О как, интересная просьба, – с любопытством почесал он подбородок. – Мы где-то опять не досчитаемся двери?

– Нет.

– Так-так. – Руслан оглядел меня с улыбкой. – Что-то разбил, признавайся?

– Мм, нет.

– Испортил?

– Можно и так сказать, – протянул с неохотой.

– Ладно, давай начинать сотрудничество с чистого листа. – Руслан Артемьевич протянул мне ладонь для рукопожатия. – Договор?

– Договор.

Уф, а наставник волновался! Все будет хорошо с этими кораблями.

– Начинаем занятия с завтрашнего дня, предупреди домашних.

Вниз я спускался в приподнятом настроении, даже напевал что-то под нос, пока одевался в легкую куртку. Глянул ради интереса в окно, чтобы оценить силу дождя, и ощутил, как волна удовлетворенности сегодняшним днем захлестывает выше головы. Потому что на лавочке в школьном дворе, под широким зонтом над самой головой, продолжал чего-то терпеливо дожидаться Пашка. Рядом переминались два охранника, один из которых держал зонт над подопечным, а второй раскрыл абсолютно такой же над собой и коллегой, но даже несмотря на это все основательно промокли, так как струи то и дело залетали под зонт из-за порывов ветра.

«Замерз, наверное, – пожалел я Пашку и тут же посмотрел в сторону

кофейного автомата. – А вот и возможность помириться!»

Именно с такими мыслями я оплатил самую большую кружку горячего кофе, прикрыл голову и стакан кейсом и с улыбкой шагнул во двор.

– Привет! – дружелюбно поздоровался я, приближаясь к однокласснику.

Только тот смотрел совсем недобро и даже поджал губы, когда между нами осталась всего пара шагов.

– Смотри сюда! – грозно крикнул Пашка, поднимая руку ладонью вверх и зажигая над ней ярко-алый шар огня.

Я не успел восхититься, потому что коварный огонь мигом поджег поверхность зонтика. Натянута ткань тут же вспыхнула, в секунду разлетевшись на огненные лоскуты, один из которых упал прямо на волосы Пашке.

– Ох! – испугался я за него и перевернул стакан жидкости прямо на очаг возгорания.

На меня смотрели два крайне ошеломленных, испуганных, наполненных недоумением и болью глаза. Крик пришел двумя секундами позже.

– А-а-а! – летело над двором от бегущего к калитке парня.

– Паша, давай дружить, – робко вторил ему я.

– Н-не подходи! – донеслось из-за забора.

– Молодой человек, мы не оставим это просто так, – пригрозил мне охранник и поспешил за подопечным.

– Да я помочь хотел, – пожал плечами, глядя на второго, более спокойного охранника.

– Я видел, – тяжело вздохнул он, стряхивая пламя с остатков зонта. – Только господин все равно будет в ярости.

И тихонько побрел к нетерпеливо бибикнувшей машине.

Не, так дело не пойдет, – решил я. В присутствии Пашки подружиться с ним точно не получится. Значит, обойдемся в этом деле без него. Я решительно повернул обратно к школе.

План, витавший на самой границе сознания, с каждым шагом обретал цвет и глубину.

Две сотни килограмм веса поднимались над грудью, замирали под внимательным приглядом двух дюжих подстраховщиков и вновь опускались вниз, повторяя цикл раз за разом без рывков и дрожи в руках. Казалось, что человек вовсе не чувствует чудовищного груза, с равнодушием каменного голема исполняя подход за неполную минуту.

Олег Степанович Кочетов выглядел для подобного сравнения весьма подходяще – массивный, в плечах полтора метра, рост – полноценных два, с рельефными мышцами, будто высеченными из камня, он казался античной скульптурой... А возможно, и был ею – украденной с постамента вандалами, разрисованной черно-синими чернилами татуировок и забытой на самом дне этого мира. Возможно, разгневанный монумент ожил и, идя через кровь и смерть, начал обратный путь на постамент величия. Быть может, за десятилетия тяжелого труда Кочетову удалось приблизиться к заветной цели вплотную... Но краски татуировок уже слишком сильно впитались в судьбу – такое не стереть, не вернуть душе былую чистоту, достойную созерцания миллионов. Единственное, на что он мог рассчитывать, вернувшись туда, откуда его похитили, – оказаться в запасниках, в плотном полотне, укрывающем от чужого взгляда, да еще на сожаление зрителей о потере отличного экспоната – легкое, без сильных эмоций, с привкусом досады, но не более. Потому что его постамент уже занял другой.

Сам Олег Степанович о своем прошлом не вспоминал. Если бы камень мог думать, он мог бы взять фамилию Кочетов и считаться родственником – уровень переживаний, сомнений и уверенности у них соответствовал бы, как у братьев-близнецов. Из человеческого в Олеге остались острый ум и чувство прекрасного. Собственно, ради второго он и использовал ум, окружая себя шедеврами природы, техники и живописи, зачастую игнорируя ценники, прежних хозяев и закон. Отсутствие других присущих человеку эмоций вроде страха и жалости позволяло расширять коллекцию с завидной регулярностью. Впрочем, деньги оставались самым главным инструментом – простым, эффективным, а в последние годы и весьма доступным. Дела у него шли очень хорошо. До сегодняшнего дня.

Кочетов поставил штангу на опору стойки, без особой спешки поднялся и прошагал через общий зал комплекса к душевым, игнорируя восхищенные взгляды посетителей-новичков, пришедших сюда за такими же мускулами. Большинство из них через пару месяцев достигнет генетического потолка и начнет хитрить, закидываясь химией в виде таблеток. Те, кого не устроит и этот результат, перейдут на инъекции – дорогостоящие, вредные, требующие постоянного повторения и очень эффективные. В итоге кто-то получит тело с рельефными мышцами и силу, красивое отражение в зеркале и свою порцию обожания в глазах новичков. Ну а Кочетов получит их деньги – поскольку препараты продаст его клуб, под улыбку и настоятельные рекомендации тренера.

Только это так – мелочь, легальное прикрытие совсем другой химии.

Есть вещи гораздо более желанные, чем физическая сила, – Сила магическая, недоступная большинству по такому несправедливому и бесчестному праву рождения. Однако всего одна таблетка, и потусторонняя мощь разливается по телу, даруя чувство неуязвимости, избранности, причастности к узкому кругу одаренных. Впрочем, химия не дает мастерства и знаний, так что ничего, кроме очень живучего мяса, из неодаренного не выйдет. Вот если дозу примет тот, кто родился с искоркой дара... Как минимум рост на один ранг гарантирован, а при постоянном применении – даже на два ранга, вплоть до заоблачного титула «мастер» со всей его чудовищной Силой. А Сила в нашем мире легко конвертируется в деньги – за сильным и свободным одаренным моментально выстроится очередь из нанимателей, жадных до статуса телохранителя или желающих приобрести пугало для врагов.

Единственная беда – о потомстве можно забыть, но тех, кто уже настроился жить в роскоши, это мало волнует. Куда больше их страшит схватка с настоящим одаренным равного ранга. Еще более неприятным может оказаться профессиональный интерес аристократа к внезапным успехам. Потому что оба этих события гарантируют «химику» смерть – в первом случае его убьет мастерство, во втором – гнев и ярость благородного рода. Но шанс всего этого настолько незначителен, что...

Разумеется, такая химия строго запрещена. Разумеется, на нее все равно есть спрос. А значит, она страшно дорога и приносит огромную прибыль – достаточную, чтобы Кочетов регулярно выкупал экспонаты Sotheby's для своей коллекции.

Сегодня днем груз с полугодовым запасом химии пошел ко дну. Перевозчик развел руками и посоветовал покупать страховку.

«Досадно», – подумал человек-камень, замерев в душевой под холодными струями контрастного душа.

Еще более досадно, что химия уже была распределена по постоянным покупателям, за нее получены деньги, а цех не сможет выдать новую партию раньше чем через три месяца.

С точки зрения постороннего не случилось ничего фатального – ведь деньги можно вернуть обратно, внимание властей к грузу не привлечено, канал перевозки не вскрыт, а клиенты никуда не денутся. Все верно, за исключением последнего пункта. Клиенты не примут деньги назад. Клиентов не интересуют причины случившегося и чужие сложности. Они захотят получить свою Силу – в синеватых таблетках, в капсулах без надписей. И действовать будут, думая мускулами и рангом. Они поведут себя так не потому, что тупые или недалекие, – ими будет двигать страх,

лишающий разума. Ведь пропуск дозы – гарантированное падение вниз. Целая толпа разъяренных пока еще «ветеранов», «учителей» и «мастеров».

Значит, придется сократить срок производства до месяца. Такое возможно – достаточно подпитать узкие места техпроцесса деньгами, избыточно дублируя высокотехнологичное оборудование. Дорогие и запрещенные реактивы, запас которых также пополняется с солидными интервалами, тоже реально раздобыть и протащить через таможню, оплатив золотом по весу. «Варщики» не откажутся от трудового подвига, если поманить пухлой пачкой резаной бумаги... Все решаемо.

Остается один вопрос – кто за все это будет платить? За потерянную партию товара, за оборудование, за накладные расходы, за реагенты, за работу, за недостачу прибыли, наконец? Олег Степанович обратился с этим вопросом к своим покровителям.

Там, за зеркальными окнами офиса-башни крупной газовой компании, его уверили, что он не зря все это время платил двадцать процентов от дохода. На этом разговор через электронный терминал с невидимым собеседником завершился, и управляющий вежливо вывел его из кабинета. Быть может, действительно не зря. Но смутное ощущение бессмысленности встречи не покидало его с того самого мига.

Постояв под душем еще пару минут, Кочетов решил дать покровителям неделю. А дальше он решит свою проблему сам, как делал все эти годы. Раз перевозчик взял груз, но не отдал его в конце маршрута, то отвечать ему. Олег Степанович знал, как убедить партнера в правильности данной мысли – достаточно выбрать хороший аргумент. И самым лучшим аргументом в этом случае будет единственный наследник Зубова, в целом виде или, если его отец упрется, по частям. Аристократа Зубова Кочетов не боялся – драгоценная химия производилась еще и для двух десятков его собственных бойцов.

Из здания Кочетов выходил с готовым решением. Привычно подхватив за талии шагнувших к нему прекрасных девушек – шедевры природы, одетые в шедевры модельеров и ювелиров, – он загрузился в шедевр немецкого автопрома и отдал приказ водителю-профессионалу двигаться в особняк, признанный шедевром архитектуры средних веков. Как уже говорилось, Кочетов любил совершенство. Увы, его собственные планы не всегда могли этому соответствовать.

Глава 4

Звенели в ушах слова сочинения, рисуя картину золотой осени, самого ее цвета с еще не облетевшей листвой, теплыми деньками и синим небом над головой. Во всяком случае, вид на школьном дворе полностью соответствовал описанию. Разве что крупное тело одноклассника, пытающегося укрыться среди веток высокого дуба, не особо вписывалось в общую картину. Но это дело временное – большая перемена скоро кончится.

– Ян.

Крона тревожно ворохнулась, скрывая испуганный взгляд. Ветки закрипели, рассказывая о новой попытке забраться повыше, а лента сорвавшихся на землю желто-красных листьев указала маршрут нового восхождения, уже третьего за десять минут.

– Ян, – выждав еще пару минут, с любопытством произнес я.

Сверху что-то жутко захрустело, а верхушка дерева опасно наклонилась, подчиняясь потенциальной энергии (физика, второй урок) и отчаянным усилиям молодого примата (биология, первый урок).

– Ян, – оценив дистанцию до условной вершины, озвучил я и скептически почесал подбородок.

– Хорошо, я сдаюсь! – раздался с небес панический голос.

– Тогда слезай, – покладисто улыбнулся я.

– Н-не могу, – задрожал голос из ветвей.

– Ян, – укоризненно произнес я.

– Хорошо-хорошо!

Дуб хорошенько потрянуло несколько раз, воздух вокруг заполнился медленно падающим облаком листвы, из которого хмуро вышагнул одноклассник, на ходу вычесывая из гривы волос мелкие ветки и паутину.

– Твой портфель, – миролюбиво указал я на подобранный мною в процессе погони и пристроенный неподалеку ранец.

– Спасибо, – выдал он после короткой паузы, настороженно поглядывая исподлобья.

– Обсудим условия перемирия, – повел рукой, предлагая пройти по школьной аллее.

Ян молча подхватил портфель и зашагал рядом.

– Шесть плиток шоколада, волейбольный мяч. – Я проследил за выражением лица, в общем-то одноклассник не имел ничего против, и

добавил: – Пересядешь на другое место.

– Это еще зачем?

– Зато я не буду сидеть у тебя за спиной, – развел я руками.

– Но это ведь ты!.. – вскинулся он.

– Ян, но до этого ведь не я? – Уголки моих губ приподнялись в ироничной улыбке.

– Ладно, – вздохнул парень, скидывая с плеча несколько прилипших листьев.

– На этом недопонимание между нами, я думаю, исчерпано. Даже дуэль не потребуется, как считаешь?

– Ага! То есть, думаю, мир, – несмело улыбнулся он.

– Вот и отлично, – подвел я черту, слегка отступая назад.

– О, Руслан Артемьевич идет, – произнес Ян, заметив то же самое, что заметил я. – Явно не в духе и ищет кого-то.

На самом деле сложно не заметить плохое настроение, когда от человека за сотню метров шибает яростью, а кулаки то и дело покрываются всполохами огня. Но в отличие от Яна я, кажется, знал, кого он ищет. Во всяком случае, резко захотелось кушать, а это примета меня еще никогда не подводила!

– Ну я побежал, – хлопнул одноклассника по плечу, развернулся и понесся в сторону знакомого дуба. Он, между прочим, отлично себя зарекомендовал, и потому совершенно незачем искать альтернативу.

– Сюда! – крикнул за спиной знакомый голос.

Предатель! Теперь одним мячом не отделаешься.

– Максим, – хмуро произнес с земли Руслан.

– Да-да? – перегнулся я через толстую ветку.

– Ты почему не на уроке?

– Я на него как раз иду, – заверил его, продолжая карабкаться вверх.

– То есть как идешь? – с легким недоумением спросил он снизу.

– По оси игрек я почти на месте.

– Чего?

– Это геометрия, там поймут.

– Максим, если ты не спустишься, я поднимусь за тобой!

– Отлично, вместе придем на геометрию, – буркнул я себе под нос, цепляясь за новую ветку.

– Хорошо, давай договоримся, – с подозрительной покладистостью произнес он.

– Кхм? – наклонился я вниз.

– Ты спустишься, мы спокойно поговорим, как взрослые люди.

– Хм.

– И я не буду поджигать дерево!

– А вы умеете убеждать, – вздохнул я, спускаясь без малейшей охоты.

– Итак, что ты натворил? – спросил он, пока я отряхивался от налипшей листвы.

– Уточните хотя бы день! – возмутился в ответ.

– Вчера вечером.

– Да в общем-то ничего особенного. – Но на всякий случай отодвинулся.

– Тогда почему от меня требуют срочно найти тебя живым или мертвым?!

– Уточните – кто? – заинтересовался я.

– Директор!!!

– Нет, ну вариантов много в самом деле... – Я с солидным видом задумался. – А он сам ничего не говорил?

– Он был под капельницей.

– Хм. Кстати, есть отличный новый директор, очень рекомендую. Хотите, познакомлю?

– Максим... Так, стоп. Молчи, просто иди вместе со мной. Вот, руку мою возьми.

– А почему она холодная? Там ведь огонь был?

– Так у всех происходит, – буркнул он и быстрым шагом направился к корпусам.

– Ну не знаю, у меня не так, – продемонстрировал я и призвал Силу.

– Максим! – взвыл резко дрогнувший Руслан. – Еще немного, и я вспомню про второй вариант: «Живым или мертвым».

– Все-все, я просто немного нервничаю.

До здания добрались прискорбно быстро, даже не успел толком привести себя в приличный вид, разве что лицо приняло выражение печали пополам с абсолютной невиновностью. Не помогло.

– Это он! – ткнули в меня пальцем, стоило открыться двери.

Какая бестактность, а еще кабинет директора! Кстати, вчера мне казалось, что кабинет гораздо больше, но это, наверное, потому, что сейчас в нем было восемь человек, хмуро смотревших прямо в душу.

– Людмила Семеновна, это точно он? – спросил у секретаря мужчина в строгом костюме, примостившийся на уголке стола.

Сидячих мест в комнате было откровенно мало – за столом директора сидел он сам, почему-то откинувшись в массивном кресле и потирая левую часть груди через наполовину расстегнутую рубашку. С местом секретаря

тоже все было привычно, а еще трех стульев для посетителей не хватало, оттого остальные оккупировали подоконник и стол.

– Да, – шмыгнула носом женщина.

– Стоп! – с отчетливой болью непонимания прозвучало над головой. – Вы можете толком объяснить, что произошло?

– Вчера после уроков этот молодой человек зашел в секретариат, – заговорил сосед секретаря.

– Он казался таким приличным мальчиком!

– И попросил воспользоваться электронной почтой.

– Шоколадку подарил...

– Людмила Семеновна, успокойтесь, – вмешался Руслан. – Дальше!

– А дальше разослал всем вот это! – грозно потряхнув листком бумаги, учитель протянул его в нашу сторону.

На моем левом плече сильно сжались пальцы.

– По первому списку разослал!

– О-ох, – тоскливо донеслось со стороны директорского кресла.

– По первому списку? – вкрадчиво повторил Руслан.

На правое плечо легла его вторая рука.

– Д-а, – дрогнул голос учителя.

– А почему наша система пропустила такую рассылку во внешнюю сеть? – мягко задал Руслан вопрос.

– Это ведь... – Учитель запустил пальцы под воротник и парой резких движений выбил из петли верхнюю пуговицу. – В общем...

– Очень интересно, – подбодрил его Руслан.

– На компьютере почему-то осталась... электронная цифровая подпись... к-княжеская.

В наступившей тишине можно было услышать, как хрустит ткань моего костюма в руках Руслана. Сам-то я уже благоразумно вывернулся и тихонечко сползал вниз.

– То есть все письма ушли за подписью его сиятельства?

– А-ах, – простонал директор, скрипнув колесиками кресла и тактически верно откатился подальше.

– И что же было в этом письме? – с обманчивой мягкостью, будто врач, заманивающий на прививку, спросил Руслан прямо в ухо, а плечи вновь попали в жесткий захват.

– Т-там был вызов всех школ, – вместо меня ответил учитель, – на соревнование за титул лучшей школы в империи.

– Я все объясню, – откашлявшись и вновь заползая обратно в пиджак, заявил я солидно.

– Очень, очень интересно, – поддакнул Руслан.
– Соревнования проведу сам, приз тоже с меня, – решительно обозначил я всю меру своей ответственности.

– О-ох...
– Выиграю тоже сам. Ну, вместе с Пашкой. Мне для дела надо.
– Максим, – с тихой яростью произнес Руслан Артемьевич, отпустив мои плечи и отступив на шаг назад.

И было в этом слове нечто такое, из-за чего лица всех, смотревших в мою сторону, вытянулись и отчетливо посерели. Странно, что мое имя пугает взрослых людей. В кабинете вновь повисла тоскливая тишина, которая вот-вот должна была разразиться громом некоего решения – и ждали его отчего-то вовсе не от директора, а от Руслана.

Но в момент, когда слово должно было прозвучать, в идеальном беззвучии отбойным молотком прогудел сигнал телефона. Станный телефон – бежевый, без номерного диска и клавиш, он занимал место на маленьком столике за спиной директора. И эта странность была настолько притягательна, что все взрослые оставались неподвижными, будто были загипнотизированы, пока гудели все семь резких гудков, – ровно до того момента, как я поднял трубку. Кто-то же должен был это сделать!

– Аллоу? Директора? – повернулся я к директорскому креслу.
– А-ахх...
– Он не может. Он при смерти. Меня Максим Михайлович зовут, – ответил я на приветствие очень солидного, неспешного и уверенного мужского баса на том конце провода. – Очень приятно. Совершенно с вами согласен. Непременно. Немедленно, – соглашался я на совершенно логичные фразы. – Взаимно. До свидания.

Я положил трубку, с уважением глядя на бежевый аппарат, будто бы на недавнего собеседника, потом поправил бабочку и развернулся к остальным.

На меня смотрели восемь пар ошарашенных глаз. Даже директор ожил ради такого дела.

– Меня назначили новым директором и призвали решительно разобраться с творящимся тут бардаком! – рубанул я ладонью воздух. – И первым своим приказом я требую немедленно ввести в меню пюре и котлеты. Доколе!..

– Максим, – как-то совсем ошарашенно произнес Руслан Артемьевич.
У остальных лица отчего-то были не лучше. Хм.
– ...и на двадцать процентов поднять заработную плату персоналу!
Вот, лица уже обрели осмысленность и некоторую задумчивость.

– Нет, это категорически... – встал с места учитель географии.
– На тридцать. Первый урок можно проспать.
– А может и... – собрался он было кивнуть головой, но наткнулся на взгляд Руслана и проглотил окончание фразы.

– Это все недоразумение, – вымученно произнес Руслан. – Все свободны, соберемся завтра в десять часов. Максим, останься.

– Разумеется, это же мое рабочее место. – Я обернулся на тело, сидящее в моем кресле, и наткнулся на колючий взгляд своего предшественника. Н-да, как-то неловко вышло, надо бы сгладить. – Хотите шоколадку?

Судя по скрюченным пальцам, тянущимся к моей шее, – не очень. Тут еще и Руслан подошел опасно близко.

– Ну я, пожалуй, пойду... – перепрыгнув через стол, подхватил свой кейс и скрылся в двери, устремившись туда, где меня точно не будут искать – на урок геометрии.

– Самойлов, опаздываешь, – попеняла мне учительница, когда я с солидной неспешностью, подходящей для новой должности, шел к своему месту.

По пути остановился возле парты Яна и внимательно посмотрел на него, дождался, когда на лице возникнет паника, похлопал по плечу, молча призывая к действию, и стал ждать продолжения на задней парте. Ян обернулся, наткнулся на мой утвердительный кивок, резко выпрямился и все-таки потянул руку вверх.

– Да, Ян? – поинтересовалась учитель.

– Разрешите пересесть на другое место.

– Чем тебе это не нравится?

– Пожалуйста, – растерялся он и принялся подыскивать уважительную причину. – Я тут отвлекаюсь.

– Ну пересядь, – недоуменно пожалла учительница плечами.

Ян подхватил учебник, портфель и проковылял за последнюю парту в первом ряду.

– Разрешите сесть поближе, – тут же поднял я руку.

– Хорошо, – выдохнула она, недоуменно глядя на наши действия.

– Максим, очень приятно, – пожал я соседке руку и с удовольствием оценил удобство близости к доске, согретое место и приятный, хоть и еле ощущаемый, аромат духов, исходящий от девочки.

Совсем другое дело!

– Татьяна, – благосклонно улыбнулись мне.

– А можно Таня тоже отсядет ко мне? – возмутился Ян с последней

парты.

– Я тут не отвлекаюсь, – гордо вздернула Таня подбородок.

– Класс, тишина. Страница двадцать три, шестое задание. Делаем в рабочих тетрадях, к доске пойдет Зубов, – ткнула учительница ручкой в журнал.

– А Паши нет сегодня, – ответила его соседка.

– Тогда пойдет... – И перст судьбы вновь запорхал над фамилиями.

Много их там, и все разные. У нас раньше Ивановых было три штуки на группу, а тут у всех затейливые, я некоторые раньше и не слышал.

– Таня, не расскажешь мне о классе? Как кого зовут, где кто сидит? – шепнул я соседке и с деланным смущением улыбнулся. – Я так и не познакомился со всеми. С меня шоколадка.

Отдам одну из тех, что мне должен Ян. Но для начала на отраву проверю – что-то он слишком возмущенно сопит, аж отсюда слышно.

– Легко! За первой партой Миша Дивеев, древесина и мебель. Рядом Аня Акчурина, она «р» не выговаривает. За ними Петр Бабичев, электроника, вместе с Олей Ижеевой, у нее скобы на зубах. Потом Артем Садовников, грузоперевозки, и Юлия Антонова, у нее ноги кривые. И Ян Микадзе, импорт вина, раньше со мной сидел, – потупила Таня глазки. – А я спортом занимаюсь.

– Вторая парта! – одернула нас учительница.

– Да, вторая парта! – возмущенно поддержал Ян. – Рассадить их надо, Вера Леопольдовна!

– Ян, к доске.

Тот с печальным стоном мученика потопал к доске. А вообще – неплохой сегодня день.

– А вы чем занимаетесь? – шепотом спросила Татьяна.

– Завоеываю мир.

– И как, получается? – со смешком подначила она.

В этот момент дверь распахнулась, и в ней показалась слегка растрепанная голова Руслана. Момент – и обескураженный вид сменился торжественным, стоило ему разглядеть меня посередине ряда.

– Постоянно мешают, – грустно вздохнул, собирая вещи в кейс.

– Вера Леопольдовна, можно Максима забрать?

– Разумеется, – с улыбкой отправили меня на верную гибель.

Хотя по коридору мы шли спокойно и двигались вовсе не в глухую подворотню или подвал, завершили путь в знакомом кабинете с одним столом, двумя стульями и единственным окном, за стальными жалюзи которого город укрывался от наших бед.

– У нас проблема, – сделал он акцент на втором слове, с кислым видом глядя на меня. – И даже несколько.

– Да понял, что идея была неудачная, – понурил я голову.

Я действительно чувствовал, что все вышло за пределы неплохой в общем-то затеи – организовать соревнование и выиграть его вместе с Пашкой. Я не видел в этом никакой сложности и действительно готов был все взвалить на себя, даже призовой фонд в сорок тысяч рублей имелся. Но, видимо, что-то пошло сильно не так, и, если честно, пока не разобрался, где именно.

– Идея, – хмыкнул Руслан. – Отправить вызов лучшим клановым школам и лицам империи?

– Зачем соревноваться со слабаками? – пожал я плечами.

– Ох-хо-хо, – схватился он за голову. – Ладно бы инициатива школы, а тут вызов от самого князя... Словно насмешка, сомнение в их силах. Максим, школы «первого списка» на голову лучше нашей, мы в списке номер два, если тебе интересно.

– Это потому что у вас меня не было.

Руслан Артемьевич поднял ироничный взгляд.

– Соревнования никогда не ограничиваются забегами, прыжками и прочим. Обязательны танцы, творчество, противостояние опасностям природы.

– Чего? – недоверчиво переспросил, придвигаясь чуть ближе.

– А ты думал, – хмыкнул он. – Со следующей недели начнем отбор представителей. Его сиятельство велел сделать вид, что все так и задумано.

– Какой еще отбор? – возмутился я.

– А вот так. Ты, к счастью, регламент не расписал, так что мы подсустились со вторым письмом. Проведем небольшое, скромное мероприятие, по одной команде от школы.

– Значит, записывайте команду – я, Паша.

– Сами записывайтесь, соревнования открытые, – отмахнулся он. – Нас будут представлять лучшие.

– Именем директора!

– Нет, этот приказ еще старый директор подписал. Здесь нет твоей власти. И вообще, ты не директор, так что вот, подпиши. – Он с деланой невозмутимостью достал листочек с заявлением об увольнении и ручку. – Формальности, – махнул рукой.

– Нет, не хочу, – отодвинул я листок.

– Пожалуйста, – отчего-то засмутился Руслан и придвинул лист снова.

– Но я ведь не директор? – Бумага вновь скользнула к нему.

– Разумеется. Но дело в том, что тебя случайно назначил его сиятельство и... – отвел взгляд Руслан. – В общем, князь не любит отказываться от своих слов. Поэтому очень тебя прошу – подпиши, – просительно завершил он.

– Да я и директором себя неплохо ощущаю, – сложил я руки на животе.

– А я тебя прикрою от князя с этими соревнованиями!

– Скажете, что само так получилось? – грустно улыбнулся я. – Нет.

– Я могу тебя и уволить, – добавил он строгих нот в голос.

– Так почему не уволили? – развел я руками.

– Ладно, – проскрипел Руслан сквозь зубы. – Я не могу тебя уволить, потому что тебя назначил князь. Поэтому, пожалуйста, подпиши.

– Но я войду в отряд от нашей школы вместе с Пашкой?

– Нет.

– Тогда предложите мне что-нибудь взамен, – предложил щедро, взял ручку и изобразил подпись над листком.

– Я постараюсь помочь тебе пройти отбор. Обучая! – добавил Руслан.

– Так, а еще? – поднес я ручку к листу, обозначив первую линию.

– Одноклассницу в соседки, – совсем обескураженно развел Руслан руками.

– Хм. – Это ж в два раза больше запятых! Я на минуту задумался, прикидывая, как посадить вторую – слева от себя или обеих вместе. – Ладно.

– Точно? – воодушевился он.

– Светлану.

Удивительной красоты девушка, встретилась мне в первый день, еще на летних каникулах, когда я только думал идти сюда учиться. Больше я ее не видел – ни на следующий день, ни после первого сентября. И это действительно печалило – даже сильнее, чем разлука с Лайкой и котом Машком.

– Что? – недоуменно поднял взгляд Руслан.

– Светлана еще работает на вас?

– Да, – осторожно качнул он головой. – Только она уехала на следующий же день после знакомства с тобой, откомандировалась в дальний филиал.

– Вот.

– Но ей двадцать два, она вряд ли будет рада вернуться в восьмой класс...

– Так я подписываю или нет?

– Мм, – после некоторой паузы вымолвил Руслан. – Ты ведь понимаешь, что это должно быть и ее решение тоже?

– А вот, кстати, какая зарплата у директора?

– Но думаю, я смогу ее убедить, – вымученно улыбнулся он.

Лихой вензель украсил документ, после чего бумага была мигмом притянута на другой край стола, будто бы я мог передумать.

– И еще мне нужна парта на три человека, – остановившись на пороге, спохватился я.

– Да, конечно, – не расслышав, автоматически произнес Руслан, с удивлением разглядывая подпись, очень похожую на слово «Император».

Глава 5

Люди дела бережно относятся ко времени, окружают себя циферблатами и часовыми стрелками, опекой секретарей и звуками электронных уведомлений. К бережливости с опытом примешивается изрядная доля суеверия – даже самый пунктуальный управленец отчетливо понимает, что все равно наступит момент, когда течение реальности взбрыкнет и проглотит половину часа, заставив черкать записи в ежедневнике и перекраивать планы. Сколько ни гипнотизируй секундную стрелку взглядом, день будет идти так, как ему удобно – такие одинаковые секунды могут пролетать под ритм заполошного сердцебиения опаздывающего человека, а могут растягиваться нервными минутами ожидания.

Время для князя Шуйского летело соразмерно оборотам колес его лимузина, под завывание сирен раскручивало длинную стрелку до ста двадцати километров в час, игнорируя красный цвет светофоров. Благо улицы в рабочее время были пустынные, и две автомашины, схожие как две капли воды, неслись к аэропорту без единой остановки, заставляя редких прохожих с любопытством провожать себя взглядами. У невольных зрителей имелось на это время – коварно-текущие мгновения отпусков, легкомысленные дни школьников и студентов, застывшие сутки пенсионеров.

У князя же оставалось только то, что получается, если разделить расстояние на среднюю скорость движения, да и не в секундах это лучше мерить, а в делах, которые можно попытаться решить. Например, выработать позицию по совершенно неожиданному вопросу, из-за которого его и пригласили в столицу. Видимо, время очень благоволило другим князьям, раз они за половину дня успели обсудить нелепый вызов-приглашение на детские соревнования, выработать общую позицию, собраться вместе и вызвать устроителя на дружескую встречу. Неприятная оперативность, неприятное единодушие и неприятная ситуация в целом. Кстати, о ней.

– Руслан, возьми бумаги, – с солидной неспешностью произнес князь, передавая из стопки бумаг, размещенных на коленках симпатичной секретарши, красную папку.

Салон лимузина не отличался особым простором – пространство для пассажиров ограничивалось широким диваном, на котором удобно

разместилось трое: сам князь в центре, его секретарь по левую руку и племянник, сын младшего брата, немного скованно примостившийся у двери справа. Все остальное пространство съедали толстые стены изолированной капсулы, которая была предназначена для того, чтобы выдержать залп солидного калибра. Где-то там, за стенами, разместились оборудование для фильтрации воздуха, оружейные системы, аппаратура связи и ее глушения и еще много всего интересного (и довольно габаритного), без чего крайне неосмотрительно посещать Москву. За это и любят лимузины – не за роскошь, а за возможность впихнуть внутрь побольше всякого и не выглядеть при этом танком.

– Отправишься к Самойловым.

– Я как раз хотел поговорить, – чуть воспрянул Руслан, принял папку из княжеских рук и, не глядя, положил ее возле двери.

– Первый лист выучи, – проигнорировал предложение князь, отвернувшись в другую сторону. – Там очень красивый и убедительный текст, изложишь его Мише Самойлову наедине.

– Но...

– От себя ничего не добавляй, слова подобраны очень удачно.

– Ваше сиятельство...

– Думаю, Миша будет счастлив, что отделался так легко.

– Ваше сиятельство!

– Жизнь детей ценнее денег и свободы.

– Дядь Жень...

– Что? – повернулся к нему князь, сохраняя равнодушие на лице.

– Я прошу... не для себя прошу. Прости их, – с жаром обратился к нему Руслан.

– В своем ли ты рассудке? – приподнял бровь Евгений Александрович Шуйский, князь и владелец окрестных земель и всех городов на сотню километров вокруг.

– Так будет лучше для клана, – твердо произнес племянник.

– Для клана будет лучше, если у него появится уникальный слуга, – не согласился князь.

– Ради чего? Артефакты? Но он и так делает их для нас!

– За плату, – поджал губы Евгений Александрович и растолковал, как маленькому: – А будет – бесплатно, всегда и только нам. Разница понятна?

– Выгода действительно кажется очевидной, – заторопился Руслан, краем глаза отметив столбик километража на трассе – до аэропорта оставалось немного. – Но только на первый взгляд!

– Слушаю. – Князь изобразил слабую заинтересованность.

– Подневольные мастера никогда не стараются работать в полную силу.

– У нас есть чем надавить.

– Я не говорю про сроки, – дернул рукой Руслан. – Не говорю про качество! Я уверен, Михаил всегда будет делать все идеально! Но шедевров от него мы не дождемся никогда! Да, мы не сэкономим деньги, но разве мы бедны? Что нам эти бумажки?!

– Ты их сначала заработай, – проворчал князь в ответ.

– Дядя, он все равно потратит их у нас! Если ему будет тут хорошо, он никогда не уедет, а значит, деньги, которые мы возьмем для оплаты в нашем банке, он положит обратно в наш банк, изредка будет забирать, чтобы купить что-нибудь у нас же. Да это же то же самое, что работать бесплатно, дядя! Так зачем его ломать...

– Да затем, что за самозванчество в мое время рубили голову! – гаркнул князь, заставив вздрогнуть задремавшую было секретаршу. – Подделка подписи – это не то, за что можно прощать. И не говори мне про возраст чада. Все повинны в делах своих, а за отрока повинен отец!

– Ваше сиятельство, в произошедшем есть и моя вина, – похолодел голос Руслана, он нарочито выпрямился и посмотрел прямо перед собой.

– Не сиятельствуй мне тут! Есть на тебе вина, да. Полгода эта флешка у всех на виду болталась! Полгода! А если бы ее украли? А если бы с ее помощью подписали что-то пострашнее вызова на соревнования? Объявили войну, например?! А?! – взъярился князь.

Скверная ситуация. Не все решения в школе мог принимать директор – был рядом со школой целый комплекс, маскирующийся под заводскую территорию. И работали там совершенно иные педагоги, для которых не существовало другого имени под документом, кроме княжеского, – именно ему они клялись в верности и только он мог им приказывать. Но владелец земель также не мог тратить свое время на пустяки, у него хватало вопросов гораздо более серьезных. Поэтому в качестве альтернативы в школьном сейфе появилась электронная подпись – ее было вполне достаточно для контроля над излишне гордыми, чванливыми, но слишком ценными специалистами. И если бы ее в один прекрасный момент попросту не забыли, оставив подсоединенной к тыльной стороне системного блока на целые летние каникулы – ведь она просто была не нужна, ее никто не искал...

– Так, может, хорошо, что... – осторожно озвучил Руслан.

– Очень хорошо! – рубанул рукой князь. – Будет у нас теперь свой артефактор.

– Средний артефактор...

– У других и такого нет.

– ...дети которого станут нас ненавидеть. Нам это нужно? – упрямо сказал Руслан Артемьевич, глядя старшему родичу в глаза. – Нам нужно, чтобы отец разочаровался в сыне? А дети – в брате? Нам нужно, чтобы Федор Самойлов, движимый злостью на нас, ушел в другой род? Зачем нам делать из друзей слуг?

– Они нам не друзья! И вряд ли ими станут! Все, молчи. Хорошо, – протер князь ладонью глаза и мельком глянул на часы. – Что ты предлагаешь? Простить?

– Простить, полностью, – категорически произнес Руслан. – Объяснить все последствия поступка, но простить.

– Ерунда, – фыркнул князь. – Зачем?

– Затем, что я взял Максима на обучение, – твердо продолжил Руслан. – Когда он вырастет...

– Будет еще один «учитель». Который может пойти своей дорогой, и все твои усилия уйдут вместе с ним, – перебил князь, завидев въезд в аэропорт и поправляя одежду.

– Когда он вырастет, у нас будет еще один «учитель», – повторил Руслан за старшим. – Увешанный от головы до пят артефактами производства своего отца и брата. Бесплатными, как ты любишь.

– Ну ты хватанул... – замер на секунду князь.

– Он их родич, – надавил голосом Руслан. – Они никогда не дадут ему умереть. Но он приемный, и ему будет позволено самому решать свою судьбу. В том числе выбирать, с кем дружить.

– Вот именно, что приемный! Чужая кровь! Я вообще полагаю, что от него откажутся, услышав наши требования.

– У ребенка сегодня на руке было кольцо Хрофта. Чужим такого не дадут.

– А мне он его отказался делать, – невольно присвистнул князь, припомнив переговоры месячной давности и предложенную мастеру сумму.

– Что еще он откажется делать нашему роду, но сделает ради сына? – чуть улыбнулся Руслан. – Я только одно забыл сказать – у парня ранг будет чуть выше «учителя». Совсем немного, – показал он пальцами крохотное расстояние. – Может быть, нам все же нужен такой друг? Или ты предпочтешь озлобленного сына слуги?

Машина остановилась, но князь, глубоко задумавшись, не торопился с завершением беседы.

– Допустим... – буркнул он, разглядывая взлетную полосу. – Ты точно сможешь сделать так, чтобы он вошел в наш род?

– Для этого нужна признательность, а не уговоры. Для начала, за прощение...

– Я задал вопрос.

– Ваше сиятельство, я приложу к этому все усилия. Ваше сиятельство, есть кое-что, что может мне в этом сильно помочь.

– Ну? – приподнял князь бровь.

– Светлана. Она может помочь в обучении и удержать от новых... хм... шалостей.

– У нее другой профиль, – отмахнулся Евгений Александрович. – К тому же ее влияние вне учебы...

– Светлана отправится в восьмой класс, – словно в холодную воду, решительно бухнул Руслан.

Рядом закашлялась секретарша.

– Ты, часом, не болеешь? – слегка озадаченно произнес князь и даже приложил руку ко лбу племянника.

Тот увернулся и продолжил упрямо гнуть свою линию:

– Целители вернут молодость лицу, визажисты немного поиграют с прической, и получится вполне достоверно. Добавим легенду эмиграции в раннем возрасте, странности поведения станут незаметны. Для Светланы привычно менять внешность и биографию.

– Руслан, это профессиональный убийца, – как маленькому, медленно сказал старший. – Если тебе нужен человек рядом с парнем, давай выберем сверстника из младших семей...

– Ради награды она все выполнит в точности, – уперся Руслан. – Не найти исполнителя лучше.

– Нет такой награды, – ответил князь, еще раз глянув на часы.

– А если я попрошу вернуть ей ее жизнь и присягу? – не удержав легкой дрожи в голосе, произнес Руслан. – Навсегда, по исполнении задания.

– Светлана – слишком ценный ресурс.

– Светлана сходит с ума, – мотнул головой Руслан. – Дядя, тебе должны были доложить. Два последних объекта ликвидированы с ничем не обоснованной жестокостью.

– Мне, допустим, доложили, – пожевав губы, произнес князь. – Вопрос в том, откуда ты... Не важно.

– Она больше не нужна клану.

– Она уникальный специалист, – не согласился тот.

– Который неизвестно когда сорвется. Ее даже исключили из евгенической программы.

– Мы всегда найдем нашему верному слуге место...

– Ей не понравится это место. Она его возненавидит, как и свои задания. Потому что определишь его снова ты.

– Не читай мне мораль, – строго оборвал его князь. – Я действую во благо клана.

– Я – тоже. Поэтому... Дай ей свободу, твое сиятельство, она заслужила... Пожалуйста.

– Допустим... Насчет свободы я подумаю. Но я не вижу причин, по которым ее стоит отправлять за парту. Это опасно, и ты уже сказал почему.

– Это же школа! Дети, расслабление!

Князь скептически глянул на него.

– Она его боится, – словно не веря себе, сказал Руслан.

– Кого? – удивился князь.

– Максима. А Максим хочет, чтобы она сидела с ним, – отвернувшись и явно ожидая услышать отказ в ответ на такой бред, с оттенком обреченности произнес племянник. – Я... Я надеюсь, он сможет ее излечить. Вернуть в то состояние, когда она не была сиреной. Это ради нее тоже.

– Какой интересный молодой человек. Надо будет с ним пообщаться, – протянул старший через некоторое время.

– Ты уже общался, вчера, по телефону, – улыбнулся Руслан, воодушевившись тем, что отповеди не последовало. – Директором назначил.

– О как, – округлил глаза князь.

– Но он уже подписал увольнение, – замахал племянник рукой. – Так что все в порядке.

– Ничего не в порядке! – гаркнул для острастки Евгений Александрович. – Творят неведомо что, а сами листки на повышение заработной платы подсовывают!

– Это распоряжение нового директора.

– Какого еще директора?! Этого мелкого?! Да вы совсем рехнулись, все отменить! – От князя во все стороны шибануло плотной волной гнева и Силы, накапливаемой еще с раннего утра.

– И котлеты тоже? – уточнил Руслан, будучи в некотором нокдауне от выплеска.

Князь резко успокоился и встревоженно глянул на племянника, опасаясь за его рассудок. Действительно, слегка пережал с демонстрацией

недовольства – вон голова секретаря и вовсе безвольно откинулась на сиденье...

– Котлеты оставим, – добродушно, как полагается в таком случае, но все еще продолжая беспокоиться, произнес князь.

– А Светлана? – Смутившись из-за странного диалога, Руслан поспешил перевести тему.

– Если ты ее уговоришь. Если ты гарантируешь, что это даст результат. Племянник упрямо кивнул.

– Под твою ответственность, – принял решение князь, мысленно списывая с баланса сил боевую единицу...

Впрочем, эта потеря все равно считалась, увы, неизбежной. Пусть неминуемый срыв произойдет под контролем. А если срыв заберет мальчика... Князь не страдал всепрощением.

– А Самойловы?

– Аналогично. Теперь их полностью поведешь ты. Контакты, проблемы, нужды и требования – все на тебе. Взамен я ожидаю расширения ассортимента изделий, снижения цен и сроков...

– Дядя...

– Да делай, как знаешь, – с легким раздражением отмахнулся князь. – Но помни, что отвечать придется тоже тебе, – добавил он с легкой угрозой. – А теперь марш из машины.

– Спасибо! – признательно улыбнулся племянник, закрывая дверь.

А затем, будучи абсолютно счастливым, смотрел, как два лимузина вкатываются по трапу грузового самолета (потому что, как говорится, передвигаться по столице в чужой машине – дураков нет), потом не удержался и совершенно по-мальчишески подпрыгнул, пристукнул одним ботинком по второму и направился к другому самолету, стоящему поодаль, – личному, как и полагается управляющему солидного кланового подразделения. Потому что нельзя назвать несолидным место, где учиться – хоть и под чужим именем – наследник клана.

Князь был доволен не меньше – время оказалось достаточно милосердным, вся беседа уложилась в десяток стандартных минут, а значит, он не оскорбит ожидающих его столичных князей опозданием – не следовало давать повод для укоризненных взглядов и старческого ворчания.

Хотя всего этого в любом случае не избежать, как и намеков на пренебрежение, замаскированное под допустимую в старости фамильярность. Шуйские считались кланом второй величины, причем – шестую сотню лет, со времен отречения от государева ближнего круга и северной ссылки. Евгений Александрович находил бы это весьма

забавным, если бы данная история не мешала вести дела. Но увы – даже по прошествии половины тысячелетия те события обидно аукались и сказывались на имидже. Никого не интересовало богатство Шуйских, промышленность, успехи в науке и покровительство изящным искусствам – пожалуй, выложи Шуйские целую дорогу серебром, остальные князья только фыркнули бы, посетовали на чужое безвкусие, хоть и не адресовали эту фразу никому конкретному. Да даже построй они базу на Луне – все равно, кроме шуток о новом месте ссылки, он ничего не услышал бы. В общем, в те минуты, когда князь не находил данную ситуацию забавной, она его дико бесила. Например сейчас, когда его уже полчаса мурыжили в приемном зале малого великокняжеского дворца.

Личный домен третьего сына императора, как и остальных его родичей, был защищен от конфликтов именем царствующей фамилии, чем и пользовалась высшая аристократия, частенько устраивая на его землях встречи и рауты. Разумеется, как и за всякую услугу, за безопасность приходилось платить, хоть и не деньгами – всякий раз подобные сборы обзывали «конгрессами», «форумами» и иными модными словами, объясняя миру через телевидение и газеты, что собрались князья в очередной раз подумать, как сделать жизнь в империи лучше. Что характерно – приходилось думать и делать, давать интервью журналистам и внимательно следить за обещаниями. Иной раз подобные «улучшения» обходились весьма недешево, но что поделать – в другом месте крайне настороженных, подозрительных и агрессивных князей было не собрать.

Распоряжался во дворце лично хозяин земель – великий князь Сергей Дмитриевич. И, видимо, он тоже считал правильным намекнуть Шуйским на их место в обществе.

Хотя, если быть честным, князь не видел причин для такого отношения. Тогда, шесть сотен лет назад, его прапредок просто исполнял свой долг.

Жил да был царевич, коему по праву старшинства судьба уготовала править страной. Да вот со здоровьем беда случилась – хворым рос малыш, болезненным. С годами народ начал пошептывать, что не годится такой для правления, бояре водили хороводы, грустно качали головами да выписывали с чужбины могучих Целителей... Не помогало ничего – ни магия, ни молитва, ни лекарства. Потихоньку от царевича стали отходить самые родовитые, не мытьем так катаньем перебираясь служить второму царскому сыну. Чувствовали, что будет у страны новый государь.

Вот и охрану прежнему царевичу сменили, поставив во главе род Шуйских. Вроде как одарили почетной службой, а получалось, задвинули

конкурента, убрав подальше от будущего монарха. К охране предок подошел ответственно, перетряхнул все дворцовое крыло да своих людей на все места поставил. И вроде как царевичу даже полегче стало – аж радостно на душе. И очень подозрительно.

В столице с того дня отчего-то стали пропадать люди из бывших слуг наследника – разумеется, не сразу, скопом, а по одному-два в месяц, да, может, и не пропадали, а к родне уезжали... Во всяком случае, люди Шуйского, отправляя нового гостя в родовую пыточную, старались оформить все как отъезд и денег для того не жалели. Не следовало привлекать к этому внимание царской охраны – не доверял ей предок. И, как оказалось, правильно делал.

Как тут принцу не болеть, когда с детства кормят чистой отравой? Никакой дар не поможет. Вот и повадились отказывать внутренние органы, постоянной болью ломая тело и судьбу мальчишки. Регулярное питание цинком и ртутью, как оказалось, обеспечивали князя, весьма рассчитывающие посадить на трон сына от другой царицы жены. И задумали они это настолько давненько, и было их так много, что обличительные речи старшего Шуйского, высказанные им пред ликом государевым и Думой Боярской, попросту стали сигналом к дворцовому перевороту.

В те годы без всех этих телевидений и Интернета переворот был делом привычным, что на Руси, что в Европах или в восточных пределах. Народу доносили о результатах, скорбя по усопшему и радуясь новому мудрому государю. Был один Рюрикович – стал другой Рюрикович, даже грамоты переписывать не надо. Это сейчас скорости передвижения и получения информации запредельные – тронь императорскую семью, так вся страна поднимется, да еще свои же добавят, рассчитывая на государеву благодарность. Все эти договоры о дружбе, имперская аристократия, чванливо присягающая на верность государству, но не государю. Вот если исчезнет в один миг вся связь в мире... тогда в полной информационной темноте обнажат клинки те же душегубы, что и раньше.

В общем, выступил Шуйский-предок один супротив нехилой компании. Вернее, не совсем один – государя списывать со счетов тоже не следовало, как и его желание пожить подольше. Так и схлестнулись, перемежая стихийные атаки увещеваниями и гневными речами с требованием одуматься и покаяться. Князя начали подозрительно быстро умирать – не вышло убить предка сразу (тот ведь царевича сторожил и был при зачарованном доспехе), да еще государь осерчал... Да и не готовились князя к такому повороту событий, не подозревали о готовящемся

обвинении, а так бы и людей своих подвели поближе, и дрался бы за них кто-то помоложе да посильнее. Даже вроде как правда, и та начала гнуть кривду, одновременно сокращая число стен дворцового терема да основательно распахивая землю, да вскрывая каменные плиты подворья...

Да тут весть пришла трагическая, отчаянным воплем с безопасного расстояния – наследника, болезного, убили. И замерли все. Да еще, усмотрев общее замешательство, меж противоборствующими вклинился патриарх.

С одной стороны, появилась еще одна причина продолжить драку. А с другой – толку от таких шахмат, где король обезглавлен после второго хода, хоть и стоят на доске все остальные фигуры.

Шуйскому-старшему стало попросту не за что воевать, его ставка на чудесное излечение наследника и последующую благодарность оказалась бита. Разве что кипела внутри ненависть, готовая воплотиться в убийственном заклинании. К наследнику он основательно привязался, гибель его переживал так же сильно, как и смерть сыновей, которые должны были его охранять (а раз он мертв – то, значит, и они...). Но за спиной еще были семьи родичей, жены, дети малые, так что гнев следовало спрятать далеко-далеко. Потому предок терпеливо ожидал от государя жеста или слова.

Государю же не резон было сокращать боярство – так либо сам помрешь, завязнув в родовых войнах, либо чуть позже с чужбины придут хищники, порадовавшись ослаблению соседа.

Мятежники опять же сориентировались мигом, ткнув в трупы на полу и обвинив во всем. Да и вообще они на государя не смели нападать, а бодались исключительно с Шуйским, так неудачно (или коварно?!) сражавшимся возле царя. Мол, оскорбил он их своим обвинением, оттого возжелали его крови.

Тут и живой второй наследник влез, демонстрируя себя да одновременно по любимому брату скорбя и к миру в недобрый час призывая.

В общем, кровь завершилась чуть ли не всеобщим братанием, уверениями в дружбе, которые заговорщики тут же подтвердили жестокими строгими клятвами и целованием креста – очень жить князьям хотелось. Государь же ни слову не поверил. Да и, если быть честным, достигли князья своего – посадили на трон здорового и сильного наследника. Многие всем сердцем полагали – великое благо сделали...

Про отраву, как выяснилось, мало кто знал, а отравителей в первые секунды Шуйский прикончил лично. Заговор же вроде был во благо

родины, ради ее процветания, а не ради разделения на удельные княжества и житья своим умом. Зря, что ли, «виртуозов» варяжских в свое время звали на царствование да под одним началом собирались? Все ради выживания...

А вот много раз прапрапрадед оказался в неловком положении – так и стоял, смущенный, с вражьей головой в руках, удерживая за волосы. То ли бросить ее – голову эту, то ли уже все вокруг друзья и надо ее аккуратно на уцелевший стол положить. А на столе том – государева печать, слегка окровавленная после драки (неслабый боевой артефакт), но все равно неловко... В итоге положил осторожно на пол, сапогом прикрыв...

Там и настигли его признательные объятия выжившего царя, лобызание в чело, перстень с руки, шуба с плеч да право основать клан (что означало княжий титул тогда еще свободному благородному роду) и тут же подписанный указ на огромные владения за Камнем Уральским (от местечка Сорокино, кое даруется ему в вечную собственность, сутки конным шагом во все стороны). И одновременно – тихий намек отбывать в свои новые земли немедленно. Предок в тот же день собрал род и отправился смотреть вроде как награду, а вроде как место вечной ссылки. Потому как не уживется он с новым государем, да и врагам там, за Камнем, не так просто до него добраться. У убитых ведь немалая родня осталась...

Все это его предок рассказал сыну, а тот – своему сыну, а тот – своему. Вот и дошло до наших дней. Да толку-то? Остальные считают Шуйских главными виновниками резни, коих повесить бы, да государь милостив и по дальнему родству, да за былые заслуги заменил позорную смерть на прозябание в диких, не обжитых в ту пору землях. Против нового государя восстал, пытаясь болезного на трон посадить и за него править! Бред, но историю пишут победители, в том числе – новый государь. Правду, разумеется, много кто знал, но защищать былых противников никто не стремился. Имперская фамилия тем более знала все, потому никаких гонений новый клан не испытывал ни сейчас, ни даже в те лихие годы – поначалу старый государь жаловал, продуктовые обозы да инвентарь на новое место отсылая, а потом и наследник в ум вошел, с возрастом ощутил признательность за то, что сохранили жизнь отца.

Иногда предку казалось, что вся эта история была создана самим государем, контролировалась им и подстегивалась руками верных людей. Не могла быть охрана царская настолько слепа, да и Целители обязательно проговорились бы об истинном недуге царевича. Отчего-то нужны были правителю тот заговор, кровь и гибель гнилых князей, уж слишком заигрывающих с границей. Он свое, наверное, получил – вместе с целым

сословием лично ему присягнувших бояр, аккурат и ставших «царскими», а позже «имперской аристократией». Хотел ли царь платить за это жизнью сына? Вряд ли, полагал, что скорее вылечит по прошествии событий – слишком сильно любят высокородные свою кровь, хоть и здоровьем отпрысков готовы жертвовать без меры. Думал ли государь, что вместе с сыном станут убивать его лично? Увы, в переплетениях заговора сложно заметить несколько ниточек, созданных чужими руками. Такой вот выверт судьбы...

В учебниках по истории этот эпизод не упомянут вовсе, как и десяток, а может, и сотня других. А на устах осталось только одно – Шуйские в немилости после заговора.

– Князя Шуйского в Бархатный зал!

Евгений Александрович оправил полы роскошной шубы из серебристого соболя – той самой, с царского плеча. Разумеется, ее изрядно ремонтировали и перешивали, так что выглядела она вполне подобающе, вызывая уважение у молодых родов и дикую, тщательно скрываемую зависть у родов старых. Особенно у тех, за смерть предков коих шуба была получена... Те как раз больше всех и плевались ядом, говоря про «изменников», и будут плеваться еще тысячи лет. С историей у аристократии свои отношения – все оттоптанные мозоли тщательно записаны – как бы не с самого сотворения мира.

Вот с восприятием действительности у них иногда бывают легкие проблемы.

Все знают, что Шуйские ведут жизнь затворников, только изредка выбираются на самые крупные мероприятия в империи. Некоторые полагают причиной этому немилость государя и, обсуждая факт между равными, начинают фантазировать насчет слабости клана, подкрепляя свои слова отсутствием фамилии в новостях, серостью рода, не влезающего ни в политику, ни в светскую жизнь. Им отчего-то мнится, что сила – в показной роскоши, безумстве юного поколения в модных салонах, в дуэлях и мелких приграничных войнах. Большинству не приходит в голову просто посмотреть на карту и убедиться, что клановые земли Шуйских побольше некоторых стран (предок в свое время наскочил по предусмотрительно расчищенным дорожкам полторы сотни километров, безжалостно загоняя коней). Так бы, возможно, им стало понятно, что клану просто плевать на всю эту суету и хватает дел внутри собственных владений. Разумеется, деловые партнеры прекрасно были о том осведомлены.

Другим же придется напомнить, что крайне вредно кормить собственную гордость вымыслами и заставлять князя ждать. Пусть даже

эти «некоторые» великокняжеских кровей.

Невзрачный серебристый кулон из чуть потемневшего серебра скользнул в левую руку. Один из многих подарков Самойловых в знак благодарности за гостеприимство делал нужное и крайне полезное дело – концентрировал волны гнева, переплетенные с Силой, не выпуская их за круг диаметром в метр, и одновременно сохранял одежду от воздействия воплощенных эмоций и ярости. Вокруг князя лениво заструились еле видимые желто-алые ленты пламени, вытанцовывая на самой границе условного круга, сопровождая каждый его шаг и жест. И вместе с ними в пространстве двигалась давящая атмосфера могущества, усиленная волшебством старого артефакта.

Над ухом еще раз затравленно прокричали титул и фамилию – мажордом еле вобрал воздух в легкие и завалился ослабевшим телом на раскрытую дверь.

В этом зале князь еще не был – не годилась крохотная по дворцовым меркам комната для больших приемов. Бархатная, лучшего названия не подобрать – и материал, широкими лентами разных цветов протянувшийся от потолка до пола, соответствовал, да и сама комната была лишена углов.

– Женя, вот кстати ты пришел, – одобрительно поприветствовал, не поднимаясь с кресла, кряжистый старик. – А мы только тебя... вас ждем, – спохватился он, почувствовав то, что ворвалось в комнату, старательно «прижимая» чужую волю к полу.

– Приветствую, – проигнорировав слова старика, обратился к присутствующим Евгений Александрович, не глядя ни на кого конкретно.

Кое-кто из собравшихся не уступал ему в Силе, некоторые превосходили, но проняло, пожалуй, всех. Говорят, встречают по одежке, но родовитые куда больше доверяют внутренним чувствам и интуиции. Сейчас, судя по взглядам, его встречали с опаской и невольным уважением. Единицы из молодых да глупых даже подняли щиты, но тут же смутились и убрали Силу обратно.

Внешне же компания была немногочисленной, но весьма представительной – около сорока глав княжеских семейств либо прибыли лично, либо направили наследников первой очереди. Впрочем, внешне первых сложно отличить от внешности вторых – если смотреть на лица. Труды Целителей помогали старикам выглядеть молодыми, молодым – украшать себя солидными морщинами (полезно для переговоров). Гораздо проще ориентироваться по шубам – наследникам неуместно носить меха.

Расположились господа на нескольких диванчиках, расставленных дугой подле изящного белоснежного рояля, ярким пятном приковавшего к

себе взгляды. Если соотнести фамилии сидящих, получалось наглядное пособие по географии империи – соседи по землям предпочли сесть вместе, иногда даже несколько тесня друг друга. Тут и союзнические отношения, и общие вопросы, требующие неформального, личного обсуждения, да и вместе оно как-то надежней, безопасней и представительней, особенно супротив других княжеских диванов-анклавов. Разве что отдельный диван в самом центре отличался от других – эти князья объединились по причине теплых чувств к князю Долгорукому. Так как встречу организовал именно он, то, вероятно, посчитал не лишним иметь несколько во всем соглашающихся с ним голосов на удобной позиции.

Некоторым присутствующим из числа наследников диванов не досталось. Те от стены подтащили стулья поближе к роялю, поглядывая то друг на друга, то с одинаковым осуждением, присущим молодости, на стариков, то с любопытством на князя Долгорукого, единственного занявшего место прямо за роялем – по праву устроителя встречи. Долгорукий неведомо откуда притащил гигантское кресло, совершенно не подходящее к окружающему интерьеру. Эдакий трон – не меньше, но президиум он обозначал надежно, с грацией топора.

– Здравствуйте, князь, – первым вежливо поздоровался Долгорукий и даже встал с места. Впрочем, подходить ближе не стал – слишком ранг высок, даже по сравнению с остальными присутствующими снобами. – Вам удобно будет присесть?

– Разумеется, – принял его предложение Шуйский, погасив ироничную улыбку.

Насколько же сильно им не понравился вызов, если ему сейчас предложили выбор между стоянием на ногах и малоприятным продвижением через всю комнату за стулом – слуг в комнате не оказалось, диван ради него никто не освободил, а незанятые стулья будто нарочно оставили у самого дальнего края. Тоже указание места. Ну-ну.

Провернув еще один подаренный перстень на мизинце – на сей раз золотой, с зеленым камнем, Шуйский бросил его чуть позади, невозмутимо отреагировал на вспышку Силы и столь же невозмутимо дождался, когда из мрамора пола прорастет ледяной трон, свитый из ажурных прозрачно-синих линий скованной стихии, скинул на него шубу, оправил полы черного, с серебристым шитьем сюртука и с безмятежной улыбкой присел, поправив рукоять старинного на вид револьвера, выглядывающего из поясной кобуры.

В установившейся абсолютной тишине было слышно, как в ауре

огненной Силы своего хозяина протаивает, шипя, ледяной трон, но тут же, движимый мощью артефакта, застывает вновь, украшая хрупкую конструкцию острыми ледяными клыками.

– Итак? – поинтересовался Шуйский.

Владельцы роскошных яхт, вызвавшие к себе недалекого провинциала, разглядывали всплывшую рядом с ними боевую подводную лодку. Разглядывали весьма нервно – князь изволил расположиться вроде как и сбоку от диванов, но за их спинами, оттого многим приходилось выкручивать себе шеи. Можно, конечно, и не выкручивать, но тогда пришлось бы мириться с источником гигантской и недоброй Силы, дышащей прямо в затылок, что не прибавляло настроения.

На благородных лицах то и дело отражалось возмущение, моментально сменявшееся опасливой задумчивостью – словно у посетителей океанариума с акулой, узнавших, что перед ними не бронированное стекло, а значит, теперь их безопасность целиком зависит от настроения зубастого экспоната. Потому как все их спокойствие основывалось на железобетонной уверенности, что от конфликта участников удержит гнев семьи императора... Но Шуйские ведь и без того в немилости?

Скрипнул один из диванов – Ветлицкие в лице их лидера демонстрировали характерную прямолинейность, разворачивая диван боком.

Впрочем, были и те, которые прочувствовали угрозу, сравнили со своими Силами, равнодушно хмыкнули – видали и сильнее! – и продолжили тихую беседу между собой, одновременно прислушиваясь к происходящему.

– Есть небольшие нюансы, касающиеся соревнования, предложенного уважаемыми Шуйскими, которые требуют совместного обсуждения, – вежливо улыбнулся Долгорукий. – Как вы знаете, наш, да еще многие другие лица весьма многочисленны, множество наших учеников заинтересовалось вашим вызовом... Особенно высказанным в такой оригинальной форме.

Шуйский чуть не скривился при всех – текст письма был действительно оригинальным.

– Больше сотни представителей десятков благородных родов хотели бы поучаствовать лично, но их печалит заявленный регламент на одну команду от школы, – продолжил Долгорукий и замер, предлагая Шуйскому предложить решение.

В самом деле, чтобы Долгорукие да просили... Этот точно не

впечатлился демонстрацией Силы, но, к его чести, отнесся к приглашенному князю благожелательно. Действительно заинтересован в соревновании? Никаких каверз не будет? – ворохнулась слабая надежда. Если честно, Шуйский не ждал от встречи ничего хорошего и видел ее суть совсем иначе...

– От Шереметевых будут две команды или ни одной, – неприятно прогудели с дивана, да еще с такой чванливостью, будто их участие – великая милость, а отказ превратит соревнование в сельские побегушки.

– Нами задумывались соревнования с определенным лимитом участников... – Проигнорировав комментарий, Шуйский по-прежнему вел беседу только с князем Долгоруким. – Проработан план, определена территория. Полагаю, с вашим огромным опытом будет просто понять сложности увеличения масштабов мероприятия.

– Поэтому я пригласил вас приехать, – обратился Долгорукий ко всем присутствующим. – Я бы хотел воплотить эту замечательную идею сам и обустроить все наилучшим образом, без ограничения числа участников.

Целый валун свалился с сердца Шуйского. Не передать, какое облегчение прокатилось по телу – с него хотят снять бездну проблем!

Беда соревнований вовсе не в их проведении и награде. Соревнования не проводили уже десятки лет из-за того, что раньше многие не стремились выиграть, а использовали формат под родовую месть. Дети ушли в лес, кто-то попал, допустим, в волчью ловушку, так кого винить? Организатора, разумеется. А то, что охотников в том лесочке уже сотню лет не было, – никого не интересовало...

– Относясь к вам с огромным уважением, – Евгений Александрович изобразил на лице задумчивость и не торопился с ответом, – полагаю, что вы действительно проведете все безупречно и на высочайшем уровне.

Долгорукий ободряюще улыбнулся.

– Тут и сравнивать нечего, – подали голос с дивана, демонстрируя, если судить по тону, чистое восхищение Долгорукими.

Ожили после первого впечатления, теперь отыгрываются. Тут никто снизу вверх смотреть не станет, не те люди. Но Евгению Александровичу было достаточно того, чтобы не смотрели сверху вниз.

– То есть вы не против? – Долгорукий бросил взгляд в сторону, и кое-кто закашлялся, проглотив не высказанный на этот раз комментарий.

– Однако наши приготовления, произведенное нами масштабное строительство, организация охраны... вы ведь понимаете? – словно сомневаясь, продолжил князь.

При этом у Шуйского не было сделано ровным счетом ни чер-та! Но

если им что-то от него нужно, то он ни в жизни не отдаст это бесплатно. Поэтому в последующей речи Евгений Александрович разливался соловьем, описывая будущие дворцы спорта и величественные сооружения, численность охраны и привлеченных высокооплачиваемых специалистов, с холодком ужаса представляя, что все это придется экстренно построить, если он перегнет палку.

– О, разумеется! Я найду, чем все это вам компенсировать. Думаю, в обмен на столь шикарную идею я внесу за все ваши команды вступительный взнос.

– Взнос? – нейтральным голосом поинтересовался один из сидящих на стуле – сын Вельяминова, если Шуйский не ошибался.

– Скажу верно, что вы все не против, если организацию соревнования, его программу, географию и награды возьмет на себя клан Долгоруких? – Как и полагается, молодой человек был проигнорирован. Без «разрешите, будьте любезны, не соблаговолите, проявите милость» к Долгорукому мог обращаться только равный.

– Бесспорно... Это лучшее решение... Теперь порекомендую сыну поучаствовать... Становится интересно.... – доносилось на разные лады.

– Для наилучшего проведения и подогрева интереса участников, а также разумного ограничения числа команд я предлагаю ввести взносы для каждого участника. Справедливо, господа?

– Не имеем ничего против... разумеется, князь... победитель получает все, а?

– Для победителей приготовлена достойная награда, – дипломатично улыбнулся Долгорукий. – Рад вашему единодушию. Раз так, с завтрашнего дня всем, заинтересованным в участии, можно вносить по сто миллионов рублей за команду из пяти человек.

– Сколько?! – кашлянул один из представителей.

– У Вяземских кончились деньги? – иронично прищурился князь.

– Мы имеем ввиду, не будет ли этого мало? – нервно оправил воротник Вяземский. – Труд настолько уважаемого всеми нами князя...

– Мы проводим соревнование на добровольных началах и вовсе не нуждаемся в вашей... помощи, – отмахнулся Долгорукий, будто говорил о грошах. – Мы планировали потратить взносы на благотворительность.

«Они крыши детских домов решили покрыть золотом? – меланхолично задался вопросом Шуйский. – Даже части присутствующих здесь придется занимать деньги, а если вспомнить о родах, где, кроме герба и гордости, нет ни гроша, то спрос на наличные вскоре изрядно возрастет. Надо будет под это дело занять десяток-другой полезных должников...»

Титул еще не означал богатства. В том числе княжеский – земли могли быть бедными, а хозяин, например, плохим управленцем. Хотя богатство тоже не означало, что можно вот так взять и вынуть сотню миллионов – есть ведь бюджет, планирование, фонды, да и редко кто держит суммы просто на счету, ведь деньги должны работать, кружась по миру в облике товаров.

– Но раз вы настаиваете, то давайте объединим ваше предложение и предложение господина Углицкого. Пусть взнос будет двести миллионов, и половина его отойдет роду победителя.

– Что?! – возмутились уже с диванчика.

– Вы сомневаетесь в победе? – делано изумился Шуйский, подначивая публику.

Теперь точно будут лезть в долги, но не отступят.

– Командам с ваших земель, князь, можно не перечислять взнос, – благожелательно кивнул Долгорукий.

– В самом деле, раз деньги все равно к нам вернутся, – согласился Евгений Александрович, вежливо раскланявшись.

– Да никогда Гагарины не уступали Шуйским!.. При всем уважении к вам, мой сын уже изволил участвовать в соревнованиях, так что незачем ссориться, ведь есть еще второе и третье места... Призовые деньги мы также отдадим на благотворительность, нам будет достаточно победы... – громом разразилось бурное обсуждение пополам с хвастовством, лестью и железной уверенностью в собственной исключительности.

И все это под практически ясно слышимый скрип извилин на тему «Кого отправить так, чтобы при поражении отбрехаться?».

– Господа. – Голос, пропитанный могуществом, ворвался в зал, вжав остальные звуки в бархат стен. Даже Шуйского проняло.

Его высочество цесаревич Сергей Дмитриевич поприветствовал всех милостивым наклоном головы, стоя в дверях под руку с ослепительно красивой рыжеволосой девушкой – его невестой германских кровей (правда, о помолвке не сообщалось официально, но резкий рост акций предприятий небольшого древнего семейства лучше имперского циркуляра говорил о свершившемся).

Позади сиятельной пары потерянно переминался с ноги на ногу мажордом, робко заглядывая в кабинет через раскрытую дверь – по церемониалу ему не полагалось входить раньше принца, объявлять о его прибытии он должен был, стоя чуть позади, но и после него зайти не удалось, ибо весь дверной проем и еще несколько метров за ним занимал подол лазурного платья невесты, удерживаемый за кончики чetyрьмя

пажами.

– Ваше высочество, – уважительно произнес Долгорукий, поднявшись с места.

– Мы проходили мимо и случайно услышали вашу беседу, – продолжил Сергей Дмитриевич, с интересом глянул на ледяной трон и вновь посмотрел в сторону рояля. – Нас радует ваше начинание, князь.

«Опять, – с тоской пронеслось в голове у Шуйского. – Моя же идея! Хотя, черт, не моя...»

– Прошу, присядьте, нам, право, неудобно, – качнул принц рукой. – Ваша щедрость, господа, нами также отмечена. Но в нашем доме хозяину не пристало быть менее радушным, чем гостям. Посему, с разрешения уважаемого князя, – приподнял он на миллиметр бровь, словно испрашивая разрешение – и тут же получил легкий кивок, – мы желаем добавить к главному призу Истринское месторождение алюминиевых руд.

К принцу тут же прижалась невеста, что-то зашептала на ушко алыми устами.

– Прости, любимая, разумеется, – улыбнулся он ей. – А от имени моей прекрасной спутницы – разрешение на строительство гидроэлектростанции подле месторождения.

– Ваше высочество, а можно ли начать строительство завода уже сейчас, не откладывая? – изобразил озадаченность один из представителей. – Наш род хотел бы начать добычу на нашем месторождении как можно раньше.

– Что это вы, а?!

– Разумеется, мы выиграем, – отмахнулся тот. – Соревнования – формальность.

– Так, никакой углицкой рухляди на моем заводе не будет! – возмутился еще один князь. – Никто не строит лучше Палецких, и для себя мы все отстроим сами!

– Стройте, но гидрогенераторы – наши.

– О, вы слышали? У нас будут отличные гидрогенераторы! Хорошая новость для нашей станции. Завтра распоряжусь протянуть туда железнодорожную ветку.

– ...свою электронику можете выкинуть на ту же свалку, где подобрали...

– ...ноги вашей не будет на моем месторождении! Этот хлам из прошлого века даже не подсовывайте, месите лучше бетон для моей станции...

Шуйский с оторопью наблюдал, как, будто с цепи сорвавшись, четыре

десятка влиятельнейших людей в яростном споре строят пока еще виртуальные горно-обогатительный комбинат и ГЭС. Из лучших узлов и механизмов, разумеется, самых качественных и надежных, дорогостоящих и современных, тут же вписываемых князем Долгоруким на лист, лежащий на крышке рояля. Ибо присутствующие были абсолютно уверены, что все достанется им бесплатно, а значит, нет смысла лоббировать технику – свою или союзников, но гораздо разумней требовать с проигравших самое совершенное, что у них есть. Ведь все считают, что строят для себя, а значит, никто и не заикнется об оплате.

– А мы поставим для ГОКа мельничное оборудование, – брякнул князь, дабы не отставать от других.

На него тут же бросили десяток осуждающих взглядов, напомнив, что Шуйский вообще живет на реке, и порекомендовав снабдить *их* объект *его* системой АСУ и боевого охранения. Хамство! Хотя и приятно, что продукцию клана так высоко ценят.

– Еще у нас отличные беспилотники, – вырвалось у Шуйского раньше, чем он прикусил язык.

Это уже не деньги, а гораздо ценнее – технологии! По счастью, за предложение не успели ухватиться.

– Господа, вы радуете нас, – вновь оглушительно, но одновременно тихо сказал принц, до того умиленно наблюдавший за сварой. – Мы выделим вам нашего человека, дабы стройке никто не мог воспрепятствовать. Эти чиновники, вы ведь понимаете... – закатил он глаза, сетуя на собственную имперскую аристократию.

– А чем мы наградим детей? – озадаченно поинтересовался князь Долгорукий, наткнувшись на довольно забавную мысль – в самом деле, это все же *детское* соревнование, а назначенная награда достанется роду-победителю, обойдя стороной виновников торжества.

Нет, у Долгорукого есть чем их награждать, и дети точно останутся довольны. Но он обязан был намекнуть принцу, дабы не ставить того в неловкое положение по прошествии времени, – назначая награды, он позабыл о главном. Хотя прозвучало это по канонам вежливости как обращение ко всем.

– Билеты на новогодний имперский бал для первого и второго места, – опередил всех принц и тут же вслушался в слова своей спутницы.

Родители резко подобрались, оценив перспективу появления детей на главных смотринах империи и сопредельных стран.

– ...и ужин в кругу нашей семьи для команды-победителя.

Быть представленным императору в столь юном возрасте тоже стоило

очень и очень немало – для будущего. А для рода – гигантский плюс к имиджу, возможность задать вопрос в неформальной обстановке, не опасаясь отповеди и гнева! Да даже просто присутствие за столом автоматически снимало опалу – и тут даже Шуйский задумался.

– Веселого вечера, господа, – откланялся принц, уводя свою прелесть из зала.

– Не слишком ли вы щедры, мой господин? – вновь прижалась та губами к уху избранника, стоило дверям закрыться.

– У страны появится новый поставщик высококачественного алюминия, дополнительная энергия, доходы от налогов, – чуть иронично ответил он. – И на все это империя не потратит ни единого гроша. Всех хлопот – просто поскучать за столом со страшно комплексующими школьниками...

Глава 6

Веревка захлестнула шею спящего столба и резко натянулась, судорожно дернувшись в руках. Эта сторона сада скрывалась в темноте – дремали широкие проемы окон за закрытыми веками штор, сонно шелестел яблоневый сад. Никого, кто мог бы помешать одинокой фигуре взлететь по веревке на четырехметровый забор и беззвучно спуститься вниз, прихватив веревку с собой. Несколько секунд абсолютной тишины и поиска нужного окна. В доме живут всего шестеро, потому отыскать жилые комнаты среди полутора десятков окон несложно – стекла вымыты, сквозь них проглядывают новые занавески, а в одном удачно приоткрыта форточка.

Веревка вновь взлетела, чтобы поймать своей петлей кирпичный завиток на крыше. И вновь тишина – не услышал ли кто? Сад дышал ароматом перезрелых яблок, и более – ни звука. Разве что доносилось еле слышное позвякивание посуды, но то – в другой части дома, в обширном холле, залитом светом. Тому, кому есть что скрывать, яркий свет противопоказан.

Осторожно проверить на вес: для начала – повиснуть рукой, оставаясь на земле, затем потянуть веревку двумя руками, и только после этого дать левой ногой оторваться от земли. Вот и все тело повисает в воздухе – крепление выбрано удачно. Начинается неспешное восхождение, руки подтягивают тело до уровня второго этажа – ровно настолько, чтобы заглянуть в темную комнату, затем еще выше, к раскрытой форточке. А затем – скользнуть головой вперед, ловко удержавшись от падения сначала за ручку окна, затем за подоконник. Согнуть руки, вытянуть ноги с улицы, скользнуть вбок, чтобы через мгновение оказаться уже на ногах и внутри. Можно позволить себе тихий выдох и законную гордость – никто не заметил.

– Максим, ты где пропадал?

Вот блин.

Из крошечной тьмы ближнего угла в сумрак перед окнами, словно древний вампир из сказок, шагнул домоправитель. Он был мрачен, с бледной кожей, одет в черный сюртук и зловеще тянул ко мне руки, явно нацелившись на шею.

– Вы сейчас так на директора нашего похожи, – доложил я ему доверительно.

Учитель сбился с шага, невольно оглядел себя и переместил руки на

пояс, нависнув надо мной всей фигурой.

– А сейчас на завуча.

За наблюдательность я был оглажен тугой волной воздуха, пролетевшей над затылком.

Щелкнул выключатель настольной лампы, окрашивая серое теплым светло-желтым светом. Вот и сюртук стал вовсе не черным, а темно-синим, а белая кожа наставника обрела привычный здоровый цвет. Только все так же лежали серые тени под глазами, с тревожной заботой смотревшими на меня. Отчего-то стало нестерпимо стыдно, куда сильнее, чем перед Русланом Артемьевичем.

– А вам, наверное, уже из школы все сообщили, да?

Учитель коротко кивнул, выдвинул стул и присел, облокотившись о спинку.

– Я ведь просил, звони мне, если что-то случится. Советуйся перед тем, как что-то делать, – прозвучал голос, полный укоризны, но без капли обвинения или злости.

– Так я звонил, только абонент выключен или вне зоны, – дернул я плечом.

Старик нахмурился и выудил из внутреннего кармана серый прямоугольник телефона. С досадой понажимал на клавиши, пытаясь пробудить его к жизни, потряс, хлопнул по коленке, потряс еще и чуть виновато констатировал:

– Сломался.

– Вот! – взбодрился я. – Да все будет хорошо.

– Что хорошо?! «Приходи. Будем драться. Лучший победит. Учись рыдать». Что за диалект мумба-юмба?!!

– Зато ни одной запятой!

– Как ты мог подписать *это* княжеской подписью?!

– Да кто знал, что она там будет! – с жаром отстаивал я свою позицию. – Я хотел просто написать «Император», а тут эта табличка вылезла.

– О-о-о, так нам еще повезло! – схватился учитель за голову.

– Ну... Виноват, да, – запнувшись, пригорюнился я.

– Виноват, – припечатал старик ладонью по коленке. – И княжий гнев на семью навлек. И с Пашей своим никогда больше не помиришься.

– Это почему?

– Потому что станешь причиной его поражения, – покачал он головой. – Нет для дружбы вещи хуже.

– Да выиграем, – взбодрился я. – Там всего-то маленькое соревнование

будет...

– Маленькое соревнование, – передразнил старик. – Нет больше никакого «маленького соревнования»! Мне тут уже сообщили... коллеги-учителя... – отчего-то смутился он. – Со старого места работы. Хм. Так вот, соревнования переведены на всеимперский уровень, без ограничения на участие! С таким призовым фондом, что тебе представить сложно!

– Сколько кубических метров денег?

– А? – замолчал наставник и чуть удивленно посмотрел на меня.

– Ну, какую тележку с собой брать, – пояснил я терпеливо.

– Максим, такие соревнования невозможно выиграть, – в тон мне произнес старик. – Ты умный и хороший мальчик, но шансов нет. Вообще. Так теперь спроси себя – к чему привели твои поступки? Может, стоит очень сильно подумать, перед тем как делать? Стоит думать перед тем, как бить? Думать перед каждым решением в своей жизни? Особенно когда твои поступки могут ударить по семье?

– Отец сильно расстроился, да? – после длинной покаянной паузы робко спросил я.

– Очень, – немилосердно жестко прозвучал ответ. – На твою радость, князь очень хорошо относится к вашей семье. Удивительно хорошо. Иначе бы... Ты себе и представить не можешь... – потухшим голосом завершил он.

И за этим «представить не можешь» таились настолько безрадостные картины, сами собой мелькнувшие перед глазами, что на мгновение проморозило все внутри.

– Я их там... шоколадным тортом обкормил... Так что, может, еще убежишь от ремня... – легкой улыбкой подбодрил старик. – Но лучше не бегай.

– Эх, – поделился я эмоциями с темным вечером за окном, раскрыл ставни и принялся сматывать веревку.

Резко раскрылась дверь, и вместе со сквозняком внутрь вошел отец, пропустив вперед сестер и чуть погрузневшее пузо.

– Я услышал голос... – начал он, глядя на учителя, потом заприметил мой силуэт на фоне окна и гораздо строже произнес: – Максим!

Отец схватился за пряжку ремня и дважды попытался вывернуть ее из-под пресса живота.

– Ладно, потом, – задумчиво произнес он и вновь посмотрел на меня.

– Извините меня, пожалуйста, – потерянно сказал я, продолжая сматывать веревку.

– Максим, не надо! – сорвался голос отца, а руки отчего-то

протянулись в мою сторону.

– Да нет, надо. Я очень перед вами виноват, – настаивал я на извинениях, дергая канат и пытаюсь скинуть его с зацепа на крыше.

– И вовсе не виноват, – занервничал папа. – Да ведь, девочки?

– Ага! – пискнули хором Тоня с Катей.

– Я сильно вас подвел, – покачал я головой.

– Максим, давай обсудим это позже, – сглотнул отец. – А пока убери веревку, очень тебя прошу.

– А? – удивился я, глядя на моток каната, кольцом свитого у меня на руках. Рядом зеркалил удивлением учитель. – Да нет, это не то, что вы подумали. Я по ней в окно залез.

Верхняя петля наконец-таки слетела с крепления.

– Уф, – выдохнул Михаил и чуть присел, упершись ладонями в колени. – Не делай так больше.

– Не стану, – гарантировал я, будучи уверенным в своих словах. – Больше никогда не стану писать письма под чужим именем.

– И это правильно.

– И никто не сможет написать, – решительно кивнул я.

– Ну, за остальных мы не в ответе. Если у них там такой бардак с электронной подписью...

– В ответе, не в ответе, но я на всякий случай флешку с собой забрал. – Примерившись к мотку веревки и пространству небольшой комнаты, я все же решил выкинуть ее в темноту сада.

– Ай! – тут же крикнула темнота голосом Федора.

– Он там что делает? – тревожно перегнулся я через подоконник.

– Это чтобы ты не сбежал, – виновато подсказала Тоня.

– М-максим!!! – взревели два голоса за спиной.

Резко захотелось яблок. А там еще Федор в беде, так что я мигом прыгнул вниз, приземлившись на ноги, прыжком достиг места падения веревки и нашел Федора под ней.

– Да я сам выберусь, – заверил меня брат и огладил живот. – Но потом. Там торт такой вкусный, я тебе кусок оставил, – доверительно шепнул он.

Но веревку я все-таки снял и положил ее Федору и себе под головы. Потому что над нами была красивая звездная ночь, и совершенно расхотелось куда-то убегать, даже от двух ярящихся в окне старших, то требующих телефоны (у учителя не работал, а папа оставил в гостиную), то велящих немедленно вернуть флешку, то хором обещающих лишить здоровья. Но и они довольно быстро утихли, заинтересовавшись нашим молчанием.

- Максим, Федор, у вас все хорошо?
- Не очень, – ответил я правду.
- Что с Федором? Что-нибудь нужно?!
- Воды, – простонал Федор.
- Сейчас, одну секунду!
- И еще торта... – совсем жалобно продолжил брат.
- Уже несу... Что?!
- Ну, я пойду, наверное, – сказал я звездам и Федору.

Попытался встать и от сильнейшей вспышки боли тут же рухнул на землю.

– Кажется, ногу подвернул, – сплюнул кусочек травы, подмигнул испуганному брату, попытался встать снова и потерял сознание.

Ветер промораживал комнату сквозь распахнутые ставни, оглаживал выцветшие шторы, скрипел старой рамой с облупившейся краской. Он был тут хозяином, а вовсе не два человека, замерших подле окна друг за другом и слепо вглядывающихся в закатные очертания порта. Ветер ругался на незваных гостей, шипел им в уши, выталкивал своими порывами, дергал за рукава костюма и платья, летел мимо, от ярости завывал в коридоре за приоткрытой дверью и вновь принимался обходить утлую комнатуху, дотрагиваясь до всего вокруг. Это все его! Десять лет его!

– Десять лет назад мир казался больше, – почти беззвучно шепнула девушка.

Она пришла в эту комнату первой, ради одиночества, тишины и памяти.

– Мир слишком мал, чтобы сбежать от себя, – откликнулся мужчина за ее плечами.

Он вошел на пятнадцать минут позже, ради встречи, беседы и общей памяти.

– От вас тоже не сбежать.

– А я думал, это было приглашение. Ты ведь знаешь, что за домом следят.

– Почему я должна это знать? – с тихой яростью развернулась Светлана, тускло блеснув сине-серой полоской лезвия в левой руке.

– Потому что мы обещали сохранить твой дом в целости, – спокойно отреагировал мужчина, не отходя ни на шаг. – Десять лет назад.

– Здание скоро развалится, – отвернулась она к окну, пряча до поры лезвие в длинном рукаве платья. – Хорошо же вы следили.

– Оно такое же, как и было. Его хотели отремонтировать, но тогда бы

оно стало лучше. Хотели снести, но мы не дали. Твой дом стоит, твоя комната в том же виде, с распахнутым тобою же окном. А над временем мы не властны. Никто не властен.

– Очень жаль, – тихо шепнула она. – Я бы хотела вернуться на десять лет назад...

– И ударить того заблудившегося мальчишку кирпичом по виску? – заинтересовался Руслан.

– Нет! Просто обойти стороной!

– Вряд ли получилось бы, – скептически хмыкнул мужчина. – Он ведь тебя уже заметил, такую продрогшую и голодную. Все равно попытался бы накормить.

– Тогда не встречаться с ним никогда! – Она повернулась всем корпусом и с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Свобода манит сытых и обеспеченных, – не согласился Руслан. – Десять лет назад ты узнала, что можно не убивать ради еды.

– А затем делала то же самое...

– Был ли это чужой выбор?

– Да! – вместе с ответом взвыл ветер на улице.

– Мой отец предлагал многое доброй девочке, проводившей заблудившегося мальчика домой.

– Но у девочки был дар!

– Верно, – не стал спорить Руслан. – Потому все ограничилось предложением службы роду и клану.

Светлана вздернула голову, готовясь бросить сквозь зубы что-то резкое, но собеседник успел быстрее.

– Вместо того чтобы вернуть домой, к твоим родителям, с подарками, как было бы по закону... К тем, кто числился твоими родителями...

Девушка дернулась и, до крови закусив щеку, отвела взгляд.

– Кажется, ты этого не хотела. Тогда, десять лет назад? Ты была рада службе, рада обменять свободу на сытость и тепло.

– Но я не знала! – заупрямилась она, пытаясь побороть взглядом чужую волю.

Но куда там – не вышло десять лет назад выступить против мальчишки с серьезным и заботливым взглядом. Не вышло и сейчас. И взгляд... Он не изменился...

– Знала, – мягко погасил вспышку Руслан. – И в тот вечер, на пороге сияющей, лучшей жизни, была готова уничтожить любого, кто встал бы на твоём пути. И после, когда тебе подарили сережки, а ты спрятала их под подушку, а сама легла спать с портняжным шилом в руке. И затем, когда

кружила в платье перед зеркалом, не забыв закрепить нож за поясом.

– Да любой бы!..

– А затем наш психолог два часа беседовал с тобой, перед тем как передать старшему коллеге.

– Не было никаких психологов!

– Тетя Руня, медсестра. А потом и доктор Павел Аркадьевич. Мы не принимаем решения просто так. Для постройки дома нужен надежный фундамент, иначе все рано или поздно рухнет под собственной тяжестью.

– Я сломалась...

– Устала, – не согласился Руслан. – Как этот дом. От времени, от холода и одиночества внутри.

– Пора сносить? – грустно улыбнулась Света.

– Как можно? Такого важного и крайне высококлассного специалиста! – тоном своего дяди ответил Руслан.

Светлана побледнела.

– Шутка, – подмигнул он. – Есть вариант получше. И... мы, конечно, не властны над временем. Но отправить тебя на десять лет назад, пожалуй, сможем.

Девушка нахмурилась, пытаясь прочитывать мысли чуть повеселевшего мужчины.

– Тринадцать лет, симпатичная школьная форма, косички. Волосы, думаю, оставим твои, – задумчиво оглядел он ее макушку. – Они у тебя красивые, недаром ему понравились.

Светлана посмурнела еще сильнее, сжала руки в кулаки.

– Ну а главное – свобода. – Откровенно скажась, Руслан мечтательно растянул фразу. – Полная свобода с возвратом всех клятв.

Девушка дернулась и совершенно ошарашенно посмотрела ему в глаза.

– Наше слово, – резко посерьезнев, подтвердил мужчина.

– К-кого я должна для этого... исполнить? – сглотнув, пересохшим голосом спросила она.

– Нет-нет, убийство лишает свободы. Чтобы ее вернуть, придется дружить. Только так.

– А?..

– С одним нашим учеником.

– Готовите в этой вашей милой школе очередного головореза? – взяла себя в руки Света, хмыкнув от узнаваемости мотивов.

– Вообще-то нет, – назло ей вновь заулыбался Руслан. – Но одному мальчику в восьмом классе очень не хватает соседки по парте. И

настоящего друга, который оберегал бы от каверз и необдуманных поступков. Так что пойдешь на три года в школу, снова за парту. Разумеется, новые документы, железобетонная личность от самых яслей и все такое. А потом – свобода. Честно. Без оговорок.

– Н-но...

– Князь выделяет личного Целителя в ранге «мастера». Будешь девочкой-конфеткой. Веснушки хочешь?

– Вот еще, – фыркнула, скрывая радость и надежду, Светлана. – Три года? И всего-то? Погоди... А в чем подвох?

– Да нет никакого подвоха, – оставаясь спокойным, Руслан допустил таки некоторую суетливость.

– А у тебя глаз дергается.

– А у тебя бы не дергался после того, что он натворил! – вырвался у него вопль отчаяния.

– Кто он? – жестко хлестнул вопрос.

– Мальчик. Перспективный.

– Р-руслан!

– Вы знакомы. Его зовут Максим.

– Сразу нет, – отшатнулась девушка.

Руки невольно покрылись зябкими мурашками, а из памяти на мгновение выплыло *это*. Волна паники хлестнула из глубин души, смешивая причины и доводы, оставляя желание бежать и прятаться.

Десять лет назад она не первый раз вышла на ночной промысел. Не первый год занималась этим. Тогда, за годы, о которых не знает и не узнает никто и никогда, из страха и интуиции выкристаллизовалось понимание, взлелеянное умение, не раз спасавшее жизнь маленькой девочке, а затем – девушке, женщине. Умение, которое позволяло определить опасность человека – и не важно, как он выглядел, простым ли забуддыгой в потрепанном плаще... под которым могли быть погоны и оружие, или стариком с плохонькой тросточкой... ручка которой легко выскальзывала вместе с трехгранным клинком – оружием хозяев ночной гильдии. Все ее тело пробирал страх – от легкого мандража до крупной дрожи, стоило вставить опасную личность в криминальные планы. Позже она научилась преодолевать это чувство, доказывая себе с помощью скальпеля и ланцета, что перед ней всего лишь мясо, закрепленное на костях...

Маленький милый мальчик, так невозмутимо взявший ее под руку, казался таковым ровно до той секунды, когда она от удивления такой шустростью привычно попыталась применить к нему свое умение. Из комнаты Максим выводил ее безвольной от первобытного ужаса, немой от

страха, с мольбой цепляющейся за удивленные взгляды присутствующих. Он шутил – она смеялась, потому что он хотел, чтобы она смеялась, и так было безопасно. Он вел – и она безропотно распахивала перед ним режимные, запароленные двери закрытого крыла. И сбежала, как только появилась такая возможность, – сначала в другую часть здания, а потом на самый край страны. От одной мысли, что его можно тронуть, хотелось обнять колени и взвыть от безнадёжности. Даже с князем она не испытывала таких чувств, хотя, казалось бы, боялась больше всего на свете... А сейчас ее пытались вернуть к нему.

Они просто не знают, кого опять подобрали с улицы. Этот вид не поддается дрессировке.

– Света? – обеспокоенно спросил Руслан и потянулся, чтобы придержать девушку за плечи.

С визгом схлопнулся воздух, рождая «воздушную линзу» на его пути, решетом хлестнула кирпичная кладка под мощью материализовавшейся стихии, возжелавшей занять ее место.

Руслан хладнокровно глянул на куски ржаво-красной шрапнели, плившей в киселе индивидуального щита, и снял защиту.

– Светлана, я жду решения.

Но три года и свобода – пробилась сквозь панику мысль о манящем призе. Всего три года... Он пока юн и неопасен. Не знает, зачем нужны девушки. Не знает своих возможностей. И ведь совсем не обязательно желать ему зла? Стать подругой... Нет! Нет! НЕТ! Три года – и убежать. Свобода... Новые документы... Свобода...

– Я согласна, – убрав щит и разгладив платье, уже через мгновение Светлана выглядела невозмутимо царственно, хотя и вложила в голос солидную толику одолжения и сомнений.

Руслан намек понял и предпочел не задавать крутившийся на языке вопрос: «Что это было?» А Светлана в качестве благодарности не стала торговаться. Так бывает у людей, знающих друг друга десять лет – для вопросов и ответов не нужны слова.

– А та кафешка, она еще работает? – понимающе кивнув, спросил Руслан и вновь нацепил маску жизнерадостного школьного завуча.

– Ага. Даже название такое же.

– Сходим? – заинтересовался мужчина, предлагая руку спутнице.

– Хорошо, но на этот раз плачу я. Долги надо отдавать, – улыбнулась она.

– О-о! Тогда я требую ту самую тройную порцию пюре, как у тебя!

– И четыре котлеты!

– А знаешь, вы сработаетесь, – умильно тронул Руслан пальцем краешек глаза.

Светлана загадочно улыбнулась и быстрым шагом первой вышла из комнаты.

Глава 7

– Это наш человек, все об этом знают, – грянуло утверждение, призывая в свидетели деревья с пожелтевшей листвой и безлюдный пригорок.

В упрямо нахмуренных лицах, в угрожающе расправленных лопатках и плечах, натягивающих ткань хорошо сшитых черных костюмов, читалась уверенность и желание подтвердить свои слова другими словами, сказанными еще громче, а если не хватит и их, то силой и жестокостью.

– Я не заключал такого соглашения. – лениво, с тщательно скрытой усмешкой прозвучало в ответ.

Острые стрелки бежевых брюк насмешливо дрогнули от расслабленного движения левой руки, чуть отставившей в сторону гнутую рукоять позолоченной трости.

– Это было до тебя! – взял слово второй из двух нахмуренных парней.

– Но теперь я здесь. – Свободная рука небрежно обозначила полукруг. – И со мной вы не договаривались.

– А мы с тобой договариваться и не должны! Мы договорились с ним! – последовал резкий указующий жест в сторону высококлассного специалиста, безмолвно и безропотно наблюдавшего за происходящим через массивную оправу очков и прижимавшего к груди объемистый чехол.

– Ты им что-то должен? – Конец трости указал на специалиста.

Тот замешкался, но затем отрицательно мотнул головой.

– Он вам ничего не должен, – последовала светлая улыбка. – Так не пора ли вам удалиться?

– Да не важно, что он там думает! – гаркнули парни, демонстративно потирая кулаки.

– Важно то, что думаю я. – Трость заняла свое место, и на нее легли обе ладони. – Теперь это мой человек, и с ним буду работать только я.

– Да ты кто такой! – дернулся вперед первый парень, посчитав, что время слов прошло.

Трость резко выстрелила по мениску нападавшего, тут же была перехвачена посередине и резко притянута вместе с врагом, пойманным за шею дугой рукояти.

– Стоять! – Другая рука взлетела в останавливающем жесте навстречу второму ринувшемуся вперед собеседнику.

Но в прозвучавшей команде оказалось достаточно воли, чтобы тот

замер, словно наткнувшись на стену, и с запоздалым испугом посмотрел на товарища, стоявшего на коленках и под неудобным углом смотревшего снизу вверх.

– Я тот, кто решает здесь все, – с холодной жестокостью был дан ответ. – Даже то, как ты будешь дышать.

– Да пошел ты! – дернулся пленник трости, пытаясь взмахнуть рукой, но тут же скривился от боли в шее.

– Вдох, выдох, вдох, выдох, – спокойный тон озвучивал движения кадыка.

Парень ожесточенно задышал, пытаясь поспорить с указами противника, но куда там – слова коротки, надо запоздать, сбиться. Тогда он решил проявить волю и не позволил свершиться новому выдоху, с вызовом глядя на соперника, озвучившего новый приказ. Прошла минута, кожа покраснела. Еще тридцать секунд, и он с шипением выпустил остатки воздуха.

– Ну же, я разрешаю тебе вдохнуть, – ободряюще предложили ему.

Парень не выдержал и с жадностью сделал вдох. Тут же трость отпустила шею, и он смог рухнуть на выставленные вперед руки, опираясь о сырую сентябрьскую землю.

– Дыши и не трогай мое. – Последовал хлопок тростью по плечу и обращение ко второму. – Забирай его.

Тот дрогнул, отходя от неведомо из-за чего наступившего ступора, настороженным полушагом приблизился, не сводя взгляда с бежевого костюма и уголка выглядывающей из-под пиджака белоснежной сорочки, помог товарищу подняться и быстрым шагом повел его к выходу из парка, оглянувшись только единожды, перед крутым поворотом.

– Ты как, все в порядке? – спросил я Артема, признанного специалиста по математике восьмого «А», как-то странно поглядывавшего на меня с нижнего яруса веток разлапистого дуба – не того же самого, но тоже вполне подходящего для восхождения и обороны от тех, кто ползет следом.

– Ага, – ответил он, спрыгивая на землю. – Только у меня портфель в классе. С собой вот – скрипка только, – шмыгнул он носом, очищая чехол от сора и пыли.

– А зачем портфель? – удивился я.

– Ну ты математику списывать будешь?

– А? Нет, – отмахнулся я и оперся о трость, оберегая левую ногу.

Вчерашний прыжок закончился небольшим переломом, не замеченным в момент удара о землю. Вот когда я попытался встать, тогда и почувствовал, да так, что после второй попытки пришел в сознание уже в

гостиной, с обрезанными до шорт брюками и закрепленным на левой ноге самодельным бандажом из косяка входной двери. Имелись вроде другие подходящие палки, но учитель отчего-то решил, что лучше позаимствовать именно эту деталь. Зато, когда приехали доктора, было уже открыто. Ничего страшного, заживет.

А еще мне одолжили трость – я с гордостью посмотрел на золоченую рукоять и лакированное основание. Правда, очень просили вернуть в целости, потому что это заготовка под новый папин заказ. А еще просили не направлять в трость Силу и не нажимать на... Но тут учитель сделал страшные глаза, а папа Миша осекся и расхотел рассказывать, на что именно нельзя нажимать. Ничего, потом выясню. Интересно ведь!

– Тогда зачем ты все это сделал? – всерьез удивился Артем.

– Не надо было? – поднял я бровь и тихонечко зашагал к выходу.

– Да меня не расстраивает особо, – пожал он плечами. – Пусть списывают. Вот только тетрадки при этом мнут.

– И желудями кидаются?

– Я в них тоже кидал. – Артем гордо приосанился. – И попадал чаще!

– Понятно, – скептически глянув, я вновь перенес вес на трость.

– Так... зачем? – лучась вежливым любопытством, повторил он вопрос.

– Мне в команду на соревнования человек нужен. Вот, хотел тебя спросить, сказали – ты в парк ушел, репетировать.

Большая перемена все-таки – многое можно успеть. Я два класса успел обойти со своим предложением, только вот не соглашался никто.

– Так у тебя же нога. – Он указал взглядом на негнущуюся и загипсованную конечность под штаниной.

– Заживет максимум за месяц, – отмахнулся я. – Дело знакомое.

– Ломал уже раньше? – с интересом уточнил Артем.

– Ага. Только не себе.

– О...

– Но сроки от этого не меняются. Так что – месяц, успеваем. Ты с нами?

– Знаешь, я... не сильно люблю соревнования.

– Да там ничего делать не нужно будет, – принялся я убеждать его. – Мне просто надо собрать необходимое количество участников.

– Все равно вряд ли, – честно признался математик. – А кто в команде?

– Федор из второго «Б» и я. С тобой будет четверо.

– Э-э...

– Еще одно место в резерве, – солидно сообщил ему. – Так что

находим пятого – и можно записываться.

– Второклассник, хромой и скрипач, – тихо пробормотал Артем.

– О, так ты с нами? – воодушевился я.

– Я пока прикидываю, кто будет четвертым в ряду. И, кажется, вряд ли сегодня усну из-за этого...

– Нормальная соберется команда, не хуже этих, – мотнул я головой в сторону проглядывающего сквозь листву корпуса школы.

– Не хуже пятерых одиннадцатиклассников с рангом «ветеран»? – чуть иронично наклонил он голову.

– А там можно будет применять Силу? – заинтересовался я.

– Папа говорит, что нельзя, со всех возьмут слово. Но еще он сказал, что сложно запретить собаке кусаться.

– Это да. – Я украдкой потер ягодицу. – Но у нас будет другой козырь! Во-первых, твоя снайперская винтовка.

– Э-э... – обескураженно посмотрел на меня товарищ.

– Да ладно тебе, все мы фильмы смотрим. Но считай, что я ничего не говорил, – подмигнул ему.

– Там скрипка! – возмущенно воскликнул Артем.

– Как скажешь, напарник.

– Я серьезно! Показать? – Он нацелился расстегнуть застёжки на чехле.

– А дашь пострелять?

– Нет!

– Тогда не надо.

– *Потому что там скрипка!* – тряхнул он чехлом.

– То есть первым делом мы выведем противника из себя. Это первый козырь.

– А? – Ярость на лице сменилась недоумением. – То есть...

– А второй наш козырь – несчастный случай, – не дослушал я его, заметив тех самых двух парней, решительно шагающих прямо ко мне.

Даже пиджаки скинули, рукава закатали, а один из них обзавелся сучковатой палкой в метр длиной.

– За реваншем, похоже, – за приметив их, сглотнул Артем и прижал к себе чехол, желая уберечь скрипку от грядущих событий.

– И мы делаем так. – Я резким жестом выпрямил руку, выпуская трость из ладони.

Тяжелая, отлично сбалансированная, она сделала всего два оборота до того, как врезаться двум мстителям по лбу.

– Э-т-то ты к-как... у-удачно, – после паузы в десять секунд вымолвил

мой напарник, глядя на лежащие на земле тела.

– Это не я, – поучительно поднял палец. – Это – несчастный случай.

– Несчастный? – нерешительно повторил он.

– Но ведь явно не счастливый, верно?

– Д-да. Но они ведь знают, что это мы?

– Если правильно ударить палкой по голове – не вспомнят. Рекомендация специалиста, – веско поднял я палец. – Так что – несчастный случай. И, будь так добр, принеси трость, – чуть виновато показал я на свои ноги. – Без нее ходить сложно.

– А есть третий козырь? – спросил Артем, оглядев соперников и подняв тросточку.

– Разумеется, есть! Но его я открою только своей команде.

Приятель хмыкнул и не торопясь подошел, серьезно о чем-то раздумывая.

– Ладно, если вас запишут, считай, я с вами, – решительно обратился он ко мне. – Что за козырь?

– Бранд.

– Бранд? – поднял он брови.

– Бранд, – солидно подтвердил я.

– А кто... кто такой Бранд?

– Боевой робот аннигилятор номер два.

– А-а... – округлил он глаза и с неподдельным интересом уточнил: – А что с первым?

– Инвестор заморозил финансирование. – И я поправил я бабочку на белоснежной сорочке.

– Да ну? – блеснуло сомнение в линзах очков.

– Папа не дает алмазы, – повторил я фразу и вздох Федора.

– Мне папа тоже не дал бы алмазы, – признался Артем.

– А в сережках сестер только рубины.

– И сережки не дали бы.

– Ну мы их потом вернем, – пробормотал я еле слышно и тут же повысил голос: – Извини, дела. Спасибо! Удачи!

И заковылял в сторону корпуса, но не к входу, а к левому крылу, где, как рассказывали на вводном уроке, крепились самоспасы – это такие лебедки на самой крыше, веревки которых тянулись возле окон до уровня второго этажа, на случай «пожара, эвакуации или еще какой-то беды». «Еще какая-то беда» случилась лично со мной.

Перехватив трость, с интересом глянул на самый верх, рассматривая угловатые выступы распределительного устройства. А затем – на свою

ладонь, где уже сияла ярким светом любопытства моя «искра».

– Должен же там быть обратный режим? – поделился я с ней догадкой, и та, воодушевленно мигнув, отправилась это выяснять.

Механизм глуховато зажужжал с высоты и размотал пару метров каната на землю.

– Хм, – еще одна искра взлетела ввысь.

На этот раз лебедка замотала канаты в нужном направлении, вроде и неспешно, но в целом достаточно шустро – только и успел поставить ногу в самодельную петлю.

– Бонжур, – поздоровался я с классом французского на втором этаже и медленно поехал на третий.

– Та-ак, – узнал знакомые очертания кабинета директора и с удовольствием констатировал: – Вроде никого.

Новая искра отправилась останавливать самоспасы. Вышло не совсем удачно – сверху что-то хлопнуло, дыхнуло гарью, прямо как на том корабельном насосе. Зато веревка остановилась.

Чуть приоткрытая форточка легко распахнулась, а там – подцепить ручку тростью и раскрыть большое окно – совсем не проблема. Осторожно шагнув с подоконника на ковер, подкрался к системному блоку секретаря и вставил злополучную флешку на прежнее место. Все-таки обещал – и на душе сразу стало легче. Прямо как вчера, когда после обещания медработник спрятал шприц обратно, в устрашающего вида чемодан.

Недобро хрустнул замок двери за спиной, будто бульдог раздробленной костью предыдущей жертвы. Спрятаться!

– Максим? – дыхнуло удивлением.

Негнущаяся нога, не совсем вписавшаяся в габариты мебели, предательски выглядывала из шкафа.

– О, а говорили – «Нарния», – вышел я из шкафа, с возмущением оглядел кабинет и вернулся обратно в шкаф – на этот раз целиком.

– Ма-акси-им! – глухо прозвучал рык через добротные дубовые стенки.

– А вот обратно – не работает, – цокнул я, выходя. – Можно воспользоваться вашей дверью?

– Нет!

– Тогда я на геометрию, – примерился к открытому окну.

– Стоять! Ты что тут делаешь?

– Да я вот, – замялся, не зная, с чего начать. – А вам не кажется, что что-то горит?

– Максим!

– Я по поводу той цифровой подписи, – смущенно указал на чуть выдвинутый из-под стола системный блок с флешкой.

Кажется, я впервые увидел, как волосы встают дыбом. Руслан замер на долгие две секунды, ринулся к шкафу возле стола директора, распахнул его и буквально вбил ключ в небольшой сейф, занимавший все пространство одной из полок. Взболтал там все рукой и ошарашенно обернулся, прижав ладони к шкафу и как-то странно глядя на меня. Очень захотелось кушать – не к добру.

– Я подумал, что ее может кто-то украсть... – привел довод в свое оправдание.

– И спер сам.

– Если вещь может украсть плохой человек, то хороший должен сделать это первым! – поучительно поднял я палец. – Чтобы отдать потом, конечно.

Руслан резко шагнул в мою сторону, да так, что я аж зажмурился. А когда открыл глаза, он уже выудил флешку и методично разламывал ее в руках. Железо! Руками! Тоже так хочу.

– Подпись скомпрометирована, так что была отозвана днем раньше, – сухим и спокойным голосом, совсем не вязавшимся с действиями, сказал он. – Но что вернул – молодец. Только в следующий раз просто отдай мне в руки, не надо лезть в окно.

– Хорошо, – завороченно качнул я головой, удивляясь несоответствию в поведении и совсем не зная, чего ожидать.

– Ты ведь понимаешь, что все это, – указал он на раскрошенные обломки железа и пластика на ковре, – просто так тебе не пройдет?

– Да, – понурился я.

– Сейчас ты дашь мне обещание, что будешь во всем слушаться свою новую соседку по парте.

– Мм, а...

– Никаких возражений слушать не желаю! – категорично махнул он рукой.

– Обещаю, что буду прислушиваться, – вздохнул я.

– Надеюсь, ты осознаешь, что это твой последний шанс... проявить разум. – Руслан смотрел исподлобья, скатывая в горошину то, что осталось от носителя информации.

– Да...

– Иди.

– До свидания!

– Через дверь иди.

– Ладно...

Как-то неловко все вышло...

– Максим, – задержал меня голос на пороге, – насчет соревнований...

Я обернулся и вопросительно посмотрел на него.

– Не переживай сильно. Если все пройдет успешно, в следующем году поучаствуешь. – Чуть виновато посмотрел он на меня.

И обломки куда-то подевались с ковра. Будто и не было ничего...

– У меня планы на этот год, – расправил я плечи.

– А как же нога?

– Как раз заживет, – уверенно хлопнул я тростью по носку ботинка. – Месяц до полигона.

– Там новый регламент на первом этаже вывесили. Первый этап соревнований через неделю. Танцы.

– Хм, – посмотрел я на ногу. – Ладно.

– Ладно? – вскинулся он. – А как же гипс?

– Есть варианты, – пожал я плечами. – Скажем, если у всех будет гипс...

– Максим!

– Я просто предположил! Да не переживайте, выиграем. Я ведь не один буду.

Не мне же все на себе тащить! Приз – он на всех рассчитан. Интересно, а какой он? Хотя ведь не в нем дело – главное с Пашей помириться.

– Кхм, – закашлялся Руслан чуть смущенно. – Понимаешь, там не только это нововведение. Я просто думал, что хватит и первого.

– Вы не хотите, чтобы я участвовал? – догадался и как-то разом погрузнел.

– Участвуй, конечно! – вскинулся он. – Просто... Вторая причина... она гораздо болезненнее. Стоимость регистрации каждой команды – двести миллионов...

– Я слышал, для княжества сделали исключение? – уточнил холодно.

– Верно, с нас не возьмут ничего. Поэтому мы берем залог в двести миллионов с каждого участника. С возвратом, разумеется.

– Н-но... зачем? – искренне воскликнул я.

– Вот когда ты устраиваешь игру, ты ведь сам выбираешь, с кем тебе будет интересно? Тут то же самое. Организаторы хотят играть с теми, у кого есть двести миллионов, – развел он руками. – Нам сделали непрозрачный намек, что будет невежливо нарушать финансовый ценз.

– Да какая разница, сколько у человека денег? – возмутился я.

– Деньги равны связям, военной мощи, возможности мстить и отстаивать свои права. Это сделано для того, чтобы участники не смотрели на команды нашего княжества сверху вниз и не позволяли себе подлости по отношению к ним.

– То есть надо двести миллионов? – отбросив ненужные подробности, подвел я черту.

– Увы. Думаю, в следующем году условия станут помягче, – успокаивающе произнес он.

– И если они будут, то вы обещаете записать меня в команду и не мешать? – настоял я на всякий случай.

– Обещаю, – грустно улыбнулся он.

– А это сколько килограмм денег?

– Мм, не знаю даже, – запнулся Руслан. – Килограмм двести?

– Отлично! Всего наилучшего!

Приободрившись, закрыл за собой дверь и выудил из кармана сотовый.

Чуть опешивший (впрочем, как после каждой беседы с Максимом) Руслан Артемьевич мотнул головой, выгоняя из ушей странные, явно послышавшиеся слова:

«Алле? Толик? Как там с заводом? Еще полгода на проект? Отлично! Грузи на «газель» двести миллионов и вези ко мне... Это килограмм двести-двести пятьдесят, весы там найди. Мне на месяц, есть верное дело. Ага, жду».

Потому что у ребенка не может быть двести миллионов! И их нельзя возить на «газели»!

Нет, ему точно послышалось. Или не послышалось? Тогда что за завод? И какой еще Толик? Нет у Самойловых никаких заводов, Толиков и двухсот миллионов на счету! О последнем Руслан знал точно, оттого обещание давал с легкой душой.

Значит, показалось.

И вообще – у него нога! Которую, посоветовавшись, было решено лечить традиционными методами, чтобы Максим в полной мере ощутил ответственность за свои поступки. Ну и потому, что с ограниченной мобильностью Максим менее опасен для окружающих. Руслан скептически посмотрел на раскрытое окно и признал последний довод довольно наивным.

В общем, по всеобщему молчаливому согласию соревнования должны были состояться без Максима. Руслан искренне считал – к лучшему. Слишком жестокими могут быть высокородные дети: уровень опасности,

особенно с такими призами, запредельно высок. Заодно три специально подготовленных клановых отряда не обидят его, выиграв.

Да и что переживать – не найдет он двести миллионов. Так что все нормально. Все будет хорошо.

Руслан поймал себя на том, что говорит успокаивающие слова вслух, как мантру, перемежая глубоким дыханием.

«Брр, совсем мозги плавятся, аж горелым пахнет... Или действительно пахнет?» – замер он, склонив голову.

«Внимание, пожарная тревога!» – развеял сомнения приятный женский голос.

– Ма-а-акси-им!

Стекла дрогнули от жуткого голоса, а где-то за дверью еще шустрее захромал отдельно взятый восьмиклассник.

Глава 8

Стук трости гулко разносился по пустым коридорам, исчезая в распахнутых дверях и пролетах лестниц. Есть в этом непередаваемое удовольствие – щелкать прорезиненной накладкой по мрамору пола, добиваясь особенного, солидного эха. Но для этого нужно одиночество, чтобы чистый звук не перекрывала чужая суета. Ну или чтобы остальные замерли, как Пашка на скамейке возле расписания. Он даже не повернулся, так и сидел, будто составлял единое целое с деревянной скамьей, сотканной из продольных досок и затейливых кованых ножек. В противоположность легкой на вид конструкции, Пашка памятником самому себе нависал монолитом иссиня-черного костюма и белой рубашки над краем скамьи, уставившись на волнорез между бежевой и белой горизонтальными полосами на стене. Появилось желание пройти мимо и не тревожить, но и шанс упускать совсем не хотелось. Все таки надо объясниться.

– Там эвакуация, – присев рядом и приготовившись к разговору, произнес я нейтрально.

Пашка вздрогнул и медленно повел взгляд от точки на границе двух цветов в мою сторону.

– Извини, – поспешил я сказать то, что не успел в прошлый раз.

Парень некоторое время смотрел на меня с непонятным выражением лица, потом хмыкнул, погладил выбритую налысо голову и вернулся к созерцанию стены.

День назад он мог похвастать красивой шевелюрой, отливающей блеском, как шерсть у кота после шпрот. Неловко вышло.

– Я не хотел. – Не дождавшись ответа, продолжил говорить. – Думал, ты замерз. Кофе вынес. А у тебя зонт загорелся, и огонь на волосы перекинулся. Не потушишь – след на всю жизнь останется. Вот и... Правда, извини.

Пашка дернул плечом, то ли соглашаясь, то ли показывая раздражение.

– А хочешь в мою команду? – рискнул я. – На соревнования.

– Двести миллионов, – без капельки эмоций произнес он.

Но – ответил!

– Да это ерунда, – отмахнулся я, с энтузиазмом зацепившись за нить разговора.

– Двести миллионов? – добавил он скепсиса в голос, голова же не повернулась ни на градус.

– Конечно!

– А у меня нет двухсот миллионов, – сказал он по-прежнему равнодушно.

– Так у меня есть, – потеряв терпение, уселся я на пол так, чтобы он смотрел на меня, а не на стену.

Правда, ногу пришлось вытянуть и трость отложить в сторону, но это мелочи.

– У тебя есть, у меня нет. Ювелиры – они богатые. А у нас только проблемы...

– Ладно, – хмыкнул я. – Хочешь, дам тебе в долг две сотни моих миллионов?

Пашка вопросительно поднял брови.

– Там ведь залог все равно отдают назад. Я серьезно.

– А отец твой что на это скажет? – со странным выражением лица, в котором было больше недоверия, чем надежды, спросил парень....

Но надежда – она была! А мне без разницы, кто внесет деньги за нашу команду.

– Это мои личные деньги, – подчеркнул я голосом. – Мне за них отчитываться не надо. Но будет условие, – поднял палец.

– Проценты? – вернулась к нему обреченность.

– Возьмешь к себе в команду меня, Федора и Артема из «А» класса.

– Хм, – задумался он, пытаясь скрыть слабую улыбку. – А пятый кто?

– Ты капитан, тебе решать, – торжествуя, не поддался я радости и постарался сохранить солидность. – Но я рекомендую девчонку. Через неделю – танцы.

– Найдем, – утвердительно качнул он головой, на глазах становясь румяней и веселее. – Только это... – К нему вернулся испуг. – Ты серьезно?

– Слово! – хлопнул я ладонью по полу.

Кажется, получилось!

– Не шутишь? То есть извини! Так это здорово, правда! Я все папины проблемы с призовых закрыть смогу! – подпрыгнул он на месте.

– Каких призовых? – недоуменно повел я взглядом в сторону щита с информацией.

Не было там никаких призовых! И, кроме туманного обещания достойной награды вместе с титулом победителя, тоже ничего не было!

– А ты не знаешь? – настороженно спросил он.

– Медаль золотая? Ценный сувенир? Медаль и сувенир? – предположил я и получил в ответ настолько шокированный взгляд, что тут же с возмущением оправдался: – Да не написано там!

– Давай я сначала верну тебе твое обещание? – с грустью сказал Паша.
– Да ерунда, – махнул я рукой. – Seriously. Что там вообще такого может быть?

Хотя за двести миллионов обязано было быть, но у аристократов довольно часто признание и статус стоят дороже денег. Странные они.

– Ну... Алюминиевый комбинат, ГЭС и двадцать миллиардов, – с кривой улыбкой выдал он.

А нет, не странные. Вполне такие нормальные – все как я люблю.

– Так я возвращаю слово? – посмотрел Паша чуть нервно, тщательно закапывая надежду под кубометрами безверия и тоски.

– Нет, – задумчиво погладил я трость.

Надо будет по алюминию книжки почитать.

– Ты не подумай, я на станцию и комбинат не претендую! – замахал он руками. – Просто очень деньги нужны.

– Все в силе. Так даже интересней.

– Здорово! То есть... Выиграем, ты не переживай! – с жаром произнес Пашка.

– Само собой выиграем, – отмахнулся я, поднимаясь с пола. – Только придется подойти к подготовке посерьезней.

– Конечно!

– Значит, займемся прямо сейчас, – подошел я к нему и отстегнул тонкую цепочку от скамейки и от петли его брюк.

– Э-э... – ошарашенно протянул он.

– А то опять сбежал бы, лови тебя потом, – буркнул я, сматывая цепь обратно в карман.

– Ты нормальный вообще?! – искренне возмутился Пашка, поднимаясь.

– Отставить! Кто из нас капитан? – рявкнул я в ответ, пресекая ненужную панику.

– Я! – изобразил он стойку «смирно».

– Вот именно! Так что кругом марш и вперед – искать девчонку, которая хорошо танцует!

И первым направился в сторону выхода и лестничных пролетов.

– Есть!.. Слушай, – замялся он после третьего шага от бедра и перехода на нормальную походку. – А у тебя какое звание в нашей команде?

– Маршал. Но поскольку это сухопутное звание, главный на корабле ты.

– А, ладно, – успокоился он, но изредка поглядывал со странным сомнением. – А как мы будем ее искать?

– Обстановка на нашей стороне, капитан! Эвакуация! Все кандидатки собраны перед школой.

– Значит, идем туда? – посмотрел он сквозь окно на веселую массу учеников и учителей, с любопытством наблюдавших за работой пожарного расчета.

Кровлю все-таки немного пожгло, но было куда больше дыма, чем огня, – я на всякий случай проверил, предусмотрительно отправившись после крика Руслана не вниз, а на крышу.

– Нет, капитан. Мы идем в учительскую, потому что там есть микрофон, соединенный с уличными динамиками.

– О! Мы объявим о поиске через усилитель!

– Только не о поиске, а о конкурсе, – поправил я его. – Жестком отборе! Ультимативных соревнованиях! За право выступать в лучшей команде мира!

– Так и сделаем!

– Отличное решение, капитан!

Пашка гордо приосанился и погладил невидимый погон.

– Только объявлять будешь ты, потому что я пока медленно бегаяю.

Мы остановились перед раскрытой дверью, с внезапно накатившей робостью оглядывая заваленные бумагами столы, оставленные в спешке сумки и личные вещи – так, наверное, чувствуют себя рыцари на пороге логова дракона.

– Ну же, никого нет, – нетерпеливо обернулся сэр Макс.

– А если они вернутся? – заозирался сэр Павел.

– Мы услышим их поступь и выскользнем быстрее! – В тон словам разрезал воздух меч-трость.

– Но если они узнают, что мы тут были?

– Какая разница, ведь мы не тронем их сокровища!

– Т-ты недооцениваешь их коварство и злопамятность!

– Тогда мы примем бой плечом к плечу!

– За драку нас точно выгонят, – обреченно заявил сэр Павел.

– Нет, там другая схема. Победивший дракона сам становится драконом.

– А? – растерянно повернул он голову.

– Точно говорю, я так директором стал. Да не переживай, все будет хорошо.

...И остановились они перед мистической конструкцией из серебристого металла и теплого дерева, что преумножает голоса.

– А что говорить? – тяжело сглотнув, коснулся Паша трубки.

– Сегодня в шестнадцать часов в спортзале. Хотя нет, лучше дай номер моего сотового, пусть шлют эсэмэски, а там всех сориентируем. Погоди, сейчас я тебе текст напишу, – подхватил я чистый лист из лотка принтера и большими буквами, чтобы читать было удобнее, записал речь. – Вот.

– «Ясноокая дщерь... аки цапля длинноногая»... Сам такое читай, – забраковал мой труд Пашка и решительно поднял микрофон со стойки.

Хотя тоже неплохо справился – оценил я в процессе заблаговременного тактического отступления. Заодно показался на глаза Руслану, стремительно пробивавшему дорогу к входу через океан детворы.

– Это не я! – поспешил поздороваться, разумно отгородившись двумя группами первоклассников.

Потому что пробиваться через них – здоровьем рисковать. Я вот, пока шел по самому краю, остался с прокушенным в двух местах рукавом.

Руслан замер, глянул на меня, как Лайка на вторую котлету, – внимательно запомнил и зафиксировал положение и продолжил движение. Надеюсь, Паша успеет сбежать.

А через пятнадцать секунд начали приходить первые эсэмэски.

Но вообще, нормально день прошел – так я думал ровно до того, как зашел вечером в подозрительно тихий холл родного дома.

На широком диване, установленном в центре, расставив ноги и скрестив руки на груди, с одинаково сосредоточенными лицами расположились отец и учитель. И ни следа Федора и сестер. Тревожное чувство цапнуло за живот.

– Я начинаю подумывать устроиться в его школу на работу, – поделился отец мыслью с наставником. – Все равно каждый день там бываю.

– А я с Пашей помирился, – бодро улыбнувшись, решил начать с позитива.

– На секундочку, – мягко произнес учитель моему отцу, плавным движением поднялся и скрылся за кухонной дверью.

Тут же донесся вопль, исполненный ярости и отчаяния. Затем дверь мягко открылась, и чуть порозовевший наставник, лучась загадочной и доброй улыбкой, медленно вернулся на свое место.

– Так, – мягко произнес он.

– Мы теперь в одной команде, – продолжал я с прилипшей к лицу улыбкой, тщательно подавляя желание немедленно сбежать.

Потому что, во-первых, это несолидно. Во-вторых, далеко на одной ноге все равно не получится.

– Это с тем мальчиком на видео, – обратился наставник к отцу,

указывая на прямоугольник планшета, до того незаметно лежавший в углу дивана.

– Какое видео? – заинтересовался я и даже шагнул поближе, чуть приподнявшись и опираясь на трость.

– А вот, просто замечательная запись, – нарочито бодро ответил папа, включил планшет и положив его себе на колени.

Пришлось обойти диван справа, чтобы заглянуть через плечо.

На экране легко узнавался спортивный зал, снятый с высоты и чуть по диагонали. Видимо, одна из камер наблюдения, спрятанная в настенных рисунках или под решетками вентиляции. Дата в правом углу – половина шестого, сегодня, да и настенные часы попали в кадр.

– Узнаешь?! – грозно прорычал отец мне в ухо.

А в середине кадра – длинная очередь из девчонок, сытой змеей обвившая два стульчика со мной и Пашей. Мы вооружены блокнотами и внимательно рассматриваем двух конкурсанток, слегка неуклюже танцующих возле спортивных шестов.

– Ага, это Катя Краснова и Елена Мудрая из десятого «А». У Кати четверка за пластику и троечка за артистизм, ну вы сами видите. А Елена прошла в следующий тур.

– На секундочку, – после короткой паузы произнес наставник, вновь плавно поднялся с места и опять исчез за дверью кухни.

На этот раз вместе с воплем определенно что-то разбилось, причем упав с высоты.

– Хорошо-о, – вернувшись, вздохнул, делясь своим состоянием, учитель.

– Максим, – с легкой опаской покосившись на старика, решил быть чуть помягче отец. – Мы, разумеется, рады тому, что ты подружился с Пашей.

– Но зачем было ссориться со всеми семьями девочек в школе?! – разъяренным медведем возопил наставник.

– Да я не ссорился, – пожал я плечами.

– Ты понимаешь, что за эти твои туры и конкурсы отцы вот этих вот девочек тебя завтра подвесят за здоровую ногу и скажут, что так и было?!

– А мы результаты еще никому не объявляли, – спокойно сказал я в ответ. – И на конкурс каждая из них пришла сама.

– Д-да? – выдохнул папа воздух, заготовленный для обличительной фразы.

– Мы же понимаем все, – пожал я плечами. – Потому подарки не брали, в гости идти не соглашались.

– А приглашали? – заинтересовался папа. – Кто?

– Примерно пятая часть, эсэмэсками. Правда, две лично подошли. Но это ко мне, не знаю, как у Паши. Его уволокли куда-то потом, я не видел.

Жалко парня, тяжело ему без костыля отмахиваться. Но да ладно – главное, блокнотики с оценками я сберег.

– Хм, – задумался отец. – Выходит, что...

– Ничего хорошего не выходит! – категорически махнул старик рукой. – То, что эти ваши девочки думают – вообще ничего не значит! У родни будет свое мнение!

– Но мальчики еще ничего не успели натворить, – встал на мою защиту папа.

– Их счастье, – выдохнул учитель. – Ни один отец не позволит, чтобы красоту и способности его дочери оценивали два шкета. То, что додумались не объявлять лучшую, выдает хоть какой-то признак наличия мозгов! Может быть, даже обойдется. Но конкурс непременно надо закрыть, красиво, с подарками каждой девочке! Одинаковыми!

– Заодно устроим рекламную акцию, – успокаивая скорее старика, чем меня, произнес папа. – Как раз есть легкие в изготовлении, но очень полезные кулоны. А там новые заказчики появятся, верно, сын?

– Верно, – кивнул я, ощущая, как на плечи ложится камень вины и обязательств. – А вот... мы ведь не просто так все устроили...

– Думать забудь, – построжел отец. – Выделишь кого-то – остальные порвут на мелкие лоскуты. И подарками тут не отделаться.

– Скорее, родители запретят девочкам признавать себя победителями. Им тоже проблемы не нужны, – успокоился старик, откинувшись на диван.

– Девчонок жалко, – понимая, что спорить бесполезно, все же робко вставил я.

– Мм?

– На соревнования хотели – не выиграть, так хоть посмотреть. Говорили, там принцы будут. Только взносы такие сделали, что шансов попасть нет. Вот и пришли почти все – мы ведь пятого человека в команду искали.

Для них это действительно было очень важно – оказаться рядом с вышей аристократией империи, побеседовать, понравиться и запомниться. Девушки дышали этой надеждой, даже становилось неловко – именно поэтому мы спрятали все оценки и условились ни под какими пытками их не выдавать.

– Сын, извини, но у нас тоже нет денег на участие, – виновато улыбнулся отец.

– Вот, – обратился старик к нему. – Не зря панику подняли. Это ведь если бы после всего еще и соревнования сорвались, какой бы скандал вышел!

– А вот если бы у меня были деньги, – припомнив разговор с Русланом, решил я получить разрешение втемную, – вы бы не мешали мне участвовать?

– Разу... – начал папа.

– Мы подумаем, – прервал его старик, жестко посмотрев на соседа по дивану.

– Что? – возмутился тот.

– Еще не хватало, чтобы кто-то в городе ограбил банк!

– Да я в жизни не стал бы банки грабить!

– Вот! – поднял палец папа, гордый за сына.

– Инкассация наиболее уязвима!

– Стоять! – рывкнул он, не опуская руку.

– Но и ее я грабить не буду. – Заметив чуть подергивающийся краешек папиного глаза, добавил: – И никого не буду. В этом году.

– Сын, – вздохнул он, обхватив голову руками, – ну почему ты не обычный ребенок! Такой, чтобы плохие оценки были максимумом твоих проблем!

– Но-но! Я не какой-то обычный ребенок! – уловив момент, я с важным видом выудил дневник и распахнул на странице с одними пятерками. – Физика, математика, физкультура – и это с костылем!

– Другой дневник, – мрачно протянул раскрытую руку отец, игнорируя протянутую книжицу.

– А?

– Максим, у вас в школе электронный дневник с доступом через Интернет.

– Какая подлость – молчать об этом! – возмутился я искренне.

– Дневник, Максим!

Но пути отхода, увы, не придумывались.

– Итак, – распахнул папа копию первой книжки, широким жестом призвав в свидетели наставника.

– История – два. «Написал в контрольной о своем детстве». Зачем?!

Они сами хотели знать биографию Императора!

– Химия – два с плюсом. «Собрал самодельное взрывное устройство». Как?! – возопил папа Михаил.

– Самостоятельная работа, – повел я плечом. – Это должен был быть салют.

– И они дали вам реагенты?!

– Нет, но я подготовился и принес свои, – счел правильным пояснить. А затем, после настороженной паузы, добавил: – А учитель и до меня седой был...

– Ма-акси-им!!!

Сверху, с лестницы, донесся хруст и лязг вышибаемой двери, и через короткое время сверху показались сестры и брат с перепуганными мордашками, они миглом слетели ко мне и обняли, защищая.

– Все в порядке, – поспешил я успокоить их.

– «Возможно, поджег школу», – опешив, поднял на меня взгляд папа. – Что значит – возможно?!

– Они сомневаются.

– Все, сын, мы переводимся, – глухо произнес он, зашарил по карманам, затем шагнул к полкам у стены и выудил из верхнего ящика сигареты.

Щелкнула зажигалка. А с моего пояса пропали две пары рук. Катя и Тоня глянули на курящего отца, затем на меня, сверкнули слезами обиды и обвинения в глазах, затем развернулись и ушли к себе в комнаты.

– Это и моя вина. Не смог научить, – закричал, поднимаясь, старик. – Завтра я съезжаю, – бросил он, направляясь на кухню. – Мой контракт уже кончился.

Отец молча вышел на улицу и мягко прикрыл входную дверь.

Только Федор остался и не отпускал меня никуда. Так бы я, наверное, тоже нашел куда пойти. В Верхний Новгород, например.

– Все будет хорошо, – заверил он меня, прижимая сильно-сильно. – Завтра мы извинимся, и нас простят. Только ты больше так не расстраивай папу, пожалуйста!

Защипало в глазах.

– Обещаю.

Пара месяцев на новом месте – достаточный срок, чтобы случайно приобретенные вещи заставили изрядно задуматься, как упаковать их в два габаритных чемодана, с которыми прибыл в этот дом. Впрочем, не самая великая проблема – кое-что можно оставить, например, преподнести в дар хозяевам учебники и учебные пособия. Часть обезличенных безделушек бросить в урну, предварительно сломав так, чтобы не возникало искушения починить и вернуть владельцу. Главное, не забыть вещи, которые захотелось бы отослать вдогонку. Потому что эта личина не имеет адреса, а фамилию и имя, указанные в документах, никто не свяжет с его

внешностью – если только по паре-тройке фальшивых телефонов, которым предначертано навеки замолчать через неделю. Хотя облику тоже суждено измениться.

Холод из раскрытого окна помогал двигаться быстрее, покрывал изморозью ледяной логики мысли и эмоции. Его дела ныне завершены, настало время уходить навсегда.

Основную угрозу от Максима он убрал, мягко и ненавязчиво подтолкнув Михаила к очевидной мысли о смене школы. А в стенах обычного заведения бояться совершенно нечего – там не будет родовитых, не будет их семей, а значит, и конфликтов значимой величины. Даже если Максим все там сожжет, семья с легкостью откупится.

Хватит с него двух месяцев в отрыве от клана и рода. Свой долг он выполнил с довеском, начиная с учебы, завершая прикрытием в порту. Сила вернулась в прежнем объеме, а уж это – надежный показатель. Можно уходить. Совесть чиста. Но раз так, то почему он раз за разом пытается себе это доказать?

Старик присел на кровать рядом с распахнутым, словно пасть бегемота, чемоданом и незряче уставился в темноту дальнего угла. Да, у Максима остались проблемы. И наверняка будут новые – так всегда бывает в этом возрасте, когда кровь говорит голосами предков сильнее, чем собственный разум.

Там, в веренице благородных предшественников, не было ни одного, кто сомневался бы в своем праве затопить два корабля за оскорбление. И уж тем более никто из них не ставил под вопрос правильность своих решений, всегда считая их истинно верными и правильными. Другое дело, что у предков был разум взрослых, образованных людей, сила за плечами и наработанное десятилетиями мастерство интриги. Мальчику же пока достались только порывы. Дело известное, изученное, оттого в его возрасте переживаемое в удаленном дворце, под надзором наставников и воинов рода, которые и обучить могут, и по шеям надавать, пока дворец окончательно не разломали. Хотя совершенно непонятно, откуда эта мания стать императором...

Выходит, что винить во всем Максима – нельзя. Рассказать правду, забрать к себе и помочь – тоже нельзя, политика-с. Остаться здесь? Но он ведь не может бросить весь род ради одного юного и непоседливого представителя! Не может. Он сделал все, что мог. Все.

Раздраженно дернувшись от вновь полетевших по кругу мыслей, старик выудил из подкладки чемодана тонкий прямоугольник ноутбука и распахнул, расположив прямо поверх сложенных стопкой вещей.

Мягко вжикнули вентиляторы, разгоняя покой спящего режима операционной системы. Блеклый свет экрана отразился на противоположной от окна стене – не следовало никому даже случайно подглядывать за его содержимым. Плотнo закрыв и зашторив окно, старик потянул из боковой панели ниточку наушника с микрофоном, вызвал программу-терминал шифрованной связи и... с легкой неуверенностью нажал на вызов.

– Мы спим, – послышался после нескольких гудков недовольный девичий голосок. – И ты спи, деда.

– Тьфу, нашел у кого совета спрашивать, – чертыхнулся старик, сматывая наушник и упаковывая аппаратуру обратно.

Затем посмотрел на распахнутые чемоданы, разложенную здесь и там одежду – лежащую стопками, висящую на вешалках и на спинках стульев. Аккуратно сгрузил все на пол, забрался прямо как был, в одежду, под одеяло и закрыл глаза.

– Завтра все решу.

Недостойное его статуса поведение принесло настолько сильное облегчение, что он заснул за единое мгновение.

Глава 9

Бывают в конце осени тихие, яркие дни – с чистым небом и добрым солнцем, покрывалом золотых листьев и ветром, что затаит дыхание, глядя на эту красоту. Особенно прекрасен такой день ранним утром – без спешки, шума автомобилей и людской суеты. Не каждому дается шанс увидеть такое, но тем, кто сподобился встать еще до рассвета – определенно повезет.

На окраине города, посреди малоэтажной застройки, огороженной невысокими заборами, в утренний час медленно катили две машины, непохожие друг на друга, как богатство и бедность, – черный лимузин и выдавший виды белый грузовик. Но и через тонированные стекла, и сквозь лобовое стекло с паутинкой трещин одинаково внимательно всматривались в указатели на домах, запутанные и совершенно бестолково развешанные, как это частенько бывает, когда очень старые дома соседствуют с новостроем.

Однако каждому поиску суждено завершиться, и вскоре странная пара синхронно нырнула на дорогу, ведущую к огороженной территории, и остановилась прямо посреди большой, но неглубокой лужи, оставшейся на память от ночного дождя. Вода плеснула испуганной волной под колесами, но тут же замерла, отразив хромированный диск длинной машины, а затем, на фоне неба, распахнутые двери. Из водительской мощно вышагнули военные берцы, из пассажирской же для начала показалась массивная трость темного дерева, а потом и лакированные туфли ее хозяина, не спешившие касаться воды.

Ко второму мужчине тут же подскочил молодой помощник, предложил руку, чтобы опереться, – ибо тот носил трость не просто так, а, судя по неловким движениям и подволакивающейся левой ногой, действительно в ней нуждался.

– Так постою, – отмахнулся мужчина и с неприкрытым интересом принялся изучать невысокое, в два этажа, здание за изящным забором и яблоневым садом в десяти метрах перед собой.

Двери автомобиля так и осталась открытыми. Впрочем, будь они оставлены даже без присмотра, опасности для имущества практически не было – номера длинной машины работали лучше всякой охраны и замков. Вернее, их отсутствие – ни цифр, ни букв. Один герб из потемневшего дерева с чуть грубоватой резьбой. Редкое явление, для людей простых

означающее только одно – лучше не связываться. Людям же служивым герб терпеливо давал ответы на все возможные вопросы: да, мы провозим оружие; да, может быть, мы даже нарушили закон; нет, вы не можете нас остановить. А еще вы не можете остановить плохонькую «газельку», что прикорнула в пяти метрах за роскошным лимузином, потому что она под нашей защитой.

Разумеется, сиятельные князья, владельцы земли, а также их слуги могли бы останавливать, обыскивать и вообще вести себя по-хамски с владельцами любых гербов, но как-то глупо и вредно для собственного здоровья ссориться с крупнейшей в империи частной армией одаренных. Древичей не особо почитали, но вы ведь не отвечаете поклоном ядовитой змее, встретив таковую в лесу? Вы просто обходите ее по широкому кругу... Хотя желающих прибить тоже может оказаться немало, но то – одну, да с палкой или огнем в руках. А если, убив полоза, привлечешь сотню кобр?

Из «газели» тем временем выбрался высокий юноша, с хозяйственной заботливостью оглядел неказистый транспорт и для порядка простучал колесо носком штиблеты. Тут же спохватился и протер замшевой тряпочкой обувку, проверил стрелки на выглаженных брюках, огладил белоснежную рубашку и слегка поправил лепесток красной бабочки.

– Куртку накинь, – бросил ему мужчина с тростью, не оборачиваясь.

– Ага, – подбежал тот к лимузину и с благодарным кивком принял недостающую деталь костюма у другого водителя – такого же молодого, как он сам, в похожей одежде, но в очках.

– Идем, – сделал мужчина первый короткий шаг и тут же замер.

Его взгляд наткнулся на металлический прямоугольник с княжеским гербом над калиткой и изрядно потемнел.

– Один пойду, – изменил он решение. – Толик, Семен, по машинам, и моторы не глушить.

Ребята коротко кивнули и отступили назад. На лицах их, правда, мелькнуло желание оспорить приказ, но исчезло быстро. Мужчина в берцах оправил мешковатого вида коричневую куртку, накинутую поверх белой водолазки, и молча развернулся, оглядывая подходы к дому.

Конец трости вдавил звонок справа от двери, и из глубины помещения донеслись еле слышные переливы мелодии. Оставалось только ждать, готовясь на всякий случай к худшему. Потому как еще никогда княжеское внимание, выраженное щитком над дверью, и просьба срочно привезти очень много денег не означали ничего хорошего.

Но вопреки недобрым мыслям первыми из двери показались

любопытствующие мордашки двух девчонок лет семи, которых тут же оттеснил мальчишка чуть постарше, а затем вся малышня пропала, дабы уступить место чуть растрепанному на вид старику в помятом костюме.

– Чем обязаны? – грозно спросил он с порога, разглядывая через голову мужчины лимузин и грузовик.

– Нам бы Максима, уважаемый, – дружелюбно ответили ему.

Старик порывисто вздохнул и привалился к двери, заодно пресекая любопытство юных обитателей дома.

– Что он опять натворил?

Мужчина озадаченно оперся на трость.

– Я вот хотел узнать то же самое.

Дверь вновь отворилась, выпуская еще одного жителя дома – лет сорока на вид, в брюках, тапочках и рабочем фартуке поверх рубашки.

– Это к Максиму, – сообщил ему старик, указывая на гостей.

– Что он опять натворил?!

Гость растерянно оглянулся назад.

– Мы просто его старые друзья!

– То есть он ничего не сжег, не сломал, никого не побил? – не поверили ему.

– И не утопил? – добавил старик.

– Нет! – Мужчине отчего-то подумалось, что ему ни на грамм не поверили. – Он просто попросил нас приехать!

К его счастью, в окне первого этажа показалось знакомое лицо.

– О, это ко мне, – раздался довольный звонкий голос.

Тут же из раскрытой рамы немного неуклюже вылезла нога в гипсе, а затем и молодой человек целиком.

– Максим, упадешь! – ахнули с крыльца.

Но тот уже повис на руках, удерживаясь за карниз, и аккуратно спустился на землю.

– Там у дверей пробка, – чуть смущенно ответил он всем и активно заковылял на негнущейся ноге к дорогим гостям. – Очень рад. Папа, идите все сюда – мои приехали!

– Не знаю, какие такие «мои», – заворчал старик с крыльца и скрылся внутри дома, щелкнув напоследок замком.

Из-за дверей раздался разочарованный стон в три голоса.

– Вырос-то как, – приобняв рукой, оглядел Максима старший гость.

– Пап, знакомься, это Николай Иванович. Мой... первый учитель, – отступил он на шаг, представляя незнакомца хозяину дома. – Дядь Коля, это Михаил Александрович.

– Очень приятно. А вас я, кажется, знаю, – осторожно подержавшись за руку, повернулся Михаил ко второму взрослому. – Это ведь с вами мы в Багиево...

– Именно, – пресек тот ритуал узнавания и отметил новую встречу крепким рукопожатием.

Тут и водители машин, повинаясь разрешающему кивку, подошли, немного робея. И столь же неуверенно потянули руки к Максиму.

– Приве-эт! – ответил тот объятием, умудрившись сжать обоих, а потом уже, уловив нотку недовольства на лице дядь Коли, степенно раскланялся.

Заодно и молодые люди довольно покраснелись, забыв о прежней неловкости.

– А я вот тут живу, – махнул рукой Максим в сторону дома и повел друзей за собой, умудряясь на одной здоровой ноге двигаться быстрее, чем остальные на двух. – А вы как? Вижу, неплохо, – остановился он возле лимузина и, посерьезнев, повернулся назад.

Друзья резко отшатнулись.

– Максим, – кашлянул Николай Иванович и шагнул вперед. – Все, что тебе принадлежит, – на месте. Просто мы поменяли часть наличных на счет в банке. Бумажные и цифровые деньги стоят по-разному, и это, – качнул он тростью в сторону машины, – часть разницы.

– Неплохое отличие, – задумчиво ответил Максим и направился к грузовику. – И сколько?

– Два процента. Почти настолько же отличаются наличные от золота.

– А алюминий? – заинтересовался Максим и даже приостановился на секунду.

– Думаю, сравнимо, – осторожно ответил дядя Коля, продолжая удерживать остальных за своей спиной.

Молодежь и сама остерегалась приближаться, а вот Михаил очень даже заинтересовался беседой, явно имея несколько важных вопросов, но подойти, увы, не удавалось – вниманием полностью завладел старый знакомец, словно специально оттянувший его на пару шагов назад и задававший пустячные вопросы про дом и сад.

– Тогда отлично, – вновь расцвел улыбкой Максим.

– Оставить тебе его? – чуть замешкавшись, кивнул в сторону лимузина Николай.

– Нет. Он ведь не просто так? – на него внимательно посмотрели снизу вверх.

– Меня восстановили в организации. Моей.

– Где они были раньше? – В ленивом голосе проступили стальные ноты.

– Хм... – задумался тот на пару секунд. – Вот представь, человек находится под водой и тебя не слышит. Можешь ли ты с ним говорить?

– Так пусть вынырнет и поговорим!

– А если он... не хочет выныривать? – с затаенной грустью спросил Николай. – И сам топит себя, стремясь пойти на дно?

Максим с несвойственной возрасту серьезностью выслушал и понимающе качнул головой.

– С твоей помощью я... выплыл. Со мной поговорили, дали работу в соответствии с опытом и возможностями. А тут такая удачная акция на лимузины, – со смешинкой завершил дядь Коля.

– Ясно. Для работы – можно, – заключил Максим и с мгновенно вернувшейся улыбкой развернулся к остальным. – Толик, показывай, что привез.

Контраст настроений явно сбил того с толку – к фургону парень приближался с некоторой робостью. Но пломбу с гербовым узором (как на номерах) срезал уверенно и двери отворил сноровисто.

– Вот, – набравшись храбрости, гордо выпятил он грудь, показав рукой внутрь кузова.

Там, в самом центре, на пьедестале, сооруженном из деревянной подставки, накрепко прикрепленной дощечками по бокам и стропами к бортам, стоял стеклянный куб с гранью в полметра. А в том кубе подмигивала платиной заглянувшему из-за спин солнцу банковская карточка. И более в кузове ничего не было.

– А... зачем грузовик? – растерянно произнес папа Миша, окончательно запутавшись в громаде вопросов и паутине мыслей.

– Максим сказал – на «газели»! – фанатично ответил Толик.

– О, – удивился Максим, глянув на товарища. – А позвонить?

– Мы хотели! Даже кидали монетку, кому звонить, – поведал Семен.

– Хм? – все с любопытством повернулись к нему.

– Так он не показал, что выпало, а монету проглотил, – обвиняюще ткнул он пальцем в товарища.

– Все не так было! – возмутился Толик. – И вообще! Я тебе сразу говорил – ему деньги ради денег нужны, а не для того, чтобы в них с разбегу прыгать!

– О-о, – задумчиво протянул Максим.

– Не советую. Я пробовал – больно.

– Тогда ладно, – милостиво махнул тот рукой и попытался взобраться

внутри. – Лестницу бы.

– Я могу залезть! – пискнули сзади голосом Федора.

– И мы! – поддержали девчонки.

– Вы-то как выбрались?! – с показной строгостью всплеснул руками папа Михаил. – Я же сказал – ни шагу за дверь!

– А мы через окно, – тоном опытного крючкотвора ответил Федор. – Я держался, а они по мне слезли. Только уху больно...

– Потом и попе будет больно! А если бы ты сорвался?!

– Нет, у него хватка, как у сварки, – Максим прижал к себе Федора и с гордостью показал остальным. – Знакомьтесь – мой брат, Федор, великий мастер, между прочим. А это Тоня и Катя, сестры, частные инвесторы.

– Кто? – не понял папа.

– Не важно, слово-то хорошее, – отмахнулся Максим. – Так кто полезет?

– Да я мигом, – взлетел вверх Толик, отвинтил что-то на стойке и ловко выудил из прозрачного куба карточку вместе с десятком подшитых документов, до того лежавших на дне. – Вот, двести миллионов, – протянул он все Максиму.

– С-сколько? – поперхнулся Михаил, ошарашенно переводя взгляд с карты на Максима и обратно.

– Ну, там двести три, – поправился Толик. – Вдруг комиссия.

– Зачем двести миллионов?!

– Двести три, – поправил Максим, с интересом рассматривая карточку и даже колупнув ее ногтем за край магнитной ленты (тут сердце прихватило сразу у всех).

– Она невкусная, – заявил дядя Коля и тут же поймал осуждающий взгляд Михаила. – Вы просто его не знаете, – поспешил он оправдаться.

– Так, подождите, – схватился Михаил за голову. – Это розыгрыш, да? Не может быть... вот так... чтобы в «газели»... И столько...

Судя по невозмутимому виду гостей – могло. И это пугало.

– Двести миллионов – на соревнования, – успокаивающе погладил отца по руке Максим. – Ну а на сдачу я еще пластилин Федору обещал.

– Какие соревнования? – пришло время удивляться Николаю Ивановичу и ребятам.

– Да там дело верное, – отмахнулся Максим, закидывая карту в карман рубашки. – Пара туров, и алюминиевый завод дают.

– А мы? – вскинулись ребята.

– Там команда только из одной школы, – виновато пожал тот плечами. – Я бы вас в первую очередь позвал.

– А вам вообще – в университет поступать! – гаркнул им в ухо Николай. – Никаких соревнований! Вон машины проверьте, выезжать скоро.

– Максим, – заикнулся было папа Михаил, судя по серьезному виду, явно собиравшийся сказать примерно то же самое.

– Обсудим чуть позже? – с просительной интонацией заглянул ему в глаза Николай Иванович, скосил взгляд на бывшего воспитанника и легонько кивнул, подтверждая тему беседы.

– А вы Машка не привезли? – поспешил сменить тему Максим, двинувшись к дому.

– Гхм, – смутился Николай. – Понимаешь, какое дело...

Беседа как-то сразу заглохла, сменилась тягостной паузой.

– После того как ты уехал... Через неделю, наверное... Машк вышел погулять – надолго, как обычно. Такое с ним часто бывало, верно?

Максим прикрыл глаза.

– А потом не вернулся, – с некой растерянностью завершил дядя Коля.

– Значит, скоро придет ко мне, – пожал плечами Максим, не выразив ни грамма сомнения в своих словах.

– Два месяца прошло...

– Не пропадет, – категорично отрубил Максим. – Он умеет устраиваться в жизни.

– Думаешь?

– Вот вас кто-нибудь бесплатно кормил три раза в день?

– Нет, разумеется.

– Вот видите! – закрыл он тему. – А Лайка?

– А Лайка в собачьем раю.

– Что?!

– На мясокомбинате, сторожем, – нервно поправился Николай. – Привет тебе передает. Вот, секунду, – торопливо махнул он рукой и, повинуясь жесту, водитель лимузина скоро достал что-то из салона.

На проверку этим «что-то» оказалась картонная коробка, оббитая чем-то мягким. Внутри лежал ослепительно-рыжий щенок, сонно разглядывающий все вокруг.

Довольно большой для еле открытых глазок, с массивными лапами и узнаваемыми чертами немецкой овчарки.

– Вот, – торжественно протянул дядь Коля щенка Максиму.

Тот аккуратно принял его, поднял над головой, показывая всем, а затем с мрачной торжественностью, как некогда создатель сотворенному Франкенштейну, прогремел:

– Я назову тебя Бранд!
– Это девочка, – испортил всю торжественность момента Семен.
– Ух ты! – пискнули Тоня с Катей, ловко пнули Максима по коленной чашечке, дернули за ухо и отняли щенка. – Бруня-а!
– Тоня, как можно! – возмутился Михаил и вместе с Николаем заспешил вслед за убегающими девочками.

Но Николай не особо торопился, опытным взглядом приметив, что погоня скоро заглохнет, а значит, появится возможность поговорить наедине.

– Хана затее, – констатировал Максим, потирая коленку.
– Бруня, – задумчиво почесал затылок Федор. – Боевой робот убийца... ня?
– Какой там боевой, сейчас бантик на шею наденут и что-нибудь розовенькое сошьют, – махнул рукой брат.
– Так ведь «ня»?
– Вы о чем? – заинтересованно спросил Семен, помогая Максиму подняться.

– Да мы хотели щенка в пилоты боевого робота. А теперь уже все, – с грустью посмотрел он на угол дома, за которым скрылась банда похитителей.

– А это будет работать? – Взгляд Семена загорелся неподдельным интересом.

– Разумеется, – покровительственно кивнул Максим. – Федор – мастер, я ведь говорил.

Рекомый важно надул щеки. Но затем, встретив ироничный взгляд, решил просто выставить правую ногу чуть вперед и гордо поднять подбородок.

– А обязательно щенка?
– Да не особенно, – ответил Федор, явно почуяв за интересом деловое предложение. – Главное – чтобы была хоть какая-то обучаемость.

– Я на секунду! – мигом сорвался Семен и почти столь же стремительно вернулся, на этот раз с коробкой чуть поменьше. – Вот, – вздохнул он грустно, открывая крышку.

Внутри обнаружилась крупная белая мышь.
– Дрессированная! – осторожно погладив, произнес с любовью. – Лабиринт проходит только так! Только в университетское общежитие с ней нельзя. А дома следить некому. Возьмете? – просительно глянул он на друзей.

– Возьмем, – с подобающей торжественностью принял коробку Федор.

- Ты будешь гордиться ею, – похлопал по плечу Максим.
- Первая мышь-пилот! – добавил его брат.
- Я буду звать ее Мрак! Мышь-робот аннигилятор классический.
- Ее Лучинкой зовут.
- Ну или Лучинкой, – довольно согласились с Семеном.

Между тем взрослые остановились перед непреодолимой для степенных и образованных людей преградой – лезть за девочками в штаб на дереве конечно же было несложно, но крайне несолидно при свидетелях. Так что погоня ограничилась грозными заявлениями и обещанием лишить сладкого. И хоть наверху тревожно притихли, переживая будущие санкции, но назад не спустились. Потому что дружба – она дороже! Хотя, судя по слегка жалобному поскуливанию, дружба пока была односторонней, но в этой семье определенно знали толк в подобных отношениях.

– Так что за конкурсы за двести миллионов? – Николай мягко отвел Михаила в сторону, приглашая на прогулку по тропинке вокруг дома.

– Совершенно бестолковая идея, – обреченно махнул тот рукой. – И началась бестолково и завершится не лучше, чувствует мое сердце. Может, зайдем в дом? – зябко переступил он с ноги на ногу, поскольку обут был в домашние тапочки.

– Разумеется, – спохватился Николай, сворачивая к двери.

Дом встретил гостя недружелюбно – спиной тут же удалившегося домоправителя и дверью, громко хлопнувшей где-то внутри здания. Зато на кухне обнаружился горячий чай и блюдо с печеньем, пробовать которое первый десяток минут гостю пришлось в одиночестве – хозяин дома, извинившись, собрал теплую одежду для девочек и бегом удалился в сад.

– Максим все это затеял, – бухнулся на противоположный стул Михаил, пододвигая к себе чуть остывший взвар. – Хотел маленькое соревнование между школами устроить. А потом... Что-то пошло не так, – тактично опустил он детали.

– И мы получили конкурс с призовым фондом в двести миллионов? – ошарашенно поднял брови Николай.

– Со стартовым взносом в двести миллионов, – с некой обреченностью поправил его собеседник. – На имперском уровне, под патронажем клана Долгоруких и лично цесаревича Сергея Дмитриевича.

– Ого, – поперхнулся Николай чаем.

– Вот именно, что «ого». А теперь он хочет в этом конкурсе участвовать.

– Логично.

– Чего логичного?! У него нога сломана! – всплеснул руками Михаил.
– Он ведь придумал этот конкурс, – нейтрально пожал дядь Коля плечами. – Разумеется, он хочет в нем участвовать.

«А еще взносы несут не ему, и как бы это не раздражало его еще сильнее», – не произнес он вслух.

– Его там всего переломают за такие деньги! Это уже не шутки! Как он не понимает?!

– Он, разумеется, все понимает, – не согласился Николай. – Если рискует такими деньгами, то у него есть план.

– Да нет там риска, взнос возвращается после соревнований. У княжества особые условия, как у... автора идеи.

– Тогда вообще нет причин для переживаний.

– Он маленький мальчик!

– Который вывел вас из умирающего города? – поднял бровь гость. – Не надо судить Максима по виду и возрасту.

– Но он ведет себя как маленький... – немного обескураженно произнес Михаил. – Все эти шалости... драки... Я даже школу решил поменять...

Николай взял минуту для размышлений и вновь занялся чаем. А когда минута истекла, задал главный вопрос, о котором представитель довольно видной и старой семьи должен был задуматься в первую очередь:

– А вы знаете, что мальчик одаренный?

– Да, разумеется, – встрепенулся Михаил.

– На какой эмоции базируется его Сила? – внимательно смотрели на него глаза, достойные строгого экзаменатора.

– Н-на чести? – тоном троечника ответили ему. – Он ведь из...

– На любопытстве, – пристукнул носком туфли Николай. – Это – его душа, его смысл и его суть.

– Но это же!..

– Почти не встречается, да. Но в этом – весь Максим. И знаете, что ему любопытней всего в данный момент?

– Соревнования?

– Нет. Ему любопытно, насколько вы его любите. Как далеко он может зайти, чтобы не стать вам чужим. Даже если он не отдает себе в этом отчета, Максим всеми силами старается это проверить.

На кухне установилась мертвая тишина, такую можно услышать только на контрасте с сильным грохотом. На этот раз – это был гром осознания. И вроде даже строчки книжицы про приемных детей, читанные Михаилом укладкой, всплыли в памяти...

– Докажите, что вы будете его любить всегда, даже если он уничтожит весь мир. – И, опережая следующий вопрос, Николай произнес: – Можно просто словами.

– А он не кинется это проверять? – кисло улыбнулся отец семейства и понурил голову.

– Ему неинтересно проверять слова тех, кому он доверяет и кого любит. Они для него – он сам. А себе он верит.

– То есть на соревнования я должен его отпустить? – поднял Михаил взгляд на собеседника.

– Я вам больше скажу, если вы воспрепятствуете, он все равно там окажется, – усмехнулся Николай. – Даже если бы у него не было денег, он все равно участвовал бы, пусть и вне конкурса. И ему все равно, что подумают другие.

– Любопытство? – понял отец.

– Да. Только в таком раскладе есть маленькая неприятность.

– Какая?

– За призом он тоже пришел бы, – усмехнулся Николай в чашку. – За настоящим призом.

– О-у...

– Так что не мешайте, а лучше помогите. Он оценит. Тем более... какой там первый конкурс?

– Танцы. Но у него нога сломана...

– Вот, отлично. Пусть проиграет сам, по официальным правилам. Даже была бы нога целой – Максим все равно не умеет танцевать.

– Он ведь расстроится...

– Шутите? Это же Максим! – недоверчиво глянул дядь Коля. – За следующий год он станет лучшим танцором в империи! Разумеется, если любящая семья поможет ему с учителем.

– Денег не пожалею, – торжественно пообещал Михаил.

– А вообще, раз такое дело... – задумался гость. – Вы ведь все равно решили переводиться в другую школу?

– В этой оказалось слишком много аристократов, мы даже не ожидали, когда устраивались. Конфликты между детьми... Сами понимаете, с какими последствиями, – виновато перевел он взгляд на улицу.

– Может, получится в нашем подшефном учреждении? – подал идею Николай.

– Так это ведь далеко? – сразу отклонился на спинку стула Михаил, в знак отрицания сложив руки на груди.

– Да сейчас же Интернет, можете разговаривать хоть каждый день! –

зажегся идеей гость. – А на выходные его будет привозить машина и в понедельник забирать, а? Вот смотрите, в Дубках у нас отличная школа для одаренных. – Николай показал ладонь и сжал мизинец. – Владеть своим даром – необходимо, вы ведь не будете спорить? Дисциплина там железная. Никаких каверз или драк. Сейчас у мальчика самый возраст, гормоны бушуют – а там такие нагрузки, что вся дурь пропадет. Индивидуальная программа, опять же, с учетом базиса Силы.

– Как бы это не выглядело для него наказанием, – с прежним сомнением протянул отец.

– Нет-нет! Ведь главное – от Дубков... или от Березки, там тоже отличные наставники... можно будет отправить отличную команду на соревнования! Первый тур пролетит мигом, он остановится на боевке и выживании. Проиграет, да, но какой гигантский стимул для самосовершенствования! Вы ведь хотите получить в семью бойца ранга «учитель»?

– Мы не любим воевать... – уже сомневаясь, ответил Михаил.

– В Багиево тоже не любили, – жестко ответили ему. – У вас две дочери и маленький сын. Кто должен будет их защищать? Да хотя бы со статусом большого и сильного брата!

– Может, что-то в этом и есть, – пробормотал Михаил через минуту. – Все равно школу обязательно надо менять... А там команда распадется... Но двести миллионов?! Это нам вернут, а вам никто не вернет!

– Не нам, – категорически качнул головой Николай. – Это деньги Максима. И я бы очень не советовал путать их со своими и пытаться ими распоряжаться.

– Такая дикая сумма...

– Что обойдется дешевле – потерянные двести миллионов или попытка захвата алюминиевого завода в обход настоящего победителя?

– Там еще ГЭС... Бред какой-то, – схватился за голову Михаил. – Его же убьют.

– Вот и ответ. – С абсолютно спокойным видом Николай закинул внутрь себя печеньку.

– Дурацкое любопытство...

– Э-э нет, – погрозил он новой печенькой, удерживая ее между пальцев. – Если любопытство исчезнет, будет гораздо хуже. Для всех. Уж поверьте, – невольно содрогнулся Николай. – Я видел. Так что, переводим в Дубки?

– Не лишено смысла, – обдумав услышанное, принял решение Михаил. – Можно я посоветуюсь со старым наставником Максима?

– Пожалуйста, – щедро махнул рукой гость с довольством сытого кота.

Наставник в общем-то не особо был рад предложению, но постановке вопроса «а тут предлагают надежную новую школу с отличными учителями» не противился. Ровно до того момента, как услышал название «школ».

– Че-эго-о?! – турбиной прогудело по дому. – Ноги Максима там не будет!

– Но послушайте!

– Нет! Это вы послушайте, это не школа! Это военный лицей!

– Так, может, ему там будет лучше?

– Нет! Нет! И еще раз нет! – пнул старик ногой дверь и с грозным видом показал гостю на выход.

– Но нам все равно надо менять школу...

– Не надо менять!

– Но вы сказали – надо!

– А сейчас – нет! У Максима там друг! – загудел старик, выпроваживая всех из дома.

– Да они только вчера подружились!

– Зато он так много пережил!

– Но вы ведь все равно уволились, – раздраженно застыл на месте Михаил.

– А сейчас – передумал! Это, может, мой педагогический долг! Я осознал свою ошибку и прошу дать мне шанс все исправить!

– Ну, может, действительно? – с сомнением произнес Михаил.

– Если что, спросите у Максима мой телефон, – примиряюще улыбнулся Николай, стоя уже за порогом дома. – Совершенно необязательно переводить его прямо сейчас.

– Так и сделаем, – выдохнул отец.

– Даже не думайте! – погрозил старик кулаком небу.

– Но напоследок, чтобы не с пустыми руками уезжать, – проигнорировав грозные жесты, обратился дядь Коля к Михаилу. – Вы не могли бы мне помочь? – показал он на пиджак. – Достаньте из внутреннего кармана коробочку, будьте добры. Руки не совсем меня слушаются.

– Да, разумеется, – засуетился Михаил и выудил потертый квадратный коробок из бересты шириной полтора сантиметра и десять высотой.

– Откройте, вот так, спасибо. – Николай бережно подцепил рукой лежащий в коробке прямоугольник темного дерева, показал хозяину дома и со всей серьезностью спросил: – Вы не будете против?

Тот не сразу понял вопрос, зачарованно глядя на угловатую резьбу из

рун и грубых обозначений волн и корабля с распахнутыми парусами на нем. А когда осознал – медленно кивнул, не особо веря тому, что происходит. И сварливый старик как-то притих, с совершенно непонятым выражением лица наблюдая за происходящим.

Николай, дождавшись разрешения, просто приложил дощечку к стене над дверью. Убрал руку, а та осталась на месте, будто бы зацепилась за что-то.... Но каждый из трех присутствующих знал, что крепление надежно и не страшны ему ни стихия, ни время, ни злая воля человека. Даже если будет пожар – все сгорит, но не косяк этой двери с защитной меткой на нем. Только двое во всем мире могли ее снять – хозяин дома, давший разрешение, и особый человек, коему Древичи доверили размещать охранные калиты, своим словом и именем защищая всех обитателей сего места.

– А... – растерянно протянул Михаил. – Нам за это... Надо будет... Ну...

– Пока Максим живет в этом доме – нет.

– А вам Максим кто? – не удержался от вопроса старик.

– Всё, – загадочно ответил Николай и коротко поклонился. – Всего наилучшего.

Глава 10

Поверхность стола помнила множество рук: их силу, проминающую дерево от злости, их глупость, от которой на ровной поверхности остались борозды от ногтей и стали. Некоторые ужасались содеянному и пытались выровнять, сгладить порезы. Другие обманывались, думая, что царапины останутся безымянными – их слишком много, этих рук, чтобы определить виновника. И только плотник знал всегда – ему заплатят. Чужие грехи навсегда исчезнут под слоем лака на крепко сколоченных досках. Гладь обновится, но люди продолжают совершать ошибки и платить за них.

На угол стола лег прямоугольник из синего картона, украшенный паутиной серебристых линий, свитых в старомодную букву «В». Движение рук – и упаковка раскрылась пеналом, демонстрируя десяток ромбиков с мизинец величиной, обернутых золотой фольгой. Драгоценная оболочка – для драгоценного содержимого.

Легкий кивок – и еще пять таких же упаковок легли рядом.

Солидный звук касания поверхности лучше слов рассказал о весе. Витая эмблема подтвердила качество. Количество соответствовало договоренности. Но тишина за столом не сменилась беседой.

Еще шесть упаковок легли на стол – выкладываемые чуть дрожащей рукой, раз за разом все более нервно, пока последняя чуть не упала на пол из-за неловкого жеста.

– Верни ее! – Чего было больше в этом крике – страха, надежды или отчаяния?

Пальцы, украшенные перстнями, коснулись синих граней, неспешно отсчитали шесть и легонько придвинули к себе. То, что было положено сверх обещанного, осталось нетронутым. А просьба – не услышанной.

– Вот, возьми еще, – суетливо двигаясь, проситель выложил еще четыре упаковки, уже не так ровно выставив их на поверхности стола.

Орехи расстановки были тут же исправлены – пальцы задумчиво огладили солидные упаковки, медленно, неторопливо выравнивая по линии. А затем решительно отодвинули от себя одну за другой. Ответ – отрицательный.

– У меня нет больше. Может, деньги? – В этих словах осталось только отчаяние. – У меня есть, вот! Я могу принести еще!

– Мы же не работоторговцы, – с укором прозвучало в ответ.

И растрепанные купюры, собранные нелепым комом, замерли в руках

на полпути к столу.

– Чего ты хочешь? Я на все согласен!

Сквозь растрепанную челку длинных волос горели упрямством глаза, и даже сутулость на миг обернулась силуэтом загнанного зверя. Пожалуй, он действительно был готов идти до конца.

– У нее действительно так хорошо с запятыми? – невольно заинтересовался я, вновь погладив отложенные было упаковки дорогого шоколада.

Намек был встречен яростной надеждой и словами, вырвавшимися из самого сердца:

– Она – моя запятая!

– Даже так?

– Прямо как «в казнить нельзя помиловать»! – решительно выдохнул Ян.

– Хм, – откинулся я на стул. – А она об этом знает?

– Ну-у. – Ярость на щеках сменилась румянцем смущения.

– Поня-атно, – глубокомысленно произнес я, присматриваясь к неожиданной идее. – Ладно, попробую помочь твоей беде.

– Ты вернешь ее за мою парту?! – с надеждой попросил Ян.

– Толку от этого? Она же не знает про твою сердечную пунктуацию.

– Только не смей ей говорить! – сжал он кулаки и насупился.

– Я и не буду, – покладисто заверил толстяка. – Но какая разница, насколько она близко, если смотрит не на тебя?

Парень ссутулился еще сильнее и грустно шмыгнул носом.

– Есть у меня один вариант, беспроигрышный. Такой, чтобы «оно само».

Ян встрепенулся, явно расслышав в словах свою мечту.

– Но сразу предупреждаю – путь это нелегкий, полный боли и страха! – заметив некоторое сомнение в глазах собеседника, тут же добавил: – Но ты ведь на все ради нее готов?

– Д-да! – Ян нашел в себе решимость и выпрямил спину.

– Тебе придется извиниться.

– Да, конечно. Максим, извини!..

– Не сейчас! – пресек я его строгим тоном. – На людях!

– Ладно... – потерянно согласился Ян.

Вокруг прибоем сотен голосов шумела столовая, выбивая ритм жизни тарелками по столам. Но на общем равнодушном фоне великой стихии большой перемены явно угадывались заинтересованные глаза, а иные уши слишком подозрительно повернуты в нашу сторону.

– И не здесь! – Я подхватил салфетку, выудил из кармана ручку и двумя строчками назначил время и место. – Никому не показывай. Прочитаешь, когда будешь один, – протянул ему свернутый треугольником лист.

– Спасибо! – искренне выдохнул он.

– Деньги спрячь... Шоколад оставь... Иди.

Оставалось считать секунды, с интересом наблюдая, насколько хватит его терпения. На двенадцатом шаге, уже в дверях столовой, Ян воровато обернулся и с нетерпением развернул послание. Затем дочитал до второй строчки, с возмущением посмотрел на меня, дождался кивка, выдохнул обреченно – и съел угол салфетки.

А вытерпел бы до безлюдного коридора, и некому было бы кивать. Но да ладно – я выудил телефон и принялся организовывать небольшое чудо.

– Добрый я сегодня, – поведаль пустой тарелке и огладил живот.

Три котлеты и двойное пюре – истинный рецепт доброты. Глядя вокруг, на улыбающиеся лица школьников, весело подъедавших свои порции с тарелок, я убеждался в этом безмерно – особенно сравнивая с угрюмостью тех, кто склонился над жидковатыми салатиками, пытаясь нанизать траву на острие вилок. Но таких мало – и с каждой минутой их тяга к добру становится все необоримей, подтягивая к лотку раздачи...

Приятно сознавать, что все это – благодаря тебе. Но, как Прометей, даровавший людям огонь, я вовсе не собирался кричать об этом на каждом углу. Ограничился объявлением на входе.

От приятных мыслей отвлек строгий звук телефонного таймера – время.

Четыре лестницы пронизывали здание, соединяя первые и последние этажи. Находились они достаточно далеко друг от друга, так что затеряться в школе не было великой проблемой, как и избежать лишних встреч – при должной осторожности. Поэтому спортзала я достиг в одиночестве, хоть и пришлось дважды подниматься на этаж выше и переходить на другой лестничный пролет.

Огромный спортзал тоже был на редкость удачно расположен – прямо посередине этажа, оттого имел три лишних входа со стороны коридора. Два из них обычно были закрыты изнутри, но вчера я предусмотрительно пододвинул засов так, что язычок его на миллиметр выскользнул из петли.

– Приветствую всех! – зычно поздоровался со спинами конкурсанток.

Грянул гром дружного «прыжка на месте с разворотом» – и каблуки не помешали.

– Гхм, – откашлялся, подбирая правильные слова – такие, чтобы

понравились моему чувству самосохранения.

Просто они так смотрят... Недобро... А теперь идут... Медленно... Все ближе... И ближе...

– Смирно!!! – рявкнул я.

В дверях напротив мелькнуло удивленное лицо физрука.

– Для получения наград! По р-росту! Шагом! Арш!

Физрук дрогнул и тоже потянулся к стихийно образующейся линии.

– С каблуками в начало строя! – добавил я порядка.

Физрук развернулся и замаршировал обратно. И отлично – на него медальонов все равно не дали.

– Равняйся! Смирно! – Я прохромал мимо бессмысленно-воодушевленных лиц. – Поздравляю с прохождением конкурсного отбора!

– Ура! – прогремело под потолком.

– Каждая из вас признана прекраснейшей! Несравненной! – вещал я вдохновенно, подбираясь к началу строя. – И для каждой мы приготовили достойную награду! – наконец я воздел руку над головой.

– Ура!

Линия слегка изогнулась, отражая любопытство хвоста строя к процессу награждения. Но одергивать я не стал – вместо этого выудил плоский короб из специального крепления на внутренней стороне костюма.

– «Рассветные медальоны» из серебра и аметистов! – раскрыл крышку, демонстрируя несколько десятков цепочек, неплотно обернутых вокруг шести рядов и пяти колонок декоративных гвоздиков.

– Ох! – прошелестело по строю восхищение крупными сине-розовыми камнями изящной огранки и цепочками, сплетенными тройным кордом.

Или же – тем, что это какой-никакой, а настоящий артефакт с собственным запасом Сил! А может, всем одновременно. Но главное – на лицах играли улыбки, предвкушение, радость и восторг.

Я медленно шел от одной девушки к другой, позволяя забирать свою награду самостоятельно – кое-кто, правда, намекал лукавой улыбкой, чтобы я самолично застегнул цепочку, но я указывал на трость, и мне всё прощали.

– А это что? – перешептывались подруги, всматриваясь в глубину камней.

Вихрь шепота уже донес до каждой из них манящее слово «артефакт», и хоть все знали цену даже самым простеньким вещицам, названиями мало кто интересовался. Слишком много их, этих названий – все изделия в чем-то уникальны, даже если они из одного ряда, оттого мастера норовили дать им свои имена. Папа Миша этого крайне не одобрял. Хотя даже сейчас в

серии созданных на быструю руку медальонов (цепочки все до единой покупные, а камни – осколки одного большого) были разные по Силе изделия, однако все получили от мастера старое имя.

– Оно согреет ваши прекрасные волосы в стужу, – отбарабанил я подсказанную наставником заготовку.

– Это чтобы волосы сушить, – деловито пояснили из строя.

– Ух ты!

– Десять секунд – и все готово, – продолжил тот же голос. – И кончики не секутся!

– Вау! – выдохнул весь строй.

В общем, следующую заготовку с «овеет и сбережет» я оставил при себе. Крайне практичные люди!

– А как включать?

– Надавите на камень снизу вверх, – пояснил, чуть повысив голос.

Слева резко хлопнуло и дыхнуло теплой волной.

– Тихонечко, – поспешил я уточнить, глядя на ошарашенную девушку с прической королевского попугая. И взгляд похожий – округлый и бессмысленный... – Хм, да.

– А теперь о финалистах! Внимание!

Строй резко затих и вновь обрел стреловидную форму.

– Как вы знаете, все ваши великолепные результаты нами крайне внимательно регистрировались в блокнотах! Абсолютно беспристрастно мы выставляли оценки вашей безукоризненной грации и таланту! Действуя независимо друг от друга, мы сходились в одном – пяти баллов недостаточно для совершенства!

Выдержав достаточную паузу – такую, чтобы в должной мере подчеркнуть драматизм ситуации, я продолжил:

– Но!

Вновь пауза – и незаметный взгляд на секундомер. Пора.

– Блокноты, которые мы передали на хранение нашему товарищу, были им потеряны! Безвозвратно!

– Извините меня! – неуверенно крикнул из дальнего угла Ян, сверяясь с уцелевшим лоскутом от салфетки.

– Простите ли вы его – решать вам, – с горечью завершил я, разворачиваясь к противоположному от Яна выходу и быстрым шагом (пока они не опомнились!) покинул помещение.

А теперь – бежать! Пусть с тростью, не быстро, но бежать! До лестницы – вверх! Поворот! Еще поворот!

– О, Максим, ты здесь! Я тебя ищу! – чуть не впечатался в меня после

очередного поворота Пашка.

Еле затормозил.

– Давай потом. – Мне хотелось продолжить путь.

– Нельзя потом! – умоляюще-истеричным тоном произнес он, повиснув на моем пиджаке.

Хотел было стряхнуть его, но пригляделся и изумился – весь растрепанный, с застегнутой через пуговицу рубашкой, поехавшим набок галстуком и совершенно невероятным взглядом, Пашка выглядел как Лайка, еле выскользнувшая из-под КАМаза.

– Мак-сим! – с невероятным чувством произнес он мое имя. – Мы должны выбрать Екатерину Стольникову из одиннадцатого «В»! Очень, очень надо! Пожалуйста! Она такая! – поплыл он взглядом. – Максим! И еще, еще – Марину Аксюшину! Пожалуйста!

– Ничего не получится, – мягко отцепил я его левую руку от себя. – Я отменил соревнования.

– К-как отменил? – замер он с распахнутыми глазами. – Нельзя отменять! Ведь там Катя, Марина!

– А вот так, отменил. – Я закрепил его в вертикальном положении хлопком по плечу.

– Но Катя... Марина... – совсем растерялся Паша.

Я хотел было что-то ответить, но тут в дальнем коридоре появился бегущий Ян, а за ним с минимальным запозданием – толпа дам, вооруженная туфлями с острыми каблуками.

– На его месте должен был быть я, – шмыгнул Паша жалобно.

– Не дай бог, – вздрогнул я и похромал искать Таню, оставив товарища приходить в себя.

А через десять минут в классе вновь сидел один, то и дело ловя гневные взгляды Татьяны, бережно и осторожно обрабатывающей раны на лице и оттоптанных руках такого несчастного и жалобно постанывающего Яна. В глаза бы ему лучше посмотрела, в бесстыжие... И счастливые, этого тоже не отнять.

Справа на меня тоже смотрели равнодушно, но в глазах Пашки читалась укоризна и тоска, столь же густые и темные, как помада в просвете его рубашки.

Да и от учительницы исходил заметный интерес пополам с демонстративным возмущением – это она с моим дневником ознакомилась. Мало у кого есть запись «АААААААА!!!» за подписью директора.

– Класс! – хлопнула входная дверь, и все три ряда дисциплинированно поприветствовали Руслана Артемьевича.

– Садитесь, – ответил он мягкой улыбкой. – Марья Ивановна, можно сделать объявление?

– Разумеется, – ответила она, глянув из-за толстых стекол очков.

Руслан прошел к доске, оставив дверь открытой, откашлялся и с бодрой улыбкой посмотрел поверх моей головы. Потому что когда он на меня смотрит – у него глаз дергается.

– Рад сообщить вам, что в вашем классе пополнение!

Класс зашептался и забурлил.

– Прошу любить и жаловать, Светлана Джонс! – повел он ладонью к входу.

Из коридора в класс шагнуло чудное золотоволосое создание в школьной форме.

– Пожалуйста, не обижайте ее и помогите освоиться. Она родом из-за океана, поэтому не совсем ладит с русским.

– Моя мама родом отсюда, – смело глядя на класс, с легким акцентом подтвердила новенькая, внимательно изучая людей за партами.

И совсем скоро остановилась на мне. Надолго. Что-то продолжал говорить Руслан Артемьевич, поддакивала ему учительница, поднимались со своих мест ученики, называя свои имена. А мы ничего не слышали, изучая глубину радужек друг у друга.

– Максим! – выплыло из общего фона мое имя.

– Максим, – подтвердил я, но с места не встал.

– Максим, – эхом откликнулась Светлана.

Та самая Светлана – из лета, из гулких коридоров закрытой секции.

– Словом, еще познакомитесь, – раскланялся Руслан и подозрительно быстро скрылся из кабинета.

Это, наверное, чтобы за трехместную парту не отвечать. Хотя, видимо, уже не надо.

– Света, во втором ряду есть свободное место, – подсказали ей.

Позади задохнулся от возмущения Ян, переводя взгляд то на Таню, то на Свету, то – зло и обиженно – на меня.

За что тут же получил оплеуху поверх пластыря от разгневанной соседки.

А нет, трехместная парта определенно пригодится.

Шесть сотен лет тому назад тут был бурьян по грудь, ходивший волнами от лютого ветра с близкой реки, да песчаная коса, вливающаяся в темную чащобу, полную зверья и смерти.

Ныне же крошечные островки парков строго охраняют, а оставшиеся в

них белки пронумерованы и поставлены на учет. По расчищенным аллеям гуляют счастливые семьи, беззаботно касаясь дубов-исполинов, восхищенно закидывая головы и любуясь на верхушки столетних сосен. Деревья знают, какой ценой далось это счастье. Помнят, сколько крови было скормлено их корням. Тысячи историй жизни и смерти шепчут их ветви, но никому нет до них дела. Ведь это было так давно и никогда не повторится... Как не повторялось всю человеческую историю.

Шесть сотен лет назад было достаточно возвести крепость. Переселенцы, несколько месяцев тащившие за собой целые караваны повозок, заложили первый камень сразу же, несмотря на усталость и голод. Кто-то малодушно шептал о деревянном тыне, кивая на близкий лес, соловьем разливаясь о легкости затеи и тихо шепча о безумии ссыльного князя. История не помнит имени глупца, не осталось от него потомков, чтобы подсказать. Но зато многие подтвердят, что крепость заложили, соблюдая все традиции, по старинной примете живьем замуравав в фундамент человека. Только как его звали – тоже не вспомнят...

Рубили известняк, обжигали глину, собирали речной камень, поднимали стены детинца, денно и ночью охраняли стройку и окружившую ее кольцом преграду из скрепленных цепями телег. Пока достроили, потеряли пятую часть родичей. Новое место не жаловало гостей. Выстояли, превозмогли – и принялись возводить второй круг стен. А за ним и третий – все ради того, чтобы род жил и через шесть сотен лет. И все эти годы сияли белым неприступные стены на высоком холме у реки, обозначая место рождения общего счастья.

В наше время не осталось опасностей, от которых можно схорониться за высотой каменной преграды. Рубежи отчизны теперь больше в воздухе, чем на земле, и охраняются не зорким глазом, а высокотехнологичными системами противовоздушной обороны. Современный город растет вне стен, растекаясь по удобным для застройки равнинам и с неохотой взбираясь на холмы. Его центр будет совсем в другом месте – там, где воздвигнуты высотки государственных учреждений, оплетенные кольцами дорог. Старая часть города останется чуть в стороне, заповедником низкоэтажной застройки, местом для школьных экскурсий и туристов. Вот только в саму крепость хода нет никому. «Музейный комплекс «Старая Шуя» последние десять лет на реконструкции. И будет в таковом состоянии всегда, покуда Юнеско не снимет с него обременительный статус «исторического достояния». Ну а пока в музее, как у себя дома, будет обитать княжеская семья. Потому что она там живет, а тех, кто проплатил Юнеско это решение, они обязательно найдут.

Кое-кто очень хотел, чтобы князь покинул рубежи зачарованных стен, лишился лабиринтов подземных ходов и чистоты подземных источников. Именем императрицы, традиционно покровительствующей международным организациям, было высказано благопожелание – и тут же удовлетворено. «Музей» открылся в рекордные сроки, а затем так же стремительно закрылся – «старое здание, опасность обрушения перекрытий, вы ведь понимаете». Можно было бы и вовсе игнорировать письма и просьбы, но удар по репутации того не стоил – в мирное время принято покровительствовать искусству. Вот и велась реконструкция денно и нощно все десять лет – завозились металлоконструкции, сверхпрочный бетон, электроника и автоматика, а число подземных этажей «музея» уже выросло до двадцати.

Поговаривают, многим родовым твердыням дали статус музеев, объявив это великой честью, достижением рода и вкладом в мировую культуру. Кто-то даже согласился, с радостью обменяв вековые стены на рукопожатие и цветастую бумажку на чужом языке. Тем более что на обустройство выделяли солидные средства из международного фонда, а денег никогда не бывает много. Непокойно от таких новостей на душе – а вот если закопаться поглубже, да еще на чужие деньги, то как-то легче становится...

Как-то так получилось, что за время реконструкции на подземных этажах были продублированы все механизмы контроля, слежения и управления городом. Система выдавала такой объем информации, бережно и строго секретно собираемый с электроники, оптики, аудиотехники министерств и ведомств, предприятий и личных домов управляющего состава, а интеллектуальные системы и целый отдел аналитиков так ловко ее обрабатывали, что князя в последние два года на полном серьезе считали затворником. Потому как из дома не выезжал, проверок не устраивал, выбирался изредка на торжественные открытия – чтобы облик не забыли, не иначе. Многие, поверив, что высокое начальство устранилось от мира и ничего не видит, начинали считать себя хозяевами княжества. Когда их чуть позже тащили на эшафот, а имущество забирали в казну, мнение менялось. В общем, отличная получилась система, быстро окупилась.

Вот только почему, при всей этой роскошной электронике, средствах слежения и тысячах камер на каждом углу, его, князя, поставили перед фактом, когда речь шла о его собственном сыне?! Да еще кто?! Тот, кто отношения не имел ни к роду, ни к клану!

– Сын, – вместо бури ярости спокойно произнес Евгений Александрович Шуйский, глядя на расположившегося по ту сторону стола

молодого парня, судорожно сжимающего футляр от скрипки.

Впрочем, от родной крови эмоции не скрыть, вон как побледнел.

– Это что? – продемонстрировал он наследнику прямоугольник бумаги с нескладным почерком.

Тот поправил очки и близоруко взгляделся.

– Заявление, – терпеливо зачитал князь. – «Команда в составе Павла Зубова, Максима Самойлова, Федора Самойлова, Артема Архипова, Светланы Джонс предварительно заявляет о победе на соревнованиях». Последняя строчка зачеркнута, далее другим почерком: «...просит включить их в перечень команд от школы номер сто пять. Капитан команды – Павел Зубов». Далее другим почерком: «Чрезвычайный министр по общим вопросам – Максим Самойлов». Последняя строка зачеркнута. Подписи. Одна из них твоя, верно?

– А, это, – выдохнул парень и улыбнулся. – Там веселая компания, с ними интересно. А бумага – она ведь в шутку. Откуда у них двести миллионов?

Князь с каменным выражением лица взял с поверхности стола пластиковую карточку и демонстративно прикрепил скрепкой к заявлению.

– А действительно, – тем же обманчиво мягким тоном согласился он.

– Мм...

– Заявление вот так и было, со скрепкой, – с оттенками рокота подтвердил Евгений Александрович. – Итак, сын. Какого черта?!

Артем насупился, уставился на столешницу и крепче обнял чехол.

Не дождавшись ответа, князь молча порвал бумагу, сложил половинки вместе и снова порвал, затем проделал то же самое вновь и кинул обрывки на стол. – Забирай. Завтра вместе с карточкой отдашь друзьям.

Артем взял ком из бумаги, посидел неподвижно минуту, баюкая остатки заявления в руке, а когда отмер, попросил чистый лист и ручку.

Получив от слегка удивленного отца просимое, спокойно собрал на столе заявление из обрывков и перенес туда весь текст, до единой буквы и помарки. А затем с бесшабашной лихостью украсил вензелем – только не таким, как был у Архипова, а совсем другим, с высокой гребенкой буквы «Ш» и вензелем буквы «у».

– Ты прав отец, старое ни к черту не годилось, – прикрепил он скрепкой к новому листку банковскую карту и положил перед князем.

– Как это понимать?

– Я слово дал, – пожал Артем плечами. – Виноват, не подумал, не знал, не рассчитал. Но это все-таки мое слово, – жестко завершил он.

Князь откинулся на спинку кресла и со скрытым удовольствием

посмотрел на сына. Хотя внешне нахмурил брови и сжал в тонкую полоску губы. Но родную кровь не обмануть, да.

– Взрослый, хочешь сказать?

– Я родился взрослым, – выдержал тот взгляд.

Ладно, пусть поиграется. Все равно первый тур неопасен, и рядом Светлана, судя по списку, явно отреагировавшая на опасность, грозящую наследнику. Но и просто так все оставить нельзя.

– Раз взрослый, вот тебе дело. – Князь хлопнул ладонью по столу и выдвинул второй ящик. – На, изучи. – Протянул он толстую серую папку с завязочками.

– А что там? – лучился улыбкой радости Артем, неуклюже принимая папку – футляр со скрипкой он отчего-то решил не отпускать.

– Уголовное дело, – безэмоционально поведал отец. – Посмотришь, вынесешь вердикт. Прокурор просит применения смертной казни.

– А-а, – сглотнул Артем, разом потеряв всю веселость.

– Быть добрым очень легко и приятно, – назидательно качнул пальцем князь. – Однако большинство людей этого не заслуживают. Они могут казаться честными, называть себя лучшими друзьями. А в итоге получается вот такое уголовное дело. Тут тоже все началось с дружбы, а завершилось разорением и самоубийством. Понимаешь?

– Нет, Максим не такой, – упрямо качнул головой Артем.

– И какой же он, по твоему мнению? – устало вздохнул отец.

– Он говорит, что он Император.

– Пф...

– И пока он ведет себя как Император.

Глава 11

Холод царапнул спину клыком дверной ручки, но не было шанса двинуться.

«Тише-тише», – шепнули губы теплому беззащитному комочку жизни в руках и глотнули немного воздуха.

Скрипнули половицы в коридоре, и вдох оборвался, сменившись напряжением и безмолвными повторами «нас тут нет».

Шаги – мелкие, словно не человек идет, – все ближе и ближе. Они не торопятся, они тоже слушают тишину, то и дело неподвижно замирая.

Вздрагнуло живое чудо, почувствовав нервную скованность тела, и тревожно посмотрело в глаза.

– Тише-тише, – прижался палец к губам. – Все хорошо...

Поверхность двери вздрогнула от удара, заскулил малыш, и тень обреченности постучалась в душу. Нас нашли.

– Дверь надежная, да, мое чудо? – дрожали слова в такт ударам.

Ноги упирались в пол, тело навалилось на плоскость двери.

– Они не могут ломиться вечно, – укачивали руки маленькую кроху.

И там, за дверью, будто бы слышали эти слова. Заскрипели половицы вслед удаляющимся шагам.

– Вот видишь, – слабо улыбнулись малышу.

Заскрежетал по коридору металл пожарного топора. Это конец.

– Тоня, Катя, вы что тут устроили?! – раздался гневный голос отца.

– А Максим у нас Бруню отнял и не отдает! – проворчали девчоночки голоса.

– Брунгильда – боевая собака! – прокричал я через дверь и успокоил воровнувшегося щенка лаской. – Не позволю цеплять бант!

– Максим, немедленно выйди из комнаты!

Пришлось неохотно подняться и выглянуть в темноту коридора.

– Он первый начал! – ультимативно тыкнула пальцем в мою сторону Катя, продолжая удерживать рукоять лежащего обухом на полу топора.

– Та-ак, – грозно протянул Михаил.

– Максим взял у нас Бруню и сказал, что отдаст, когда мы сделаем домашнее задание! – торопясь и заплетаясь, поведала Тоня.

– А нам подсунул исчезающие чернила! – вторила ей Катя.

– Все честно! – категорично качнул я головой. – Нет домашки – нет собаки!

– Стоп! – поднял руки к вискам отец и с силой помассировал. – Так! Подошли ко мне!

Одним движением он перехватил топорище и с хмурым выражением лица навис над нами.

– Девочки, нельзя бегать за братом с топором!

– Мы только дверь открыть!..

– Нельзя!

– Хорошо, – поникшими голосами ответили сестры.

– Максим, нельзя обманывать сестер!

– Я не обманывал!

– Максим!

– Хорошо...

– И верни собаку!

– Ладно, – с легким разочарованием попрощался я с Брунгильдой.

– А в этой методике воспитания что-то есть, – донесся задумчивый голос наставника с конца коридора.

– А? – чуть растерянно повернулся к нему Михаил, наткнулся на выразительный взгляд учителя, прикованный к топору, и смущенно спрятал лезвие за спину.

– Довели папу, – обреченно заявил Федор с противоположной стороны. Тоскливо взвыла Брунгильда.

– Пойду я, пожалуй, – вздохнув, уведомил присутствующих и протиснулся по коридору к выходу. – Суббота, много дел. Надо еще дневник сжечь.

– А-а...

– Все спланировано, это будет несчастный случай.

– Максим! Немедленно объяснись!

– Да там директор что-то на полстраницы написал. Смысл непонятен, но чую – не к добру. Тем более у меня второй дневник есть.

– Что значит – непонятен?! – материализовался рядом наставник и затребовал книжицу в свои руки.

Секундой позже (топор на место положил) подскочил отец.

– «Рекомендации родителям», далее на латыни: «Заговор на изгнание демона». – Пожевав губами, учитель произнес: – Что ты опять натворил?

– Когда бы я успел? Сегодня суббота!

– А вчера?

– А вчера мы вместе с Федором карту в вестибюле исправили, – с гордостью заявил я.

– «Написал свое имя на узорной фреске с картой империи», – хмуро

зачитал отец с экрана переданного сестрами планшета.

Предатели! Попытался сжечь планшет взглядом – не получилось. Надо больше тренироваться.

– Но оно там точно есть, возле Багиево! – возмутился я.

– Заасфальтировали давно! – разбил всю линию обороны Михаил.

– Тогда да, виноват, – вздохнул, забрал дневник и медленно повернул к своей комнате.

– И не вздумай его сжечь!

– Не стану.

Теперь-то, после перевода – ни за что. Мы еще трудовика этим текстом вылечим!

– Ругали? – высунулась из-за двери голова Федора.

– Представляешь, они стерли мое имя с карты! – поделился я своим возмущением. – В следующий раз надо писать крупнее.

Брат сочувственно покивал и утянул меня за руку внутрь комнаты.

– Вот, – показал он на рабочий стол, добрую половину которого занимал прямоугольный лабиринт из расставленных торцом книжек, по контуру закрытый массивными справочниками. – Справа, дальний край.

– О! – нашел я взглядом белую мышь, закрытую, словно доспехом, золотыми нитями и двумя вплетенными в них на спине сережками с крупными изумрудами. – Смотрится здорово.

– Ага, – согласился Федор с грустным вздохом. – Только с управлением плохо. Вот, смотри. – Он повел рукой, и мышка пробежала вперед, ткнулась в книгу, затем кое-как развернулась на месте, двигаясь, как машина на узкой дороге, опять пробежала вперед и вновь уткнулась в препятствие. – Камни велики для нее, – чуть виновато произнес он. – Приказ выходит очень грубым.

– Понятно, – почесал я затылок. – А где взять нужные?

– По магазинам можно походить, – пожал он плечами. – «Искра» может быть в любом камне. Хоть в самом дешевом – даже в хрусталике люстры бывает. Ее ведь никто не видит.

– Можно к вам? – деликатно постучался в дверь папа. – Максим, если тебе это очень важно, то лучше арендовать участок земли и написать там все, что пожелаешь. Даже со спутника будет видно. Но обычные карты все равно исправлять нельзя. Воля одного человека не может их изменить, только закон.

– А названия гидростанций указывают на картах?

– Да, конечно!

– Тогда не надо, спасибо, – вежливо отказался я.

– Ладно, – выдохнул он. – О, а это что? – с энтузиазмом переключился папа на мышку в лабиринте.

– Это ничего! – протараторил Федор и ловко прикрыл участок лабиринта книжкой.

– Запрещать и ругать не буду, – поднял отец правую руку. – Только помогу. Честно.

– Ну... вот, – смущаясь, убрал преграду Федор. – Это Лучинка, она тихая.

– Знак синхронного взрыва накопителей? – усомнился отец, указав мизинцем на завиток между сережек.

– Мышь каждый обидеть может!

– Они отстегиваются, – показал Федор на еще один знак. – Лучинка дальше побежит, а накопители останутся. Она ведь только вперед бегать может, а кроме этого, все равно ничего придумать нельзя.

– С такими камнями – точно, – погладил папа мышку между ушек. – Вот что. Я обещал – помогу. – Он внимательно посмотрел на нас. – Но потом расскажу кое-что, и вы мне дадите обещание длиной в целую жизнь.

– Л-ладно, – оглянувшись на меня, кивнул вместе со мной Федор.

Вернулся Михаил через десять минут с небольшим деревянным сундучком. Распахнул – и на наших глазах выудил длинную полосу ткани, до того сложенную складками, каждый сантиметр которой был занят прозрачными пластиковыми блистерами, в которых угадывались крошечные ограненные камешки всех цветов радуги, они шли волнами оттенков – от верха с агатами и прозрачными камнями чистой воды в центре до самого низа с рядами темно-фиолетовых аметистов.

– Блистеры отстегиваются вот так, – щелкнул он пластиком, отстегнув оболочку. – Застегиваются стандартно.

– Нам вот этот, – деловито ткнул Федор в крохотный прозрачный камешек в центре тканевой ленты, а затем в его соседа. – И вот этот.

– Берите все, – отмахнулся отец. – Что не пригодится – вернете.

– Серьезно? То есть... х-хорошо. Мы немного, честно!

– Да хоть все, – улыбнулся папа. – Только проект сделай и сдай на проверку.

– Обязательно! – Ошарашенный такой щедростью, брат прижал ценный лоскут к груди.

– А вот еще, – демонстративно хлопнул папа себя по лбу и выудил из кармана два незамкнутых браслета, свитых из серебряной и медной проволоки, оплетающей крупные желтые камни. – Это тебе, Максим.

– А зачем? – полюбопытствовал я уже после того как взял в руки.

– Сверху и снизу от перелома нацепи, – подмигнул отец. – И через два дня сможешь танцевать. Только этим утром закончил, – смутился он.

– Спасибо!

Под методичным руководством Федора, с огромным интересом изучавшего подаренное, мы таки сомкнули браслеты на моей ноге. И получаса не прошло – было бы быстрее, если бы Федор не пытался зарисовать конструкцию. Я не особо препятствовал – самому было интересно следить, как одна широкая проволочка разлеталась на каскад тоненьких ниток и чуть позже вновь становилась единой. Если еще вспомнить, что это дело рук человека, сидевшего напротив, то к восхищению добавлялись уважение и светлая зависть к чужому мастерству.

А папа подозрительно притих и, хоть улыбался, явно был погружен в совсем невеселые мысли. Смотрел он куда больше на Лучинку и если задерживал на ком-то взгляд – то на Федоре, а вовсе не на мне и моей ноге.

– В нашем таланте видеть «искры» в камнях, – чуть охрипшим голосом произнес Михаил после того, как мы завершили, – в великом таланте Федора – видеть их в живом, в людях, зверях... Я так не могу, девочки тоже не могут. И еще я не могу сделать вот так, – кивнул он на мышку. – Чтобы управлять живым, надо видеть «искру» внутри. Влиять на нее. То, что я хочу сказать вам, и то, что вы должны знать: владельцев такого дара преследовали во все времена. Когда находили – убивали. Вместе со всей семьей. – Он затих, внимательно наблюдая, насколько серьезно мы восприняли услышанное.

– Но почему? – не веря, глухим голосом спросил Федор.

– Потому что можно заставить лошадь сбросить седока, – терпеливо ответил отец. – Можно заставить домашнее животное вцепиться в хозяина. Можно, теоретически, управлять самим человеком. Но все это легко расследовать и раскрыть, обвинить и наказать. Дара боятся и ненавидят не за это, а за совсем иную грань – тайную, опьяняющую властью и могуществом, раскаяние за такие поступки приходит уже на костре, – повысил он голос, – дар может забрать из живого «искру» и заключить ее в камень. Живое умрет. «Искра» останется в кристалле навечно.

– Но я же никогда не стану!.. – возмутился брат.

– Они этого не знают, – закрыл глаза Михаил. – Есть множество способов заставить любого делать то, чего он не желает. Камней с «искрами» мало. Камней с яркими «искрами», сильными и могущественными – считанные единицы. Но людей! С яркими «искрами» души! Ученых, профессионалов, волевых и сильных людей! Таких множество даже в самые темные времена. И злые люди могут захотеть

забрать их «искру» и заставить ее служить себе внутри сильного артефакта. Поэтому никто не позволит такому таланту жить. Слишком много горя он может принести, каким бы добрым его владелец ни был.

– Мы никогда и никому не скажем о даре Федора, – схватил я брата за плечо, не дав ему продолжать спор. – Обещаем.

– Обещаю, – повторил Федор.

– Вот это вот, – кивнув, указал отец на мышь, – безобидно. Можно замаскировать, я помогу.

Рядом выдохнул Федор, да и я чуть расслабился.

– Но никогда, ни при каких обстоятельствах ничего подобного без разрешения вы делать не станете! Федор?

– Обещаем, – выдохнули мы.

– Максим, оставь нас наедине, пожалуйста, – не двигаясь с места, попросил отец.

Я ободряюще похлопал брата по спине и вышел в коридор.

– Но если ты действительно хочешь использовать свой талант во благо, придется очень много и прилежно учиться... – донесся голос отца.

В висках билась мысль – верят ли они мне, как верю я им? Странная, глупая мысль, но она все металась, заслоня серыми крыльями все остальные. Я ведь никому никогда не скажу. Но уверен ли в этом Михаил? Раз сказал при мне – то уверен. Или нет? И как доказать им, что мне можно верить? Странная тайна, смертельная... Но мне совершенно не нужная, как с чужими тайнами обычно и бывает.

Наверное, я сильно переживал, потому прозевал наставника, усевшегося за кухонным столом напротив.

– Кхм, – привлёк он внимание, откашлявшись в кулак, а затем и легонько хлопнув по серой папке, принесенной с собой. – Максим?

– Да? – дрогнул я плечами, отвлекаясь от синего узора на скатерти.

– Насчет соревнований. Я вот тут поинтересовался у своих... учеников, – чуть смутился он. – Может, тебе будет интересно?

– А что там? – придвинулся я поближе.

– Данные не то чтобы секретные, но вряд ли их вообще огласят до начала первого этапа, – пояснил он, медленно развязывая тесемочки. – Про тех, кто будет в конкурсной комиссии.

– Здорово, – изобразил я энтузиазм. – Только я ведь все равно никого из них не знаю.

– Тут дело не в именах, – наставительно качнул он пальцем. – А в том, откуда они. Согласись, глупо показывать народные танцы радже из младшей ветви рода Миттал? – хитро улыбнулся учитель, демонстрируя

снимок смуглого мужчины с волевым лицом и в чалме.

– Иноземцы? – всерьез удивился я, разглядывая диковинную фотографию.

– Равные по рангу нашим князьям, – подтвердил учитель. – Без родственных связей в нашей стране. Каждому, – взял он новый снимок с изображением абсолютно лысого человека с узкими глазами и острым клином бородки, – заплачено более миллиарда золотом и подарками за согласие приехать.

– Не слишком ли? – усомнился я, всматриваясь в новое фото со скупой подписью: «Лендлорд Куомо, шестьдесят два года, Америка».

– За меньшие деньги они даже чихнуть не согласились бы, – категорично заявил старик. – Те же Миттал – некоронованные императоры. Им все, что до миллиарда, – гроши, недостойные внимания.

– Некоронованные? – заинтересовался я. – А почему?

– Зачем громкие титулы, если всем и так ясно, кто ты?

– Я запомню, – задумался над услышанным.

– Так что вас ждут крайне влиятельные и самые неподкупные судьи из всех, каких можно найти на белом свете. Но самое главное – их вкусы могут быть весьма далеки от стандартных, и об этом надо помнить в первую очередь. Изучай, – пододвинул он папку ко мне.

– И что же им всем может понравиться? – посмотрел я на фото чернокожего мужчины в красно-зеленой бандане.

Старик прикрыл глаза и ненадолго задумался.

– Смерть.

Толстые пальцы перебирали листы документов, небрежно комкая края бесконечных списков фамилий и имен, обрамленных мелким бисером секретарского почерка – уточнения, характеристики, родство, годовой оборот рода, финансовые интересы...

– Вы – никто, – сминались гербовые бумаги с отметками миллиардных доходов на полях.

– Ничтожества, – улетали за край стола скомканные свитки с княжескими соколами в эмблеме.

– Две сотни лет назад даже фамилии такой не было, – плотный лист дорогой бумаги удостоился чести вытереть пот со лба.

– Торгаши, – целую стопку листов сбросили на пол.

– Голытьба!

– Вырожденцы!

Хозяин стола, несмотря на преклонный возраст и заплывшие жиром

телеса, поднялся с кресла одним движением, мощно оттолкнувшись от подлокотников. Одернув сбившийся набок сюртук и расстегнутую на четыре пуговицы рубашку, он неспешно обошел стол и остановился у целой груды искомканных листов на полу.

– Вы все, – с удовольствием пнул ворох как ненавистного врага. – Придете ко мне. Заплатите мне. За мое удовольствие. Видеть вас. В грязи. Где. Вам. И. Место! – Он остановился, тяжело дыша.

По кабинету беззвучно разлетались сотни заявлений на участие, с тихим шорохом покрывая пол на добрый десяток метров вокруг.

Старый князь Долгорукий, давным-давно передавший княжескую корону, шубу и цепь сыну, имел громадное число недостатков, свойственных преклонному возрасту и непростой биографии. Например, ненавидел подлость, обожал говорить правду, не терпел предателей, помнил и не собирался забывать целую сотню лет грязных интриг, ныне красиво именуемых «политикой». И в общем-то имел полное право ходить по бумагам с подписями большей части знати в уличной обуви – что, собственно, и делал с великим удовольствием.

Все эти недостатки никак нельзя было назвать простительными в наше не слишком спокойное время. Оттого внешний мир старались всеми силами оградить от его нелегкого характера, зная по опыту, что «ограждать» и «не пускать» самого «динозавра ушедшего тысячелетия» – дело бесполезное и разрушительное. Старик сохранил страшную Силу, не уступал рангом сыну, а опытом и умением превосходил как бы не всех в клане.

Иногда мир защитить не получалось – как, например, сегодня. «Дед» решил прогуляться до столичной резиденции рода, причем сделал это раньше, чем родичи успели эвакуироваться по сигналу «красная тревога». В общем, Сергей Михайлович Долгорукий решил поинтересоваться, как ведутся дела клана.

К чести секретарей, бумаги пытались скрыть.

– Скажу Сашке, пришлет замену, – буркнул после этой попытки старый князь, оставив позади себя разорванный на части демидовский сейф и двух ошарашенных служащих, один из которых пытался вставить в шаблон, что «Сашка» – это князь Александр Сергеевич Долгорукий, а второй, баюкая сломанную руку, законно опасался, что прислать могут еще и нового секретаря, оттого старался выглядеть бодрым и здоровым.

Так что вся аналитика, все расчеты по соревнованию – кого с кем свести, кому что продать, на кого надавить, пользуясь первым за столетие мероприятием такого уровня, – все оказалось на столе старого князя.

К счастью, с листов успели сделать копии, так что к последующим разрушениям и поруганию документов относились довольно спокойно, воспринимая все как стихийное бедствие и вселенскую неизбежность.

В списках не было взрослых, хотя в его времена в шестнадцать лет парень считался мужчиной. В списках не было тех, кого он мог ненавидеть лично, – слишком молоды для этого. Но какая разница, если им все равно суждено вырасти и возглавить род и клан, презираемый за деяния предков? Он не верил, что в гнилой семье могли воспитать достойную поросль, и был готов убедиться в этом вновь. Увидеть – и смаковать до смерти, как лишения, голод, холод, опасность снимают маски благородства, обнажая подлость чванливой дряни.

Память – на нее старик не жаловался. Но если и она подведет, то останутся видеозаписи и фотографии – отличный запасец как для него, так для потомков, чтобы взять врага за кадык на всю жизнь.

– Красиво Сашка придумал, – размял он толстую шею и повернулся к столу.

– А вас, – поклонился он с великим тщанием куцей стопочке бумаг – всего листов двадцать, не больше, – вас мы ждем с великим уважением.

Мужчина подошел ближе и огладил самый верхний лист, каждое имя в котором было окутано целым ворохом вопросительных и восклицательных знаков. – И тебя, Артемка, в первую очередь.

Взгляд коснулся еще одной стопки, основательной и довольно объемной – ее ярость старого князя не коснулась, но и уважения она не удостоилась. Новые семьи – всего три-четыре столетия, но уже со славой, хоть и скромной, с финансами и боевой Силой, без грязи на репутации. Но достаточно ли этого, чтобы считать их настоящими людьми?

– Докажите, – поджав губы, дал им шанс князь.

Глава 12

В темноте этой ночи было много оттенков фиолетового, прятавшегося в складках черных плащей. Словно волна над глубиной, они добавляли тьме объема и загадочности, перетекая от одного силуэта утопленного в ночи дерева к другому.

Гости, числом четверо, не торопились, оттого ткань, кутавшая их с головы до пят, казалась частью облика, второй кожей. У них не было лиц – свет тусклого месяца превращал то, что скрывалось под капюшонами, в черные овалы. Их руки скрывались под тонкой кожей перчаток. И только дыхание, выбивавшееся теплыми облачками перед фигурами, позволяло верить в их людскую природу.

Узкий язык света из фонаря на секунду окрасил траву в светло-желтый цвет, а затем окатил серым неказистую лестницу, ведущую вверх.

– Здесь.

Жалуясь на старость, скрипнули ступени под ногами. Простонали перила, угрожая развалиться и увлечь гостей за собой. Четверо не слушали, не верили угрозам, продолжали движение, замороженно глядя на узкую полосу света – там, под дверью, на самом верху. Их ждут. И если заслонить ладонью манящий свет и приглядеться к узкой выбоине смотрового окна в центре двери, станет ясно – за ними наблюдают. Но не торопятся открывать.

Костяшки пальцев отбили два еле слышных удара, выдержали паузу и ударили еще трижды.

Дверь распахнулась почти беззвучно, под шепот хорошо смазанных петель. Четверо вошли внутрь и вместе с ожидавшим их хозяином молча опустились на пол вокруг низкого столика. В небольшой коробке комнаты, подсвеченной желтым светом электрической лампы и отсветом луны из крошечного окошка, колени чуть ли не касались друг друга, а хвосты плащей замкнули черной полосой круг за их спинами.

– Делайте то, что должно, – глухо произнес голос из-под капюшона.

Пришедшие синхронно достали из глубины плащей тонкие книжицы и передали друг другу.

– Мне одному кажется, что «пойти за тетрадкой» – не лучшая причина для выхода из дома в десятом часу? – скинув капюшон, засомневался Артем.

– Сработало же, – пожал я плечами.

– Ух ты, а мне досталась биология за восьмой класс!
– А у меня пустая тетрадка, – с диковинным акцентом шепнули из-под капюшона справа.

Если бы не голос и краешек золотых волос, выбившихся прядкой, и не догадаться, кто рядом.

– Отличная вещь, – заверил Федор Светлану, с интересом разглядывая раскрашенное изображение мышц. – В нее можно что-нибудь записать.

– Федор, ее придется вернуть.

– Жаль, – вздохнул он.

– Пусть, завтра вернешь.

– Спасибо, – благодарно шепнул в ответ Федор.

– А тут ошибка во втором примере, – меланхолично произнес Артем, рассматривая то, что ему досталось.

– Да? – заволновался, привстав, Паша.

– Так, тихо! – пришлось грозно откашляться и обвести притихших друзей тяжелым взглядом. – Артем, ты чего со скрипкой? – заметил я непорядок.

– Да я только с репетиции, – прижал он локтем футляр и запахнул краем плаща.

– Ладно. Хм. Наверняка многие хотели бы знать, зачем мы сегодня собрались!

Брат дисциплинированно поднял руку вверх.

– Федор?

– Я не знаю, но зато я принес «Монополию», – со скромной гордостью подвинул он к свету коробку.

Но затем под укоризненным взглядом задвинул ее обратно.

– На повестке дня танцевальный конкурс, – чуть повысил я голос. – Вопрос номер один: кто умеет танцевать?

Из присутствующих подняла руку Светлана.

– Танец маленьких утят? – робко подал голос брат.

– Отлично, умеют двое, – одобрительно кивнул я ему.

– Нет, ну такое и я могу, – возмутился Пашка.

– Уже трое. Не стесняемся, поднимаем руки.

– А такой репертуар... Точно подойдет? – засомневался Артем.

– Главное – навыки! – ответил с важным видом.

Как-то и не надеялся, что кто-то умеет. Но закрывать собрание из-за того грустного факта, что не умеет никто, – так и о победе можно забыть. Научимся! Я ведь тоже никогда не танцевал, да и нога пока не особо гнется. Но у нас же еще пять дней впереди!

– А танец сами придумаем, – подвел я итог. – Тем более что у нас есть подсказка.

На этой фразе я достал из-за спины стопку фотографий, до того лежавших изображениями вниз, и веером распахнул перед друзьями, жестом предлагая ознакомиться.

– Это те, кто будут в жюри. – Я дождался, пока фото разойдутся по рукам, и добавил: – Надежные люди говорят, что им нравится смерть. Нет, не своя собственная, я уточнял.

– Будем танцевать с утятами в руках и в конце отрубим им головы, – меланхолично произнес скрипач, рассматривая фото лысого господина с безобразным шрамом на правой скуле.

Я нагнулся к Артему, внимательно посмотрел в его глаза и постучался ноготком по стеклу очков.

– Все дома?

А он отчего-то даже не ответил – мрачнел и не отрывал взгляда от изображения.

– Смерть – не означает гибель. Риск, опасность, хождение по грани, – тихонько произнесла Светлана и провела по изображению ноготком, оставив глубокий след через все лицо человека – холеного, вполне приличного на вид, если бы не угольно-черные, будто бы взятые с черно-белого фото глаза. – Вот что им нравится.

– Предлагаю танцевать на сквозняке!

Федор от всеобщего внимания смутился и потупил глаза.

– Федор, это слишком опасно, – не одобрил я. – Так и заболеть можно. А если танец с тиграми? У меня как раз есть парочка знакомых.

– Придется долго репетировать. Тигры могут не выдержать.

– Это да, – пришлось согласиться и сосредоточиться на поиске вариантов.

Раз с тиграми не получилось... А есть ли в мире еще что-то, что будет опасно для других, но не опасно для меня?

– Идея! – озвучил я мысль, пришедшую озарением. – Огромное металлическое кольцо! С гранями столь острыми, что могут перерезать человека, как лист бумаги! Мы закрутим его и будем танцевать внутри!

– А вы знаете, я отлично играю на скрипке, – тут же деловым тоном прокомментировал Артем. – Гораздо лучше, чем танцую.

– Живая музыка – хорошая идея, – одобрил я.

– Фортепиано! – в одном слове выдохнул весь объем легких Паша и с паническим видом затряс поднятой вверх рукой. – Фортепиано! Второе место в городе!

Аж гордость взяла за такое рвение к общему делу.

– Барабан! – важно ответил Федор.

– О, умеешь? – заинтересовался я новой гранью таланта своего брата.

– Громко!

– Понятно, – почесал затылок. – Тогда – принимается. Оркестр – три человека. Танец – два человека.

– Может, не надо? Все же твоя нога... – возразил Артем.

– Все будет отлично, – отмахнулся и логично отметил: – Светлана умеет танцевать. Пусть танцует, а я закручу кольцо.

Для примера выудил монетку из кармана, выпустил из ладони и, призвав Силу, заставил закрутить петлю и вернуться обратно в руку.

– Только кольцо надо будет сделать особенное. Легкое, но прочное, и с медной жилой внутри, – задумался я, мельком отметив замороженные взгляды, следившие за монеткой, которая все падала, но никак не могла достигнуть пола.

– У папы в мастерских можно сделать, – посерьезнев и взглядом, и голосом, жестко произнес Паша. – Я займусь.

– Отлично! Тогда Артем похитит кого-нибудь из Долгоруких и добудет информацию про второй этап соревнования.

– А почему сразу я? – возмутился он.

– Имей совесть, между прочим, Паша делает огромное металлическое кольцо!

– Я тоже хочу делать кольцо!

– А зачем нам два?

– И я не хочу похищать людей!

– А я – танцевать не хочу, но я же не жалеюсь!

– И вообще – Долгоруких невозможно похитить!

– Так. Ладно... – задумался я.

Артем звучно выдохнул.

– А кто мог бы похитить Долгоруких?

– Колычевы, наверное, – с сомнением выдал он.

– Отлично, тогда хватай кого-нибудь из Колычевых. Раз они могут, то наверняка уже все разузнали, – отметил логично.

– Да это же банкиры! Там половина рода – охрана!

– Так, а кто может похитить Колычевых?

– А когда всех соберем, мы сможем сыграть в «Монополию»? – робко подал голос Федор.

– Н-да, ты прав.

Артем звучно выдохнул.

– Тут и места толком не хватит на такую толпу, надо другое подыскивать.

Тема задохнулся подготовленной фразой.

– Думаю, тайна конкурсов хранится в самом надежном месте. – Прозвучало вроде еле слышно, но так, что все заинтересованно посмотрели на Свету.

– В голове у князя, – выдала она со смешинкой. – Не подобрать ключ и не подкрасться.

– Тогда на повестке дня вопрос номер три. Самая секретная часть!

Друзья подобрались и отложили фото в сторону.

– Надо расставить запятые в этом тексте, – выложил я тетрадку по русскому языку.

– А почему секретная?

– Никто не должен об этом знать!

Разошлись уже за полночь – и виной тому был не длинный текст в три страницы, заданный мне для работы над ошибками, а целая горка бумаг, связанных с конкурсом, которую где-то раздобыл и под самый конец предложил заполнить Артем. Требования к месту проживания, транспорту, питанию, разрешения родителей, формы отказа от претензий, регламент мероприятия, правила регистрации, порядок уведомления о прибытии – и все это нужно было как минимум прочитать. Но вроде справились – заполнили все, кроме части бумаг, которые должен был подписать глава семьи. У Паши отец неделю назад прочно обосновался в Москве и назад вернется не скоро, а у Светланы так вообще родня за океаном – так что за них, поглядев подписи на других документах, расписался Федор. И если кто-то сомневался в его таланте до того, как он взял ручку, то чуть позже Пашка тихонечко подложил ему раскрытый дневник с трояком – а это, если кто не знает нашу классную руководительницу, знак качества! Одним словом, мастер! И мой брат.

– Так нечестно! – возмутился я под конец, обнаружив за оградой машины с терпеливо ожидающими водителями. – У нас ведь тайное мероприятие!

– Так я с репетиции возвращался, – засмущался Артем.

– А я просил их закрыть глаза, но мы чуть забор не снесли...

– Сдайте тайные плащи! – Я был непреклонен и жестом указал на пять гвоздиков у калитки, вбитых собственной рукой.

– Извини, – развел руками Тема.

– Свет, тебя подвезти? – смущенно поинтересовался Паша.

– Я своим ходом, – с полуулыбкой ответила она, продемонстрировав

брелок с ключом.

Где-то за оградой игриво квакнула сигнализация.

– Пока, – махнули нам друзья и зашагали к своим машинам.

Отправив Федора домой, я прогулялся до дороги и некоторое время постоял, ожидая, пока процессия авто с Пашей и Артемом не скроется за дальним поворотом. Собирался было вернуться, когда рядом звучно затормозила красная спортивная машина. Вжикнуло, опускаясь, тонированное стекло со стороны водителя.

– Руслан Артемьевич расстроен, что ты не посещаешь вечерние занятия, – с укором произнесла Светлана.

– Так у меня ведь нога, – засмутился я и виновато вздохнул, чувствуя неловкость. – Освобождение.

– Нельзя взять освобождение от жизни, – строго произнесла девушка. – Событиям все равно, готов ты к ним или нет.

Из окошка показалась тонкая книжица – обложка у нее была с одной стороны, да и весь внешний вид говорил, что совсем недавно от нее аккуратно отрезали как минимум половину.

– «Азбука разведчика»? – с сомнением озвучил я заглавие.

– С чего-то нужно начинать.

С некоторым сомнением заглянул в оглавление – и так и застыл, чувствуя, как волна за волной меня накрывает любопытство, и только то, что следующая строчка еще интересней предыдущей, не дает немедленно пролистать книгу до самого интересного момента! Слишком их – этих моментов – много! Затем, почуяв подвох, сверился с номером последней страницы – не хватает больше половины! И, судя по заголовкам, самого-самого интересного!

– А... вторая часть? – голосом сладкоежки, знающего про запрятанную банку меда, уточнил я.

– Выучишь первую часть – получишь вторую.

Басовито рыкнул мотор, края моего плаща мотнуло ветром от сорвавшейся с места машины. Но я уже не смотрел в ее сторону.

– «Задачей диверсионного отряда...» – шептали губы вслед за текстом.

Так и замер в центре круга света от фонарного столба, не замечая времени и холода, переворачивая страницу за страницей.

– Максим, пойдем спать? – окликнул Федор через неведомо сколько часов, зябко ежась в пижаме и накинутой поверх курточке.

– А ты знаешь, что для пересечения реки взрослым человеком надо всего три дощечки в локоть длиной?

– А выдержат? – живо заинтересовался брат.

– Завтра на трудовике и проверим.

Глава 13

Рассветное солнце перепрыгивало через верхушки деревьев, козырьки редких железнодорожных станций, перемигивалось за вагонами встречных поездов, расплывалось пыльным маревом за колонной грузовиков, спешащих по параллельной рельсам дороге. Мир сквозь черные линзы очков ощущался удивительно четким, но одновременно однообразным и грустным – в серо-желтой дымке, добавлявшей ветхости старым постройкам и покрывавшей все вокруг пыли, и только когда солнце показывалось во всей красе, вновь расцветал живыми красками. Даже самые черные стекла не в силах противостоять сиянию светила – и желанию им поделиться.

Уже утро, по счету – третье без сна. На этот раз не было заполошной ночи, за которую все надо успеть, откатать, проверить, исправить и проконтролировать вновь. Можно позволить себе отдохнуть. Даже нужно. Только сон никак не шел.

Попробовал считать овец. Но как они должны прыгать, слева направо или наоборот? А на каком удалении от меня? Надо ли на них смотреть сверху или забор должен быть над головой и требуется считать кудлатые тела на фоне неба? А с какой скоростью им двигаться? А окрас – серый, коричневый или черный? Большие овцы или совсем ягнята? Высота забора и его тип? В общем, сложная методика – столько неизвестных. Оттого, наверное, не сработала. Или прошлая неделя никак не хотела выходить из головы, путая мысли мелкими деталями. Хотя пора бы.

Обычная ночь в комфортном вагоне, и некуда спешить. Вот друзья это прекрасно понимают, оттого тихонько посапывают, наперстывая упущенное. У каждого из них, разумеется, отдельные кабины. Да и весь опечатанный гербовыми пломбами вагон целиком принадлежит нам – от пяти личных комнат и общего зала до небольшого закутка с душевой и собственной столовой.

Но как-то так вышло, что после подведения итогов прошлой ночью решили заночевать здесь – в общем зале, на мягком ковре. Сами собой нашлись клетчатые одеяла – целая стопка дожидалась в одном из шкафов, а затем персонал вагона, путешествующий вместе с нами, озаботился матрасами и теплыми одеялами для нас.

Даже Светлана где-то тут – если приглядеться к комку из одеял в углу... или взглянуть в бежевый силуэт за журнальным столиком, то

можно предположить... А может, на массивной антресоли, откуда выглядывает уголок простыни... Во всяком случае, вчера она отсюда не выходила, это я могу сказать определенно. Вот Пашка с Федором легко обнаруживались на слух, хотя залегли одинаковыми сугробами у правой стены. Артем так и вовсе – где футляр от скрипки, там и он. Но тут ничего странного нет – просто пару дней назад Федору в голову пришла отличная идея сделать так, чтобы наши музыкальные инструменты были слышны в зале отовсюду. Ведь с микрофонами можно и не угадать, да и зависеть от проводов, имея на сцене огромное круглое лезвие, совсем не хотелось.

Я идею одобрил, Федор загорелся и вскоре продемонстрировал результат на барабане. После того как мы снова стали слышать, большинством голосов решили сделать то же самое с фортепиано и скрипкой. Большинством, это потому что Артем не пожелал отдавать на переделку инструмент, пытался сбежать, был блокирован, кусался, выпрыгнул в окно, а затем ловко кидался желудями с дерева, а когда Пашка полез наверх – то еще и ботинок швырнул. И тут мы поняли, что мнение Артема надо уважать.

Переделали другую скрипку – теперь звучит так, что реагирует даже тонометр в медпункте. Но новая все же похуже старой – у Артема-то не абы какой инструмент, а работы уже полтысячи лет назад умершего человека. Так что желания втихую дотянуться до нее и «сделать хорошо» Федор не оставил – потому и спал владелец в обнимку с инструментом. Даже в душ вроде с ней ходил. Но это он зря, так и испортить можно.

Интересная получилась неделя. В чем-то очень честная – иначе сказать не получится. Ведь люди часто выглядят совсем не такими, какие они на самом деле, и за бравадой, гордостью и дорогим костюмом частенько не скрывается ничего. Надо, чтобы хорошенько трянуло, чтобы все ненастоящее обвалилось нарядной облицовкой с дряхлого здания. Вот нас сотрясло основательно, перебрало по кирпичику до самого фундамента. Да и другим досталось.

Трудовика мы все же отправили в плавание – поспорили на батон, что не выйдет в сентябре на водный простор. В означенное время Юрий Вадимович за каких-то полчаса срубил плот, проигнорировав доски (а я старался!), с гордым видом забрал выигрыш, разложил переносной табурет, снасти для рыбной ловли и направился вниз по течению.

– Дядь Коля всегда мечтал отправиться в плавание, – задумчиво вздохнул Артем, глядя на посеревший от расстояния силуэт.

– Так ведь Юра? – автоматически поправил его Пашка.

– Когда в школе – да, – непонятно отозвался тот и, махнув на прощанье

рукой, зашагал на самую первую нашу репетицию.

Хотя четыре дня назад мы еще не особо знали, что станет нашим танцем, а что – музыкой к нему. Оказалось, чтобы найти решение, надо просто начать изображать то, что должно стать танцем, наигрывая музыку в такт движениям. В пустом после занятий спортивном зале грустил чистый звук скрипки в осеннем дожде фортепианного наигрыша, перемежаясь шиканьем Светланы из-за отдавленных ног и грохотом барабана пытающегося найти вдохновение Федора.

На второй день барабан у брата отняли, заменив треугольником. Федор усилил треугольник двумя топазами. Долго извинялись за треснувшие стекла. Отняли треугольник.

Вручили Федору маракасы и строго-настрого запретили что-то прикручивать. Федор прикручивать не стал, но засыпал камни в колотушку. На удивление, получился дивный и загадочный звук, очень красивый. Понравилось не только нам – ближе к вечеру им кто-то так заинтересовался, что аж дверь скреб, желая попасть к нам на концерт. Открыл дверь, посветил в темный коридор Звездочкой – сбежали. И так – три раза за ночь. Хамство!

Подарком в первый день стал визит Руслана Артемьевича – кроме обещания всемерной помощи последовало разрешение использовать спортзал круглосуточно и освобождение от посещения уроков. А еще он обрадовал тем, что в первом туре разрешили пользоваться Силой – и это была новость из тех, что на мгновение пробирают холодом тревоги, обескураженностью от собственной забывчивости и теплой волной облегчения от того, что просчет не станет фатальным. Ведь, планируя номер, мы действительно позабыли о главном условии турнира и хороши бы были, оставшись на сцене без ключевого элемента.

Правда, не обошлось без небольшой кислинки – несмотря на послабления и добрые вести, домашние задания все равно придется сделать, но позже.

– Зачем волноваться о времени, до которого мы можем и не дожить, – меланхоличным голосом успокоил всех Артем.

Его единственного не обрадовало известие о новом пункте, введенном в правила. Ведь разрешили не только нам, а всем – и тем самым «всем» тоже будет что показать.

На третий день избыточное внимание стало ощутимо мешать. Учащихся к нам не допускали, выставили охрану (она же не допускала Пашу до Кати и Марины, о чем тот грустил столь же тяжело, как Машк о закрытой форточке), но преподаватели находили способ оказаться рядом и

удостоить нас ряда советов, очень важных с их точки зрения – как держать руки, как двигаться и какой длины должно быть платье (это они еще про стальное кольцо не знали). И попробуй не выслушать – у этих людей в заложниках наши четвертные оценки! Пришлось рассказать про трудовика и плот – тем более что он третий день не появлялся, а батон должен был уже закончиться. Пусть ищут!

– Вот, найдешь людям дело – и они сразу не мешают, – довольно констатировал я вслед торопливо удаляющимся спидам.

– Значит, «мы с ним поспорили и он отправился вниз по течению»?! – ворвался через некоторое время в зал Руслан Артемьевич.

К счастью, все быстро уладилось, и легкое недопонимание успешно разрешилось вызовом милиции и спасательного вертолета.

А нас целый вечер никто не беспокоил, кроме безымянных хулиганов, исцарапавших весь низ двери – прямо там, где днем было написано помадой: «Паша, я тебя люблю!» Вот и нет загадки – никакие это не любители музыки.

– Конкуренты, – сочувственно похлопал я друга по плечу.

Тот с сомнением примерил большой палец к особо глубокой борозде.

– Серьезные конкуренты!

Но место все равно пришлось менять – большое металлическое кольцо не могло пролезть через дверь спортзала. Танец был готов, музыка убедительно напоминала венский вальс, оставалась ерунда – проделать то же самое, перешагивая через острые грани.

С реквизитом вышло непросто. Нам нужны были костюмы, сшитые по советам Светланы, – чтобы быть готовыми ко всему.

– Это требования к пилотным комбинезонам, – выстукивал нервный ритм Руслан Артемьевич по листку бумаги, с которым я к нему пришел.

– Пять и комплект запасных, – согласился я с ним.

К костюмам требовались украшения, способные, если что-то пойдет не так, уберечь ноги Светланы от заточенного лезвия.

Отец взялся помочь – что-то похожее было – кислотно-зеленые кольца и браслеты, но они по замыслу не предназначались для девичьей руки. Все требовалось уменьшить и украсить в тон эскизов костюмов.

Пообещали помочь и сестры, однако, увидев то, что выходило из-под рук отца, заохали от изумления, принялись примерять и начали мешали процессу. Пришлось тайком скормить одно кольцо Брунгильде, логично отметив, что девочки совсем не следят за щенком. Папа тоже возмутился и потребовал вернуть утерянное – а до тех пор даже на глаза не показываться. Когда мы уезжали, хмурые и молчаливые сестры, вооружившись длинными

палочками, все еще продолжали ходить за собакой.

Примерно в середине этого бедлама подошел Паша и потерянным голосом спросил, что делать, когда не хотят слушать и не воспринимают всерьез. Рекомендовал определить главного и дать ему в глаз. Вечером он явился с директором судоремонтного завода – солидным сереброволосым модником, который, несмотря на темное время суток, предпочитал темные очки на пол-лица. За полчаса утрясли вопрос с главным компонентом номера – замерили мой рост и рост Светланы, заменили алюминий на титан и решили делать два кольца: острое и тренировочное, одинаковые по массе. К четвертому дню тренировочное было готово, и его тут же взяли в работу. Несмотря на щиты из Силы, утром на ногах проступили синяки.

Параллельно что-то мастерил Федор, то и дело пропадал Артем, занимавшийся кучей бумаг, ежевечерними приливами подкатывавшихся к нашим ногам и грозивших однажды накрыть с головой. Он же через кого-то из родственников нашел нам новое помещение – огромный ангар с идеально ровным полом и притулившимися у стены фермами для обслуживания самолета. Самолет у родственника тоже был, но пока где-то над Африкой.

– Мы полетим? – мечтательно затаил дыхание Федор.

Артем уже собрался с гордостью качнуть головой, как привычным шепотом вмешалась Светлана.

– Все полетят, – зазвучал приятный акцент. – Ведь небо принадлежит аристократам. Все будут очень важные, – с чувством выдохнула она последнюю фразу.

– Так я ведь... – замялся Тема, пытаюсь найти подвох в явной иронии. – То есть мы...

– Как и все сотни гостей, станем ждать освобождения посадочной полосы, пока будут садиться его высочество и его свита, князья и их свита, – иронично наклонила она голову.

– Это да, – потянулся рукой к затылку Паша. – Так и горячего может не хватить.

– Автобус? – поднял я бровь.

– Поезд, – подытожила Светлана.

В почти бесконечную череду моментов, когда нас трясло от неудач, усталости и бесконечных повторов, ее тихий голос пресекал спор идеальным решением, оборачивал тихую злость воодушевлением, уныние – верой в себя, а для желающих полежать у нее всегда имелся острый каблук под ребро. Да и неправильно это – говорить об усталости, если даже девчонка не жалуется. Тот же Федор за все время и слова не

сказал – просто в один момент падал и засыпал. Но ему легче, его после этого не били.

– А жить где?

– С этим сложнее. – Артем яростно почесал виски, будто от этого точно должно было что-то измениться. – Все занято. Все гостиницы и дома под найм. Ничего свободного.

– Надо искать, – жестко постановил я.

– Да в общем-то организаторы предоставляют помещения.

– Ты точно собрался жить в здании без горячей и холодной воды? – с сомнением глянул я на товарища.

– Это с чего бы в княжеском имении не было воды!

– Пока не знаю, – признался честно. – Но что-нибудь обязательно придумаю.

– Максим, все коммуникации строго охраняются, – терпеливо пояснила Света. – Очень строго!

– Хм?

– Строже, чем школьные сервера с отметками!

– Аргумент. – Пришел мой черед почесать затылок.

Эти параноики замуровали аппаратуру в бетон! Чтобы продраться, надо взорвать не меньше бочонка пороха, а с таким грузом, понятное дело, дальше школьного порога не пустят. Так что пока переносу мелкими порциями...

– И все же я бы не стал заселяться в здание с тараканами, клопами и сколопендрами, – привел я новый довод.

– Максим, это средняя полоса России! Откуда там сколопендры!

– Зато в зоомагазине они есть.

– Да сдадут тебя эти насекомые!

– Позвольте, им до этого триста миллионов лет эволюции!

– Я образно! Там же камеры на каждом углу! – яростно сверкала глазами Света. – Это же дисквалификация!

– Нет, на самом деле, идея неплохая, – оправил воротник Артем.

– И речи быть не может! – заволновался Паша, всплеснул руками и просяще посмотрел на меня. – Максим, не надо!

– Нечестно выигрывать неинтересно, – проворчал Федор.

– Ладно, – со вздохом отложил я часть старательно запланированных диверсий. – Но жить под одной крышей с конкурентами – тоже не дело. Вы-то меня переубедили, а у остальных таких друзей может не быть.

– Я поищу, – виновато качнул головой Артем. – У нас там... У моих знакомых в том княжестве ничего своего нет. Очень сложно даже комнату

купить, только арендовать позволено. То, что было, сразу же забронировали. А брать в аренду разрешено только через канцелярию князя.

– Я помогу, – ободряя, похлопал его по плечу.

Не может быть такого, что в целом стольном граде немаленького княжества нет свободных мест!

– Алоу? «Ред Цезар Палас»? Интересуют пять лучших ваших номеров. Как нет? А для Императора и четырех сопровождающих? Ах есть?

– Максим! – навалился на кнопку отбоя наставник, так что пластик всхлипнул от испуга.

– Я почти договорился, – с укором посмотрел на учителя, прижимая трубку плечом.

В руках у меня был блокнотик с длинным перечнем гостиниц, две строчки которого я уже перечеркнул – там мест не оставили даже для императора. Извинялись искренне, пришлось поверить.

– Нельзя! – выдохнул учитель, а потом на десяток секунд замялся, формулируя, что именно. – Император в каждой стране – это главный представитель правящей династии! Если хочешь, чтобы под этим словом знали тебя, – найди себе страну! Но в этой стране место уже занято!

– Я подумаю над вашим предложением, – вежливо ответил и, вздохнув, положил трубку на столик.

Все-таки поздно я родился. Америка открыта, до Антарктики доплыли. Весь глобус уже триста лет расцвечен цветами разных государств. Так бы можно было действительно поискать. А раз все занято, то свое имя на общей карте придется рисовать поверх чужих.

– Тем более что императоров на свете много! Разве это так интересно – быть императором, о котором станут уточнять «а какой страны»? Будь единственным на весь свет! Добейся того, чтобы все знали – в любой точке мира! – кто с ними говорит. Для этого не обязательно зваться императором. Можно стать ученым, музыкантом, политиком!

– Действительно, неинтересно, – вежливо согласился я.

– Вот, молодец, – облегченно выдохнул наставник, отпуская рычаг аппарата и суетливыми жестами приводя телефонный столик в порядок. – Будь собой, Максим. Быть человеком – тоже немалый титул. Даже его многие постараются оспорить в твоей жизни, пожелают отнять или заставить от него отречься.

– В общем, просто еще не все со мной знакомы, – подвел я черту под услышанным.

– Знакомь людей с делами и свершениями, тогда не придется пожимать

руку каждому из шести миллиардов.

– Хм...

– Хорошими делами! А лучше – большим хорошим делом.

– Запланирую на февраль, – согласился я с ним.

– А что в феврале? – с легким подозрением уточнил старик.

– Весенние каникулы.

– А...

И Федор достроит усиленный четвертый вариант робота. Большой и очень хороший. Только как бы его назвать?

– Может, Врач^[1]? – невольно произнес я вслух.

– Врач – это очень и очень хорошо!

– Вот и я так думаю, – затем все-таки закрыл блокнот, с легкой грустью отказываясь от прежних планов с гостиницей. – Ладно. Разобьем лагерь. Надо будет раздобыть шатры, вагонетки и цыган.

– А зачем цыган? – замер учитель.

– Это чтобы в городе не заскучали.

– Так их за стены все равно не пустят.

– Грустно, – листанул несколько страничек и жирно зачеркнул одну из идей. – Байкеров ночью тоже не пустят?

– Боюсь, что никого, кроме приглашенных и жителей с полугодовой регистрацией, в городе не будет, – сочувственно произнес наставник. – Если даже родителей не приглашают, не то что... шатры в городской черте поставить тоже не дадут.

– Провал, – откинулся я на спинку кресла, положил блокнот на колени. – Ладно, переживем пару ночей вместе со всеми.

– Только ничего там не ешьте! Окна тоже открывать не рекомендую. Внутри комнат желательно назначить дежурство, чтобы не оставлять без присмотра. И ходить – только парами! Очень желательно с друзьями, готовыми выступить независимыми свидетелями.

– Вот, хоть кто-то меня понимает, – с силой потер я глаза.

Шла уже вторая ночь без сна. И спать, что удивительно, хотелось – а не так, как сейчас.

– А вам пригород сгодится? – после минутного молчания (я уж подумал, ушел) произнес старик. – Хотя, может, это уже в черте города... – с сомнением дополнил он.

– Если не чердак, то пойдет, – и добавил виновато: – Федор чердаки не любит.

– Не чердак, – задумчиво пожевал наставник нижнюю губу. – Можно листок?

Я предложил блокнот целиком вместе с ручкой.

Он что-то быстро написал и положил блокнот на стол. Слегка поправил его краешек, выравнивая идеально по краю – будто давал себе время отказаться и все переиграть. А может, место не самое лучшее, оттого сомневался, но это зря, мы за любой вариант будем благодарны.

– Там номер, – расправил он наконец плечи и посмотрел куда-то вправо от меня. – Я попрошу, вас встретят на вокзале. Вы ведь, надеюсь, поездом?

– Да, – с благодарностью принял я блокнот. – А это ваши друзья?

– Самые верные, – быстро кивнул он. – Не обидят. И ты их, пожалуйста, не обижай, – и, развернувшись, посеменил внутрь дома. – Ужин через полчаса.

А после ужина был он – самый последний вечер, который плавно перелился в ночь и хлопоты по загрузке вагонов. Кроме нашего имелось еще два: для багажа и двух десятков хмурых от недосыпа попутчиков, которые были так вежливы, что помогли нам с грузом. У самих-то, кроме пары, сумок ничего не было.

– Вахтовики, – пояснил Артем, сонно кивнув в сторону попутчиков. – Так дешевле.

Вагон с ними тоже опечатали – как объяснила Света, благодаря этому получался островок «княжества на колесах». К нам заходить никому не разрешалось, однако и нам покидать состав до завершения пути тоже не позволялось. Зато не было и проверок, которые обязательно производятся на границах княжеств. Но в окна к нам все равно посматривали на каждой заставе, выглядывая неведомо кого.

Вот и этой ночью один из них пожелал оглядеться в нашем вагоне через раскрытую форточку. Попытался уточнить у него про овец – так тот до следующей станции размышлял, пока коллеги не сняли. А может, это просто в окошке голову от резкого движения заклинило – он в общем-то не жаловался, поэтому не угадать. Я специально спрашивал – удобно ли. Помочь хотел. Он молчал и согласно хлопал глазами.

– Может, позвать кого?

– Не-не-не, – как от мелочи, отмахнулся он, перебирая ногами по ту сторону окна и задумчиво разглядывая потолок.

Наверное, все же размышлял... Неплохой вроде мужик – напоследок даже фуражку свою подарил и темные очки.

– Вы забыли! – закричал я ему вслед, размахивая тем, что успело слететь с его головы внутрь вагона.

– Это не мое! – решительно обозначил он подарок, мотнул головой и

стремительно удалился в рассвет.

Вскоре поезд вновь набрал скорость, а вместе с ним ускорился и мир за окном – даже солнце заспешило на небосвод.

Через некоторое время проснулся Федор. Неуклюже протопал к столу, сонно разложил содержимое матерчатой сумки и принялся удивительно ловко орудовать мелкими пинцетами над крохотной заготовкой.

Теперь отсвет солнца виднелся на его макушке, в вихрах непричесанных волос.

– Доброе утро, – тихо шепнул я.

– Доброе утро! – шепотом обрадовался мне брат и развернулся, чтобы показать свою поделку. – А я кольцо новое почти доделал вместо утерянного.

– Что?! Кольцо?! – сорвался на писк Пашка в конце зала.

– Кольцо потеряли?! – словно в воду нырял, взлетел над постелью Артем.

– Разворачивайте поезд! – бросился Пашка к двери, запутался в простыне, свалился, но с неукротимой целеустремленностью пополз дальше.

– Но поезд нельзя развернуть, – логично заметил Федор.

– Звоните на станцию, пусть срочно согнут рельсы! – затараторил Артем, наощупь ища вокруг себя очки.

– Да все нормально, – произнес я спокойно. – Кольцо на месте, вагоны тоже.

– Уф, – застыв на мгновение, выдохнул Паша и встал, заворачивая вокруг бедер растянувшуюся по полу простыню.

Клацнула вагонная дверь, впуская Светлану.

– Что за шум?

– Ночные кошмары, – пояснил за всех, слегка приподняв темные очки. – А ты почему не здесь? – с любопытством уточнил у нее.

Я ведь точно вчера видел, что никто не выходил! Магия, не иначе. Или вторая часть книжки, которую мне так и не дали.

– Откуда фуражка? – нахмурилась она.

– Имя не знаю, но отпечатки пальцев должны были остаться на окне.

– Ты опять ввязался в неприятности! – последовало несправедливое обвинение.

– Отпечатки – с этой стороны окна, – прошлепав к окну и прикрывая наготу скрипкой, сухо произнес Артем.

– А вот и молодец! – вновь хлопнула дверь, и меня некому стало ругать.

– Их много, – внимательно продолжал он изучать стекло.

– Ерзал, иногда сползал вниз, – прикрыл я глаза. – Все-таки целый час дороги...

– Так что случилось? – запоздало поинтересовалась из простыни мумия голосом Пашки.

– Я – молодец, – пояснил очевидное другу, закрывая глаза.

– А фуражка – с золотой кокардой, – с непонятым удовлетворением дополнил Артем откуда-то сверху.

– Толку-то, он все равно не знал ответа... – с навалившейся сонливостью пробормотал я, с удовольствием погружаясь в запоздавшую волну сна.

– Ответа на что?

– Координаты... Количество и состав... Внешний вид... Периодичность движения...

– Максим! Координаты чего? – требовали от меня подробностей.

– Да этих козлов... – отмахнулся я.

А через мгновение уже спал – хорошим глубоким сном.

Глава 14

Растолкали меня на вокзале – совершенно бесцеремонно, между прочим!

– Все, уже проснулся, – убрал я руки Артема от шеи.

Тот хмуро посмотрел сверху вниз, явно желая продолжить. Даже скрипку отдал ради такого дела – ее Федор держал, бережно прижимая к темно-синей ткани парадного школьного костюма. Оказывается, у нашей школы есть и такие – из удивительно тонкого материала, в котором совсем не жарко под солнцем, но и не холодно под осенним ветром, легкого, но достаточно прочного для того, чтобы Яна нашли только через пять часов после нашего отъезда. Во всяком случае, сообщение: «Вернешься – прибью! Будьте осторожнее» пришло именно в означенный срок. А нечего отрывать от моей трехместной парты законную Танину часть! Я ее не для того приколачивал.

На Федоре же обнаружилась подаренная мне фуражка и темные очки, что вместе со взглядом, устремленным куда-то в высь, придавало ему вид рок-звезды. Но я ему об этом не сказал, потому что дареное не дарят.

– Тут уже делегация дожидается! А ты спишь!

– Сейчас все решим, – оправил я воротник рубашки.

Попытался встать и обнаружил себя усаженным на грузовую тележку – хоть на мягкое погрузили, да и плед, в который я был завернут, тоже при мне. Правда, что-то угловатое все равно упиралось в спину.

– Ну наконец-то! – с облегчением произнес Пашка, отпустил тележку и, разминаясь, потянулся.

– А на руках не могли? – укоризненно обратился я к друзьям, осматриваясь и пытаясь сделать привязку к сторонам света.

А ничего тут, красиво. Длинное здание из темного камня рассекало площадь на две половины, а мы находились аккурат под одной из сводчатых арок этого самого здания. За спиной огромное людское море в запрудах из железных барьеров; змеиные тела поездов, белый шум толпы и облака пара, отрывающиеся от сотен больших и малых труб под низкими тучами хмурого неба. Впереди – пустота такого же размера, залитая солнечным светом. Вернее, там имелись и автобусы, и автомобили, и другая техника. Ходили люди – поодиночке и большими группами. Но если резко посмотреть назад в том направлении, то впечатление именно такое.

– Да тебя не поднять, – разминая руки, возмутился Павел. – Как

железный.

– Не железный. – Вспомнив и чуть смутившись, засунул руку за спину, в складки ткани, и выудил настенные часы. – Чугунные. Вот.

Недовольно вывалившись из механического гнезда, перед глазами с укором повисла кукушка.

– Ты зачем часы из вагона спер?!

– Во-первых, не я, а вы, – отметил логично. – Во-вторых, они с будильником. Боялся проспять. – Защелкнул я птицу обратно. – Но все равно проспал. Не работают, наверное, – вздохнув, стал прикидывать, куда это все деть.

– Они пытались, – выразительно показал взглядом Артем.

– Хм, – проследив за направлением взгляда, обнаружил серьезную вмятину на корпусе, благодаря которой он крайне удобно лежал в руке.

– Поломка произошла ровно в семь тридцать, Холмс. Кто бы это мог быть? – поправил Тема очки на носу.

– Мы никогда этого не узнаем, – положив часы обратно, накрыл их краем пледа и наконец-таки поднялся. – Итак, где делегация?

– А вон, – показал подбородком Федор, оторвавшись на секунду от разглядывания неба над светлой частью площади.

Синева впереди действительно смотрелась необычно – расчерченная кольцами инверсионных следов от медленных точек-самолетов, она казалась одним огромным завитым леденцом на палочке с начинкой из прибывающих гостей и тех, кто отчаялся получить разрешение на посадку.

– Ты тоже молодец, – призначительно кивнул я Светлане и только после этого повернулся к встречающим.

У правой границы площади, под белоснежными шатрами, украшенными гербами с двумя престарелыми львами, подпирающими замысловатую конструкцию с короной и деревцем, неспешно принимались приветствия и велись разговоры между тремя представительными господами в белоснежных костюмах, ловко скрывающимися в тени шатра, и разреженной цепочкой гостей, предпочитающих не замечать совершенно не по-осеннему пекущее солнце.

– И куда это мы опаздываем? – с сомнением оценил я длину очереди и скорость ее продвижения в полчаса.

– У нас номерок! – экспрессивно потряс Артем позолоченным прямоугольником, на котором было выгравировано: «Одиннадцать часов».

– А сейчас сколько?

– Без двух минут!

– Тогда я вовремя, – потянувшись и сделав пару махов руками, шагнул

было вперед, да тут же замер. – А где вещи?

Из всего объемного груза, который мы кое-как погрузили в грузовой вагон, при нас остался только футляр со скрипкой, перекидная сумка на плечах у Федора и кошелек Светы, взятый в руки ввиду отсутствия карманов у платья – жемчужного, в тон широкополой шляпке. Знак школы тоже был – выгравированный серебром на темно-синем камне платинового ожерелья, темно-синих камнях сережек и перстне на безымянном пальце левой руки. Еще синева плыла в ее глазах – и отсветом в остекленевшем взгляде Пашки, когда он на Светлану смотрел.

– Вещи забрали на проверку и хранение, вдруг там что-то опасное.

– Будут спрашивать – говорите, фейерверк, – кашлянул я в сторону.

– Что? – вскинулся Артем.

– Я говорю – как бы не повредили чего, – объяснил обеспокоенность в голосе.

– Все забрали под гарантию князя.

– Серьезный человек? – заглянул я в глаза друга.

Артем тронул меня за плечо, в несколько размашистых шагов вывел за арку, развернулся и демонстративно посмотрел вверх. Невольно проследил за его взглядом – и замер.

Граница между солнечной площадью и предгрозовым сумраком остального мира ярилась черными облаками, раз за разом штурмовавшими незримую преграду. Невидимый защитник разрывал тучи в клочья, отбрасывал назад, чтобы через мгновение вновь столкнуться с силуэтами древних кораблей, сотканых из облачной черноты, диковинных зверей и десятиэтажных грозových волн, шедших на новый приступ. Над головами до горизонта кипела битва – и на нее невозможно было смотреть без восхищения.

– Все это держит его младший сын Вячеслав Александрович. Тот самый, что стоит за нашими спинами. И мы заставляем его ждать! – звенящим от негодования голосом произнес Артем.

– Так что насчет вещей? – полюбовавшись еще некоторое время тучами, поинтересовался у него.

– Не пропадут. Выдадут по первому требованию, – сквозь зубы протянул Тема. – Да пойдем уже!

– Тогда ладно, – развернулся я и неспешно зашагал к очереди.

– Тебе и вправду не страшно? – догнал меня Артем и заглянул в глаза. – Это ведь такая Сила! Раз – и земля превращается в болото, дороги лопаются под напором подземной реки, а вместо воздуха – колючая вода?

– Я спросил, можно ли ему доверять, но не спрашивал, надо ли

бояться его детей, – высмотрел лучшую дорогу и слегка повернул, приметив, что лучше зайти в начало очереди.

– Люди с такой Силой дорожат своим словом!

– То, что он может, не делает более внимательными его подчиненных. Если испортят кольцо, его извинения нас вряд ли устроят.

– Максим, если князь обещал – это закон! – вступил в беседу Пашка. – Иначе и быть не может!

– Сейчас проверим, – глянув мельком на наручные часы Артема, ускорился и через некоторое время уже бодро шагал мимо людской очереди, шипящей на десятки змеиных голосов.

Охрана из празднично одетых господ – по одному на каждую пару жаждущих беседы – увидев пропуск в руках Артема, пропустила нас без единого вопроса, позволив опередить недлинную в общем-то цепочку. Это просто люди долго беседовали, добравшись до шатра, и добавляли несколько минут ожидания остальным.

Кто-то из них приветливо кивал и улыбался, приветствуя, часть предпочла нас не заметить, остальные же царапали спину недовольными взглядами, хоть и опасались открыто сказать что-то вслух.

– А этим что тут надо? – ловко увернувшись от ненавязчиво отведенной вбок спицы в руках милой на вид бабушки в розовом, буркнул Пашка.

– Просители, – размахивая прямоугольником в руках и стараясь держаться впереди нас всех, хмуро ответил Артем. – Если у тебя что-то есть, всегда найдутся те, кому это нужнее.

– Погоди, – тронул за плечо Пашка.

Оказалось, надо пару секунд подождать Светлану – девушка задержалась около той самой бабушки, чтобы шепнуть ей что-то на ушко и очаровательно улыбнуться.

– Сделала замечание, – кратко отозвалась Света в ответ на демонстративное изучение Артемом циферблата.

– Восемь секунд, успеваем, – констатировал я и потратил их на завершающие пятнадцать шагов к представительной группе господ, все это время смотревших на нас в упор.

Надо сказать, смотрели они иронично и с легким пренебрежением. Прямо как наш учитель по химии до того как узнал, что я смешиваю.

– Рады вас приветствовать! – выступил вперед седовласый господин с бородкой клинышком и белоснежным платком в нагрудном кармане бежевого костюма. – Княжество и Вячеслав Александрович лично, – указал он на крепко сбитого мужчину, откровенно скучавшего в шаге позади от

него, – счастливы видеть вас в добром здравии... и вовремя. Все готово к вашему прибытию, прошу проследовать к автобусам.

Наверное, сам княжич немой, раз за него говорят... Краем глаза уловил расстроенное выражение глаз у Паши и мелькнувшую на мгновение отрешенную маску на лице Артема, памятную по случаю, когда он кидался в любителей математики желудями. Показалось или в выдохе Светланы послышалось разочарование? И только Федор предпочитал разглядывание неба глупым взрослым разговорам с их намеками.

– Передайте Вячеславу Александровичу нашу благодарность и ответное приветствие, – сглотнув обиду, изобразил улыбку Паша.

– У меня вопрос, – кашлянул я и, вовремя убрав ногу, избежал каблука Артема.

Но это он просто неопытный – Света сразу зафиксировала, перед тем как щипнуть.

– Понимаю занятость, – обозначил я что-то неопределенное, указав на бурю за спиной. – Не хотел отвлекать по пустякам. Быть может, вы можете?

– Приложу все силы, – слегка напрягшись и заложив руки за спину, обозначил он поклон.

– Где метро?

– Мм... метро? – растерялся мужчина и невольно оглянулся назад.

– В списке требований к мероприятию – двенадцатый пункт, сразу под холодильником с пломбиром, над приказом «обеспечить» с подписью его сиятельства, – улыбнулся я располагаясь.

– Но в нашем городе нет метро!

– Могли бы и построить к моему приезду. – Поджав губы, развернулся на месте и двинулся дальше.

Следом невольно зашагала остальная команда.

– Вот, а ты говоришь – слово князя, – чуть громче, чем следовало, укорил я Артема.

– Может, тут так принято? – лучась довольной физиономией (аж стекла очков заблестели), поддержал тот обеспокоенным голосом.

Позади поднималась неплохая такая суета – из яростных слов, произнесенных громким шепотом; волнения толпы, которой охрана только что объявила о завершении приема; из женского крика и вызова «скорой» для некой бабушки, которой внезапно стало плохо с сердцем. И завершающим аккордом – грянул победный грохот грозы, вступившей в город.

– Максим, а зачем ты просил метро? – воровато оглянувшись, шепнул

Пашка.

– Никогда в нем не был, – честно признался я.

– Там здорово! – одобрил Федор.

– На кой демон ты затребовал метро?! – прошипела мне в ухо

Светлана.

Я даже растерялся – будто и не отвечал секундой раньше.

– Ох и влетит ответственному за документы, – изумленно покачал головой Паша.

– Они могли отказать, – подобрал я правильный ответ для Светы.

– Это безответственно!!!

– Зато теперь в городе будет метро! – слегка подпрыгивал при ходьбе Артем, еле сдерживая где-то внутри себя хохот.

– А я попросил, чтобы мама приехала!

– Тоже – подписали? – Девушка за какое то мгновение оказалась рядом с моим братом и мягко его обняла.

– Ага! Только я хотел сюрприз для Максима сделать, – засмутился он.

– Отличный сюрприз, – поддержал его я, выразительно глядя на друзей, чтобы чего не лягнули.

– Охе... – Замер на выдохе Артем и очумело помотал головой. – Какой сюрприз... И для князя тоже.

– А я говорил, – похлопал его по плечу. – За всех слово давать можно, только если контролируешь каждый их шаг. Толку от этих ледяных дождей и сырой земли! Вот сделает ли меня взорванная стена отличником?

– Нет, – понимающе кивнул Артем.

А вот и да!

– В общем, схему ты понял, – завершил я тему, с интересом присматриваясь к аккуратным рядам автобусов, выстроившихся по диагонали к нам.

Синие, красные, в гербовых узорах, и один столь знакомой расцветки...

– Оп-па, – замер я на месте, за что тут же схлопотал по плечу от не успевшего притормозить Пашки.

Но в этот миг совсем другое чувство десятым валом прокатывалось по телу, поднимая воспоминания из прошлого, расцветивая их деталями и запахами, вкусом ветра из окон школьного автобуса, эмоциями предвкушения, счастья, горечи и упрямой злости. Путешествие. Зоопарк. Мороженое. Водопад. Тигры. Загонная охота на меня и спонтанные драки под густыми кронами на пустынных улочках...

– Белоснежный автобус... – прошептал я, впившись взглядом в форму

ребят, скучавших на сиденьях внутри. – Фиолетовые рубашки с золотым гербом у сердца...

– Максим, ты чего? – осторожно потряс меня Паша.

– Это они...

– Мне кажется, автобус, скорее, бежевый, чем белый, – возразил мягким голосом Артем. – Да ведь, Свет?

– А рубашки – синие. Просто солнце так светит, – погладила мое плечо Светлана.

– Нет, фиолетовые, – с видом эксперта заявил Федор. – И герб золотой.

– Федор, ты просто в темных очках, – нервничая, сказал Тема и встал впереди. – Максим, ты говорил, нас кто-то будет ждать?

– Да, – не отрывая взгляд от автобуса, нащупал я листок из блокнота и вложил в его руку. – Там номер.

– Вот, сейчас найдем машину и поедем выигрывать этот конкурс, да ведь? – убаюкивал меня голосом друг, глядя в глаза и пытаясь увести подальше. – Пойдем от этих с лиловой формой?

– Дальтоники вы! – возмутился Федор, потрянув рукой с очками.

– Так, – глухо сказал я чужим голосом. – Светлана, найти машину, загрузиться, прибыть на место, ждать меня. Выполнять. Федор, очки и кепку, – протянул я руку и тут же получил требуемое.

– Максим, ты чего? – показалось сбоку удивленное Пашино лицо.

– Это личное, – скинув школьный пиджак на руки брату и, оправив козырек, быстро зашагал к автобусу.

– Света, надо его срочно остановить! – с жаром обратился Артем к девушке и тут же замолчал.

Та стояла с неестественно строгим лицом, обращенным в сторону парковки.

– Свет, – взволновался Паша.

– Нас должны встретить, – произнес голос, лишенный акцента и чувств.

Девушка шагнула с грацией робота и взяла из руки растерянного Артема бумажку.

– Света, он садится в кабину автобуса! Да его сейчас схватят! – вцепился тот рукой в ее плечо, указывая рукой с футляром в сторону стоянки.

– Кто его схватит, он же в кепке, – фыркнул Федор.

– Да узнают все равно!

– Ну он ведь в темных очках, – осторожно добавил Паша, глядя, как

величественно поворачивает машина с трехлучевой звездой на капоте, унося два десятка пафосных ребят, пренебрежительно и с чувством превосходства поглядывающих на мир сверху вниз.

А за рулем у нее водитель в черном кепи с золотой кокардой и в темных очках.

– Это же скандал! Это похищение! Света, ты почему молчишь?!

– Нас должны встретить. Нам надо найти машину.

– А-а-а! – махнул рукой Артем, усевшись прямо на асфальт. – Да что с вами сегодня не так?

И в этот момент с того края площади донесся девичий голос, от которого неловкая тишина оставшейся четверки разбилась волной удивления.

– Это он! *Это он!* Да стойте же вы! – От группы загруженных выше крыши легковых машин за автобусом босиком летела ослепительно красивая девушка в зеленом платье.

Позади на расстоянии в десять метров угадывались две туфли, сброшенные в процессе бега.

– А-а-а! – поняв, что не успевает, подпрыгнула она, гневно всплеснула руками и села на асфальт. – Идиоты!!!

– Не родственники, нет? – повел взглядом Паша от девушки к Артему.

– Она его знает, – констатировал с изумлением тот.

– Может, подойдем, познакомимся?

– Она его знает, – посмотрев на Пашу как на сумасшедшего, повторил Артем. – А я вообще не хочу знать откуда!

К девушке тем временем от машин подошли четверо сверстников – трое парней и девушка, и взволнованно стали интересоваться, все ли в порядке.

– Все! Сейчас она им позвонит, и нас выкинут.

Тем временем девушка в зеленом поднялась и, тряхнув рыжей гривой, гордо крикнула в сторону выезда с площади. – Ну и пропадите вы пропадом!

– Или не позвонит, – хмыкнул Паша.

А чуть правее незнакомой компании объявился Федор, невозмутимо подхватил одну из туфель и зашагал обратно.

– Это заразно! – закрыл лицо руками Артем.

– Все равно Максим спрашивать будет, – щелкнув молнией сумки, невозмутимо произнес Федор, вернувшись. – Имени не знаем, но есть размер ноги!

– Ты – молодец! – не открывая лица, простонали в ответ.

– Нет... – засмутился Федор. – Я еще учусь.

– О-о-ох...

– Нас должны встретить. Нам надо найти машину, – бесстрастно напомнила Светлана.

– 28012802. В этом княжестве нет таких номеров, – медленно покачал головой Паша, присматриваясь к бумажке в ее руках и номерам на стоянке.

– Может, телефон, – устало произнес Артем, поднимаясь.

– Для сотового цифр не хватает.

– А эти нам не пойдут? – ткнул Федор куда-то вдаль.

На самый-самый край площадки. Туда, где замерли перед прыжком два хищных серо-стальных боевых вертолета. С бортовыми номерами 2801 и 2802 поверх участка свежей краски.

Глава 15

Плавнo шлa по ровнoму асфальту oгpoмная немeцкая машина. Пoдoбнo лoдке на спокойнoй рeкe, нeслa она пaссажирoв, пeрeбирая нaзвания улiц и пeрeкресткoв за oкнами. Внутри, в атмосфeрe кoндициoнирoвaннoгo вoздyxa, царилo сытoе спокойствие. Мягкiе креслa приятнo обнимали спины пaссажирoв, забирая нaпряжeниe из мышц. Сoлиднoе прoстpaнствo у нoг пoзвoлялo вытянуться и рaсслaбиться. Нeгa и рaзмeрeнный пyть ввoдили в лeгкий тpaнс – oщущeниe зaщищeннoсти пeрeплeтaлoсь с удoвoльствиeм oт дoрoги.

Чeрeз кaкoe-тo вpeмя мир за широкими oкнами нaчaл вoспринимaться кaртинoй с тeлeвизиoннoгo экpaнa – яркoй, сoчнoй, oттoгo нeрeальнoй. Пoкaзывали жизнь князeскoгo гoрoдa Сулaж-Гoрa – чистoгo и кpaсивoгo, кaк oбычнo и бывaeт в тeлeпeрeдaчax.

Oкнa изящных, бyдтo игpyшeчных, трeхэтaжeк цeнтpaльнoй улiцы свeркали чистoтoй. Трoтyары зaпoлняли счaстливые житeли, рaсцвeчивaющие жeлтый пeсчaник и бeлый гpaнит здaний яркими вoхoдными oдeждaми. Сияли рaдyгoй фoнтaны в тeнистых сквeрax. Рeклaмные щиты призывали лyбить гoрoд и сeмью, пoзaбыв прo кoммeрциo. Мaшин пoчти нe бyлo, нa свeтoфoрax нeрeдкo прихoдилoсь пpoпyскaть пeрeд сoбoй пyстoтy, скyчaя в пoлyпyстoм трoллeйбyсe.

У вceгo этoгo нaвeрнякa имeлись пpичины – вpoдe тeхники для yбoрки улiц, бpoшeннoй нa вьeздax из двoрoв, и пpивeтливo улыбaющихся рeгyлирoвщикoв нa кaждoм пeрeкресткe. Нo искaть пoдвoх, oтмeчaть нaпряжeнныe фигyры лyдeй из внyтpeннeй стpaжи, пpoгyливaющихся вмeстe сo счaстливoй тoплoй, удивляться oтсyтствию старикoв, мaлeньких дeтeй, сoбaк, уличных тoргoвцeв, пoрaжaться исклyчитeльнoй кpaсoтe дeвyшeк и пapнeй в трoллeйбyсe бyлo сoвceм лeнь. Ктo-тo вскpикнyл, yкaзaв нa кpaй бpoнeвикa в кoнцe нeбoльшoй улoчки – и тyт жe пoлyчил с дeсятoк yкoряющих взглядoв. Кaкaя рaзницa? Вce вoкpyг – для них.

Хoтeлoсь eхaть бeскoнeчнo, oстaвив зa спиной нeрвнoе нaпряжeниe и пeрeживaния. Дoвeриe к вoдитeлю бeзгpaничнo. Вeрнee, eгo, вoдитeля – нeт. Вдpyг oн слишкoм гpyб или нeкpaсив для идeальнoгo мирa? Aвтoбyс eдeт сaм и сyщeствyeт тoлькo для тoгo, чтoбы дoстaвить yчeникoв Пpeoбpaжeнскoгo лицeя нa их пeрсoнaльный пpaздник, пoлный yвaжeния и счaстья. Нe вceх yчeникoв, рaзмeeтcя, – тoлькo сaмых лyчших, избpaнных и гeниaльных. A тaкжe имeющих вмeстe сo вceми пpeвoсхoдными

качествами сорок миллионов рублей вступительного взноса.

Если честно, расстаться с такой суммой безболезненно мог не всякий родитель. И не у всякого, кто мог позволить себе такие траты, чадо действительно отличалось исключительными талантами. Но, надо сказать в защиту учеников, те пользовались не своим мнением, а признанного и авторитетного эксперта – мамы.

Хотя большинство конкурсантов отдавало себе отчет, что победа пролетит далеко стороной. Родители же мягко намекали, что в этом соревновании куда важнее участие, общение, полезные связи и знакомства, рукопожатия и шутки, над которыми посмеются влиятельные наследники. Максимум мечтаний – достойные результаты, способные привлечь внимание сильных мира сего. Отцы платили сорок миллионов именно за это, инвестируя в будущее своих детей и рода. Не за победу.

В самом деле, что можно подготовить за неделю? Да еще на нестандартный состав – пятерых участников? Разученные вальсы и полька под фонограмму вряд ли удивят взыскательное жюри, а нечетное число танцующих и вовсе вводило в уныние. С той или иной степенью сомнения команды приходили к выводу, что ничего толкового придумать и откатать невозможно, а значит, главное в соревнованиях – впереди.

Правда, кое-кто все равно решил подготовить нечто «эдакое», «выпендриться», как язвительно шипели за спиной Ники Еремеевой, предрекая ей вслух неминуемый провал и отчаянно завидуя про себя. Тем более что команду девушка собрала внутри рода, выложив аж двести миллионов из кармана семьи. Так что даже болеть за нее, поддерживая командный дух лица, было не обязательно. Вон даже автобусом общим пренебрегла, у самой три машины забиты тряпками. И ради чего? Фикция, а не конкурс! Никто не подготовится за такой срок, а значит, все пройдут!

А именно их команда – пройдет непременно! Впрочем, в таком исходе хоть чуть-чуть, но сомневался каждый из пассажиров автобуса.

Уверен был только один. Но он был за рулем.

Машина мягко свернула под указатель выезда из города, родив в сердцах чувство предвкушения. Автобус степенно замер перед КПП на выезде – пустынным с их стороны дороги и забитым на четыре полосы на въезд.

«Глупые, зачем вам сюда, если мы – центр вселенной – выезжаем?» – насмешкой выползло на лица пассажиров, с иронией поглядывающих в окна встречных машин.

– Просто регистрация в городе, – озвучил кто-то уверенным голосом, успокаивая звоночки сомнения где-то на границе сознания.

Тем более что мир вокруг не перестал быть чудесным, но эту пригородную пастораль они уже видели утром, двигаясь к городу. Идеальные домики и заборы, на многие километры выкрашенные в один цвет. Одурачивающий яблоневый аромат, прорывающийся даже сквозь систему кондиционирования. Белоснежные станции заправки, заполненные спешащими на праздник гостями. Темно-зеленые тенты над установкой РЭБ на холмике у моста.

Где же он, заветный поворот к счастью?

Через полчаса автобус величаво перебрался на грунтовку съезда и неспешно запылил по узкой дороге, подарив лицеистам долгожданное предвкушение близкой разгадки. Теперь мягкость сидений только мешала – хотелось прижаться к окну лбом, впитывая каждую деталь проплывавшей мимо пасторали. Сменялись друг за другом деревеньки, проносились мимо добротные двухэтажные дома. Казалось, вот-вот...

– Тайная база, наверное, – хриплым от волнения голосом озвучил кто-то, углядев вдали комплекс из длинных и широких ангаров.

Но это оказался коровник. И на этот раз способность кондиционера пропускать сочный яблочный аромат была совсем нехстати.

Однако надежда – и ожидание чуда – все еще жили!

Даже когда грунтовка сменилась просто накатанной дорогой в высокой траве, даже когда заскучавшие пассажиры с досадой отметили отсутствие последнего деления связи на телефоне и полную пропажу Интернета, все продолжали ждать праздника. Но он все не наступал – уже кончилась даже проселочная дорога, и автобус переваливался по свежескошенному лугу, недовольно ворча немецкой подвеской, безуспешно пытаясь амортизировать колдобины и перепады мелких овражков.

– Да спросите уже шофера, куда мы едем! – признал-таки кто-то существование водителя в их автобусе мечты.

– Давно пора! – подтвердил недовольный гул.

Руководствуясь общим порывом, долговязый парень с крайнего сиденья безуспешно дернул водительскую дверь.

– Откройте! – Он грозно замолотил по поверхности.

И тут же был вынужден схватиться за перила, чтобы не упасть.

Надсадно рыкнув передними колесами, внезапно ощутившими пустоту обрыва, автобус налетел на противоположный берег небольшого ручейка, дернулся всем телом и принялся разъяренно разрывать землю под собой.

Подчиняясь гравитации, по салону полетели незакрепленные вещи и бранные слова.

– Ты что делаешь, собака! А ну открой! – подражая интонациям отца, пнул по двери другой лицеист, прижимая руку к разбитой креслом скуле.

В шуме возгласов и гнева звонко брызнуло стекло окна в конце салона – кто-то не стал дожидаться, пока откроются двери. Вернее, сообразил, что падение почти наверняка их заблокировало.

– Выдерни шнур, выдави стекло! – боевым кличем прогремело в салоне.

– Лен, ты чего? – изумленно пролетело над головами и тут же сменилось истеричным: – Лена! Гра-абят!

Но не нашло поддержки. Потому что Елена, за природные данные прозванная Прекрасной, имела ранг «ветеран», оттого ее нежелание идти на каблуках и стремление перебраться в более подходящую обувь всеми было воспринято с пониманием. Кроме некоего Натана, без энтузиазма рассуждавшего, что туфли за двенадцать тысяч – это, конечно, неплохо, но покупателя он тут точно не найдет.

– Выберемся. Сейчас как напощадим этому заснувшему раззяве и выберемся, – приговаривали, переваливаясь через проемы в окнах.

– Я водить умею! И я! – бодро звучало в ответ.

И как-то даже спокойнее стало: вот она – причина, а вот оно – решение. Просто надо вытащить автобус да поехать обратно – мелочи. Только для начала...

– Где этот гад?! – проломив-таки дверь (а вернее, выбив Силой), вломились в кабину водителя лицеисты.

И с немым изумлением, от которого вдруг стали слышны плеск ручья, ветер в траве, встревоженное кряканье дикой утки, отводящей врага от гнезда, и тихие призывы к Лене одуматься, вместо шофера увидели короб с инструментами, намертво заклинивший педаль газа.

– Р-руль, – поперхнувшись от сухости в горле, вымолвил кто-то глазастый.

А, да.

– Этот гад руль спер!

Руль отсутствовал. От слова «совсем».

– А может, туда палку можно засунуть? – с сомнением присмотрелся кто-то к гнезду рулевой колонки. – И покрутить?

– Вот засунь и покрути, – мрачно ответил ему кто-то более авторитетный.

– Нас похитили! – истерично пропел женский голос и тут же добавил более сухо: – Вадим, снимай кеды.

– Но, Вика...

– Луну обещал? Кеды гони.

– *Стойте!* – озаренный идеей и вдохновением, выставил руки долговязый. – Вы разве не поняли?!

– Ну? – мрачно насупился парень с разбитой скулой.

Еще раз проведя по товарищам загадочным взглядом, долговязый набрал воздуха в легкие и благоговейно произнес:

– Это КВЕСТ!!!

– Че? – обнаружилось непонимание в толпе.

– Первое задание! – деловито пояснил долговязый. – Нам надо найти базу!

До ближайшей деревеньки лицеисты добрались без энтузиазма и с ощутимым разладом в рядах даже внутри команд. Не все поверили в неожиданное задание, часть и вовсе настаивала на том, чтобы остаться в автобусе и разжечь рядом костер, дожидаясь спасателей. Кто-то пошел искать палку.

Но рано или поздно, глядя на спины удаляющихся искателей «базы», девушки и парни отправлялись за ними вслед. Оставаться наедине с ночью, несмотря на немалые личные Силы, никто не захотел. Тем более что автобус так и не удалось вытащить на ровную поверхность – те, кто мог бы это сделать, ушли одними из первых. Остальным же требовались бревна, которые еще надо было срубить в ближайшей лесной рощице, дотащить сюда и спросить у первых, что со всем этим делать дальше.

Со временем расстояние между людьми в длинной цепочке сократилось, и к линии деревянных домиков лицеисты подошли практически вместе, хоть и разделились на три легко определяемые группы – оптимистов, скептиков и двух парней с перемотанными обрывками футболок ногами.

Ориентиром для точки входа в поселение, не обнесенное никаким забором, да еще без намека на крупное здание или хоть какую-то парадную калитку, был выбран невысокий холмик возле одного из домиков. Во-первых, там пасся ослик, что означало наличие жизни в откровенно ветхом и запущенном поселении, во-вторых, рядом с осликом стоял его владелец – чумазый паренек лет тринадцати с голым торсом, в рваных трико и галошах на босу ногу. Он опирался на вилы и занимался, пожалуй, самым интересным занятием во всем селении и ближайшей округе – разглядыванием необычных гостей.

– Но! Репу не топчите! – окрикнул мальчишка, жестом разгневанного Посейдона подняв вилы и вновь воткнув их в землю.

Гости действительно обнаружили под ногами некую вялую поросль и,

слегка смутившись, перешли на движение по дощечкам, раскиданным прямоугольником.

– Здравствуйте! – поприветствовал родоначальник идеи о «секретной базе», ловко скача по дощечкам в желании опередить остальных и добраться до чек-поинта первым.

Кто-то его целеустремленность распознал и тоже включился в забег. В общем, урожай таки пострадал.

– Ие-ха! – прыгал возле паренька лицеист, с превосходством глядя на парочку конкурентов, мрачно поднимающихся с грядки.

– Потоптали репу, – хмуро констатировал парень.

– Эй, пацан, телефон в селе есть? – вальяжно подтянулись те, кто ни в какой конкурс не верил.

– Нет.

– А линии эти по столбам?

– Электричество. – Хмыкнув, парень принялся отвязывать ослика с явным намерением покинуть шумных гостей. – Но оно только вечером.

– Вот блин, – чертыхнулся кто-то.

– Не о том спрашиваете, – зашагал прямо по грядкам лицеист с отметиной на скуле. – Водителя не видел тут? Ну, мужик такой. В фуражке, белой рубашке. У него еще темные очки могли быть.

– И руль!

– Видел, – буркнул местный, потянув послушного ослика за собой. – Только руля у него не было.

– Где он?! – взвыл хор обозленных голосов.

– Туда пошел. – Парень равнодушно махнул вдаль, примерно в том направлении, куда шли следы от автобуса. – Там через сорок километров станция «Колоски».

– Ну я этого гада! – дернулся в ту сторону говоривший, затем повернулся обратно. – Машина в селе есть? Дорого заплачу.

– Машина есть, у папы, – задержался парень. – Но папа в городе.

– Трактор, мотоцикл? – зачастили из толпы.

– Нет, нету.

– Вообще ничего нет?!

– Почему нет? – возмутился парень. – Вот. Ослик есть, – показал он на добродушное животное и скормил тому морковку из кармана.

– Издеваешься?!

– Вы же сами спросили, – обиделся он. – А Росинант хороший. Покладистый, пятнадцать километров в час делает, между прочим. А еще он дорогу знает. Пешком-то до ночи идти будете.

– И дорого за осла возьмешь? – слышался напряженный голос в хоре пренебрежительного фырканья.

– Не, мне папа уши обдерет, если продам, – испуганно дернул паренек головой.

– А не продашь, я тебе уши обдеру.

– А папа князю пожалуется! – расхрабрился парень. – Не наши вы! Я гербы читать умею!

– Леш, ты совсем сдурел, воровать на чужой земле! – хлопнули пригрозившего по спине сокомандники.

– Да я же купить хотел! – с жаром возразил он.

– А если это новый этап конкурса? – не унимался заводила. – Надо купить осла!

– Мальчик, хочешь, я тебя поцелую? – бархатным голосом пропела Елена.

– А зачем?

– Ну, я тебя поцелую, а ты отдашь мне ослика, – очаровательно улыбнулась она.

– А давайте лучше я вас поцелую и не отдам ослика? – с сомнением предложил паренек.

– Так, пацан. Сколько твой осел на базаре стоит? Не верю, что такой взрослый и умный и не знаешь.

– А ты, что ли, знаешь? – храбро возразил тот.

– Мне не положено!

– А казался взрослым и умным, – фыркнули ему в спину.

– А ну тихо, – шикнул лицеист за спину. – Цену говори!

– Ну... Десять тысяч рублей хочу! – почесав голову, выдохнул паренек храбро и затаил дыхание.

– Беру!

– Эй, а чего это ты берешь? Я тоже беру! – вынул из кармана деньги конкурент.

– Я первый сказал!

– Ну и что? Мы тоже берем! Эй, пацан, одиннадцать тысяч даю!

– А ну убрал свои гроши! Двадцать за осла! Вот, бери.

– Двадцать пять и туфли!

В итоге сошлись на шестидесяти пяти тысячах двухсот восьми рублях, двух пиджаках и красивом ножике, со счастьем на лицах собранных командой-победительницей и переданных парню.

– Морковка в подарок, – расщедрился парень, передавая нечищенный овощ в холеные руки.

Остальные же, осознав поражение, заспешили по направлению к Колоскам, надеясь наверстать поражение в необычном конкурсе. Или хотя бы догнать водителя и хорошенько отлупить.

– Что, правда ничего нет? – глядя, как величаво удаляется Вика на ослике, ведомом за поводок обретшим счастье и свои кеды парнем, грустно спросила Елена.

Все ребята уже существенно ушли от линии стареньких домиков, но догнать их для нее было вовсе не проблемой. А вот поговорить с местным на всякий случай стоило. Вдруг паренька просто напугала толпа городских старшекласников? Во всяком случае, ничего она не теряет.

– А у тебя как с запятыми? – поинтересовался парень непонятно зачем.

– Очень и очень хорошо! Отличница!

– Эх! Все равно ты не в нашей школе, – взгрустнулось тому.

– Ну почему же, – игриво улыбнулась она. – А вдруг перейду?

– Блин, зачем только парту пилил, – буркнул парень еле слышно и критически оглядел он ее с ног до головы. – Хотя ты все равно выпускной класс.

– Да, – отчего-то смутилась Елена, слегка покраснев и опустив очи к земле.

Правда, сама не поняла отчего. Наверное, из-за форменного пиджака лица с гербовым узором, который парень накинуд на увитый мышцами голый торс. И уверенного взгляда и голоса, в которых совсем не осталось робости перед толпой (а была ли она?).

«Но он же деревенщина!» – гневно всколыхнулось в душе, смывая секундное смущение. Козопас! А она тут стоит перед ним в платье, которое ему за десять жизней не купить! Лицо чумазое! Хотя кожа под грязью ровная, без оспин. И ногти ровные. И ноги чистые. И загара черного почти нет. И волосы... Хм...

– Там, за оградой, лошадь, – вздохнув, махнул рукой парень.

– Да? – изумилась Елена.

– Звездочкой кличут. Дарю. – И, отвернувшись, он зашагал вдоль домов.

– Вдруг не все они такие? – задумчиво шепнул он себе под нос.

Девушка мигом перемахнула через ограду, с изумлением обнаружила там лошадь, хоть и неоседланную. Тут же, подчиняясь порыву, вернулась обратно, чтобы мягко притянуть паренька за края пиджака и впитаться поцелуем в его губы.

– Спасибо! – счастливо выдохнула она.

И через минуту пролетела мимо домов на лошади, со счастливым

смехом прижимаясь к рыжей гриве. А уже через мгновение догнала процессию с осликом.

– Я за машиной! – крикнула она своей команде, совсем скоро превратившись в точку вдали...

А я провел языком по губам, прислушиваясь к мягкому, искристому ощущению, и констатировал:

– Нет, ну какой ослик. Тут максимум на два пломбира.

Хотя его много не съешь. А пломбир я люблю...

Неторопливо вошел во двор, дважды простучал по двери и через пару секунд попал в приятную прохладу небольшого терема.

– Ну как? – глянули на меня темные очки, смотревшиеся на девятилетнем Петьке (ввиду отсутствия отца – хозяине дома) как на шершне.

– Десять тысяч за ослика, – отсчитал я мятые красные бумажки. – Пятнадцать за лошадку. Пятьсот рублей за аренду реквизита. Я вилы, кстати, в сених оставил.

– Здорово! На ярмарке в два раза больше купим! – не веря, перебирал Петька бумажки, скорее даже не пересчитывая, а любуясь ими.

Неспешно умывшись в рукомойнике и переодевшись в привычную одежду, я отсчитал еще двадцать бумажек.

– А это за мотоблок.

Ни трактора, ни машины в деревне действительно не было.

– А можно я очки у тебя куплю? – смущаясь, попросил Петька, протягивая пятерку обратно.

– Скоро придут большие дяди и будут спрашивать. Про ослика, про лошадь, про меня, – вздохнув, снял очки с погрустневшего лица. – Очки увидят – всем плохо будет. Тебе, папе с мамой.

– Я понял, – кивнул тот.

– А так – ты ничего и никого не видел. Гулял в овражке, увидел автобус, побежал за старшими. Как мы договорились.

– Хорошо! А деньги я сегодня вечером под поилкой для лошади найду!

– Вот, умный парень, – потрепал я его по волосам и вышел из дома.

Оглядевшись по сторонам, выкатил из сарая мотоблок, дернул за тросик стартера, пробудив ворчливый мотор, застелил на сидушку трофейные пиджаки и попылился совсем в другую сторону от недавних гостей.

Потому что станция «Колоски» действительно далековато – сорок километров. А вот станция «Солнечная» – всего в трех.

Глава 16

Путь до «Солнечной» уложился в двадцать минут. После чего через добрых полчаса пришло понимание, что никто на станцию не прибудет.

Внутренние рейсы через столицу отменены, а других тут не бывает – так сказал старик, расставивший ведра с грибами вдоль трассы. Он же подсказал, как лучше добраться до города. В сотне метров находился спуск на короткий путь, связывающий два селения и самым краем – пригород. Сверился с картой, позаимствованной за козырьком автобуса, – действительно, вилась безымянная серая ленточка от села Солнечное, названием которому обязана станция, через Заречное и до самой границы красно-зеленой разметки столичных улиц. Можно, конечно, и по дороге, но мотоблоку все равно, где отмерять свои тридцать километров в час. Да и лишних встреч совсем не хотелось – документы вместе с приглашением остались в карманах пиджака. А мир еще плохо знал меня в лицо, чтобы верить на слово.

Хотел отблагодарить покупкой. Но старику вроде оно и не было нужно – куда важнее причина, по которой можно сидеть в полудреме под тенью вяза, время от времени прикладываясь к стальной фляге.

– Бабка сказала, пока все не продам – не возвращаться, – подмигнул он заговорщически, и я спрятал деньги обратно.

Первое село пролетел, оставшись в памяти гусей бесстрашным пылевым столбом, рычащим столь грозно, что даже собаки стеснялись своего голоса и без особого энтузиазма пытались укусить за колесо. Сорок пять домов, высоких и низких, с запущенными садами за покосившимися оградами и безо всякой зелени на бетонированных подъездах – люди жили по-разному. Только дорога была одна на всех – норовистая и ухабистая, с настолько глубокой колеей, что проще оказалось нестись по самой ее границе, рискуя провалиться в глубину накатанной полосы.

Пролетев развилку с колодцем, вышел-таки на добротную грунтовку и с удовольствием вывернул ручку скорости, соревнуясь с речным бликом на бегущем вдоль дороги ручейке – извилистом и затейливом. Потянулись пшеничные поля по левую руку – от дороги и до горизонта, настолько огромные, что красно-белые громады комбайнов, окрашивающие золотое полотно бежевыми линиями, смотрелись игрушками в мягком ворсе ковра.

Ветер доносил звуки тяговитых дизелей, шелест механизмов, деловитые сигналы тракторов, подъезжающих за новой порцией зерна, а

потом устал и на повороте лихо сбил фуражку, швырнул куда-то назад и влево. Стоило отвлечься и проводить ее взглядом, как дорога взбрыкнула колдобинной, дернулся руль – и тут же привычная тряска сменилась мгновением падения, схватившего сердце недобрым предчувствием. Удар о хилое деревце перевернул мир с ног на голову, на фоне небесной синевы грациозно проплыл прицеп, намереваясь подгрести меня под себя. Земля ударила в плечо, руки вцепились в сухую глину обветренного холма, стараясь замедлить движение. Сталь и дерево рамы с грохотом шваркнулись полуметром ниже по склону, проскрипели, ругая невнимательного водителя, и остановились.

Остановилось и время – вернее, оно было, но осталось где-то на дороге. А тут, на нагретой солнцем земле, можно было лежать сколь угодно долго. Потому что левую ногу, стоило только пошевелиться, схватывало болью прямо на месте старого перелома – совсем немного, но почему-то от этого сделалось куда страшнее, чем от летящей над головой телеги. Однако каждый знает – если пару минут не двигаться, то все непременно пройдет. А если не проходит, то надо подождать еще совсем чуть-чуть.

Рыкнул двигатель где-то наверху, испугав своим голосом верхушки трав, и тут же устало выдохнул, останавливаясь. Где-то там, на границе земли и неба, показалось мужское лицо. Тут же зашуршала земля под сандалиями, спускаясь ко мне ленивой осыпью, а еще мгновением позже меня мягко прижали к земле, не давая подняться.

– Не делай резких движений, – аккуратно сняли с головы солнечные очки и напряженно осмотрели лицо.

«Эх, добегался, – пришло запоздалое раскаяние. – Толку мне от этих фиолетовых? Сколько лет уже прошло. Тем более, что ее там не было... А я, выходит, команду подвел».

– Только папе не говорите, – вырвалось тоскливое.

– Папе? Папе не скажем, не переживай. – Почему-то в голосе послышалась тревога. – Не болит ничего? Спину чувствуешь? Ноги? Ну-ка пошевели пальцами. Отлично. Теперь руки подними. Да что ты в меня ими тыкаешь, ты покрути в стороны!

– А вы не будете меня арестовывать? – пробилось удивление, от которого даже боль в ноге притихла.

– Надо бы доложить куда следует, – вздохнул мужчина и вытер лоб от пота. – Но ты вроде трезвый. А тут часто падают. Поворот плохой и знака нет. Хорошо, я тебя заметил... Не переживай, сейчас вытяну твой мотоблок.

Добрый человек, оказавшийся Геннадием, трактористом и владельцем

трактора, споро зацепил тросом раму и вытянул слегка побитый, но вполне целый с виду агрегат со дна кювета.

Только заводиться мое средство передвижения отказалось напрочь. Как ни грозили ему отверткой и гаечным ключом, как ни ласкали промасленной тряпкой – все оказалось тщетно. Он был мертв, и ничто на сельской дороге не смогло бы вновь пробудить в нем жизнь.

– Продай мне? Движок, конечно, убит, но за раму, тележку и колеса хорошо заплачу.

До города оставалось еще очень немало, болела нога, вечер грозился передать ключи от неба ночи, а соревнования начинались уже следующим утром. И горе тем, кто опоздает.

– Мне бы в город, – сжав купюры, предложенные за останки мотоблока, я вновь протянул их обратно.

– У меня график, – отрицательно покачал он головой. – С тобой много времени потратил.

– Я много заплачу! – отыскал другие купюры в кармане.

– Там, – махнул он на поле, – люди ждут. А вон там, – указал на темную линию горизонта чуть в стороне от направления, где должен был быть город, – гроза. Может, даже с градом. Сегодня надо все завершить. Мне никак нельзя подвести.

– Мне – тоже... Там завтра танцы.

– А у меня тут – жизнь, – выдохнул он и чуть мягче продолжил: – Возвращайся на станцию. Автобусы не ходят, но попутную машину рано или поздно поймаешь. Я позвоню твоим родителям, они встретят. А лучше оставайся у нас до утра.

– Спасибо, но в город обязательно нужно сегодня.

– Тебе виднее, – подошел он к уже своему мотоблоку и одним движением скинул его обратно в кювет. – После работы займусь. Бывай! – заскочил Геннадий в кабину трактора и отправился обратно к своим.

И мне пора. Неловко перенес вес на травмированную ногу и досадливо скривился. Все же надо звонить, как бы ни хотелось справиться самому. Беда в том, что сотовый телефон остался там же, где документы. Спohватившись, окликнул Геннадия. Но, как я ни кричал ему в спину, за ревом двигателя тот так и не услышал. А на мое махание руками только помахал мне в ответ, прощаясь. Хотел было догнать, только левой ногой эта мысль не сильно понравилась. Да и фуражку с такой болью не найти.

Значит, остается идти вперед, к Заречному. Потому что возвращаться назад дольше, скучнее, а еще там гуси.

Отыскал на обочине подходящую по высоте палку и осторожно пошел

вперед.

Вскоре проторенная дорога свернула к деревеньке, вросшей тремя улицами кирпичных домиков в солидный холм над речной гладью. Судя по внешнему виду и основательности, а также парочке тонких проводов на деревянных Т-образных столбах, телефон там точно есть. И я даже знаю у кого – музыка лилась от тенистой беседки рядом с местом, где нить ручья вплеталась в неширокую реку.

Громкая до хрипоты мелодия сотового телефона пела про давно прошедший июль, жаркий и полный тополиного пуха. От той жары остались только утренние часы, к вечеру же природа напоминала о сентябре и близкой зиме. Впрочем, это не мешало ребятам плескаться чуть выше по течению, а затем чуть ли не синими, но счастливыми, обтираться полотенцем и с дрожащими от бодрости руками на ходу надевать одежду, чтобы первыми занять место у небольшого костерка, дымящего возле беседки со стороны берега. Правда, претендовать им приходилось только на стоячие места – свободного пространства на двух бревнах, служивших лавочками, не было. Четверо довольно вольготно занимали одно из бревнышек, что выдавало в них банду, а если присмотреться к чертам лиц – то и родственников. На противоположном же теснилось семеро, стойко сопротивлявшихся претендентам на восьмую позицию – особенно упирались те, что с краю. Всего я насчитал шестнадцать человек, из которых большая часть были ровесниками Федора или помладше и только двое казались старше меня. Телефон принадлежал самому рослому, лет шестнадцати – из числа четырех родичей. Во всяком случае, лежал он рядом с ним.

Дорога до того места не доходила, предпочитала забрать левее, к постройкам, так что пришлось свернуть на траву. Только рубашку я предварительно все же решил снять, повязал поверх брюк и остался в майке. Брюки закатал выше колен, пригладил волосы, темные очки поднял на лоб – словом, сделал все, чтобы казаться здешним, пусть и из другой деревни. Судя по тому, что местные ребята, углядев меня, сразу подошли драться, – это удалось.

– Я обещал наставнику всегда думать перед тем, как бить, – ответил я по-своему на стандартный запрос «свой-чужой».

– И че? – потирая кулаки, сплюнул в сторону самый высокий, на полкорпуса выступивший из полукруга подошедших ребят.

– И я уже подумал.

Взломать систему опознавания удалось успешно.

– И зачем? – с укором поинтересовался я чуть позже у долговязого

Егорки, с которым мы к тому времени уже успели замирились на почве того, что я отлично дерусь.

На их бревнышке по-прежнему числилось четыре места, но на этот раз для меня, для него, для второго брата по старшинству и для телефона, который теперь пел про морскую волну и небо.

– Да так, – хмыкнул он чуть гнусаво, одновременно пытаясь поправить руками нос.

Егорка был одет в новенькие белоснежные брюки с острой стрелкой, водолазку и новые кеды.

– Скучно, – вздохнул его родной брат, обладатель помятых брюк, слегка выцветшей водолазки и пропыленных кед.

– Интернета нет, – поддакнул еще один родич, чуть младше, вознамерившись примостить затертые брюки на зеленую траву.

– Но! – тут же пресек его намерение самый юный представитель семейства, в ярости шаркнув расхлябанным кедам, и мигом переложил с бревнышка на траву обрывок газеты.

Он, кстати, больше всех переживал во время драки, но болел за целостность кед, брюк и водолазки. Поэтому пришлось бить в нос, потому что если ниже – судя по взгляду мелкого, ожидала не меньше чем кровная месть. А мне еще от этих людей звонить. Кстати, да.

– Можно? – указал я взглядом на телефон.

– Нет, – ворчливо ответил Егор.

Ну это понятно. Наша дружба еще не настолько крепка. Да и в нос следовало бить чуть слабее.

– Сотовой связи все равно нет, – пожал плечами третий брат, так и не усевшийся на траву, и замахнулся, чтобы пнуть кедам по бревнышку.

– Но! – в ярости шикнул мелкий, остановив атаку на дерево.

– Давно? – уточнил я.

– Уже дней пять. У трассы есть, а тут даже на крыше не ловит.

– Я с дерева проверял, – солидно качнул головой Егор в сторону холма. – У нас там сосна – метров пятнадцать.

– Там же смола!

Но печальный протест мелкого был проигнорирован.

– Так, а городской?

– На комбинате есть аппарат.

– У старосты еще! – подсказал один из десятка подпевал, как бывших тут до этого, так и налетевших любопытными воробьями на развлечение.

– Я у Веры Андреевны видел!

– Значит, у них тоже, – спокойно констатировал Егор.

- А Вера Андреевна, она кто?
- Бывшая директриса наша, – с готовностью подсказали из толпы.
- Злая?
- Хорошая! – возмутились ребята. – Но строгая. На пенсии она.
- Говорят, она ведьма, – шепнул кто-то сзади.

За что схлопотал тумака. Наверное, действительно хорошая, раз ее защищают.

- Что?! У нее все стены в портретах без лиц! Я сам видел!
- А ну пасть закрой! – распорядился Егор.
- Мне бы к ней дойти. Позвонить очень надо.
- Дима, отведи Максима к дому Веры Андреевны, – обратился Егор к самому младшему.

– Я мигом! – одарив братьев подозрительным взглядом и еще раз с тревогой оглядев одежду на них, заспешил тот.

- Мы тоже пойдем! – вызвалась толпа мелочи.

Но быстро заскучала, потому что идти, поднимаясь на холм, сложнее, чем с гиканьем бежать вниз.

– А где все взрослые? – нашел я правильный вопрос на смутное подозрение, зародившееся еще в Солнечном.

На улице резвилась детвора, изредка оглядывали подозрительным взглядом старушки, занятые по хозяйству на подворье. Отдыхали на лавочках старики, отвечая на Димкино «здравствуйте!» солидными кивками. Но людей старше восемнадцати лет и младше сорока будто бы и не было – что тут, что в предыдущем селе.

– Так забрали всех, – запустив руку в шевелюру, отыскал там Дима ответ и недоуменно повернулся ко мне. – А у вас разве не забрали?

- Я далеко отсюда живу, в другом городе.

– А-а, то-то я смотрю, – протянул он и с легкой завистью глянул на мои туфли.

Им, конечно, многое пришлось за сегодня пережить, но держались они по-прежнему здорово, а на ноге ощущались невесомыми и очень удобными. Прежнего глянца, разумеется, не было, но и без него обувь смотрелась солидно.

- Давно забрали?
  - Дней пять, – посчитав в уме, озвучил тот.
  - Куда, не говорили? – заинтересовался я.
  - На стройку, куда-то на север, – махнул Димка рукой в ту сторону.
- Хм. Но город – не на севере.
- А что строить будут?

– Не знаю я, не звонили они, – шмыгнул он грустно. – Староста говорит, скоро приедут.

– Интересно, – тоже запустил я руки в шевелюру, но обнаружил там темные очки. Покрутил в руках и нацепил обратно.

– А у вас корова есть? – ревниво глянув на очки, спросил Дима.

– Нет.

– А у нас – есть, – с удовольствием протянул он и на очки с туфлями до конца пути посматривал снисходительно. – Вот, – указал на основательный одноэтажный дом. – Только я внутрь заходить не буду, потому что у меня тройка по русскому, – протараторил, покраснев.

– Так она же на пенсии? – усомнился я.

– Она знает! – фанатично сверкнул паренек глазами.

Участок, обнесенный забором, находился почти на самой вершине деревенского холма и соседствовал с широкой площадью и двухэтажным зданием, по которому даже без вывески было понятно – школа. Но вывеска все равно нашлась и сообщила, что за сеткой-рабицей находится младшая школа села Заречье. Ее двор и подворье Веры Андреевны были соединены калиткой, ныне основательно проржавевшей. Видимо, на пенсию хозяйка вышла давненько, хотя уважение все еще оставалось крепким.

– Ладно, пойду, – тронув калитку и обнаружив ее открытой, шагнул было вперед.

– Стой!

– А? – развернулся я удивленно.

– А подарки? – с укоризной глянул на меня Дима. – Надо подарки купить! Как в гости без подарка?

Хм, пришлось признать – что-то в этом было...

Во всяком случае, шансы на звонок неплохо бы увеличить, это лучше, чем потом искать обладателей двух других трубок.

– Только магазин закрыт, – выпалил тот нелогично.

– Варианты? – с любопытством посмотрел я на засмущавшегося паренька.

– Ну, у нас дома есть... молоко, творог... Можно купить, – промямлил он, отводя взгляд.

Я продолжал с улыбкой смотреть на него.

– Просто кеды очень хочу, – выдохнул Дима откровенно, покраснев до кончиков ушей, и посмотрел прямо на пальцы на ногах, выглядывающие из солидных дырок.

– Кеды – это важно, – серьезно подтвердил я и протянул красную бумажку.

– Только у нас сдачи столько нет, – сглотнув, протянул было паренек руку, но тут же замер огорченно.

– Тогда без сдачи, – легко пошел я на добрый поступок.

– Я сейчас! Я мигом! – аккуратно приняв деньги, заторопился он куда-то вниз по улице и скрылся за калиткой шестого по счету дома.

Миг обернулся десятком минут, зато и вернулся Дима не один, а в сопровождении бабушки – просто одному ему было не унести сетку с трехлитровой банкой молока, мешок муки, сахар, ведра с вишней и...

– Еще немного! – выдохнув, он тут же сорвался бегом обратно.

За ним направилась старушка – не столь быстро, но появились они снова вместе.

...и еще банки с молоком, пакет с творогом, сверток с маслом, сетчатая сумка с тыквой, упаковки с разнообразной зеленью, пакет с яблоками...

– Последнее!

...небольшой мешок с картошкой и две банки меда.

– Вот, на пятьсот рублей, – устало выдохнул Дима и по-хозяйски повел рукой над продуктами.

– Без сдачи, это когда сдача – себе, – пояснил я ему.

– Да? – впился он пальцами в шевелюру.

На лице промелькнули растерянность, сомнение, затем мировое возмущение, тоска и обреченное смирение.

Рядом спрятала улыбку в ладонь бабушка и, подойдя сбоку, погладила внука по волосам:

– На выходных за кедами поедem.

Грусть тут же сменилась светлой радостью – и от слов, и от ласки.

Все-таки бабушка – это очень хорошо. Почему только у нас нет?

– Занести сможешь?

– Да легко, – совсем без обиды весело произнес Димка и первым открыл калитку.

Если по двору можно судить о характере хозяйки, то нрав у нее наверняка очень строгий и дисциплинированный. Ни намека на беспорядок. Белый кирпич дорожки тянулся прямо к входу в аккуратный деревянный домик с верандой, и только там в обход дома нырял на задний двор. Трава смотрелась декоративной лужайкой, подстриженной в паре сантиметров от земли. Вдоль забора, граничащего со школой, посажены кусты шиповника, на противоположной стороне как украшение – яблоня, затеняющая белоснежную скамейку под своей кроной. Непразднично смотрелась разве что собачья будка возле дома – но не из-за внешнего вида, а просто потому что заколочена, тонкая цепочка смотана, а ошейник из

потрескавшейся от времени и солнца кожи висел на гвозде.

Окна дома сияли чистотой и изнутри были завешены узорной вышивкой. Ни одной открытой форточкой. В душе шевельнулась тревога – как бы хозяйка не ушла по делам.

Убедившись, что обувь не испачкает дорожку, мы быстро перенесли все к ступенькам дома. Дима солидно пожал руку и, с опаской посмотрев на дверь, тут же исчез на улице, аккуратно прикрыв калитку.

– Есть кто дома? – вежливо постучав, тронул я дверь.

Та оказалась закрыта, да и никто не спешил ее открывать.

Постучавшись вновь через пару минут и не дождавшись ответа, совсем уже было хотел развернуться, но из глубины дома слышались уверенные шаги.

Дверь распахнулась, заставив отступить на шаг. А затем я невольно отступил еще раз, чтобы целиком осмотреть статную женщину эдак под два метра ростом в длинном зеленом платье, с обликом былинной красавицы со стажем – ну знаете, той, что уже лет тридцать провожает каждое утро Илью Муромца на подвиг, предварительно накормив и проверив, все ли он собрал. Даром что когда-то была царевной. Только вместо косы – сложная прическа на голове, прикрывающая правую сторону лица. И вместо сапожек или туфель – удобные меховые тапочки.

– А Вера Андреевна дома? – посмотрел я ей за спину.

– Это я, – мягко улыбнулась женщина.

Недоверчиво оглядев учительницу, что должна была быть пенсионеркой с острым носом, большими очками и скверным характером, все же шагнул в сторону и показал на подарки.

– Это вам. Можно от вас позвонить?

– В Америку? – с сомнением оглядела она ровные ряды мешков, банок и свертков.

– Если Федор там, то в Америку. Но, скорее всего, в город.

– Заходи. Телефон на трюмо в прихожей.

– Спасибо! Только давайте пока вещи занесу.

Все же калитка у нее так и осталась незапертой, да и неудобно как-то оставлять подарки на улице.

Вещи тут же обрели положенные места, будто бы созданные под них вместе с домом, деревней и миром в целом – еще никогда так не было, чтобы для нового не приходилось двигать старое. Мед занял место рядом с медом, яблоки к яблокам, мука...

– Поставь на стол. – Часть продуктов хозяйка велела не убирать и тут же взяла их в оборот на кухне, надев красиво вышитый фартук – настолько

интересный, что его было жалче не меньше платья.

Мне же еще раз напомнили, где находится телефон, и попросили никуда потом не уходить. Потому что сейчас будет ужин. Живот отреагировал на это воодушевлением, намекнув на целый день без еды. Чуть смутившись, изобразил заинтересованность трубкой радиотелефона, обнаружившегося на холодильнике, вновь испросил разрешения и, отвернувшись к окну, принялся набирать номера друзей.

Телефон Федора не отвечал. Быстрыми гудками отзывались аппараты Светланы, Паши и лично мой. Щелкало в трубке после набора телефона Артема, но связи не было. В итоге позвонил домой.

– Ты где?! – тут же все понял наставник, стоило попросить его, чтобы он позвонил Федору, а тот отзвонился мне по тому номеру, который сейчас определился.

– У Веры Андреевны. – уклончиво ответил я.

Не сработало.

– Дай ей, пожалуйста, трубку, – тяжело вздохнул старик.

– Это будет неловко, она сейчас занята, – пошел я на попятный, в том числе и физически отступая из кухни.

– Ничего неловкого, просто руки еще раз сполосну, – мягко шепнула Вера Андреевна, неслышно оказавшаяся рядом, и перехватила телефон.

Да так быстро, что мои пальцы сомкнулись в воздухе.

Теперь уже она отступила в коридор, скрывая суть беседы. Вернулась уже под самый конец, так что фразу «и привяжите его там чем-нибудь!», сказанную вместо «до свидания», я все таки услышал.

– Он просто переживает, – обозначила улыбку хозяйка.

Тут же усадила за стол в гостиной, поставила передо мной стакан молока, тарелку (пока пустую), положила вилку, ложку, нож, накинула фартук и тщательно завязала. Вернулась и забрала нож. Я пошевелился и тут же понял – к стулу привязала.

– Я имею право на один звонок! – вырвалось возмущенное.

Рядом тут же поставили трубку радиотелефона.

Набрал еще раз Федора, вновь послушал гудки и с сожалением понял, что звонить мне в общем-то больше некому. Папа будет заодно с наставником. А Руслан Артемьевич, скорее всего, посоветует связать и ноги. От отчаяния решил звонить сестрам.

– Привет. Позвоните Федору, пусть срочно со мной свяжется. Меня связали и собираются кормить. Завидуете? Никакой помощи! – возмутился я и нажал на «отбой».

Так и грустил, рассматривая старые часы, негромко отщелкивающие

секунды, уголок с иконами, узор на занавесках. Перешел взглядом на другую стену и замер, глядя на десяток портретов, выполненных ручкой на обычных листках. Вернее, портретами их назвать было сложно – контуры, обрамленные прической; силуэты людей; краешек уха, прорисованный невероятно четко, рядом с пустым овалом лица. Иногда изображения повторялись, но уже пастой другого цвета и с явно возросшим мастерством. Но ни одного портрета, завершенного до конца.

– А это кто? – рискнул я спросить у зашедшей Веры Андреевны.

– Память, которой нет, – мельком глянув на портреты, поспешила она вернуться обратно на кухню.

Невольно задумаешься, что хотели сказать. Тем и занимался, пока в тарелке не обнаружили вареники, положенные щедрой рукой. Солидную горку украсил золотистый брусок сливочного масла, тут же начавший красиво таять. Аромат же активизировал все силы организма для максимально быстрой работы вилок.

– Не отвязывайте меня, – выдохнул я, расслабленно растекшись по стулу. – Я хочу тут жить.

Тарелка вареников была побеждена целиком и полностью, и если живот уже не мог принять больше, то мозг жаждал нового штурма. Потому что это было очень и очень вкусно. Настолько вкусно, что невольно выступила слеза, стоило получить добавку в ответ на лестную фразу.

Приятно муркнул телефон по левую руку. Не глядя, уцепился за него и нажал на зеленую кнопку, уже позже спохватившись, что телефон не мой и звонят тоже не мне. Но это оказался Федор.

– Федор, я нашел нам бабушку.

– Да? – с легким недоверием отозвался брат.

– Поверь мне, я пробовал эти вареники, это точно она. – Я подцепил вилок еще один. – Срочно приезжай или можешь не успеть!

– А что с ней?!

– С ней все отлично, но вареники стремительно кончаются, – подцепил я на вилок второй – про запас.

– Но машина уже без меня отправилась, – погрустнел он.

– Не переживай, будет бабушка – будут и вареники! – подбодрил я брата и завершил разговор.

Со стороны двери послышалось веселое фырканье – Вера Андреевна, привалившись к косяку, по-доброму улыбалась.

Заметив взгляд, подошла сзади, одним движением развязала узел фартука, оставив его по-прежнему у меня на плечах.

– Родственников не выбирают, – потрепала она меня по волосам.

– Это ваши? – указал я на незавершенные портреты.

– Да, наверное, – вздохнула она. – Так и не смогла ни одного вспомнить.

– Давно вспоминаете? – отложив вилку, поднялся я на ноги и подошел к картинам поближе.

– Больше двенадцати лет. С тех пор как очнулась на берегу реки. – Женщина встала у меня за спиной.

– Они вас тоже не нашли?

– Может, их и не было никогда.

– Значит, как бабушка вы свободны? – деловито уточнил я, поворачиваясь.

– Ты очень добр, – вновь фыркнула она со смешинкой. – Но вкусные вареники – еще не повод считать меня родственницей.

– А как у вас с запятыми?

– Вот уж на что точно сохранилась память, – окинула она взглядом стеллаж с учебниками по русскому языку и литературе.

– Значит, вопрос решен, – подтвердил я.

– Так не бывает.

– Детей ведь усыновляют?

– Но это делают взрослые, готовые принимать решения и брать на себя ответственность. А ты – всего лишь обычный мальчик.

Где-то вдалеке послышался солидный гул.

– Я готов брать ответственность.

– Спасибо, но я остаюсь, – одарив меня улыбкой, она отрицательно покачала головой.

– У вас тут есть незавершенные дела? Работа?

Гул рос с каждым мгновением, перерастая в дребезжание стекол.

– Нет, но тут мой дом.

– Там тоже будет ваш дом. А еще у нас недавно появился щенок, совсем маленький.

Женщина невольно обернулась в сторону двора, но тут же выпрямилась, мгновенно стала строже и уверенней.

– Здесь – память.

– Которой нет? – поднял я бровь.

– Когда-нибудь я вспомню, – сжала она упрямо губы.

– Для памяти полезны путешествия и новые места. А у меня много синей пасты и бумаги.

– Пойми, мальчик, в мире не все зависит от моего или твоего желания...

В этот момент гигантская тень рухнула на площадь, и под завывание разрезаемого лопастями ветра уступила место двум винтокрылым боевым машинам.

Вера Андреевна ошеломленно повернулась к окну.

– Это за мной, – успокоил я ее, увидев бортовые номера. – А значит, вряд ли будет много времени на уговоры. Поэтому, пожалуйста, перед тем как дать окончательный ответ, подумайте над самым важным вопросом: если я сейчас навсегда уйду, кто тогда будет есть ваши вареники? – и внимательно посмотрел ей в глаза.

В вертолете шумело даже через массивные наушники, толстые стекла иллюминаторов показывали скучную застройку, а офицер, который нас встретил, прикидывался говорящим только на испанском, оттого за штурвал меня так и не пустили.

Путь, который по земле занимал несколько часов, уместился в пять минут, и уже совсем скоро мы зависли над грандиозным колодцем диаметром в три сотни метров со стенами из камня толщиной в шоссеиную трассу. Как ни крутил головой, я так и не отыскал в серых стенах ни одних ворот; ни одна дорога не подходила к массивной постройке. Внутри же стен виднелись аккуратные домики, утопающие в зелени; собственный пруд, два круга с буквой «Н» посередине и ангарами рядом; даже для коротенькой взлетной полосы отыскалось место.

Вокруг же был самый обычный город, только будто бы повернувшийся к высоким стенам спиной – здания стояли окнами в другую сторону.

– Как и говорил, тут мы на несколько дней, а потом уже домой, – произнес я в микрофон внутренней связи.

– Я помню, – прошептала Вера Андреевна почти беззвучно, касаясь иллюминатора кончиками пальцев. Будто бы и не мне.

Глава 17

Яблоко хрустнуло, брызнув на завитые усы и бородку соком. Глаза мужчины невольно прищурились от сочного удовольствия.

– Вот, а вы говорите, – вежливо укорил я солидного господина в нелепом при такой погоде фраке, приставленного к нам гидом.

Тот наверняка вновь захотел ответить, что им не положено брать плоды с хозяйского дерева, он не голоден, да и яблоки ему вовсе не нравятся. Но, будучи культурным человеком, постеснялся говорить во время еды.

Тем более что запретов я вовсе не нарушал – яблоки взяты не с дерева, а собраны в траве. Целая поляна красных, налитых спелостью плодов обнаружилась в уголке сада, возле холодного до ломоты в зубах ручья. Там, правда, была какая-то грозная табличка на испанском с тремя восклицательными знаками, но раз этот язык проигнорировал все мои просьбы попасть в кабину пилота, то и я с ним решил поступить так же. Да и как пройти мимо такого богатства? Так что совсем скоро небольшая часть урожая наполнила оттянутую футболку, а чуть позже перекочевала в корзину.

– Теперь эта юная леди перестанет ходить по бортику стены? – прожевав, просительно произнес смотритель.

– Вы кушайте, оно вкусное, – предложил я ему вернуться к трапезе, а Светлана сделала еще один пируэт и красиво замерла, зависнув одной ногой над пропастью.

Смотритель отчаянно вцепился в яблоко, желая проглотить его целиком. Но это он зря – во-первых, так невкусно, во-вторых, у меня еще целая корзина. В-третьих, за его спиной Федор с Пашей с внешней части стены деловито сматывали самодельную веревку. И пока не сматают – Светлана будет танцевать в свете заходящего солнца на самой грани, приковывая взгляды смотрителя и охраны. Высота в семь этажей, выветренные камни под острым каблуком бежевых туфель и резкий ветер, подхватывающий края платья, – было из-за чего в восхищенном волнении замереть сердцу, не обращая внимания на остальной мир и двух товарищей в частности.

В крепости действительно не имелось дверей и ворот, потому еще днем друзья подготовили для меня отдельный путь через стену, ожидая скорого прибытия. Ну а сейчас, как вежливые люди, мы решили вернуть

занавески обратно.

Только Артем не участвовал в операции «З», предпочитая всему на свете довольно странное времяпрепровождение – он тискал в руках футляр от скрипки и подозрительно смотрел на меня. Занимался этим друг с самого моего возвращения, заглядывал в глаза, с прищуром глядел на профиль и царапал взглядом спину чуть ниже лопаток.

– Будешь? – протянул я ему плод.

Тот среагировал, как Машк на копченую колбасу, которую ел исключительно тайком, похитив со стола. Вот если бы все отвернулись – тогда да. Но пока смотрят – будет равнодушно отворачиваться, провожая цель голодным взглядом и тщательно фиксируя, куда колбасу положили. Тут в общем-то обреталась целая стая этих самых Машков в людском облики, равнодушно провожавших мою корзину, и зритель не был исключением. Витаминов им не хватает, что ли?

– Можно тебя на секунду? – не выдержала душа скрипача.

Я краем глаза отметил сигнал «все отлично» от Федора, а также неспешно удалявшегося к спуску со стены и удерживающего руки перед собой Пашку и утвердительно качнул головой.

Тут же Светлана спорхнула со стены, вызвав у зрителя вздох облегчения, а у остальной охраны – разочарования.

Оглянувшись на приотставшую свиту во главе со зрителем, мягко выговаривающим Свете за ее поведение, Артем нагнулся к самому моему уху.

– Максим, ты вообще понимаешь, что происходит и где мы находимся?

Говорил он звенящим от напряжения голосом, и больше походило на то, что ответы ему известны. Таким тоном просят вести себя тише в важном заведении, полном чванливых сановников, которые все равно не знают, в каком кабинете наш мяч.

Только тут – улыбки и забота, собственный сад и теплая вода озера, добрые повара, легко впустившие Веру Андреевну к себе на кухню, и красивый, но непонятный язык. Им наш смех в радость, а единственная легкая шалость минутной давности – повод тайком от зрителя обнять тяжелым, волшебным и теплым ветром, дабы показать, что Светлану обязательно подхватят, если та сорвется вниз. Ощущение безопасности и доброты повсюду, будто бы мир внутри стен – еще одна комната в родном доме. Думаю, что про веревку нашу они тоже знали, но дали убрать ее самостоятельно.

– Это дом друзей моего наставника. Он попросил встретить нас и принять у себя.

– Максим, никто не будет гонять два «Призрака» для встречи школьников!

– Ну, не знаю. Я одного за творогом в деревню отправил.

У местных свежего, увы, не оказалось, а я твердо обещал Федору вареники.

– И тебя не смущает, что это страшно дорого, а он все равно полетел?! – всплеснул Тема свободной от футляра рукой.

– Да знаю, что дорого. Но я же денег на горючее дал.

– Откуда такие средства?!

– Так я ослика продал.

– Какого еще ослика?!

– Росинанта, – терпеливо уточнил я.

– Росинант – это лошадь!

– Нет, лошадь – Звездочка, а ослик – это как раз...

– Так, все, помолчи немного, пожалуйста. – Прервав меня, Артем привалился к стене, аккуратно приставил к ней скрипку и с силой помассировал виски.

Чуть дальше от нас Светлана, заинтересованная видами города, спрашивала гида про строения вдаль. Сопровождающие охотно принялись пояснять, замерев подле нее и дав нам время на беседу.

– Ты среди бела дня берешь и угоняешь автобус с лицеистами...

– Сажусь за руль, они тоже едут, – поправил тактично.

– Я даже спрашивать боюсь, где они и что ты с ними сделал.

– Отправил в пешее путешествие с осликом и лошадкой.

– Да какими еще... – вскинулся он и тут же выдохнул, успокаиваясь. – Ладно. Затем нас забирают вертолеты, и никто из встречающих ни слова не говорит против того, что ты придешь позже.

– Но я же пришел.

– Тебя привезли! И даже не ругали!

– Я испытал наиглубочайшее искреннее раскаяние, о чем уже успел сообщить.

– Кому?!

– Пилоту.

Тот все равно не говорил по-русски, оттого слова шли легко и от самого сердца.

Артем побуравил меня хмурым взглядом и вздохнул, не найдя контрдовода.

– Затем ты привозишь совершенно постороннюю женщину.

– Попрошу повежливей про мою бабушку!

– Максим, она ведь тебе даже не родственница по крови! – всплеснул руками Артем.

– А я не родич Федору, – построжел голосом, чтобы привести товарища в чувство.

– Извини... Просто это в голове не укладывается.

– У нее никого нет, а у нас нет бабушки. – Я повел плечом, поворачиваясь к городу. – Попробуем пожить вместе.

– Вот так просто?!

– Она – хороший человек. А в нашем доме еще много пустых комнат.

Да, сложно определить доброту и честность человека за неполный день. Пусть даже интуиция шепчет, что такие вареники не могут выйти из-под рук плохого человека, – всегда имеется шанс ошибиться. Но у меня есть Федор, а у него – дар смотреть внутрь людей.

Внутри Веры Андреевны чернел мертвый лес, окруживший крохотную прогалину с проржавевшими качелями, опутанными ветками тусклых деревьев. Высокая трава, вся желтая от жестокого солнца в зените, укрывала под собой старые ходы и тропинки. Но все это – пугающее и грустное – было уже не важно. Потому что сотнями тысяч пробивались на ветвях зеленые почки, а значит, скоро придет весна и лес вновь расцветет. А качели мы смажем, и на поляну вновь вернется смех.

Только знать это – про талант Федора и про то, что он видел, – Артему вовсе не нужно.

– Пусть, – махнул друг рукой. – Признаю, это ваше семейное дело. Хорошо, Веру Андреевну пустили в крепость, потому что она твоя бабушка. Но почему ей вот так просто разрешили зайти на кухню – туда, где готовится еда для всех?

– Но-но! Там столько творога нет.

– Ладно, но себе они тоже там готовят? – прищурился он пытливо.

– Наверняка.

– Так почему постороннего пустили в стратегическое место?

– Потому что я попросил.

Где же еще готовить?

– Вот видишь! – возликовал он, будто бы подловил на чем-то важном.

– А ты остаешься без вареников, – мрачным тоном испортил я ему настроение.

– Я пострадаю за правду!

– И утром – тоже.

– Максим, давай не будем горячиться, – поднял он руки. – Просто я не знаю ни одной причины, из-за которой они себя ведут с нами так... как они

ведут. Вернее, даже не с нами... с тобой.

– Как именно? – уточнил я.

– Слишком хорошо, – как-то обескураженно выдохнул он.

– Вот смотри, – встал я рядом. – Я предлагаю тебе яблоко, бесплатно.

– Оно не твое.

– Да я для примера. Даю тебе то, чего у меня много, просто потому, что хочу сделать подарок. Это ведь хороший поступок?

– Ну.

– Так почему ты хочешь лишить права на хороший поступок всех этих людей? – развернулся я к Артему.

– Потому что это крепость Биен, и я не слышал ничего хорошего о ее обитателях, – зябко передернув плечами, украдкой глянул Артем на свиту.

– Наверняка есть люди, которые ничего хорошего не слышали про наш город. А ведь мы там живем.

– Это совсем другое! – с жаром возразил он, стараясь говорить убедительно, но негромко. – Это крепость в самом центре чужих земель! Никто их сюда не звал! Земля подарена испанцам за военную помощь, а они коварно взяли испанцев в клан!

– Прямо-таки коварно? – усомнился я.

– Они должны были принять корону Долгоруких на свой герб в знак благодарности. Но их заставили отказаться!

– Сложно заставить быть верным. – Я вспомнил свое детство и первых друзей. – Так же, как отказаться от преданности, – добавил, вспомнив о нынешних.

– Но можно заставить бояться!

– Ну, они не выглядят испуганными, – повернулся в сторону охраны, с полуулыбкой следящей за беседой Светы и гида.

– Зато весь мир вокруг их боится! Ты знаешь, почему построены эти стены? – сильно хлопнул друг по камню ладонью.

– Да сейчас спросим, – повернулся я было к нашему gidу, но Артем удержал за плечо.

– Он тебе расскажет красивую байку и ни слова правды. Эти стены строились не ими! Их построили от них! И уже потом подарили кусок земли вместе со стенами, с условием никогда не разрушать и не делать ворот! Максим, это страшные люди! Потому что у других землю давным-давно отняли бы! – привел он решающий довод.

– Я тебя понял, – подумав, качнул головой. – Знаешь, это как со сторожевой собакой. Она рычит на чужих и кусается, потому что те приходят в ее двор украсть или что-нибудь сломать. Люди обходят калитку

стороной и вздрагивают от громкого лая. Смотрят, чтобы в заборе не было худой доски и собака не выбралась бы на дорогу. Но она на самом деле не злая, а для хозяев – самая умная, добрая и преданная. И чужаки, которые не лезут во двор, ей совсем не нужны, пусть даже те говорят про нее только плохое.

– Это совсем не то! И мы – не хозяева крепости!

– Мы друзья тех, чьи друзья друзей – хозяева крепости.

– Собака такое не поймет.

– А тут люди все берегут, если ты не заметил. Им этого достаточно, чтобы хорошо относиться.

– Но к тебе относятся по-особенному!

– Потому что я приехал с варениками, – наставительно ответил товарищу. – А еще я не ищу плохое в чужом доме и понимаю, что надо отвечать на хорошее отношение взаимностью.

– Ты уже яблоки спер!

– Собрал с земли, – без настроения повторил я. – Да что ты на них смотришь, как Пашка на женскую раздевалку! На, бери.

– Максим, это непростые яблоки! – дрожащим от негодования голосом произнес Артем.

– Ну и ешь их по-особенному, – махнул я рукой на чудачества друга, силком вложил плод ему в руку и двинулся по стене дальше.

Одновременно Света потеряла интерес к зданиям на горизонте, и мы продолжили синхронное движение.

– Это компактный запас Сил в виде яблок! – подхватив скрипку, тут же догнал Артем. – Плодоносящее дерево рядом с природным выходом Силы в виде родника. Единственное в северо-западном регионе! Никто не стал бы охранять простой клочок земли! Ты хоть понимаешь их ценность?!

– Я знаю, что они вкусные.

Услышав ответ, Артем на некоторое время застыл на месте от возмущения.

– Думал, ты их для конкурса ешь, – все еще косясь с подозрением, произнес он.

– Помогут?

– Запас Сил будет нелишним, – поразмыслив, кивнул Артем. – Там скорость истечения минимальная, до недели может продержаться.

– Тогда тоже ешь.

– Мне-то зачем? Я – скрипач. – Он смущенно посмотрел на плод, все еще не торопясь попробовать.

– Зато когда ешь, не переживаешь.

- Я умею это делать одновременно!
  - Тебе же хуже. – Я взял новое яблоко из корзины.
- Рядом обиженно захрустел Артем.

А яблоко – самое обычное, как на вкус, так и по внутренним ощущениям. Сколько я ни прислушивался к себе, так ничего не уловил. Скорее, байка это все – как про то, что черствый хлеб дает храбрость при встрече с волком или про пользу манной каши. Или приманка для алчных людей в заготовленный для них капкан.

Вскоре нас догнал Пашка, присоединившись к поеданию яблок во время неспешной прогулки по стене. А еще через некоторое время прибыл Федор, пряча что-то за спиной и поглядывая на остальных с видом таинственным и важным. Спросил бы, почему, но для этого надо было доесть яблоко, так что эта тайна могла немного подождать. Сопровождение сократило дистанцию, оттого двигались мы одной группой, вглядываясь в горизонт уходящего дня, пытаюсь угадать, каким будет следующий.

– Эй, там, наверху! – вывел меня из неторопливых раздумий звонкий окрик откуда-то снизу.

К удивлению, голос слышался не из внутреннего двора крепости, а из-за внешних стен. Событие достаточно интересное, чтобы все немедленно припали к кромке внешнего бортика, дабы посмотреть на небольшую из-за высоты девичью фигурку в красном платье и группу сопровождения из девушек и парней, одетых не менее празднично, стоящих возле трех серебристых машин, заливающих светом фар землю вокруг. Благодаря тому, что на стене вовсе отсутствовало освещение, а значит, и засветка, рассмотреть все удавалось без труда.

– Я – княжна Анна! – представилась девушка. – Немедленно предоставьте грузовую платформу для меня и свиты!

– Простите, – слегка растерянно повернулся к нам гид. – Приношу искренние извинения за легкое недоразумение.

Выставят нас – грустью отразилось в глазах товарищей. Кроме Федора – тот где-то раздобыл тарелку с варениками, оттого мог считаться счастливейшим человеком на земле.

Смотритель повернулся обратно к девушке, сложил руки рупором и крикнул:

– Никак невозможно вас принять, княжна Анна! Вашему камердинеру сообщено о том еще засветло!

На лице Артема и Пашки грусть сменилась недоумением.

– Да как вы смеете, я хозяйка этой земли! – неподдельно изумились внизу. – И я требую!

– Хозяин этой земли ваш отец! – веско заявил старик.

– И где мне тогда спать?!

– Не смею вам указывать, ваше сиятельство! – Подкрутив ус, смотритель гордо отвернулся, игнорируя вопли негодования княжны и свиты.

– А действительно, где ей спать? – голосом влюбленного беспокоился Пашка, отчего-то просительно глянув на меня.

– С гостиницами да, проблема, – весомо протянул Артем, нацелившись было на новое яблоко, но потом вобрал в себя запах вареников и тут же сменил цель на более приоритетную.

– А еще скоро ночь, – уклонился от атаки Федор, юркнув мне за спину.

– Действительно, как-то не по-людски, – сочувственно кивнул я, поворачиваясь в сторону гостыи. – Надо хотя бы яблоко скинуть.

Ярко-красный плод метко расчертил траекторию прямо в руки гостыи. Только она почему-то решила его не ловить, отчего подарок рассыпался мякотью по земле.

– А-а! – в ярости топнула она. – Вы там совсем страх потеряли?! Я все расскажу отцу!

– Все-таки хорошие дела – это не мое, – вздохнув, повернулся к остальным.

Люди отчего-то смотрели на меня с разными выражениями лиц – от ужаса до восхищения. И только Федор с дорвавшимся до вилки Артемом предпочитали глядеть на тарелку, напряженно решая, как быть с нечетным числом вареников и четным – едоков.

– Мм, осмелюсь заметить, – мягко начал смотритель. – У вас присутствуют некоторые огрехи в технике броска. Я рекомендую бросать хлестко и с небольшим кручением, чтобы цель изначально не видела, что летит прямо в нее, и не могла уклониться. Вот так, смотрите, – продемонстрировал он движение от плеча к выплеску ладонью. – Запомнили? Желаете попробовать еще раз?

После такого даже Артем оторвался от лакомства и впал в ступор. Вареников тут же стало четное количество.

– Нет, спасибо, – мягко отказался я. – Думал, она поймает.

– Что же, тогда ваш бросок был просто блестящим! Мягкий и удобный для ловца! – с одобрением заверил смотритель.

– Может, я все же принесу веревку? – просительно протянул Пашка, глядя вниз.

– Вилку Паше, – отреагировал я.

Вскоре среди мужского коллектива существовала только одна любовь.

И даже зритель, приняв угощение под угрозой нового танца, задумчиво крутил ус и поглядывал в сторону здания поварской.

– Попробуйте заночевать в деревне Заречное, это в паре часов от города на запад, – в знак извинения за чужую неловкость решил я напоследок дать совет.

Совет был гневно проигнорирован, а ответная речь совсем не красила девушку.

– И этому человеку ты хотел доверить наши шторы? – укоризненно повернулся я к Паше.

Тот виновато смутился, осознавая конец своей минутной влюбленности, и, словно розу, предложил вилку с вареником Свете.

Рыкнув о чем-то, связанном с карой и отцом, княжна развернулась на месте и скрылась в машине. Свита, окатив подозрительными взглядами стены и окрестности, последовала за ней.

Мы тоже продолжили путь – на сей раз к выходу на лестницу. Только Артем вновь попросил задержаться, пропустив всех вперед.

– Получается, ты – важнее княжны Анны?

– Мы важнее, – мягко поправил его.

– Я не могу быть важнее, – вновь поежился он зябко и выдохнул. – Меня тут вообще не должно быть, понимаешь?

– Как? Ты часть команды.

– Я не про команду, я про это место. Моя семья не сильно дружит... вообще не дружит... даже наоборот. Максим, мне страшно, – признался он шепотом. – Если бы я знал, куда мы летим, никогда не сел бы в вертолет.

– Думаю, никто не будет драться с детьми, – постарался я его успокоить, не сомневаясь в причине его страхов.

– Будут. Даже с младенцами, чтобы не выросли. Я боюсь не проснуться завтра утром. Я боюсь пропасть и стать заложником. – Артема уже откровенно трясло, но не из-за легкого вечернего ветерка.

В такое уже не верил я, но ночь почти накрыла стену, так что спорить было бы неправильно.

– Тогда спи у меня, – нашел решение. – Раз ты уверен, что я для них важен.

Два заблуждения должны были дать в итоге плюс – и спокойствие для друга.

– Будешь дежурить всю ночь? – хмыкнул Артем, обнимая двумя руками футляр со скрипкой.

– С некоторых пор этого не требуется. – В руках зажглась Звездочка, необычно яркая из-за ночи. – Я попрошу ее, чтобы она никого не пускала.

– А она послушает? – Позабыв, что надо дрожать и бояться, с интересом и опаской смотрел на нее скрипач.

Подчиняясь просьбе, Звездочка крутанулась вокруг нас, затем спиралью поднялась от его ног к голове и вернулась мне на руку.

– Никто не пройдет мимо, – уверенным голосом подтвердил я.

И для подтверждения рассыпал одну Звездочку на сотню, образовав ими плоскость размером с дверной проем.

– И еще два – на окна и вентиляцию, – выдохнув, робко улыбнулся Артем.

– Сделаем, – хлопнув по плечу, я мягко повел товарища к лестнице.

Подумаешь, нервничает из-за конкурса и выдумывает всякие глупости. Вон Света тоже нервничает – взяла две вилки да одну так и не отдала. Потеряла, наверное.

– Надеюсь, папа никогда не узнает, что я тут был.

– Если не заглянет под беседку возле фонтана, то вряд ли.

– А там что?

– Надо же обозначить, что «здесь были...».

– Максим! – возмутился Артем в голос. – Ты вандал!

– Что?! Я ж не на яблоне!

– Слава богу!

– И я внизу дощечек! Да никто не будет смотреть, что ты переживаешь!

– Зато я теперь буду об этом знать!

– Федор был прав, тебе лучше вообще ничего не говорить, чтобы не расстраивать.

– Лучше не делать того, что расстраивает... Стоп, что вы там сделали?!

– Да ничего.

– Максим!

– Вот, ты опять нервничаешь. Хочешь яблоко?

На часах был двенадцатый час ночи, когда в небольшой комнатке, наполненной лунным светом, льющим через единственное окошко без штор, прозвенел телефон.

Разразился он красивой мелодией, напоминающей то ли армейскую песню, то ли государственный гимн одной из прогерманских стран, предпочитающих чеканный шаг ритма и громкость слов смыслу. Словом, гимн был достаточно бодр, чтобы потерять желание спать и ответить максимально быстро. Да в общем-то единственный обитатель небольшой комнатки все равно бодрствовал, лежа на топчане в одежде, покручивая

длинный ус и под размеренное течение мыслей наблюдая луну. Какой смысл ложиться, если этому звонку в ночи все равно суждено быть?

– Господин. – Смотритель поднял трубку только после того как оправил одежду и встал по стойке смирно.

– Доброй ночи, Михаэль, – пожелал усталый голос на той стороне трубки. – Как служба?

– Без происшествий, сиятельный князь.

– Тут Аня звонила, – протянули с легким зевком и тут же поправились: – Княжна Анна. Оказывается, ты ее не пустил, кидался яблоками, говорил нехорошие слова. Думаю прописать ей ремня за вранье.

– У нас особая ситуация, сиятельный князь. Камердинеру княжны Анны я сообщал об этом утром и днем ранее. В адрес княжны Анны не было сказано ни единого бранного слова, ручаюсь честью.

– А яблоки?

– Это часть особой ситуации. Случайная, – замялся Михаэль. – Готов понести наказание.

– Спокойной службы, Михаэль. Приношу извинения за беспокойство, – чуть огорченно, будто бы получил подтверждение тому, о чем изначально подозревал, завершил князь звонок.

Смотритель положил трубку и принялся неспешно готовиться ко сну, как полагается человеку с кристально чистой совестью.

Он не сказал ни слова лжи, а ситуация была действительно особой. Странно считать иначе, соотнеся два простых и абсолютно ясных факта. Первый: в клане несколько миллионов человек. Второй: истинный глава рода и клана уже несколько месяцев предпочитает этим миллионам личные занятия с одним из его юных гостей.

Для старого, абсолютно преданного служаки, третьего из трех «виртуозов» клана, уже десятилетие охраняющего Родник Силы посреди враждебной земли, вывод был только один: этот мальчик важнее миллионов. Не в том смысле, в каком понимают любящие родители, дедушки или бабушки, называя свое чадо самым ценным во всем мире. Нет.

Для Михаэля это значило, что парень в будущем сделает для клана больше, чем все остальные миллионы. Потому что иначе старый князь не тратил бы свои силы. В нем, как и в Михаэле, нет бесполезной лирики. Он, как и Михаэль, уже очень давно с большой условностью может называться человеком.

А значит, ситуация действительно особенная. Настолько особенная, что Михаэль не станет этой ночью ломать тоненькую шею сына врага,

лишая род и клан врага наследника. Старый князь ничего о нем не сказал, но Михаэль достаточно мудр, чтобы не портить чужую игру в угоду древнему как мир инстинкту.

С возрастом приходит долготерпение, когда верность и преданность единственному господину сильнее, чем раздражение из-за чужих шалостей или невозможности исполнить долг. Словно старый волкодав, к которому пришел играть сын хозяина с друзьями, он не тронет руку, с любопытством пересчитывающую клыки, способные разорвать теленка пополам. Он позволит брать хозяйские вещи, закроет глаза на легкий ущерб, обережет от травм и последствий детской глупости. Он будет вилять хвостом и даже принесет мяч. А когда на подворье придут щенки из его стаи, жадные до крови и славы, он прогонит их, не соблазняя легким призом.

В знак уважения к тому, кто не раз спасал его жизнь, вытаскивая из плена, из огня, со дна реки или волоча бездыханное тело по пустыне, отказываясь верить в его смерть.

Потому сегодня сын врага может спать спокойно. Михаэль убьет его в следующий раз.

Смотритель аккуратно сложил одежду, привычно отряхнул простыню, расправил тоненькое одеяльце и через некоторое время задремал сном праведника.

На обратной стороне стены шевельнулась тень. Часть ночи обрела форму девушки и перетекла по отвесной плоскости к подоконнику. Еще одно беззвучное движение, и тень внутри комнаты стала плотнее.

Старик спал. В его снах не было тревог и дурных предчувствий, дремали интуиция и боевое предвидение, тело не реагировало на запах металла в комнате. Так бывает, когда ешь что-то с чужой вилки – даже с сильнейшими из ныне живущих. Вместе с едой достается крошечная порция токсина, совсем неопасного человеку-монстру, но способного сделать его сон глубже. Гораздо глубже.

Михаэлю снилась семья. Редкий сон, необычно четкий и детализированный – теплая шероховатость массивного стола в мансарде, одуряющий запах зити, лукавая улыбка супруги напротив, только что попросившей не смотреть на нее все время, а попробовать *makaroshki*. Она ждала ребенка, но никак не решалась ему об этом сказать.

В руке вестницы ночи блеснул металл, испачканный зеленой отравой. Шаг вперед – и блестящие от лунного света глаза равнодушно посмотрели на яремную вену. Опасно садиться в чужой вертолет. Настолько же опасно брать на борт незнакомцев.

Михаэль вздрогнул от накатившей тревоги. Что-то должно было

произойти! Да! Он вспомнил, что через два месяца его вновь сошлют на границу, а еще через неделю его дом, его сад и все вокруг зальет огнем. Вместе с ней. Он должен немедленно ее предупредить! Она уедет, и близкая война двух кланов прокатится бесконечно далеко! Но он не мог выдавить и звука!!!

Девушка-ночь шагнула вперед, но тут же замерла, стоило смотрителю шевельнуться и застонать. Токсин пробуждал воспоминания, хорошие и плохие, кошмарные и полные неги. Как повезет – таким и будет последний миг.

Всего одно слово! Не будет огня, смерти. Не будет кровавого пути мести длиной в целую жизнь!

Тоненькая рука занесла над кроватью заточенную до остроты шила вилку. Работа будет сделана. Новое тело не означало новой судьбы – иначе убрали бы потайные пломбы с запасом яда, который так легко подцепить зубчиком вилки, с улыбкой пробуя угощение. Не было бы противоядия и еще пары-тройки тайников в теле, положенных убийце, но немыслимых для обычной девочки. От нее все еще ждут службы.

Смерть единственного «виртуоза», способного держаться вечность за счет Силы Источника, сделает крепость беззащитной. Вызванное среди ночи подкрепление получит воздушный коридор от Долгоруких, которые с великим удовольствием поприветствуют падение крепости, подаренной несостоявшимся вассалам. Самим им штурмовать собственный подарок – потерять лицо, но если это сделает кто-то другой, то забавный эпизод с испанцами, решившими предпочесть таким великим и важным Долгоруким другого господина, рано или поздно будет забыт. А сами Долгорукие получат шанс вернуть утраченное, но это проблема не Светланы, а князя. А может быть, даже его сына. Артем... Артем поймет. Для него долг важнее конкурса. Максим... Максим не простит. От мелькнувшего в воображении хмурого лица парня внутри что-то дрогнуло. И неожиданно родило новую мысль – дикую, невозможную для инструмента.

Одно слово! Не будут живьем гореть города, неспособные раскаться в том, о чем даже не знали.

А чего хочет она?..

– *Еле-э-энн-а-а, бе-э-эги-и-и*, – сжав простыню до хруста в пальцах, плача, простонал Михаэль. И проснулся.

Вокруг по-прежнему была спокойная сентябрьская ночь.

Старик выдохнул и растекся по кровати, тяжело дыша. Щеки блестели от слез, простыня пропиталась потом. Прошлое накатило неожиданно, умудрившись вытянуть что-то живое из каменного сердца.

– Полезно помнить, почему живешь, – успокоившись, Михаэль принялся неспешно перестилать кровать. – Вот отомщу и умру.

Девиз, превративший среднего «учителя» в «виртуоза», не был чем-то необычным. Носители самого высокого ранга все жили целью, не давая себе умереть, даже когда медицина отходила в сторону и удивленно поцокивала. Но, зная титул того, кого назначил главным виновником Михаэль, абсолютное большинство полагало, что жить ему – еще очень долго.

– Полезно. Помнить. – словно пробуя на вкус, беззвучно прошептала тень где-то у подножия стены. – Что я живу. Не для чужой смерти.

Она больше никому не служит. Клятвы взяты обратно, и не важно, что считают другие. А что им до ее желаний?

Ночь ожила плавным движением, перешедшим в пируэт и вращение на носочке правой ноги.

В этой ночи стало на одну счастливую улыбку больше.

Светлана хотела танцевать.

Глава 18

Вечер завершился в домике для сменного персонала, крайнем справа в ряду одинаковых двухэтажных строений из белого кирпича со скатными крышами. Только наш стоял немного наособицу и предназначался для проживания целой семьи. По словам сопровождающего, обычно на дежурство направляют холостых, а тем неинтересно одиночество в лабиринте пустых комнат и гораздо приятнее просыпаться поближе к столовой.

За домом тем не менее продолжали ухаживать, тут были вода и свет. Но ощущение запустения все равно присутствовало – в запахах, светлых пятнах от убранных портретов на обоях, скрипе дверей и прикипевших к окнам рамах, отказывающихся открываться в сторону небольшой лужайки и пруда. А ближе к ночи дом и вовсе завыл сквозняками, пробирая холодом до мурашек на коже.

Поймали во дворе служащего, объяснили ему проблему на ломаном английском и просительно посмотрели на камин в холле первого этажа. Служащий притащил целый ворох теплых пледов. А затем еще тяжелую печную заслонку, которой закрыл все наши надежды на живой огонь. Труба недовольно завывала порывом ветра. И мы вместе с ней.

– Два тебе, Паша, за твой английский.

– У меня, между прочим, гарвардский акцент! – возмутился он до глубины души, взял два пледа и с гордым видом удалился.

Пока придумывал, что ответить, из комнаты исчезла половина одеял и Светлана.

Доставили треть оставшегося до дверей Веры Андреевны, постучались, не поверили, что ей не холодно, и попросились войти. Обнаружили внутри половину того, что исчезло со Светой, поверили, вернулись к себе.

Примерно через минуту под ворохом пледов, прижимая к груди футляр от скрипки, уснул Артем.

– Под одеялом не страшно, – понятливо кивнул я.

– А уж под таким количеством, – поддакнул Федор и принялся раскладывать свои инструменты вместе с заготовками на столике возле окна.

Комната, которая нам досталась, могла похвастать огромной кроватью шириной в среднюю кухню, удобным рабочим столом и собственной

ванной. Хотя выбирали мы ее не из-за мягкости перин, красоты наборного паркета или гипсовой лепнины над массивным стальным карнизом с плотными шторами. Тут было всего одно окно, хоть и довольно широкое. А еще – ажурная решетка, единственная на втором этаже. Наверное, поставили ее из-за крохотной детской кроватки – на случай, если малыш доберется до раскрытого окна. В общем, Артему понравилась решетка, Федору – стол, а мне – масштаб мебели, настолько же удобной, как трехместная парта.

На комнату и мягкую кровать также претендовал Пашка, но проиграл сражение на подушках Федору – потому что подушка была только одна и Федор схватил ее первый. Независимое жюри из меня и Артема посчитало бой честным, так что Паше пришлось удалиться. Предварительно, правда, он уточнил, куда заселилась Света. Мы обозначили территорию и попросили вернуть хотя бы часть пледов.

Света предпочла чердак с бесцеремонно запертой дверью. Возмущенный Пашка вернулся с подушкой и потребовал реванша или хотя бы принять его на правах полноправного соседа. Но к этому времени у нас стало на две подушки больше, так что Паша вновь был бит и отправился искать справедливость и остаток вареников на кухню. Вареники он таки обнаружил, за что удостоился уголка на кровати южнее левой пятки Артема. И после короткой войны за пледы уснул столь же быстро.

А я принялся развешивать занавесы из Звездочек на окнах, решетке под потолком и за входной дверью. Осталось только зашторить плотной драпировкой, чтобы мерцающий свет не отвлекал ото сна.

– Не закрывай до конца, – просительно пропыхтел Федор, вновь что-то мастера.

Но я все-таки доделал начатое, подвесив в качестве компенсации пару звездочек над столом.

На столе россыпью лежали десятки камешков, катушки проволоки – стальной, серебряной, золотой, медной, каждую из которых брат гнул своим талантом, почти не задумываясь. У дальнего края скучал походный паяльник, выложенный скорее для порядка, чем по необходимости, – брат предпочитал вить узоры из одной проволоки, завершая изделие крохотным узелком.

– Хочу доделать, – просительно глянул на меня Федор.

– Кольца ведь все равно вернут?

Даже те, что бесцеремонно сняли с меня на вокзале, пока я спал. Правда, обнаружил я это не сразу – если честно, не совсем к ним привык.

– Мало ли, – пожал он плечами и вернулся к работе.

– Только не засиживайся, – для порядка произнес то, что положено говорить старшему брату.

Походил возле кровати, заглянул в ванную, скрипнул разохшимся ободом детской кровати и решил прогуляться возле дома.

– Не спится? – мельком глянув на меня, поздоровалась Вера Андреевна, кутаясь в серый плед.

Мы встретились на веранде на обратной от входа стороне. Тут была и такая – с дощатым полом и широкими перилами, на которые наверняка очень удобно ставить кружку горячего чая. Фонарей тут не имелось, но сияния полного месяца вполне хватало для созерцания выцветшей лужайки посреди осенних деревьев и озерной глади вдали.

– Пока не ложился, – встал я рядом.

– Переживаешь из-за конкурса?

– Нет, – ответил я честно и оперся на перила локтями.

– А бывает так, что переживаешь? – спросила она слегка напряженно.

– Конечно. За других людей. Особенно за тех, кто мне не верит и поэтому делает глупости.

– Тебе сложно верить, – поежилась Вера Андреевна от порыва ветра.

– Обычно с этого начинаются глупости, – хмыкнул я задумчиво.

– Слишком невероятно, – призналась она после длинной паузы. – Я помню, как было двенадцать лет назад.

– Намного хуже, – утвердительно качнул я головой.

– Да.

– Ведь Федора еще не было на свете. А теперь он есть.

Вера Андреевна невольно улыбнулась, но продолжила с прежней грустью:

– Я никому не была нужна. Старосте понравился почерк в объяснительной, мне придумали имя и позволили жить в Заречном, потому что в школе не было учителя. А я даже не помнила, была ли когда-нибудь преподавателем.

– Двенадцать лет назад, – эхом повторил я, – мне был год, и я был никому не нужен. И я наверняка ничего не умел.

– А как же семья?

– Не было семьи. Никогда не было, – произнес глухо. – Но появился Федор, и все изменилось.

– Но... Как же... – растерялась она.

– Понимаете, – повернулся к ней, – я не знаю, какая моя настоящая семья. А вы – не помните. Так почему не может оказаться так, что именно вы и есть моя бабушка?

– А если я вспомню?

– Считайте, что тренировались любить внуков, – пожал я плечами. – У вас же двенадцать лет не было опыта. А тут бесплатная практика.

Вера Андреевна фыркнула, прикрыв лицо краем пледа.

– Знаете, я был бы счастлив, если бы моей настоящей семьей оказалась нынешняя. И я постараюсь сделать так, чтобы вы тоже об этом мечтали.

– Максим, ты постоянно говоришь так, будто один решаешь за всю семью, – пожаловалась она. – Я готова тебе верить, честно. Но есть взрослые. Твои папа, мама...

– Мамы нет, но Федору об этом говорить нельзя, – посерьезнел я, чуть повернул голову и внимательно посмотрел на нее. – Понимаете?

– Да, – механически кивнула Вера Андреевна и тут же вздрогнула, будто очнувшись, и посмотрела с опаской.

– А папу мы предупредили, он не против.

– Может, домработницей... – задумчиво шепнула она себе под нос.

– Бабушкой, – отчеканил я. – Не меньше.

– А прежние бабушки не будут возражать? – уже с некоторой робостью произнесла женщина.

– Их нет. Дедушек тоже нет. Вернее, есть один кандидат, – поправился я. – Но там ситуация сложнее, чем с вами.

– Не идет в дедушки? – улыбнулась бабушка.

– Кхм, – оценивающе глянул я на нее. – А вы знаете, что этот крайне импозантный, здоровый и холостой мужчина в полном расцвете сил – наставник владельца этой замечательной крепости?

– А разве крепость вокруг – не ваша? – отвернулась она с полуулыбкой.

– Могла быть наша, – весело шепнули в левое ухо голосом Светы.

Я аж вздрогнул и еле удержал рефлекс. Светлана тем временем потянула меня за руку в сторону поляны.

– Нет, но мы вполне состоятельные внуки, не подумайте! Да и зачем нам крепость, если она есть у друзей столь замечательного человека? – Повернувшись к веранде, я шел спиной вперед. – Я вас обязательно познакомлю!

– Стой! – распорядилась Света, развернула к себе и критически оглядела мой внешний вид; оценила ширину и ровность поляны, а потом констатировала: – А теперь – танец!

– Кольца нет, оркестра нет. – Я хотел продолжить, но заметил в глубине ее зрачков опасную смесь нетерпения, перевитого с безумием.

Такое в моей жизни встречалось лишь единожды – на одной из

автобусных станций, через которые я некогда пробирался на землю, охваченную войной. И был этот взгляд вовсе не у сумасшедшего, алкоголика или наркомана, готовых разменять чужую жизнь на порцию выпивки или дозу. Ко мне подошел вполне обычный с виду человек, как и все вокруг, державший путь в обратном направлении – из разрушенного города. За его спиной жалась друг к другу семья из супруги и двух девчонок, глядевших на мир вокруг с опаской и не желавших отходить от главы семьи ни на шаг. Мужчина предложил купить что-нибудь из вещей, потому что у него не хватало на билет для себя и семьи. Предлагал он всем. И все отказывали, несмотря на терпеливое перечисление дорогих марок и имен модных портных вместе с демонстрацией содержимого перекинутой через плечо сумки. Потому что на вокзале не могло быть такой роскоши, а подделки не могли стоить тех денег, какие за них просили. А автобус скоро должен был уйти, и шофер не собирался везти его бесплатно. И вот то самое выражение – предвестник близкой бури, порожденный сломанной жизнью; нуждой, на которую никто не желал откликнуться; осознанием своих возможностей, скованных до поры моралью; желание идти до конца – плескалось в его глазах. Я купил у него тапочки и заплатил больше, чем им было нужно.

Потому что привык доверять интуиции.

– Леди, – галантно предложил я руку, зажигая круг из Звездочек вокруг нас.

Другой рукой выудил телефон и быстро прощелкал до нужной композиции.

– Разрешите вас пригласить?

Светлана расслабленно выдохнула, к моей радости, простилась с дымкой безумия в глазах и с улыбкой приняла руку.

На мягкой траве под светом луны лилась хриплая мелодия нестареющей классики, раз за разом призывая нас к танцу в круге мерцающих огней. Движение согревало тело, ритм успокаивал душу, а искренние хлопки единственного зрителя придавали уверенность, что все у нас точно получится.

Успокоились мы после десятого раза. Света, тяжело дыша, замерла в объятиях – таким было последнее па – и пристально смотрела на меня. Мыслей не осталось никаких, поэтому тело распорядилось само, соединив наши губы на мгновение.

– Спасибо, – тут же отстранилась она и направилась в дом.

Бабушка тоже решила вернуться. И только я еще долго с некоторым недоумением продолжал стоять на полянке, прислушиваясь к ощущениям

от поцелуя. Ноль пломбиров. Даже не вафельный стаканчик. Совсем ноль.

– Вы уверены, что вам не требуется машина? – Смотритель просительно заглядывал в глаза, уговаривая отправиться в город на вертолете. – У нас забронирован целый веер воздушных коридоров, можем доставить в любую точку города!

– Спасибо, но мы лучше на автомобиле, – мягко отклонил я предложение, указав на желтый седан, который уже минут пять мотался по дворам вокруг, пытаясь отыскать пассажиров. А мы ведь ему махали!

– На такси, – поморщился смотритель недовольно.

– Тут буквально два квартала, затем все равно придется пересаживаться.

А еще Артем торжественно пообещал, что в жизни не сядет в их вертолет. Да и неудобно как-то – ведь серьезно все в двух шагах.

– И все же, вы меня очень обяжете...

– Я очень благодарен, что вы доставили Веру Андреевну обратно домой, – подвел я черту.

Прошлым вечером вместе с осторожным согласием посмотреть на то, как там живет у нас в городе, я получил предупреждение, что нам придется расстаться на пару дней. Бабушке требовалось собрать памятные вещи, а также сдать арендаторам дом, земельный участок, пару тракторов и еще несколько крайне полезных объектов, которые как-то сами собой оказались под ее рукой за десяток лет проживания. Брать их с собой было нерационально, хотя трактор очень даже хотелось. Заодно последовало приглашение в гости, которое мы с радостью приняли – еще и потому, что Артем торжественно обещал, что в жизни не вернется в крепость.

– Это совершеннейшие пустяки!

– Тем не менее огромное спасибо. Вы навсегда останетесь в моем сердце самым радушным хозяином. Не подскажете ваш день рождения? – полюбопытствовал я.

– Хм, – задумался смотритель и с некоторой настороженностью уточнил. – Зачем?

– Если вы не против, я бы хотел отправить вам подарок, – чуть смутился я.

– И я! – поддержал Федор.

– Мы все хотели бы, – округлил я, предпочитая не замечать постное выражение лица Артема, который к тому же все это время тоскливо поглядывал на такси.

– Признаюсь, не могу вспомнить, – улыбнувшись, повинился

смотритель.

– Давайте считать, что он был вчера? – звонко рассмеялась Света.

– Эм, хм, – как-то странно посмотрел на нее старик. – Давайте.

– Тогда через год ждите подарки, – подмигнул я ему.

Зажужжал подъемный механизм, отделяя от плоскости стены массивный лист железа и устанавливая его параллельно земной поверхности.

– Удачи вам! Заглядывайте к старику! – напутствовал нас смотритель, провожая на платформу.

– Уж лучше вы к нам, – буркнул Артем.

– Обязательно! – улыбнувшись, отозвался тот, отчего наш скрипач вздрогнул и потемнел лицом.

– Что с тобой? – дождавшись, пока подъемник опустится до уровня второго этажа, спросил Паша Артема. – Ты сам не свой.

Смотрелось действительно странно – даже грубовато на фоне оказанного нам радушия.

– Имею право, – сжал тот губы и вперил взгляд в горизонт. – Я, между прочим, вчера пережил худшую ночь в своей жизни!

– Спал как убитый, – не поверил Федор и показал морскую звезду. – Вот так спал!

– Я проснулся под утро! И страдал! – возмутился Артем.

– Слушай, не у всех такой слабый желудок, – терпеливо возразил Паша. – Но это не повод дуться на мир.

– Да какой еще слабый желудок! – возмутился Тема, но мы уже сошли с платформы, так что доказывать, что страдал он по иной причине, пришлось на ходу и без результата.

В итоге такси мы все-таки поймали (в буквальном смысле – оно вновь чуть не пошло на новый круг), загрузились и продолжили путь, с интересом разглядывая окружающую застройку. Все же рядом с крепостью город был совсем иной – типовых проектов почти не встречалось, каждый дом строился с выходом только на одну сторону и всякий раз иным образом, что выдавало разницу в возрасте между постройками, а то и вынужденный характер их строительства.

Как говорил наставник, крепость раньше была вне города. Но город все же время от времени накатывал волнами, оставляя после себя камешки-дома. А когда городская черта внезапно обняла окрестности, то и претендентов на пустырь стало гораздо больше. Хотя до сих пор вокруг оставалось очень много пустырей, заросших зеленью, деревьями и густым кустарником.

– Доброго дня, – вежливо помахал я девушке в красном, умывающейся возле серебристой машины, и молодому человеку, льющему ей на руки воду из пластиковой бутылки.

Девушка подозрительно посмотрела на меня и совершенно невежливо промолчала.

Рядом без вспышки щелкнул затвор.

– Мне никто не поверит, – завороченно повторял Артем, пока я не отнял у него телефон и не стер снимок.

– Вот теперь точно.

– За что?! – возмутился он.

– Это неправильно, – объяснил я ему простую истину.

– А яблоки кидать – правильно?!

– Слушай, а если бы тебя сфотографировали в одних трусах в обнимку с огнетушителем, было бы приятно?

– Ну нет, конечно.

– Поэтому тот снимок я тоже стер, – констатировал, рассчитываясь с водителем и выбираясь из такси.

Конечная точка маршрута была перекрыта массивными бетонными блоками, установленными прямо поперек дороги с небольшими просветами для пешего прохода вовнутрь. Чуть дальше, уже с той стороны заграждения гостей дожидался десяток одинаковых черных автомобилей, похожих на помесь лимузина с джипом способом открывания двух пар задних дверей на манер распашных ворот; установленными рядами повернутых друг к другу пассажирских сидений и высотой потолков. Водитель же вместе с охранником разместились за перегородкой.

– Это когда я обнимал огнетушитель?!

Но тут ему пришлось отложить выяснение обстоятельств, так как из ожидавшей нас машины, предоставленной организаторами для участников, навстречу шагнула девушка в сером деловом костюме.

– Рады приветствовать в день торжественной церемонии открытия! – голосом, переполненным восхищением и предвкушением, провозгласила она. – Меня зовут Венера, я буду вашим сопровождающим. Постараюсь ответить на все ваши вопросы в пути.

Девушка распахнула обе створки задних дверей и приглашающим жестом указала на сиденья.

– Скажите, а вы замужем? – поспешил с вопросом Паша, разглядывая ее с восхищением Галилея.

– Замужем.

«Долбаные древние греки!» – пронеслось бы, наверное, у Галилея в

голове. А Паша просто загрустил.

– Кормить будут? – поинтересовался я актуальным.

– Завтраки, обеды и ужины готовятся круглосуточно. Доставка по первому требованию.

– Кто проживает на дне океана? – подозрительно сощурившись, уточнил Федор.

– Мм. Кракен? – обезоруживающе улыбнулась Венера.

– Пф, – фыркнул брат и до конца поездки разглядывал виды за окном.

Но вскоре и мы прикипели к окну. А некоторые самые сообразительные (не будем показывать пальцем, это был я) открыли люк на крыше и высунулись по грудь из машины.

Потому что впереди, поднимаясь над крышами домов, на одной высоте плыли десятки дирижаблей, полоща на ветру узкие и длинные полосы гербовых узоров, вившиеся золотыми, серебряными и изумрудными полотнами от гондол до самой земли. И все это – под нарастающий мерный бой барабанов.

Мгновение – и массивная громада здания после очередного поворота скрыла потрясающий вид, вызвав невольное возмущение.

– Мы почти прибыли, – произнесла Венера, успокаивая.

Машина завияла по лабиринту нового препятствия из бетонных блоков и в какой-то миг вынырнула на огромную площадь, замерев у самого края.

– Вот это да, – вырвалось даже у вечно сдержанного Артема.

А Паша обозначил принадлежность к семье моряков.

Дальний край площади не просматривался вообще. А то, что было доступно взгляду, было изрезано широкими квадратами с гранью в сотню метров, разделенными рукотворными водными каналами и не имевшими никакого сообщения между собой. И над каждым из квадратов гордо реял дирижабль с княжеским гербом, обозначая род или родину участников соревнования. Сотни квадратов, сотни полотен, блики на расцвеченной отражениями воде, шум барабанов, доносящийся будто из самой земли.

– Здорово! – выдохнула Света то слово, на которое я только набирал воздух.

– Смотри, – потянул Федор, показывая на восток.

Туда, где огромный цепеллин закрывал рассветное солнце, пропуская весь его свет через купол с золотым шитьем герба Долгоруких. Узор буквально горел изнутри, приковывая взгляды.

– Федор, у нашей семьи есть герб? – глянул я задумчиво в небо.

– Нет, – погрузнел он.

– Тогда пусть пока висит.

– Как же всем нам сильно повезло! – рядом всхлипнул от счастья
Артем.

Вот. А он ехать не хотел.

Глава 19

На близком расстоянии обнаружилось, что площадки отлиты из бетона, стал виден характерный рисунок наплывов от опалубки по бокам, уходящим в полуметровый слой воды. Сверху, разумеется, все было отшлифовано до зеркального блеска, а вот если приглядеться, то сбоку можно было обнаружить скобы, за которые потом все будут убирать. А синий цвет воды обеспечивало вовсе не отраженное небо, а оттенок гидроизоляции на дне. Все эти факты стали добычей Артема, деловито объяснявшего технические тайны открывшейся перед нами сказки. Которая от этого не становилась менее интригующей, как бы ревниво наш скрипач ни придирался к каждой детали.

– А вода не зацветет? – прищурился он, как учитель математики перед дополнительным вопросом.

– Вода проточная, – ответила Венера с благожелательной улыбкой. – Она набирается из реки, проходит цикл очисток и перебрасывается через сеть водоотводов в засушливые области княжества.

– А после завершения соревнований?

– Поток будет убран в трубы под землей в обход города. Благодаря уникальным технологиям проект уменьшит уровень грунтовых вод и позволит начать строительство метрополитена, так давно обещанного горожанам!

– А, ну если так, – иронично кивнул Артем, возвращая лицу прежнюю невозмутимость.

Под нашими ногами слегка покачивался деревянный настил катамарана, двигавшегося вдоль площадок с участниками. Шептали лопасти гребного колеса, приводимые в движение герметичными аккумуляторами, которые под декоративными бортиками опять-таки разглядел Артем. Самое интересное – штурвала не оказалось. Как объяснила Венера, всем, что подходит под красивое слово «логистика», занимаются вычислительные системы, аккуратно проводя нас и другие плавсредства по лабиринтам каналов без столкновений и очередей.

Сидений или скамеек также не было, да и не нужны они на такой дистанции. Тем более что сидя не рассмотреть море нарядных костюмов и платьев и взбудораженные лица конкурентов, кучкующихся возле десятка терминалов, расставленных широкой дугой. Из-за этого оживления, кстати, терминалы мы рассмотрели в последнюю очередь, уже проплывая мимо.

Вернее, увидели на практически пустом квадрате под серебристым гербом с вставшим на дыбы красным грифоном – площадка была занята всего двумя пятерками участников и их сопровождающими, которым хватало двух экранов.

– А это зачем? – указал я взглядом на предмет своего интереса.

– В связи с большим числом участников первый этап соревнований растянется на несколько дней, – улыбнулась Венера. – Чтобы никому не было обидно, будет проведена жеребьевка очередности.

– Когда? – спохватился Пашка, тревожно глядя на берег.

– Нет причин для беспокойства, все произойдет после торжественного открытия. На данный момент процедура блокирована.

– А эти чего вокруг вертятся? – нахмурился Паша, которому всю дорогу было несколько не по себе от того, что большинство участников на момент нашего прибытия уже находились в своих квадратах.

И это несмотря на мои заверения, что без нас все равно не начнут. Ну или несмотря на сухую информацию о точном времени, поступившую от Артема, что обещала нам пятнадцать минут до старта церемонии.

– Через терминал доступны свежая пресса, телевидение, посвященные турниру и его участникам. Кроме этого по биометрическому паролю капитана можно получить доступ к архиву видеозаписей с вашим участием.

– Архив? – холодно уточнил Артем, одним тоном умудрившись заставить Венеру выпрямиться и доложить по всей форме.

Я такое только в исполнении физрука видел. А от Артема – вообще не ожидал. Опасный тип, даром что в очках.

– Встреча на вокзале, видео следования на конкурс, поездка на катамаране, – отрапортовала она, а затем выдохнула, будто смущаясь собственной реакции, и продолжила спокойнее: – Видеозаписи хранятся в зашифрованном виде и недоступны посторонним. Вы сами выберете, какие эпизоды можно передать аккредитованным информагентствам или же использовать в официальной передаче турнира! – Венера вновь улыбалась. – Разумеется, потребуется согласие родителей, и уже тогда вы сможете увидеть себя по телевизору. Каждый день, самые лучшие и самое лучшее – в двадцать один ноль-ноль! – подмигнула она.

– Нет-нет-нет, – замахал руками Пашка.

– Мы вообще не хотим, чтобы кадры с нами передавали! – поддакнул Артем, сжимая в руках футляр.

– Хотя бы один ролик должен быть по условиям конкурса, – с легким укором попеняла Венера. – Ведь зрители хотят увидеть своих чемпионов!

– А можно, если в ролике будут не все? – отчего-то сильнее всех

переживал Паша.

– Это ваше решение. Только вам выбирать, что попадет в эфир. – Венера демонстративно показала на терминалы, мимо которых мы проплывали.

Площадка под полотном с золотым львом при всей своей огромности служила только пятерым участникам.

– Покажем Свету, она красивая, – выдохнул Пашка.

– Я не хочу.

– Тогда Федора.

– Так уж и быть, – солидно кивнул брат, поправив прическу пятерней, щедро унизанной кольцами.

И когда только успел сделать?

– А мама когда приедет? – уточнил он, пользуясь общим вниманием.

– А вот и флаг нашего княжества! – засуетился Артем, приседая рядом с Федором и показывая рукой на дирижабль с белоснежным полотном, на котором отливал серебром щит, рассеченный на четыре части.

Только плыть до него еще долго, а Федора таким простым трюком не провести.

– О, фиолетовые! – как друзьям, обрадовался я новой площадке с ребятами в знакомой форме.

Те, правда, куда больше интересовались терминалами. Но уж лучше свистнуть соловьем-разбойником, навлекая ненужное внимание, чем объясняться с братом.

– Привет! – помахал я рукой знакомым лицам, заодно вглядываясь в толпу.

Потому что кроме всех прочих там должна быть *она*. Только почему-то ее не видно.

– Это он! – первым вышел из ступора долговязый парень, в прошлый раз совавший расписки и клятвенно уверявший, что стоят они дороже бумаги, на которой написаны.

Я предложил ему бумажку с надписью «ослик», но он почему-то отказался.

– Стой, гад! – резко рванула вперед волна лицеистов, затормозив у самой воды.

– И вам всего доброго, хорошего настроения, здоровья, – помахал, улыбнувшись, и развернулся в сторону движения катамарана.

Толпа позади взывала, но прыгать на добрых два метра никто не решился.

– Я вижу, уже успели познакомиться? – косясь назад и прислушиваясь

к требованиям вернуться, поинтересовалась Венера.

– Как сказать, если я им что-то продал, а они купили? – шепотом проконсультировался я у Артема.

– Деловые партнеры, – также шепотом ответил он.

– Деловые партнеры, – небрежно повел я рукой.

– Что-то они не сильно рады вас видеть, – нейтрально продолжила сопровождающая.

– Это бизнес, – развел я руками. – Желающих много, осликов мало. Всегда найдутся недовольные.

– Простите, что?

– Бизнес, – терпеливо повторил я.

– А, понятно, – глубокомысленно закивала Венера.

Платформа юркнула за очередной поворот, приближая нас к цели, и вот уже школьные знакомые приветственно подняли руки. Мы тоже замахали в ответ, заулыбались – и я даже посадил Федора на плечи. Опасный вопрос забылся, печаль сменилась радостью узнавания и некоего единения – несмотря на то что со старшими классами мы были почти незнакомы, да и они ни разу не заглядывали к нам на репетиции. Просто все вокруг оказались совершенно чужими, а эти – хоть немножко, но свои.

– Добро пожаловать на борт, мелкота, – протянули нам руки, чтобы помочь перебраться с катамарана.

Но мы степенно проследовали без посторонней помощи, а Федор, пользуясь тем, что был выше остальных, еще и фыркнул снисходительно.

– Дорогу чемпионам, – ввинтился Пашка в толпу встречающих, выглядывая свободный терминал.

– Ну-ну, – усмехнулись нам в спину, теряя интерес.

От княжества было еще шесть команд, половина – из нашей школы. Соответственно, другой половины я никогда не видел, да и они не рвались нам помогать. Разве что глянули с любопытством – других восьмиклассников, как я мог убедиться, на платформах не было. А Федор уж наверняка станет самым лучшим второклассником на турнире вне зависимости от того, как мы выступим.

– Справа никого нет, – деловито доложил брат о результатах наблюдений с высоты.

– Двигаемся направо, – подтвердил Пашка прием разведданных, и мы зашагали в сторону от толпы.

Позади тенью пристроилась Венера.

– Капитан команды, пожалуйста, приложите вашу ладонь, – попросила она, стоило нам в глубокой задумчивости остановиться возле черного

экрана без единой кнопки и переключателя.

Паша шагнул вперед, оглянулся на нас и медленно протянул руку.

Черная поверхность пошла волнами, заставив отдернуть ладонь, и тут же окрасилась стандартной рамкой информационной странички с тремя блоками, обещанными Венерой. Нас, разумеется, в первую очередь заинтересовало видео. Хотя заголовок «Фавориты турнира – кто они?» тоже интриговал.

– Вот, отличный эпизод, – выдохнул Пашка после нервного просмотра около десятка роликов, снятых с высоты крыш и наверняка с дирижаблей.

Рядом солидно закивал Артем.

– А это точно наши спины? – засомневался Федор.

Выбранный ролик демонстрировал краткий эпизод прохода катамарана по каналу. Вернее, его окончание – с тремя мужскими и двумя женскими спинам.

– Точно. Вон твоя тень падает, – указал Паша.

– Это от футляра со скрипкой.

– Тогда тут точно мы, – бодро хлопнули Федора по плечу.

– Вы настолько уверены, что мы проиграем? – обратился я к товарищам, пользуясь тем, что Венера деликатно отошла на время обсуждения.

Иной причины, по которой друзьям хотелось бы скрыть лица, на ум не приходило.

– Вовсе нет! – с жаром уверил Пашка. – Победим обязательно! Но до конца конкурса еще много дней, а видео могут показать уже сегодня!

– И в чем проблема?

– Ну, тут такое дело... – смутился он. – В общем, давай снимемся все вместе после победы?

– Паша?

– Отец не знает, что я тут, – поник парень. – Он запретил мне уезжать из дома.

– Как можно не знать, что ты уехал, если тебя неделю не будет дома? – поднял я бровь.

– Так он ведь в Москве, – посмотрел Паша в сторону. – Я хотел ему сказать после того, как выиграю. Я должен выиграть!

– А я поддерживаю друга! – встал рядом Артем.

– Ладно, снимемся вместе после финала.

– Но сниматься все равно не буду, – так же бодро продолжил Тема.

– Так. Твой папа тоже не знает? – нахмурился я.

– Знает.

– И в чем твоя проблема?
– Слушайте, а почему Свете можно просто не хотеть и ее никто ни о чем не спрашивает! – возмутился Артем.

– Потому что она девочка, и бог знает, что у нее в голове.

– Эй!

– Ты сначала объясни, зачем вилку обгрызла, – хмуро посмотрел я на Светлану. – Хорошо, я первый ее нашел, а если бы кто-то из персонала? Она ж серебряная!

Ладно хоть я на крышу залез – вытаскивать застрявшего Пашу из чердачного окна. А там вилка под наружной балкой.

Света потупилась и заинтересовалась чем-то на горизонте.

– Ну да, – признал Артем весомость моего аргумента. – В общем, я плохо выгляжу на видео.

– Потому что ты сутулый и в очках?

– Почти.

– Предлагаю снять очки и выпрямиться.

– Давайте обсудим это после победы? – вымученно улыбнулся он. – Вот если победим, я обещаю сняться на общем фото!

– Добро. – Посверлив его подозрительным взглядом, я вернулся к статье про фаворитов.

Одни неизвестные фамилии – и ни одной нашей! Чем они там у себя вообще занимаются?!

– Уважаемые участники, до церемонии открытия осталась одна минута, – официальным голосом обратилась Венера.

И, будто подчиняясь ее словам, дирижабли над головами принялись сворачивать гербовые узоры, отплывая в разные стороны от центра площади. Стих бой барабанов, уступив место тишине напряженного ожидания. А далеко впереди, у самого начала площади, поднимаясь от земли ввысь на уровень девятиэтажного здания, за клубилось огромное облако пара. И стоило белому дыму равномерно вытянуться вверх, как поверхность расцвела живым портретом сурового на вид статного господина с серебром в волосах на фоне зеленого сада и краешка белоснежного дворца.

– Лазерная проекция, – шепнул Артем.

– Тш, – ткнул его локтем Паша, тревожно глядя то на необычный экран в небесах, то на терминал.

– Приветствую участников Первого имперского турнира на нашей гостеприимной земле! – Низкий, полный силы голос шел будто бы отовсюду. – Пусть ваше пребывание здесь оставит в сердцах самые

приятные воспоминания, полные радости побед, соревновательного азарта и света новой дружбы.

Голос желал участникам удачи и крепости воли, силы и ума. Голос хвалил его сиятельство и государя, призывая восхищаться их мудростью и брать с них пример. Голос требовал честных сражений и обещал от своего лица быть их гарантом, обеспечивая справедливость судейства, объективность и независимость от статуса участника. Ведь сегодня все равны!

– Из тех, у кого есть двести миллионов, – пробурчал Пашка.

– Пусть победит сильнейший! Благодарю за внимание, – завершил краткую речь князь.

Изображение пропало, дым стал реже и поплыл в сторону от площади.

И тут же воздух рванул залпами салютов, бесконечной канонадой взлетающих ввысь по обе стороны площади, чтобы расцвести над головами диковинными цветами и новыми звездами. Что-то восхищенно кричал Федор, голос которого терялся в окружающем грохоте, а рука показывала на новые соцветия из ярких линий; сжимала мое плечо Света; замороженно смотрел ввысь Артем, неожиданно оказавшийся чуть впереди нас; даже Паша оторвался от наблюдения за терминалом и, сжав уши от грохота, с восторгом следил, как новая вспышка – яркая и красочная, несмотря на ранее утро – не успевая погаснуть, меркла в сиянии следующей.

Когда отгремел последний залп, в ушах ощутимо звенело, а чувство ошарашенности и восторга некоторое время не пускало мысли обратно.

– Команды! – Озорной девичий голос пролетел над площадью. – Объявляется жеребьевка первого соревнования! Капитаны, просим коснуться терминала рукой!

Паша вдавил ладонь в то же мгновение, будто от силы что-то зависело.

Тут же под корпусом выщелкнулся листочек с отпечатанным текстом.

– Вторник, девятнадцать часов, – чуть дрогнувшим голосом произнес Паша.

– Через два дня, – грустно вздохнул Федор.

– Дай взглянуть, – мигом подхватил я листок. – «Команда зубов». Какая еще команда зубов? Бред какой-то, – скомкав и бросив под ноги это недоразумение, я оттер Пашу от терминала.

– Максим! – возмутились Паша и Артем.

– Сейчас разберемся. Так. «Биометрика не определена». Ну, это мы посмотрим. – В терминал юркнули три Звездочки, ведомые волевым посылом.

– Максим, «Команда зубов» – это мы!

– Мы люди, а не челюсть! – фыркнул я, только и успевая подбирать выщелкивающиеся из терминала бумажки.

– Зубов – моя фамилия! – возопил Паша.

– М-да? – задумавшись, остановился я, перебирая пачку бумажек в руках. – Хм.

– Ты наш билет порвал, – глухим голосом констатировал Павел, разворачивая бумагу.

– Да ничего страшного, – с неловкой бодростью произнес я. – Вот, у нас другие билеты есть. Смотри – девять тридцать, уже через час. Только тут написано «Команда Шереметевы-1».

– О боже мой, – сел на бетон Артем, сжав голову руками.

– А тут – десять часов, «Шереметевы-2»... Да ладно, вон, у ребят тоже терминал нормально не работает, – указал я на площадку через пару квадратов по диагонали в сторону центра, где две команды что-то возмущенно говорили сопровождающим, то и дело экспрессивно показывая на экран.

– Это Шереметевы... – простонал Артем.

– Снова живот болит, да? – сочувственно уточнив, присел к нему Федор.

Тот странно глянул в ответ и закрыл ладонями лицо.

Подошла Света и неуловимым движением отобрала всю пачку бумаг.

– «Долгорукие», «Аракчеевы-1», «Аракчеевы-2», – монотонно перечислял девичий голос. – «Вяземские-1», «Вяземские-2», «Орловы-1», «Юсуповы-1», «Юсуповы-2», «Юсуповы-3».

– Так, – вновь изменившимся голосом, в котором уже не было эмоций, произнес Артем. – Стоп. Их время?

– Девять сорок пять, десять, десять пятнадцать, десять тридцать, десять сорок пять.

– Странно для случайной жеребьевки, – задумчиво произнес я. – Даже если это сбой, то время должно скакать по дням.

– Именно. – Забыв очки на бетоне, Артем одним движением поднялся, взял пачку с листочками и зашагал к Венере.

Та вместе с пятью другими сопровождающими стояла с краю, не мешая командам обсуждать результаты жеребьевки.

– Честные соревнования, – распахнув листки веером, продемонстрировал их Тема девушкам. – Мы хотим отправить фото с ними вашим информагентствам.

– Это какая-то ошибка! – порозовела, а затем побледнела Венера, суматошно вытягивая из прически жгутик с микрофоном и наушником.

– Это скандал, – припечатал Артем, не повышая голоса. – Мне достаточно дойти до ребят, – махнул он в сторону школьников на площадке, – и его будет уже не замять.

– Я немедленно связываюсь с руководством!

– Скажите им, что все можно решить. – Развернувшись на каблуках, Артем повернул назад и чуть не врезался в затаившего дыхание Пашку.

– Вот, ты забыл, – протянул ему очки Федор. – Ты с ними добрее.

Артем смутился, быстро нацепил очки, сжал скрипку и отвернулся от всех и сел, всматриваясь в канал.

– Спасибо, – присел рядом с ним наш капитан.

– Ты молодец, – я тоже разместился рядом, хлопнул друга по плечу. – Не переживай. Если что, я во всем виноват.

– Да никто не виноват, – буркнул Артем. – Князя всегда врут и не врут одновременно. Нам обещали контролировать честность наших выступлений, но не жеребьевки.

– Но это ведь подразумевается...

Артем скептически посмотрел на Пашу.

– Никогда не подразумевается. Верить можно только тому, что обещают прямо.

– А я бы пожил два дня в деревне, – вздохнул Федор.

– Не пойдет. У нас Паша от нервов помрет, – отрицательно качнул я головой. – Ну или папа его вернется, и всех нас отправят назад.

Рядом задумчиво поддакнул Пашка.

– Толку им жулить? – Федор принялся крутить что-то на одном из своих колец.

– Решили всех сиятельных пропустить в первый день. Наверное, хорошо на этом заработали, – ответил Артем.

– Так проще охранять, – высказалась Светлана.

– Не хотят знакомиться ни с кем из тех, кто желал бы познакомиться с ними, – пришла мне мысль.

А наверное, правы были мы все.

– Молодые люди? – робко произнес голос Венеры за спиной.

Мы неспешно поднялись и подошли ближе, пропустив вперед Пашу. Все же он капитан команды. Да и неловко ему стоять за нами – это всем видно.

– Мое руководство согласилось выслушать ваше решение по поводу возникшего недоразумения.

– Нам нужна жеребьевка на сегодня. Желательно пораньше. – собрав всю солидность и благожелательность, спокойно произнес наш капитан.

– Две жеребьевки, – тут же уточнил я, кое-что вспомнив.

– А з-зачем две? – удивилась Венера, которая уже приготовилась соглашаться. – Повторные выступления, к сожалению, не разрешены. Только одна попытка.

– Да это не нам, – отмахнулся я, предпочитая не замечать удивление на лицах команды. – Для команды девушки из лица. Ну, у них еще форма такая фиолетовая. Это которые деловые партнеры.

– Преображенский лицей, – обрадовалась она.

– Только ее выступление должно быть непосредственно перед нашим, – поставил я строгое условие.

– Думаю, мы можем это устроить – в обмен на билеты в руках вашего капитана и обещание простить нам всю эту неловкую ситуацию. И, если можно, никогда о ней не вспоминать, – вымученно улыбнулась Венера.

– Договорились, – выдохнул Паша.

Мы подтвердили соглашение кивками.

– Один момент, имя девушки? – спохватилась сопровождающая.

– Мм, не знаю.

– Но как тогда... – растерялась она.

– Вот! – протиснулся вперед Федор, вынимая что-то из сумки. – Есть ее туфля!

– Молодец, – похвалил я брата, потрепав по волосам, и передал обувь из его рук Венере. – Способ народный, проверенный. Кому подойдет – та и она.

– Но у девушек может быть одинаковый размер...

– Тогда не та, что с осликом, и не та, что с лошадкой. Она должна мне мороженое, которое отдала тиграм. Вы спрашивайте, они поймут.

– Девушка обязательно узнает свою обувь, – подсказала Света. – Контрольная информация: она потеряла ее на вокзальной площади.

– Ну или так.

– Постараемся найти, – с изрядным сомнением протянула Венера, разворачиваясь с туфлей и бумажками в руке и следуя к катамарану зеленой расцветки с надписью белым «Администрация» вдоль борта.

– Максим, я все понимаю, но зачем?

– Я просто на нее посмотреть хочу, – почему-то смутился я.

Глава 20

Медленно таяла серая клякса от салютов, уплывая на север вместе с южным ветром. И на душе после всего происшедшего тоже становилось чище.

– Хорошо, когда все хорошо кончается, – вытянувшись поудобнее на бетонной платформе, выдохнул я.

– Да... – Федор откинулся на руках и тоже посмотрел на небо.

– Вообще, еще ничего не кончилось! – громким шепотом отозвался Артем.

Позади двое рабочих деловито откручивали наш терминал.

– Я с вами тут седым скоро стану! – маятником вышагивал Тема вдоль бортика.

– Это потому что ты слишком много думаешь, – лениво попенял я ему.

– Кто-то же должен это делать!

– Ну вон пусть Света переживает.

– Ей-то чего, – заворчал Артем и все-таки лег рядом, подложив под голову руки.

Говорят, в наших костюмах вполне можно ночевать на снегу, если вытянуть руки из рукавов и завернуться в них целиком. Во всяком случае, холод от бетонных плит совсем не чувствовался, ощущалась просто твердая плоскость под спинами. Иначе бы Федору я сидеть вот так не позволил, да и сам бы не рискнул.

Мы с Пашей уже минут десять смотрели на небо. В общем-то других дел на платформе не осталось – экраны не отзывались на касание, вид катамаранов, проплывающих мимо, наскучил довольно быстро, да и ребята сплошь незнакомые. Венера куда-то пропала, а нас не торопились забирать – вроде как надо было найти нам репетиционное помещение в концертном зале. Прибывшие техники тоже не знали, когда о нас вспомнят.

– Я могу переживать за всех, – не оборачиваясь, произнесла Света.

Она сидела на самом краю платформы, красиво уложив подол платья на поджатые ноги.

– Например, как отнесутся к нам семьи, время команд которых мы займем? – спокойно прозвучал ее голос.

Рядом обеспокоенно заерзал Паша.

– Или что будет, когда увидят тронутые Силой микросхемы?

Тут и мне стало немного неудобно.

– И не потеряли ли в пути Лучинку?

Рядом вздрогнул Федор.

– Хватит! Артем, переживай дальше, – пресек я диверсионную деятельность.

– Не-не-не, у Светы отлично получается, – отказался он, с интересом глянув в сторону девушки.

– Можно хотя бы делать это молча? – заворчал я, глянув на растревоженного брата. – Федор, с Лучинкой все будет хорошо, я обещаю.

– Или купим новую мышку, – меланхолично продолжила Светлана.

– Потому что если не будет хорошо, – чуть повысил я голос, – там все взлетит на воздух от синхронного взрыва накопителей. А так как мы не слышим взрывов и на горизонте нет очагов задымления, то с Лучинкой все просто замечательно.

– Дай бог ей здоровья, – тревожно выдохнул Пашка.

Я одним движением встал и пошел к рабочим.

– Господа, вам требуется помощь?

Те заверили, что нет.

– А вы не могли бы включить нам терминал, мы не успели выбрать ролик? – указал я на самый дальний экран слева.

Работники переглянулись и с некоторым сомнением обернулись на полуразобранный объект своих усилий.

– Вы ведь все равно его после остальных будете снимать? – проявил я настойчивость.

– Так, Борисыч, справа или слева? – грозно посмотрел бригадир на подчиненного.

– Справа! Точно справа!

– А справа, если смотреть на начало или на конец площади? – прищурился бригадир недобро.

– А-э... – потерянно посмотрел он по сторонам.

– Ребят, так ваш терминал этот или тот? – проглотив тихое ругательство, обратился к нам бригадир.

В связи с отсутствием конкурентов в данный момент времени нам принадлежали вообще все десять, потому отвечал я честно и уверенно:

– Тот! – махнул на дальний.

– Борисыч, ты попал, – поиграл желваками старший. – Сам собирай теперь, я на дальний прыгну. Парень, извини, но терминалы включаются не отсюда, – обратил он на меня внимание напоследок.

– Одну проблему решил, – прилег я обратно.

– Лучинка, – грустно протянул брат.

Я нащупал его руку и одобряюще сжал.

– Первым делом спросим про нее.

Затем недовольно посверлил взглядом спину Светы, но та даже не шелохнулась.

– Осталось объясниться с родственниками тех ребят, которых ты увез, – произнесла она. – Что будет, если на них твоя удача закончится?

– Тогда тебе больше не придется за меня переживать.

Тут уже Федор сжал мою руку и тревожно посмотрел в глаза.

– Я поделюсь своей, – шепнул он.

– Там кто-то едет, – приподнявшись на руках, заметил Артем, разрушая неловкую паузу.

По курсу его внимания собирался из брызг и басовитого рокота белоснежный гидроцикл, красиво лавируя на поворотах и окатывая края площадок высокой волной. Пилотом был крайне колоритный парень, полноватый на вид да еще оседлавший столь норовистый агрегат в сером костюме и белом шлеме. Поездкой он наслаждался искренне, не обращая никакого внимания на следы брызг на краях брюк.

– Кажется, к нам, – с оттенком удивления констатировал Пашка, присмотревшись к траектории гостя после очередного виража.

Впрочем, гидроцикл и его всадник не особо торопились, кружась по лабиринтам, и с неким сожалением из-за конца лихого путешествия подруливали к нашему бортику.

– Доброе утро! – мячиком выпрыгнул мужчина из седла и с невероятной скоростью, странной для его солидной комплекции, оказался рядом.

Был он молод, розовощек и переполнен энергией, бившей через край в движениях, походке и сиянии серых глаз. Казалось, бетон пружинит под его ногами, позволяя не шагать, а выстреливать собой вперед. На его лице сияла добрая улыбка, сам он с интересом осматривал нас, а мы – его.

Спохватившись, гость отстегнул застежки шлема, стянул его левой рукой и движением ладони превратил приемлемый в общем-то зачес в нечто взрывное и бесшабашное. Затем глянул в свое отражение в шлеме, охнул и торопливо пригладил все обратно.

– Здравствуйте, я – Игорь Долгорукий, – представился он чуть смущенно. – Нет, не близкий родственник, но вполне себе троюродный племянник Самого! – показал он пальцем ввысь.

Сверху каркнула чайка.

– Кхм... – убрал он руку. – Кто главный?

– Вы! – с готовностью отозвался Паша.

Игорь польщенно смутился.

– Имею в виду, кто капитан? – чуть мягче произнес он.

– Разрешите представить, – взял я инициативу в свои руки, выручая замешкавшегося друга. – Павел Зубов, наш капитан. А это – Артем Архипов, скрипач. Федор Самойлов – маракасы. Светлана Джонс – специалист по переживаниям.

– О! – гость обратил внимание на девушку.

– Света, продемонстрируй.

– На гидроцикле всего два места, а нас шестеро.

– Точно! – развернувшись, вцепился Игорь пятерней в волосы. – И что теперь делать? – обеспокоенно пробормотал он.

– Можно взять катамаран у техников, их как раз двое, – протянул я ему руку. – Максим Самойлов, решаю проблемы.

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким.

– Очень приятно, – признательно тряхнул парень рукой. – Сейчас позвоню в центр управления, один момент.

Игорь отошел буквально на пару шагов, чтобы воспользоваться сотовым, и уже через минуту катамаран степенно нес нас по спокойной воде к самому началу площади.

За спинами звучно чертыхнулись техники, обнаружив пропажу плавсредства.

– Борисыч, хватай диск и принтмодуль, остальное не увезем, – донеслось приглушенное.

– Когда-нибудь везение закончится, – зловеще шепнула в ухо Светлана.

– Уже заканчивалось, – ответил я, не оборачиваясь. – Хочешь знать, что было потом?

Концентрация напряженного внимания подсказывала, что весьма.

– Пришел кот.

Позади выдохнули смесью обескураженного непонимания с долей возмущения.

– А вот скажите, почему у нас написано «Зубов», а у остальных «Шереметьевы, Аракчеевы»? – шагнул я в тот же миг к Долгорукому, откровенно скувавшему в кругу уважительного молчания.

– О, так это просто принадлежность команд, – явно обрадовавшись вопросу, развернулся он и, отметив всеобщий интерес, продолжил тоном лектора: – Если все в команде принадлежит одному роду или же вассальны ему, применяются множественное число. А если команда собрана из представителей различных семейств, то ее называют фамилией капитана или названием школы. Казалось бы, мелочь, но многим участникам крайне

важно отметить данный момент! Ведь временный союз не равен присяге, а внутренняя организация команды напрямую влияет на распределение выигрыша.

– А вот распределение, оно как? – подхватил я интересующую тему.

– Либо роду-победителю, либо по внутренней договоренности внутри команды. Кстати, – подмигнул он, – открою небольшой секрет: памятные призы уже подготовлены абсолютно для всех участников! Весьма ценные, хочу отметить! Так что желаю вам заранее распределить призовой фонд, чтобы блеск золота после окончания турнира не повредил вашей дружбе.

– Да у нас уже все оговорено, – пожал я плечами. – Деньги поровну, приглашения всем, главный приз – мне.

Друзья согласно кивнули.

– Мм? – изумился он, отчего-то глянув на Артема.

– Мне гидростанцию в комнате негде ставить, – поправив очки, невозмутимо пояснил тот.

Игорь обескураженно скользнул взглядом по Федору.

– Я собираюсь купить весь пластилин в мире! – с важным видом озвучил тот свои планы. – Дважды.

– А? – Долгорукий повернулся к Пашке.

– Вы не могли бы выдать призовые наличными? – переборол смущение, произнес Пашка. – И самолетом.

– А зачем самолет? – все увеличивалось удивление на лице Долгорукого.

– Для наличных, – пояснил Паша.

– Неужели и прекрасная девушка откажется от приза? – с легким недоверием спросил он.

– Мне бы кот... Двух... Пятерых... Шестерых... С запасным... – смотрела она в сторону центра площади.

– Обычные не пойдут, – пояснил я ей, ощущая легкий привкус вины.

Не желает она мне неудачи. Боится – верно. Но не удачи, а за меня.

– Ну а вы, Максим? Зачем вам приз?

– Ради самого лучшего алюминия на планете, – пожал я плечами.

– А как же продать и выстроить дворец? Личный замок? Дорогие машины? Гар... Хм... – смутился он. – Красивая жизнь в безделии и роскоши?

– Зачем, если можно производить самый лучший алюминий на планете? – с удивлением посмотрел я на него.

– Вы самая интересная команда, которая мне встретилась за этот день, – с чувством высказался Игорь. – Искренне желаю вам победы!

– Можно спросить? – окончательно отбросив робость, обратился к нему Паша. – А вот мы выступаем сегодня и наверняка зайдем чье-то время... – обозначил он вопрос молчанием.

– О, совсем не о чем беспокоиться! – замахал Игорь рукой. – Мы давали на выступления пятнадцать минут, но большинство танцев вряд ли займет более восьми, так что график вполне можно ужать. Ваше же выступление перед уходом на перерыв в двенадцать часов, поэтому мы никого не обижаем.

– Победа, затем обед – все как я люблю, – одобительно кивнул я.

– И еще раз, от клана и себя лично, прошу извинить за небольшое недоразумение, – приложил он руку к сердцу. – Прошу нас понять, жеребьевка действительно проводилась. Но среди ряда участников ее механизм был просто невозможен! Слишком много противоречий между представителями сиятельных родов, чтобы позволить им встретиться в одном коридоре. Как вы видите, – повел он рукой, показывая на разлинованную каналами площадь, – мы приложили все усилия, чтобы исключить личные контакты между враждующими семьями и возможные конфликты. К сожалению, это жизнь.

Неопределенно повел плечом Артем, не желая принимать извинения за остальных, Света по-прежнему смотрела в сторону, Федору было все равно, мне был выгоден сопровождающий с чувством вины, а Паше я наступил на ногу. Поэтому мы промолчали.

– А вот и берег, – с неестественной радостью объявил Игорь и первым перелетел на невысокий бортик. – Машина ждет!

На этот раз нас дожидался знакомый лимузин, но уже без Венеры в качестве гида – сопроводить в конечную точку вызвался сам Игорь.

– Вот, пожалуйста, – подняв с кресла рядом с собой планшет, протянул он его капитану. – Пока можете составить список того, что вам потребуется на выступлении. Все доставят в течение часа.

Глянув через плечо Паши, обнаружил иллюстрированный список всего того, что было с нами в вагонах. Проигнорировав легкое возмущение Паши, изъясил устройство из его рук, промотал до изображения Лучинки, поставил галочку, продемонстрировал улыбнувшемуся Федору и вернул обратно. Хотя планшет еще дважды попадал мне в руки, двигаясь по кругу – всем следовало определить, что им нужно, а заодно посмотреть, не забыл ли кто-то свой реквизит. За этим делом проворонили прибытие к гигантскому куполу оперного театра, возле которого авто замерло в отдельном боксе из металла и пластика. Даже толком не оглядеться по сторонам – разве что верх сооружения, собранный из белоснежных панелей

с синими вкраплениями, казался лестницей в облака, а вот парадный вход уже посмотреть не довелось – крытый переход шел из бокса к одному из технических входов, закрывавший как нас от лишнего внимания, так и мир вокруг – от нашего.

Игорь вел узкими коридорами, ледоколом продвигался вперед и заставлял случайных встречных прижиматься к аркам многочисленных дверей, так как при его габаритах лучше было посторониться и не попадать под каток сконцентрированной энергии и энтузиазма.

– Еще раз прошу прощения, все должно было быть обставлено куда торжественнее и даже с оркестром, – замер он на пролете безликой лестницы, отчего мы чуть не влетели в него. – Но если с расписанием проблем нет, то с помещениями, пригодными для репетиции, мы весьма ограничены, – повинился он. – Еще буквально десяток шагов.

Двустворчатую дверь с табличкой «Склад 15» доверили открывать Пашке. Вернее, Игорь как-то внезапно оказался за нашими спинами и с плохо скрываемым интересом и долей робости наравне с нами предвкушал, что там внутри.

– Должны были все подготовить, – с оттенком надежды и сомнения в собственных словах произнес Долгорукий, ободряюще кивнув Пашке.

Паша на всякий случай отодвинулся и резко дернул створку.

– Хм, – вступил я первым на темный линолеум огромной студии, оглядывая обстановку в свете, льющемся из узких окошек-бойниц под потолком.

– Выключатель должен быть справа, – подсказал Игорь, хотел протиснуться вперед, но, будучи заблокированным остальными любопытствующими, остался на пороге.

Моргнули желтым прожекторы по бокам, и через пару секунд залили помещение теплым мерцающим светом.

– Пол ровный, – оглядев все, нашел приятный момент Артем.

– Это был склад реквизита, – пояснил Долгорукий.

– Это и есть склад реквизита, – поправил его я, шагая вдоль нескольких сотен манекенов, облаченных в мундиры семнадцатого и восемнадцатого века.

У других стен обнаружились безликие янычары, монголы, индейцы, шерифы, пираты, мушкетеры, царские стрельцы при двух пушках и еще сотни обладателей интереснейших костюмов, за спинами которых проглядывали качественно исполненные декорации батальных и мирной жизни, спокойного океана и морских снастей, оборванных штормом. Наверняка все они раньше равномерно распределялись по помещению, что

было видно по следам и отметинам на полу, но сейчас их потеснили к трем стенам, где и наблюдали за нами из шеренг слегка неровного строя.

– Пол мытый, – с приятным для меня удивлением донеслось от Артема, прошедшего дальше по залу.

– А мне тут нравится, – пришел я к выводу. – Клянусь своей треуголкой!

– Максим, верни головной убор манекену, – одернула Света.

– Ладно...

– Тут есть раковина! – раздался из глубины помещения восхищенный голос Артема. – И холодная вода!

– В общем, вещи совсем скоро принесут, – смущенно пробормотал Игорь.

– Да все нормально, – махнул я ему рукой. – Мы непривередливые. Главное, что есть друзья!

– А у друзей есть шпаги!

– Федор, Паша, хватит дурачиться!

Пришлось им поставить рапиры на место.

– Обожемой, тут есть зеркало!!! Всего за двести миллионов рублей! Ребята!!!

– Все-все, я понимаю, это не то место, которое было бы достойно нашего турнира, – совсем расстроился Долгорукий.

Выручила его вереница слуг, деловито вносившая в помещение опечатанные сургучными печатями сундуки, короба, ящики и даже одну клетку.

– Лучинка!!!

Вполне бодрая и сытая мышь была тут же освобождена и взята на руки. Узор из проволоочки с камнями с нее, кстати, не сняли. Умные люди с работающим чувством самосохранения!

– Ну, вы разбирайтесь, – счастливо вздохнув, поспешил ретироваться Игорь. – Я загляну к вам через полчаса.

– Так вроде все есть, – шептал под нос Паша, сверяя вносимое и свой список на планшете.

– Стоять! – рявкнул я.

Замерли все: Паша, Федор и Игорь на одной ноге. Даже Артем появился из глубин зала, чтобы тоже замереть со своим футляром в руках. Только Света куда-то пропала, будто и не было.

– Где кольцо? – обратился я к Долгорукому.

– К-какое кольцо?

– Огромное титановое кольцо с заточенной кромкой. В левом кармане

посмотрите.

– Тут нет, – как-то потерянно произнес он.

– Правильно. Потому что оно два метра в диаметре! Игорь, где наш главный атрибут номера?

– Секунду, – подкрался он к Пашке с планшетом, опасливо поглядывая на меня. – Так... инвентарный номер... сейчас позвоню!

Звонить он собирался за дверь, но я перегородил путь и указал в сторону манекена в костюме палача.

– Алеу? Илларион Родионович, это Игорь...

После пяти минут переговоров от палача он возвращался слегка бледноватым и потерявшим прежнюю живость.

– Ребята, тут такое дело. В общем, по правилам турнира работа с габаритным реквизитом доступна командам, где заявлен хотя бы один участник с рангом «ветеран», – не глядя на нас, произнес он.

– Я знаю, – кивнул Артем. – Так где кольцо?

– Но у вас не заявлено ни одного «ветерана», – поднял тот удивленный взгляд.

– Как это?

– Я дважды проверил. Два «воина», два «новика», один без ранга.

– Официальные ранги... – побледнел Артем. – Не реальные...

– Можно ли сделать для нас исключение? – начал искать я варианты.

– Соблюдение правил гарантировано именем князя. А мы и так уже... Словом, это невозможно, – развел Игорь руками. – При всем моем желании.

– Слушайте, ну какой в этом правиле смысл? – возмутился я. – Мы сами отвечаем своим здоровьем за собственные ошибки! И никого не просим брать на себя ответственность!

– Возле подиума установлены щиты, экранирующие Силу. Самые мощные, какие могут быть. Но они же не дают установить завесы от физических объектов, поэтому любой габаритный предмет, сорвавшись со сцены, может оказаться в зале и нанести увечья зрителям. Чтобы это исключить, нужен контроль ранга «ветеран». Прошу понять разумность предосторожности и поверить, что она никоим образом не направлена лично против вас. Правила писались до соревнований.

– Официальные... – обвел всех потерянным взглядом Артем. – А можно нам сейчас аттестоваться?

– Возможно в конце соревнований. Даже комиссия будет из высокоуважаемых судей, – улыбнулся краем губ Долгорукий. – Это сюрприз... Не каждый день такая представительная комиссия принимает

экзамен на ранг. Большая честь. Но правила учитывают только ранги в заявке.

– Что за ранги? – шепнул я тоже побледневшему Пашке.

– «Новик» – начальные техники, «воин» – базовая защита Силой, «ветеран» – объемные атаки, «учитель» – стихийные щиты, «мастер» – атаки по площади, «виртуоз» – смерть до горизонта, – механически прошептал он.

Опасные люди обитают у нас в школе!

– Ничего нельзя сделать? – словно не спрашивая, а оглашая приговор, уточнил Артем.

– Ребята, я искренне хотел бы помочь. Призываю вас не делать из случившегося трагедию. Будет новый ранг – и на следующий год вы возьмете первое место! Участие – тоже много значит. Умение не сдаться и выступить сделает вам честь.

– Спасибо. Нам нужно подумать. Дайте нам пару минут, – сняв очки, распорядился Артем, отворачиваясь.

– Конечно, – мигом исчез за дверью Игорь.

– Извините меня, – поник наш скрипач. – Я все оформлял. Я думал... Не важно. Моя вина. Целиком. Я вас подвел. – Фразы падали тяжелыми булыжниками в тишине зала.

– Бывает, – вздохнув и грустно оглядев место, которое должно было стать началом триумфа, подошел я к Артему и положил руку на плечо. – Все в порядке.

Молча сел на пол Пашка, бездумно глядя на вход. Рядом присела, обняв его, Света – тот даже не заметил. Федор отправился бродить вдоль рядов с манекенами, будто что-то высматривал. Кстати.

– Может, похитим кольцо и все равно выступим?

– Охрана не даст пронести.

Должно же быть решение! Как можно выступить без кольца, но с кольцом! Хм...

– А я вот тут подумал, – мой воодушевленный голос заставил вздрогнуть погружившихся в печальные мысли товарищей, – номер обязательно должен быть опасен для нас?

– Что? – повернулся Артем, цепляя очки обратно на нос.

Вокруг возник круг из Звездочек и крутнулся, стоило сделать шаг.

– А? – с интересом взглянул он на мои па, слегка глупо смотревшиеся без партнерши.

Но тут поднялась с пола Светлана и тоже вступила в круг. Танец обрел завершенность и целостность.

– Неплохо, – тронула робкая улыбка лицо Артема.

– Здорово! – Федор был категоричен.

С надеждой смотрел Пашка.

– Но оно ведь не такое опасное, – тут же взгрустнулось ему. – Им может не понравиться.

– Вот потому и спрашиваю, – подтвердил я.

– Выбирать не приходится, – пожал плечами Артем. – Пусть будет безопасно.

– Зато красиво! – поддержал брат.

– Вы немного не поняли, – терпеливо уточнил я, вышагивая со Светланой в ритме звучащей в голове музыки. – Обязательно опасно для нас? Или пойдет, если будет опасно для них?

– Все шикарно, работаем! – не дослушал Артем, силком поднимая Пашу с пола. – Время репетиции, у нас новый номер и пара часов до старта!

– А где пианино? – возмутился Пашка.

Но он вновь улыбался – а в возмущении был целый океан надежды.

– Вон синтезатор в углу, настраивайся. В этом чудном помещении кто-нибудь видел розетку?!

– За отрядом индейцев.

– Вот. Подключайся к ним, бледнолицый. Так, а где моя скрипка?! – бродил среди багажа Артем, сжимая футляр в руках.

– У тебя в руках, – логично подсказал Паша.

– Да нет же! Рабочая скрипка, для выступления!

– Мм. Мы как раз хотели сказать! – бодро отозвался Паша из-за спин дикого племени.

– Что?

– В общем, тебе вовсе не нужна другая скрипка, ведь твоя теперь гораздо лучше! Федор приделал усилители в совсем небольшие дощечки. Их даже приклеивать не надо было! Так что твоя скрипка в полной сохранности и теперь звучит как целый оркестр! Правда, здорово? – Паша на секунду высунулся, не дождался восторга и вновь скрылся за макетом вигвама.

Артем ощутимо побледнел.

– К-как... Я же ее к себе прижимал, даже ночью...

– Прижимал, намертво, – подтвердил я, останавливая танец. – Мы этот огнетушитель из твоих рук так и не вывернули. Положили рядом скрипку, ты как-то сам переключился.

– Ребята, вы что наделали...

– Я проверял, ничего мы не испортили, – похлопал я его по плечу. – Легко устанавливается, легко снимается. Не переживай.

– На этой скрипке нельзя вот так просто играть! – сорвался от отчаяния его голос.

– Тогда зачем она нужна? – рационально заметил я. – Артем, даже у самой старой и драгоценной скрипки должен время от времени наступать миг триумфа. Уверен, она гораздо лучше твоей обычной, иначе ты бы ее вот так не берег. А нам очень нужны все ресурсы для победы. Раз уж так получилось с кольцом, – мягко намекнул я на его просчет.

– Другой скрипки точно нет? – обернулся он с надеждой.

– Мы отменили ее, – отрицательно качнул я головой. – Другого инструмента не будет.

– Хорошо, – постояв минуту и о чем-то напряженно поразмышляв, коротко кивнул Артем. – Будет вам триумф.

К нему тихонько подошла Светлана и что-то шепнула, внимательно посмотрев в глаза.

– Справлюсь.

Света чуть повернула голову и приподняла бровь.

– А если не справлюсь, страшно будет всем.

– Наш человек, – хлопнул я его по плечу.

Глава 21

Черные глаза вороненых стволов упирались в грудь мальчишки.

– Пропустите, – просил голос, полный надежды, пытаясь высмотреть что-то за спинами.

– Нет.

– Пожалуйста... – шагнул он на нацеленные ружья.

Но те, кто их держал, не шевельнулись.

– Я только спросить...

– Паша, скоро Света переоденется и выйдет сама.

Пашка разочарованно выдохнул и отвернулся от импровизированной стены раздевалки из выстроенных рядами стрельцов.

– Да сколько уже можно переодеваться! – возмутился Федор, потрясая блокнотиком, исписанным расчетами. – Вот смотрите, снять брюки, надеть брюки – сорок секунд! Так?

– Коэффициент сложности на платье, – мягко подсказал ему я.

– Ну, допустим, пять! – черкнул он на записи.

Рядом скептически цокнул Пашка.

– Ладно, двадцать! Но не полтора часа ведь!

– Это если платье подойдет, – разумно заметил наш капитан.

– Но оно же одно! – возопил брат, не понимая.

– Федор, это сложная система уравнений из платья, туфель, прически, перчаток, колготок и косметики, – буркнул из своего угла Артем.

Впервые, кстати, за полтора часа. Он обиделся настолько сильно, что отсел от всех в дальний край зала да так и сидел по-турецки, прижимая к себе скрипку и что-то шепча. Ругал нас, наверное. За дело ругал, хотя желали мы только хорошего, искренне надеясь обрадовать приятным сюрпризом.

– Вот-вот, – поддакнул Паша, обрадовавшись оживлению друга.

Ему было неуютней всех – ведь идея «сделать скрипку лучше» исходила лично от него, хоть вину мы по-товарищески разделили на всех.

– Но она же все это примеряла! И ей понравилось!

– Там все не так просто, – вздохнул я, пытаясь от скуки закрепить головной убор шамана на голове. – Между двумя открытиями холодильника может появиться мороженое, верно?

– Между вторым и третьим часом дня – особенно часто!

– А у девушек между двумя переодеваниями одного и того же платья

может измениться изображение в зеркале.

– Ерунда какая.

– Квантовая физика, – веско заявил Артем. – Состояние объекта изменяется в зависимости от того, наблюдают за ним или нет!

– А, ну это мы не проходили, – теряя интерес, перелистнул Федор страницу в блокноте. – Давайте хотя бы музыку порепетируем?

– Смысла нет, – встал со своего места Артем и подошел к нам. – За один день вряд ли что-то забылось, а без танца все равно не то.

– Давайте позовем Игоря? – закрепив непослушные перья, я довольно легко накинул аляповатую накидку с удобной прорезью для головы.

– Он, наверное, очень занят, – застеснялся Паша.

– Давайте вызовем дух Игоря? – стукнул я посохом, увенчанным декоративным черепом.

– Меня звали? – хлопнула входная дверь, пропуская нашего крайне энергичного знакомого.

Артем вздрогнул и странно глянул на меня.

– Я просто имя услышал, – указал Игорь на дверь. – Все равно к вам шел, чтобы представить мэтра Тихомира.

Картинным движением он отодвинулся от дверного проема и жестом указал на невысокого мужчину лет тридцати с колкой щетиной и усталыми от недосыпа глазами, одетого в пуловер с оленями, слегка потертые джинсы и серые кроссовки. У мэтра обнаружилось аж два ноутбука, до времени прижатых левой рукой.

Тот коротко кивнул и с неторопливостью профессионала (или обреченного) прошествовал к нам.

– Мэтр поможет вам с технической частью выступления, – подсказал Игорь и намеревался тут же выскользнуть обратно в коридор.

– Игорь! – вновь хлопнул посох.

– Да-да?

– Вы можете понадобится на собрании племени, – указал я на круг, образованный ребятами, Тихомиром и ноутбуками, которые он уже привел в рабочее состояние.

– Хорошо, – как-то поник Долгорукий и нехотя поплелся к нам.

– Обычный репетиционный зал полностью повторяет механизм арены соревнований, – окинув взглядом помещение, произнес мэтр. – Но поскольку в нашем случае это не так, придется пояснять на схемах и видео.

Игорь виновато выдохнул.

– Федор, Паша, несите очаг для жертвоприношений. – Я придавил Долгорукого тяжелым взглядом. – Ноутбуки разложить.

Неудобно ведь на полу смотреть, а там как раз высокая рама.

– У нас резервный зал есть, – побледнел он. – Но его команде Ники Еремеевой отдали. За которую вы просили, – акцентировал Игорь внимание на последнем предложении.

– Значит, ее зовут Ника, – покрутил я имя на языке. – Ладно.

– Что значит «ладно»? – возмутился Артем и подхватил Долгорукого за локоток, отводя в сторону. – Кажется, вы не совсем верно поняли ситуацию. Это перед нами у вас есть некие обязательства, не перед кем-то еще!

Голос звенел накопившимся раздражением. В тон его эмоциям ребята заскрипели проржавевшим железом импровизированной подставки в другой части зала.

Пришлось спасать растерявшегося мужчину. Подхватил его за другую руку.

– Наверное, этому была какая-то причина? – навел его на мысль.

– Вообще, да, – перевел он взгляд на меня, густо покраснел и произнес заговорщическим шепотом: – Мне дали взятку! Впервые в жизни! Необыкновенные ощущения, хочу отметить. Смесь порока и сопричастности к общей тайне!

Тут даже Артем растерялся.

– А как же не брать и быть стойким к соблазнам? – обескураженно пробормотал он.

– Но это же девушка! Как я мог отказать! – возмутился Игорь. – Да и какие соблазны, сумма совершенно пустяковая!

– И вы отдали наш зал за пустяковую сумму?!

– Там глупая ситуация получилась. Я подошел к Нике и спросил, она ли потеряла обувь на вокзальной площади, а потом уточнил, удобно ли ей будет выступить сегодня. А она, видимо, посчитала, что я прошу взятку!

– Так при чем здесь наш зал?!

– Но я ведь не мог взять деньги просто так! Я честный человек!

– Обожемой...

– Вот, возьмите, – спохватившись, он вывернул запечатанную пачку банкнот и сунул в руки Артему. – И давайте забудем этот инцидент!

– Вы мне что, взятку предлагаете? – Артем перевел ошарашенный взгляд с купюр на Долгорукого.

– Правда волнующее чувство?!

– Все, хватит. Вам обоим должно быть стыдно за свое поведение! Никакой коррупции! – перехватил я деньги и положил в надежное место (в свой карман). – На первый раз я ничего не видел.

– Я еще нужен? – меланхолично уточнил Тихомир.

– Очень! – пришлось буквально силой разворачивать чем-то до глубины души возмущенных ребят, прикипевших взглядом к карману, и отводить к ноутбукам, где уже скучали Федор и Паша.

– Итак, – хмыкнул мэтр, разворачивая на экране схематичное изображение зала. – Помещение представляет собой амфитеатр с механизированной сценой.

После щелчка мышью монитор отобразил детальные фотографии полукруглого зала, расчерченного концентрическими рядами красных кресел.

– Зрительские места разделены на три секции, – указал он на ближнюю к сцене. – Для двух команд участников, ожидающих своего времени, предусмотрены места в диаметрально противоположных концах зала. Остальные кресла первой секции заняты представителями нашего клана.

– Вы можете обратиться к любому из них за помощью, – добавил Игорь.

– Вторая секция, гостевая зона. – На экране, показывающем зал сверху, выделился солидный полукруг мест. – И третья секция наверху – для журналистов и техников.

– А вот это что? – указал ладонью Пашка на странную конструкцию непосредственно над зрительскими местами, где обычно полагалось быть балконам.

Выглядела она этажом модной высотки, созданной из зеркального стекла и бетона.

– Судейская трибуна, – пояснил Тихомир, приближая на экране интересующее нас изображение. – Представляет собой одиннадцать комнат, по одной для каждого из приглашенных арбитров.

Если присмотреться, то действительно – массивных рам, отделяющих блоки непрозрачных стекол, насчитывалось ровным счетом десять.

– Нечетное число исключает паритет мнений в спорных ситуациях, – деловым тоном вклинился Долгорукий.

– Оценка выступлений происходит открыто, – продолжил мэтр. – Если арбитру нравится выступление, свет в его комнате загорается. Максимальная оценка – одиннадцать баллов.

Ноутбук прокрутил короткий ролик – зеркальный монолит окна протаял в сиянии внутреннего света, показывая размытую обстановку гигантского помещения: силуэты столика и кресел, дивана и даже зимнего сада.

– Даже один балл – это очень хорошо! – категорично произнес

Игорь. – Наши судьи весьма требовательны!

– Оценка выступления производится в течение пятнадцати секунд после финишного аккорда. Не следует уходить со сцены сразу, но и после отведенного времени новых баллов не будет.

– Ясно, – сосредоточенно кивнул Паша.

– Теперь сама арена. – Тихомир вновь крутанул зал на экране, приблизив сцену. – Площадка выступления механизирована, представляет собой составную трехуровневую конструкцию. Слоеный торт знаете?

– Я по нему эксперт.

– Это максимально доступная конфигурация над полом зала. В иных случаях три уровня можно сложить в один. Базовый диаметр сцены – десять метров. Расширения еще два раза по пять. Высота уровня варьируется, максимальный подъем до двух с половиной метров.

Три уровня на экране сомкнулись в ровную круглую площадку.

– Понятно, – сосредоточенно кивнул наш капитан.

– Стандартно третий и второй уровень используются для доставки на сцену реквизита из помещений под сценой. У вас что-то габаритное есть?

– Фортепиано.

– Тогда помещаем на третий уровень фортепиано, – защелкал мэтр мышкой, пока на экране не показалась картинка поднимающегося из-под земли музыкального инструмента. – Выступление вы можете начинать на любом уровне.

– А как мы туда попадем? – заинтересовалась Света, неведомо как оказавшаяся за нашими спинами.

– Пауза между выступлениями две-три минуты. Вас отведут под сцену.

– Не беспокойтесь, там дорога буквально в одну минуту! – подсказал Игорь.

– Арена защищена от Силовых техник по максимально возможной планке, – указал мэтр на декорированные плиты, почти сливающиеся с полом и замыкающие периметр вокруг внешнего уровня сцены на расстоянии пяти метров. – Купол безопасности идет вверх до уровня сорока метров и замыкается полусферой над головами. Попадание Силы в пространство барьера вызовет визуальный эффект радужного всполоха.

– Негласно подобные эффекты считаются признаками недостатка контроля и показывают участника с плохой стороны, – последовал комментарий от организатора.

Ребята сосредоточенно кивнули и посмотрели на меня. Пришлось успокаивать ответным кивком – сама арена почти двадцать метров да еще пять метров до барьера, вполне достаточно. Для всего.

– Сейчас нам остается согласовать реквизит, который вам нужен на сцене. Пожелания по освещению. – Тихомир задумчиво наклонил голову. – И музыку, разумеется. У вас она на диске?

– Мм... – слегка замялся Пашка.

– Можно просто название песни, мы организуем.

– Нам не требуется музыка, мы сами, – указал Артем на футляр со скрипкой.

– Значит, стойки для микрофонов? Беспроводные?

– Тоже – не надо, – поджал он губы. – Встроенные усилители.

– Хорошо, – покладисто качнул головой Тихомир.

– Ребята, а если вас не будет слышно в зале? – забеспокоился Игорь.

– Будет. Все услышат, – уверил я его.

– А шум толпы? Щелчки затворов фототехники? Учтите, выступление только одно! – попытался он нас застрашать. – Можем на всякий случай организовать фонограмму.

– Серьезно, нет необходимости.

– Живой оркестр?

– А тогда какой в наших репетициях смысл?

– Хорошо, – сдался Игорь, чуть подумал и добавил: – Я могу довести до судей, что вы выступаете с живой музыкой. Думаю, это прибавит шансов.

– Вы нас этим очень обяжете, – незаметно переложил я пачку денег из своего кармана в его руку.

Игорь вновь смущенно покраснел и опасливо огляделся по сторонам.

– Сделаю все в лучшем виде.

– С кем могу обговорить освещение? – покосившись на часы, уточнил Тихомир.

Вызвался Паша, довольно толково обрисовав, что нам может потребоваться. Затем не менее толково вмешался Артем, добавил веское слово Федор, парой жестов поправила композицию Светлана, и все это одобрил я.

– Пойду вносить в техническое задание, – удовлетворенно потянулся мэтр, захлопнул ноутбуки и утащил с собой.

Охнул, глянув на часы, Игорь и заторопился следом.

– Буду через полчаса! – крикнул он на прощанье, распахивая дверь и впуская внутрь гул далекой музыки. – Конкурс уже идет вовсю!

– Так, – лязгнул голос за спиной.

Оставшиеся с удивлением обернулись на Федора, проследили за направлением его взгляда и выдохнули с не меньшим возмущением.

– Она даже не переодевалась! – повернулся к нам брат, указав на Свету, невозмутимо рассматривающую стену.

Девушка красовалась в прежнем наряде, бесспорно ей идущем, но...

– И как это называть? – скопировал Федор интонации папы, уперев руки в бока.

– Это принцип Шредингера, – сочувственно хлопнул его по плечу Артем. – Вне зоны видимости девушка может быть с одинаковой долей вероятности переодета и не переодета. Поэтому всегда учитывай оба варианта, планируя совместное время.

– И они все такие? – обреченно уставился брат на нашу танцовщицу, спокойно прошествовавшую обратно в гримерку.

– Хочешь понимать девочек – учи квантовую физику, – наставительно поднял палец вверх наш скрипач.

– А с чего лучше начать? – заинтересовался Паша.

– С переодевания, – разогнал я их, указав на сундуки с одеждой. – Нас уже время поджигает, а там, за стенкой, вообще может не освободиться.

Народ поинтересовался временем на часах Артема, охнул и в бодром темпе рванул к личным вещам.

Ребятам – черные фраки с серебристым узором школьного герба у сердца; белыми рубашками и красной бабочкой; лакированные до зеркального блеска туфли, золотые запонки и горсть перстней, щедро насыпанных Федором. Мне – серебристый костюм, белоснежные ботинки, серебристые запонки и набор личных колец, разбавлять которые брат посчитал ненужным. Герб вышит красным, рубашка расстегнута на одну пуговицу.

– И долго вы? – недовольно пропел Светин голос.

Реплика справедливого возмущения застряла в горле, стоило к ней повернуться. Рядом тяжело сглотнул Пашка.

Белое с серебром платье, украшенное алым кантом, невольно приковывало взгляд. И это – с учетом того, что мы видели его не единожды, а значит, дело наверняка заключалось не только в нем, но в таланте его носить. Будто не многослойный отрез ткани на плечах, а сама зима завернула девушку в наряд из выюги, на котором алое смотрелось нетронутыми зимними ягодами на снегу – признаком лютой зимы. Ледяная тиара из серебра с алмазами и холод в глазах, от которого сердце давило чувством несуществующей вины. Белый грим на лице, черные брови и яркая подводка губ, нанесенные специально, чтобы компенсировать расстояние до зрителей, но одновременно – преображающие облик в нечто нечеловечески бесстрастное. Шлейф платья, украшенный квадратами

фольгированной ткани и обернутый десяток раз от пояса и ниже, смотрелся утренней изморозью. В танце этот край должен был разматываться и подпадать под острое лезвие, взлетая от резкого движения вверх, чтобы доказать опасность замысла и украсить номер. Сейчас кольца нет, потому и резать нечем. Хм, интересно, а если Звездочками?...

– Боже мой, надеть и снять брюки – это ведь сорок секунд! – закатила Света глаза и с неудовольствием прошествовала обратно в свою гримерку.

Простым словом «шагать» назвать эту походку уже было нельзя.

– Не, это ж надо, а? – как-то не всерьез возмутился Артем.

– Ага, – выдавил из пересохшего горла Паша.

– Не, такую Снегурочку лучше не звать, – высказал свое веское мнение Федор.

– Это почему? – повернулся к нему капитан.

– У такой дедушка вообще никакие стихи слушать не будет. И чужие подарки заберет.

– Она приходит со словом «вечность» в качестве подарка, – меланхолично произнес Артем.

– Тоже верно, – невольно согласился Пашка, с опаской глядя в сторону Светы.

– Ерунду говорите, – рубанул я. – Отличное платье и образ отличный. А Света – добрая. Все, собрались. Прокатываем номер еще один раз и выходим.

– Не успеем, – деловито провел скрипач рукой по часам. – В любой момент Игорь придет и все испортит. А это стресс и неуверенность в себе. Почти диверсия, я считаю.

– Лентяй, – заклеил я его отговорки, но в итоге махнул рукой.

Не хочет – так ведь не заставить. Да и готовы мы, и если даже мне уже не надо контролировать движения тела, то ребятам с их многолетними навыками – тем более.

Игорь появился через десяток минут, оглядел нас с довольным видом, удостоверившись в готовности. Затем попытался заново познакомиться со Светой, с неким недоверием и нежеланием приняв тот факт, что это та же девушка, что нас сопровождала.

– Идемте за мной.

Последовали знакомые переходы лестниц, как-то внезапно сменившиеся широким коридором с алой дорожкой и потолками в десять метров, украшенными монструозными конструкциями хрустальных люстр.

В глазах рябило от отполированной позолоты, голова только и

успевала крутиться, пытаясь рассмотреть ростовые портреты в официальных мундирах, развешанные по стенам.

– Не вертите головами, – прошипел Артем сквозь зубы.

– А почему?

– Выглядите деревенщиной, а тут могут быть камеры. Ведите себя так, будто по таким местам по сто раз на дню ходите и вам скучно. Вон у Светы берите пример.

– Но интересно ведь? – искренне не понял я.

– Не принято, – обреченно выдохнул он. – Мне, может, тоже интересно.

Пришлось соответствовать, развивая периферическое зрение. А потом и действительно надоело – слишком много одинаковой роскоши, будто бы собранной отовсюду напоказ.

– Наш подвал напоминает, – как-то уловил мои мысли Федор после того как мы прошли через комнату, заставленную огромными, затейливо украшенными вазами.

– Это коллекционная керамика! – тихонько возмутился Артем.

– Потому и выбросить жалко, – вздохнул брат.

Игорь все это время привычно освобождал нам путь, двигаясь на несколько шагов впереди.

О верности пути намекал нарастающий шум музыки, басами отдававшийся в дрожи стен. Да и людей прибавилось – в основном в одинаковых черных костюмах, стоящих по двое на поворотах и возле массивных дверей между переходами. Я принялся было считать повороты, размышляя, не водят ли нас кругами, когда Игорь замер возле двухстворчатой двери из темного дерева и развернулся к нам с видом загадочным и торжественным.

– Всего один шаг до победы! – пропел он лозунг, но тут же поправился: – Но участие – тоже немалая победа! То есть я хотел сказать – принять участие тоже важно... Вернее, победа – главное, но быть в числе...

– Короче.

– В общем, сейчас выступают Шуваловы, затем Еремеевы и потом вы.

– Извините, Еремеевы или Еремеева? – посчитал я важным уточнить.

Игорь сверился с блокнотиком, достав из внутреннего кармана пиджака.

– Еремеевы, – уверенно подтвердил он.

– Интересно...

Наверное, потому ее и не было ни в автобусе лицеистов, ни на их платформе.

– Располагайтесь на крайних местах первого ряда и отдыхайте. Не стоит беспокоиться, вас проводят под сцену, когда придет время. Удачи! – распахнул Игорь одну из створок и первым нырнул в полумрак, пропитанный энергией музыки и напряжением зрителей.

– Идем? – робко полуспросил, полупредложил Паша.

– Вперед, – хлопнул я его по плечу. – Веди нас к победе.

Друг улыбнулся и вступил в зал. Следом прошел Артем, затем Светлана и Федор, а мне последнему пришлось буквально проталкиваться внутрь, потому что команда отчего-то застряла прямо на входе и не желала идти дальше. Дождавшись вместо пояснений слова «тише!», пробрался вперед.

На фоне гигантского полотна, изображавшего морскую гладь, в декорациях разбитого корабля, под музыку, созданную из чистого восхищения, танцевала босоногая девушка в простом наряде из домотканого полотна. Танцевала с дельфином, плывущим в рукотворной морской волне, закрученной вокруг него.

Девушка не была просто рядом с дельфином, не давала ему команд. Она существовала в одном танце с ним, продолжая движение рядом с волной, с удовольствием ловя брызги и со счастливой улыбкой протягивая руки ввысь, когда дельфин перелетал над сценой из одного участка воды в другой, создаваемый будто бы из ничего, и вновь кружась с ним в единении двух несовместимых стихий.

Хотя нам с нашего места – входа у самой сцены – было видно, что на втором уровне, встав по четырем сторонам света, поддерживают волну четверо ребят, по пояс стоящих в импровизированном бассейне, одетых в черное, оттого наверняка невидимых из зала в засветке прожекторов, задействованных в необычном танце. По их жесту вода опускалась за уровень сцены и появлялась вновь, подхватывая партнера девушки в объятия морской волны, создавая на сцене настоящее чудо, невозможное и неповторимое.

– Подумаешь, дельфин, – заворчал я на себя, обнял ребят за плечи и буквально силой отвел к пустующему ряду кресел.

– Это невероятно, – шептал Артем, позволив себя отвести, но не отрывая взгляда от сцены.

– Мы проиграли, – поник Паша.

– Мы еще даже не выступили, – стегнул я его словом и силком усадил в кресло. – А ты уже рыбе сдался.

– Дельфин – это млекопитающее, – поправил меня брат, самостоятельно, в стиле краба, добравшийся до места.

К счастью, Света выбрала крайнее кресло в ряду, и вся команда продолжила просмотр со штатных позиций.

– Все равно тигры лучше, – буркнул я.

Несмотря на ворчание, зрелище действительно завораживало. А если сравнить с тем, что придумали мы, то слегка расстраивало. Следовало что-то немедленно менять, чтобы не потеряться на фоне увиденного.

Забрезжившие идеи заглохли в шквале обрушившихся в сторону зала аплодисментов, знаменующих завершение танца. На сцену для поклона вышла вся команда, и даже дельфину хватило места – в рукотворном столбе из воды, который ребята без напряжения вели вслед за собой.

– Тем более что их шестеро, – нашел я недостаток, на фоне оваций это прозвучало слабенько и неуверенно.

– Стихия их клана, – явно не расслышал меня Артем. – Вода! Плавать учатся раньше, чем ходить! В море с ними лучше не связываться!

Ребят на сцене объявили поименно – в свет прожектора вступил импозантный конферансье в возрасте вместе с молодой ведущей. После короткого обмена фразами они обратили свой взор на уровень судей, с радостью, поддержанной залом, отмечая зажигающийся свет в комнатах, озвучивая имена уважаемых арбитров и ведя нехитрый подсчет итоговой оценки, которой наверняка суждено было быть высшей.

– Эй! – возмутился Федор, так и не увидев ни огонька в последнем, одиннадцатом, блоке окон.

– Десять баллов, уважаемые дамы и господа! Поприветствуем команду еще раз!

– Он там вообще живой, нет?!

– Говорят, князю Виду больше трех сотен лет, – меланхолично отметил Артем, который, как и Пашка, от увиденного поник.

Наверное, расстроился еще потому, что у нас нет декораций – мы просто не знали о том, что они возможны. Уверен, в документах у Артема не было и намека на них, но чувство ответственности, крайне сильное в нашем скрипаче, сейчас наверняка царапало его душу фразами «я ведь мог поинтересоваться и мог догадаться сам».

– А разве возможно жить так долго? – удивился Паша.

– Жить – нет, – коротко ответили ему и цыкнули на уточняющий вопрос – начинался новый номер.

– На сцене – Ника Еремеева и ее команда!

Сердце защемило неведомым доселе чувством, а тело само подалось вперед.

Глава 22

Медленно таяло освещение, угасая подобно солнцу. Белый свет прожекторов сменился устало-желтым, а затем и тускло-красным, рисуя отсвет последних секунд дня. Неведомо откуда налетел холодный ветер, повлекший за собой шорох песка, рассыпаемого из горсти. В зале наступала восточная ночь – столь же холодная, сколь жарок бывает в пустыне день. И настолько же внезапная, как поворот рубильника.

Зал рухнул во тьму. Лишь светили далекими звездами искорки нагретых ламп. Но совсем скоро выступили новые звезды – на полотне за сценой, появляясь под еле слышный ритм, сотканный из шума никогда не спящего города.

Но в музыке появился устойчивый мотив, и картина звездного неба двинулась вперед, будто сцена спешила навстречу звукам, пролетая над городом, но не давая на него посмотреть.

Словно чувствуя наше недовольство, сцена повернула к горизонту, на секунду ослепив огромной полной луной, взошедшей над черным горизонтом. А чуть ближе резко очерченными контурами виднелись два женских силуэта, девушки любовались ночью из башни, увенчанной четырьмя колоннами с массивными фонарями. Сцена медленно подняла их ввысь, луна поспешила занять свое место над горизонтом, давая иным краскам, кроме белого и черного, вернуться обратно в мир. Зажглись фонари, окрашивая теплым светом длинное белоснежное платье на девушке слева. Бронзой сияла открытая спина той, что справа. Ее платье в тон подруге и столь же длинное – порыв ветра струящимися лепестками поднял полы нарядов над землей. Правые руки синхронно отвели вправо, поигрывая распахнутыми веерами.

Какая из них она?

Музыка звучала уже отчетливо, струны перебирали пальцами и тоскливо терзали смычком. В ней больше не было равнодушия и меланхолического спокойствия, она наполнилась неясной тревогой и предчувствием. Резко забил барабан, заставив вздрогнуть. Ритм изменился – смычки рвали струны, не переставая, будто некто торопливо приближался в ночи. Тоскливый женский голос вплелся в музыку, заставив девушек резко обернуться и посмотреть вокруг.

– Ника! – тихонько вырвалось у меня, стоило увидеть лицо той, что справа.

– Так неудобно смотреть, – попытался пригнуться Паша, чтобы моя ладонь не закрывала ему вид.

– Она почти не одета! – произнес я возмущенно.

Подумать только, такой откровенный наряд!

– Ты влюбился, что ли? – использовал подлый прием Артем.

Из-за чего пришлось убрать ладони и сесть на них, чтобы доказать, что вообще – нет.

– Смотри! – встревоженно шепнул Федор.

А вот и причина тревоги – еле видимый в свете фонарей, со второго уровня пробирался вверх человек, замотанный в черное.

– Убийца, – вздрогнул Паша, разглядев тусклый отсвет на клинке.

И в этот миг человек будто взлетел ввысь, ударив Нику наотмашь – и та буквально в последний момент успела повернуться!

Музыка звучала в такт моей злости и биению сердца.

– Сиди тихо, – удержал меня Артем и злобно зашипел: – Это просто номер!

Но я же видел кровавую царапину, что выступила на идеальной спине! И убийцу, что картинно замер и вновь занес клинок!

– Ох, – донеслось от Светланы восхищенное.

И мы тоже замерли в восторге непонимания. Кровь на спине осыпалась алой пылью, а под ней – бледная полоса кожи! Чистой кожи!

– Целитель, – замороженно произнес Артем, забыв, что меня надо держать.

Но мне тоже требовалось время для осознания увиденного. Потому что так не бывает. Даже несмотря на то, что хочется, чтобы было.

А события на сцене и не думали держать трагическую паузу – вновь взлетел клинок, но на этот раз его на излете встретил веер увернувшейся девушки. Клацнул металл спиц вокруг клинка, уводя в движении за собой, и тут же с резким разворотом танцовщица ударила ассасина в шею, сбрасывая со сцены в темноту.

Выдох сам собой вырвался из грудной клетки. И тут же воздух в легких замер вновь – в тревожном проигрыше музыки показались еще двое наемников, почти подобравшихся к вершине. Но добыча уже настороже – и клинки встретил отпор стальных вееров, что складывались и разворачивались в хрупких руках, движимые таинственным, завораживающим волшебством. На сцене битва обрела форму танца, в котором битвы было гораздо больше, а ошибки отражались красными росчерками царапин на руке и спине Ники – ее подруга в этой схватке оказалась слаба, ее движения картинно запаздывали, вынуждая жертвовать

собой, чтобы клинок не достиг тела союзницы. К счастью, раны были несерьезными, и кровь осыпалась пылью, вызывая облегченные вздохи у зала, пораженного разыгравшимся действием.

– Должен быть третий, – прошептал я напряженно, вглядываясь в темноту под сценой.

Я не верил в его смерть, этому танцу недостаточно драмы. Но я боялся, что замысел обернется трагедией.

И я нашел его – он крался из дальней части сцены, заходя девушкам за спины. Предупреждающий возглас не успел – убийца всадил нож в спину девушки в белом наряде. Тоскливый возглас облетел зал, и прожектор залил алым убиенную, окрасив цветом платье и место вокруг. Ника рвалась к подруге, но двое противников, наседавая с новыми атаками, не давали ей пройти к тому, кто картинно добивал свою жертву.

Танец становится быстрее, движения – резче. Партия Ники теряла плавность защитных уловок и мягких блоков. Она все чаще принимала клинки голой кожей, но и ее атаки казались смертоносными – и убийцы один за другим летели со сцены, заваливаясь от резких ударов в глотку и глаза. Третий убийца, в испуге застыв над своей жертвой, попытался бежать, но ветер бил ему в грудь, опрокидывая на ту, что оказалась сильнее. Ника пропустила его, и веер картинно обозначил движение по горлу. На сцене более не было живых, кроме нее.

Ника склонилась на подругой и нежно взяла ее на руки. Свет прожектора выплеснул красное с платья партнерши на ее колени и руки. Не было причин сомневаться, проверять пульс или искать признаки дыхания. Девушка и не искала. Она просто прижала ее к себе, закрыла глаза и гордо подняла голову вверх. Ника стояла неподвижно, пока яркая вспышка света не озарила ее и подругу, на секунду ослепив зал. И будто по волшебству девушка, что считалась мертвой, робко подняла голову и с искренним удивлением посмотрела на мир вокруг, вздрогнула от вида убийц и с благодарностью остановила взгляд на Нике. Она обняла подругу руками, спрятала лицо на ее груди и содрогалась от плача, в котором перевились страх и счастье.

Луна на сцене зашла за тяжелые облака. Фонари уплыли вниз, и неведомый наблюдатель, глазами которого мы смотрели на эту сцену, вновь перевел взгляд на тусклые звезды. Музыка стихла, вновь сменившись шорохом песка вечной пустыни.

А мгновением позже зал взорвался восторженными криками и аплодисментами.

– Зря ты ее пригласил, – хлопая в ладоши, наклонился к моему уху

Артем.

– Почему? – прокричал я через гул.

– К Целителю сейчас очередь из женихов выстроится, – сочувственно произнес он. – Особенно после такой рекламной акции.

– Какой еще рекламы? – возмутился я.

– Никто не тратит двести миллионов просто так, – покачал он головой и встал вместе с залом для приветствия выступающих.

На сцену вышла вся команда, но вновь по имени называли только Нику, обозначив остальных «и команда». Наверное, это что-то значило. Но думать вообще ни о чем не хотелось. Вернее, хотелось знать ответ на один вопрос – но его я сейчас и так получу. Ника все равно будет выходить мимо нас. Такой порядок, потому что Шуваловы выходили с другой стороны.

– Внимание, оценки! – пролетело над головой. – Один... Два! Владетельный Куомо... Три!.. Сиятельный герцог Бюсси! Хозяин трона из черепов Мгобе! Вестник Неба на Земле Ли! Отец духов Кри Паундмейкер... Великий раджа Миттал! Десять! Будет ли побит рекорд этого дня?!

– Вот сейчас что ему не так?! – возмущенно всплеснул руками Федор, так и не дождавшись вместе с остальными света в последнем, одиннадцатом окне.

– Ребята, пора готовиться, – неуклюже приседая, прокрался к нам Игорь.

– Одну минуту, – попросил я его.

– У нас нет одной минуты! – возмутился Паша.

– Одну минуту, – чуть строже попросил я, терпеливо глядя на сцену и на то, как раскланивается команда.

Через десяток секунд ребята спустились со сцены, еще раз помахали руками зрительному залу и спокойно зашагали к выходу – как и предполагал, к тому, что располагался рядом с нами.

Я встал с места и внимательно смотрел на Нику. Узнает? Узнала.

Шаг девушки замедлился, взгляд встретился с моим. Замер на секунду, а затем равнодушно скользнул по рядам ввысь.

– Сочувствую, – похлопал по плечу Артем, стоило Нике и ее команде исчезнуть. – Не расстраивайся. Это жизнь.

В груди было холодно. Выстужено и проморожено.

– Ребята, у нас график! – волновался почему-то Игорь.

Зачем он переживает? Я не могу проиграть. Той девочке из детства с мороженым на берегу теплого озера и неловкими, но искренними извинениями – мог бы уступить. Но ее больше не существует.

– Идем? – предложила руку леди Зима.

– Идем.

Рядом зябко поежился Игорь.

– С тобой все в порядке? – уцепился за руку Федор, тревожно посмотрев мне в глаза.

И наваждение холода исчезло, будто не было.

Я ведь здесь для другого. И даже цель – вовсе не выиграть. Цель – она в дружбе и в том, чтобы эту дружбу через соревнования пронести и сохранить. А уже для этого надо выиграть соревнования. Победа – всего лишь путь к цели.

– Квантовая физика – вообще не мое, – вырвалось из груди искренне и невпопад.

Ребята выдохнули с видимым облегчением.

– А ее вообще редко кто понимает, – махнул рукой Артем, двигаясь в указанном Игорем направлении. – Обычно только к старости, да и то не всегда.

– И как же тогда жить? – обеспокоенно зашагал рядом Пашка.

– Как говорит теорема Белла, если две частицы связаны, то никуда они друг от друга не денутся. Ищи свою частицу.

Паша пристально и с интересом посмотрел на Свету.

– Но не здесь и не сейчас, – припечатал Артем, придавая Паше ускорение рукой в спину.

Нас вели чуть в сторону от выхода и ближе к сцене, за гигантское полотно экрана. Справа высились массивные колонки в рост человека и металлические фермы, увитые проводами, приборами со смутно угадываемым назначением. А сам зал технической части тянулся еще на добрую сотню метров внутрь. Но нам туда было не надо.

– Уважаемые дамы и господа! Последнее выступление первой половины дня! – прозвучало за спиной до того момента, как неприметная дверца у стены плотно закрылась за спиной.

Нас уже ждали – пришлось изрядно прибавить скорости, буквально пробегая по выкрашенным в желтый и зеленый коридоры, краем глаза отмечая попытки устроителей все тут облагородить и украсить. Но аскетизм места, где зарождалось чудо, достойное сцены, неохотно пускал в себя роскошь, делал ее вид нелепым и ненужным в залитых белым светом подземных помещениях. Всюду сновали люди, с любопытством поглядывая на наш бег – это те, чья работа уже завершена или начнется после нас. Другие, кто непосредственно отвечал за выступления, пытались консультировать на бегу и подсовывали планшеты с бумагами на

рассмотрение и подпись. Всех их как-то незаметно завязал на себя Артем, умудряясь читать одновременно два листка, держать футляр от бессменной скрипки, отвечать на вопросы и бежать в том же темпе, что и мы. К слову, работники выдыхались довольно быстро и со всем соглашались.

– А удобно, – задумчиво хмыкнул скрипач, стоило очередному «консультанту» полузадушенно согласиться, что обедать со всеми мы не будем и нам вместо обычной машины после выступления вполне подойдет вертолет.

– Так, все, сцена, – опираясь руками на колени, выдыхал слова Игорь, глядя на конструкцию в круглой комнате. – Осторожнее, двигаемся только по дорожкам.

Махнув рукой, Долгорукий указал на в общем-то единственные пути движения, окрашенные в желтый. Кроме них пола как такового в помещении не было – через дыры проглядывал подъемный механизм, отчетливо пахнувший металлом и маслом. Рядом с входом обнаружился широченный пульт механиков, оборудованный двумя рядами экранов, захватывающих как сцену со всех ракурсов, так и виды на всю подземную машинерию. Техники подсунули Артему под нос очередную бумажку, дождались задумчивого кивка, отняли листик обратно и полностью потеряли к нам интерес.

– Фортепиано есть, – облегченно произнес Пашка. – А как оно будет видно со сцены? Справа или слева?

– Справа.

– Сойдет, – согласился он и внезапно оробел, встав перед дорожкой соляным столбом.

– Так, отставить панику, – затряс я его за плечо. – Вон Федор даже не переживает.

– Пф, – с демонстративным пренебрежением отреагировал брат. – Это ж не прививка!

– Вот.

– Если страшно, – начал успокаивать Артем, обняв Пашку за плечо, – то представь зрителей голыми. Говорят, помогает.

Паша с оторопью поднял взгляд и отчего-то посмотрел на Свету.

Та звонко отвесила ему пощечину.

– Работает, – сосредоточенно кивнул капитан и сел за фортепиано.

Сверху уже гремело объявление нашей школы и княжества. Вот только странно – ни одной фамилии.

Примерно прикинув, где сцена, мы заняли свои места и дали отмашку Игорю, стоявшему рядом с пультом механика.

– Удачи! – прозвучало под гул подъемных механизмов и шелест отъезжающего в сторону потолка.

– И вам тоже!

– А им зачем? – заинтересовался Пашка, поднимая крышку инструмента.

– Мало ли что, – с сомнением произнес я.

– Ребята, ничему не удивляйтесь, – сосредоточенно произнес Артем, освобождая скрипку от чехла. – Если произойдет... всякое, не останавливаемся и доигрываем. Не забывайте, если что – нас ждет вертолет!

– Золотые слова, – растроганно всхлипнул я.

Над головой уже добродушно шумел зал.

– Фортепиано готово! – солидно доложил Федор, отходя от Пашки и поднимая с пола свои инструменты. – Маракасы готовы!

– Всегда готов! – отозвался я.

– Вертолет – это хорошо! – поддержала переключку Света.

Через десяток секунд сцена замерла в выжидающей тишине. Лиц не разглядеть, но внимание ощущалось всей кожей. А еще – кроме него что-то давило на плечи, откусывало часть воздуха от дыхания и размывало пыль, подсвеченную прожекторами в воздухе.

«Защита», – пришла мысль одновременно с первым аккордом фортепиано.

Предложить Свете руку и дать ей простор в танце, не мешать. Я не умею танцевать – но она умеет за двоих!

Света выразительно посмотрела на меня. Ах да!

Из рук родилась одна Звездочка и сделала вокруг нас оборот. И еще одна, еще несколько – пока не замкнулся круг, двигаясь вслед за нами, продолжая композицию и завершая ее.

Из зала послышались жиденские аплодисменты. Слишком тускло? А если сделать ярче?

Звездочки моргнули, вспыхнули, но тут же потухли до половины яркости – будто что-то вытягивало из них Силу. Но у меня ведь ее – океан!

А тут и партия скрипки вступила, и на душе сделалось пронзительно-радостно. И будто бы вновь начало дышаться полной грудью, и больше не тянуло плечи вниз невидимым грузом. И мир вне сцены стал совсем невидим в сиянии ярких точек.

Да и зачем на него смотреть – ведь любоваться Светланой гораздо интереснее. Вот для кого танец – не испытание, а счастье. Ее движение словно рождалось само, не требуя контроля и усилия. Вот она шагает,

пропуская под подошвой линию круга, вот закручивается с закрытыми от удовольствия глазами, вот... Расстегивает тайный механизм, который должен потихоньку отматывать край платья, чтобы лезвие кольца его срезало! А кольца нет!

Справимся, главное, улыбаться и не подавать вида. Мерно звучит фортепиано, мурашками по коже отзываются маракасы, пронзительно вплетается в происходящее голос скрипки. Вьется ткань у ног, мелькает свет вокруг – и в этом свете на мгновение сверкает отрезанный кусочек фольгированного полотна. Получилось! – бьется в сердце, и тут же радость сменяется недовольством – в ярком свете полет крошечного фольгированного обрывка почти незаметен. Интересно, а можно сделать так, чтобы его заметили?

Свет – чуть тише. Чтобы было видно! И от круга отрывается крошечный разряд, ударяя в лоскут и поднимая его ввысь!

Я не контролирую это, я прошу у Звездочек, а им несложно. Так же, как и двигаться, чтобы наши ноги переступали через них.

Вновь обрывок ткани мелькнул в свете – и снова крошечный разряд от круга не дал ему упасть, со вспышкой откинул чуть дальше. И тут же – подхватил первый. А потом и еще один! И еще! Скоро треск стал заметен, и его пришлось вплетать в ритм музыки, выбивая вспышками паутины ритм молний. Целый океан искр вокруг нас! И счастливый смех Светы, который дороже всех аплодисментов в мире!

Последний аккорд воспринял уже с неким неудовольствием – эмоции затянули, радость переливала через край, хотелось двигаться дальше! Успокаивало одно – сразу после танца полет в деревню и вареники.

Мир вспыхнул искорками в последний раз. В глазах медленно исчезли радужные и световые разводы – надо только проморгаться потщательнее. Исполнили последний элемент на сегодня – поклон. И внимательно прислушались к аплодисментам. А их нет.

– Не понял? – протерев глаза кулаками, с изумлением обзрел пустой зал.

– А где все? – громко спросил удивленный Артем.

– Так это, – раздалось с другого края, возле самого выхода для гостей. – Эвакуация, стало быть.

– Какая еще эвакуация? – возмутился я. – Что случилось?

– И почему нас не предупредили? – в тон мне возмутился Артем. – Мы тут выступаем, а у них ЧП!

– Так это, стало быть, пробой высшего уровня защиты, стало быть... – откашлялся собеседник. – На сцене, стало быть. Вот всех и эвакуировали.

– А вы почему тут? – с сомнением поинтересовался я.
– А я из гардеробной, это самое... – хмыкнул он. – Я-то уйду, а если сопрут кто чего?

– Ясно, – задумчиво протянул я.

– Ребята, смотрите, – пересохшим от волнения голосом просипел Паша, показывая рукой ввысь.

И только после этого мы обратили внимание на трибуну судей, залитую светом.

– Семь, восемь, – не веря, сияя от счастья, шептал Федор вслух, – девять, десять...

Возле окон, размытые оптикой стекол, стояли арбитры. И, будто заметив наше внимание, демонстративно аплодировали.

– Одиннадцать? – словно не веря, с удивлением произнес брат.

За одиннадцатым стеклом не было никого. Пустая, сияющая светом комната. С бронестеклом, покрывшимся сеткой от чудовищных по силе ударов. Будто кто-то ломился изнутри.

– Одиннадцать, – с удивлением обвел нас взглядом Артем.

– Одиннадцать, – повторил за ним Паша.

– Одиннадцать...

– Ребята, вертолет! – нетерпеливо напомнила Света.

– А? – обернулся к ней капитан.

– Кто-то сломал защиту. И выжег все прожектора, – указала она жестом на отчего-то не светящиеся лампы. – И слегка подпалил экран за сценой, – последовал еще один жест в сторону желтоватого в коричневую крапинку полотна. – И...

– Ребята, вертолет! – подхватил я товарищей и повел к выходу.

Перед трехэтажным домом царила деятельная суета, созданная тремя десятками коробов и страшно недовольным стариком, таскающим их с кухни во двор.

– Еще никогда! Никогда в моей практике преподавателя! – доносились возгласы в те периоды, когда старик выныривал из дома, чтобы поставить очередную шикарно и волнующе благоухающую коробку на заранее подготовленную ткань. – Никогда в моей жизни!

Наверное, если пройти за ним внутрь дома, то можно узнать, что именно – «никогда», но Михаилу было слегка боязно. Оттого он наблюдал за происходящим с безопасного расстояния. Позади стратегически грамотно разместились дочери, с любопытством поглядывая из-за спины, и Брунгильда, успевшая вымахать до такого размера, что удерживать ее от

«вкусного запаха» приходилось вдвоем.

«Интересно, какой она породы?» – мельком пролетело у Михаила в голове, но тут же было сметено очередным «никогда».

– Никогда в жизни у меня не было такого ученика! – поставив последнюю вынесенную коробку на другую, провозгласил старик. – Пропадает черте знает где! Возвращается с какой-то баб... бабушкой! Громит сцену! И что я слышу после всего этого?! «Пришлите тридцать этих замечательных шоколадных тортов?!»

Нет, Михаил понимал причину такой бури эмоций. Он, в принципе, и сам переживал за сыновей. И тоже давал свою оценку их поведению. Весьма, между прочим, строгую, особенно в связи с путешествиями без взрослых! Куда только Долгорукие смотрят! А князь?! А сами ребята?!

Но у него совершенно не укладывалось в голове, что их домоправитель, уже ставший практически незаменимым членом семьи, все-таки сделал эти торты. Сразу же! Все тридцать! Что как-то не очень вязалось с той волной гнева, что изливалась на всех доступных для окружающих звуковых волнах.

– За всю мою практику такого не было! – воскликнул старик вновь и требовательно посмотрел на дорогу, пока еще пустую.

– Может, я сам вас отвезу вместо такси? – робко предложил Михаил.

– Не надо беспокоиться, – буркнул тот. – У меня все равно дела в городе. На пару дней.

– Да мне совсем не сложно...

– Вон, уже едет, – кивнул домоправитель в сторону роскошного лимузина. – Сюда заворачивай! – махнул он рукой.

Из черной машины выскользнули услужливые водители и заспешили к коробкам.

– Руки! – рывкнул старик так, что мужчины подняли руки над головой. – В смысле сам загружу, еще помните, – ворчливо поправился он.

Один из них тут же ринулся открывать багажник, а второй – дверь в салон.

– Надо будет спросить номер такси, – цокнул Михаил, оценив сервис.

– Уроки делать! – напоследок гаркнул наставник, указав пальцем на воспитанниц.

Кивнула даже Брунгильда.

Машина медленно покатила со двора. Грустно вздохнул Михаил – как бы он хотел навестить сыновей! Но, как объяснил наставник, даже его со всеми связями и сетью благодарных учеников к участникам вряд ли пустят. Вот торты – те да, доставят. Позади так же грустно вздохнули дочери –

тоже скучали. Ладно хоть Брунгильда есть в качестве источника шума, иначе в доме стало бы совсем тоскливо.

Михаил отправил дочерей в дом, прошелся до калитки, затворил ее, походил по совсем пожелтевшему саду, скрипнул ступенькой лестницы, ведущей в домик на дереве, и с непонятным тянущим ощущением в душе вернулся в здание. Странно, вроде огромная площадь, но для троих с собакой – тут совершенно пустынно, а для шестерых – идеально заполнено, обжито и даже слегка – по-приятному – тесновато. А ведь эти трое – старик и два школьника. Казалось бы, много ли им места надо... Вот в его сердце – там да. Дочери, жена, Максим, Федор... Особенно Федор.

Как-то незаметно для себя Михаил дошел до комнаты младшего сына и остановился возле двери. Заходить внутрь – не совсем педагогично. У сына должна быть личная площадь, гарантированная от чужих посягательств. Там, где он будет чувствовать себя комфортно, и еще уйма других слов, налагающих табу на вход без стука и ведома.

Но на душе такая тоска... И телефонный разговор только разбередил ее, а вовсе не успокоил. Тем более что сын мог оставить что-то скоропортящееся, а Михаил глянет-то всего одним глазком и ничего трогать не будет.

Решившись, он приоткрыл дверь и буквально просочился внутрь. В свете дня, пробивающемся сквозь высокие окна, виделся «хаотический порядок», непонятный пришедшему со стороны, но привычный самому отцу семейства. Все разложено по мере использования. Порядок определен расстоянием вытянутой руки. Блокноты и ручки положены в трех местах. Заготовки изделий лежат так, чтобы не сбросить случайно на пол, а нагромождение рядом с ними – это материалы для продолжения работы, чтобы не искать и не потерять мысль. Обычного подросткового мусора нет – мама научила, что чисто там, где не мусорят и убирают за собой сразу.

Михаил довольно хмыкнул и собрался было покинуть комнату, когда взгляд зацепился за ячеистое полотно с камнями, отданное Федору на прошлой неделе. Щедрый жест, желание показать, что отец всегда поддержит. Хотя, если честно, слегка избыточный – как и бывает в любом ремесле, на изделия уходит только ограниченный спектр кристаллов. Так проще, удобнее, дешевле. Нет смысла использовать нечто крайне дорогостоящее там, где подойдут стекляшка или янтарь. Федор научен этому в первую очередь и не станет предаваться расточительству.

Несмотря на это, ряд специфических камней отсутствовал. Крайне специфических, не годных ни для чего, кроме... А вот это можно было выяснить. Михаил вытянул ленту с ячейками целиком и положил на стол,

напряженно вглядываясь в отсутствующие элементы. Затем, не скрывая волнения, достал из кармана блокнот с ручкой и выписал всю гамму вновь. Резко зачеркнул, выдернул лист и еще шесть, что были под ним, из блокнота и тщательно порвал, сложив обрывки в карман. Позже он сожжет их, чтобы никто со стороны никогда не узнал часть тайны.

– Федор, не надо, – прошептал Михаил после порыва немедленно куда-то бежать, звонить и лететь самому, наплевав на все запреты.

Он доверял сыну. Доверял как мастеру, несмотря на его юный возраст. Он лично учил его и принимал экзамен. А значит, он не станет это использовать.

– Пожалуйста...

Глава 23

Волной плеснуло вино в широкий бокал. Еще одно движение, и соседний тоже наполнился темно-алым до половины.

– Бокалы неправильные, – посетовал старый князь Долгорукий, поставив бутылку на стол этикеткой к гостю.

Зато вино – самое верное, под стать уважению. Редкая партия, особый урожай, и самое важное – своя история, переплетенная с судьбами известных людей, что для ценителей не менее важно. То в погребах с этим вином кто-то прятался, то громили аббатство, добираясь до вина... Если нет темы для беседы, легко скоротать время, обратив внимание на часть прошлого рядом с гостем.

Сейчас тема была. Настолько непростая, что хотелось бы добавить – к сожалению.

Уместившись в мягком кресле, завезенном в помещение недель раньше вместе с круглым столиком, коврами, картинами, рабочими шкафами, документами, техникой и всем прочим, что способно преобразить даже гардеробную в место, достойное приема высоких гостей, князь обаятельно улыбнулся и, приглашающе кивнув, поднял свой бокал.

С другой стороны стола на улыбку не отреагировали.

Бледный мужчина удерживал взгляд черных как ночь очей чуть выше переносицы князя. Неприятное ощущение, будто сверло, приставленное к кости.

В глаза не заглядывать. Приходилось контролировать себя, чтобы внимание не перешло на нарисованные черным на голой коже усы и брови, на шапочку из темно-красного бархата, опоясанную снизу двумя рядами крупных жемчужин, или на синий кафтан с узорной вышивкой. И уж точно – нельзя отводить взгляд. Признаки слабости всегда являлись приглашением вцепиться в глотку.

Из-за стола показалась изрядно дрожащая рука. Она только обозначила движение к бокалу и тут же спряталась под столешницу.

– Ты специально так устроил, – прозвучало тяжким обвинением.

Где-то там, за небесным горизонтом, выстроились вестники войны, поднимая горны над головой и с шумом вбирая воздух в легкие.

– Кое за чем мы не уследили, – поставив бокал на столешницу, вздохнул Сергей Михайлович. – Но злого умысла в том не было. Позволишь объясниться? – примирительным тоном завершил он.

Несмотря на отвратительный характер, Долгорукий знал, когда стоит убрать свой гонор и спрятать от греха подальше старческие чудачества, представ истинным дипломатом, спокойным и доброжелательным.

Все потому, что князь Вид был еще до его рождения. И до рождения его отца Михаила. И даже до рождения деда. С учетом немалых шансов, что будет он и во времена правнуков, ссориться с таким – крайне вредное занятие. А еще они заплатили ему миллиард антиквариатом, и, если сейчас он уйдет, это станет просто катастрофой.

Особый человек, на личности которого замыкались неизменные уже третью сотню лет границы обширных владений на севере Румынии; их малоэтажная застройка, запряженные в телеги лошади на главных улицах Бая-Маре и неспешный образ жизни, как-то сосуществовавшие со всеми благами технического прогресса.

Попыток захвата его земли за эти три сотни лет насчитывалось около двух десятков. Без огонька – кроме территорий с живописной архитектурой и титула «князь», особо там брать нечего. Но многих соблазняло и это.

Воевать против человека, которому не нужно спать, да еще в его родных лесах и горах, всякий раз оказывалось крайне бесперспективно и разорительно. А когда узнавали, что припасы сожжены, добычи в бедных селах нет, жители попрятались в чащобах, и приходило время отступить – то и очень больно.

Вопреки традициям князь Вид отвечал на нападение не ответными пожарами, разграблением чужих городов и сел, а хорошей фантазией в пыточной и всякий раз отпускал сломанных и запуганных противников за выкуп. Достаточно отметить, что после его «гостеприимства» львиная доля теряла дар, а родовая ветвь пресекалась – никто не желал связывать судьбу с сумасшедшими. Страшная кара отрезвляла даже самые горячие умы, предостерег от ошибок.

Хотя пару раз подобное обращение с благородными производило обратный эффект – вместо страха и почтительного ужаса появлялось желание отомстить и объявлялся большой поход на «садиста и убийцу». Даже монархи из числа крупных неофициально поддерживали возмущенных (добрым напутствием или деньгами), с великим удовольствием за малую плату избавляясь от излишне глупых или неудобных при дворе.

Потому что убить князя Вида, конечно, можно. Но толку от этого никакого.

Никто из Долгоруких, к счастью, не сталкивался с этим лично. Но родовые хроники, хранившие копии с иных записей – украденных, взятых

как трофеи или купленных, – рассказывали: яды, огонь, удушение, погребение в земле заживо, погружение в воду, отрубание головы и конечностей очень сильно портили князю Виду характер. И крайне негативно влияли на времяпрепровождение пленных в его пыточной.

Разумеется, если вести дело всерьез и методично, то наверняка можно было сжечь тело дотла, обратить мелкозернистой пылью, привалить чем-нибудь тяжелым и отправить на самое дно Марианской впадины. Выкинуть в космос, наконец. Но приз за такие хлопоты не настолько велик, чтобы ставить под угрозу своих «виртуозов», которые для того потребуются, – а значит, и безопасность родных земель, куда более лакомых для окружающих, чем застрявшее в прошлом веке княжество.

Да и за гарантированный результат, если честно, сам Долгорукий ручаться не стал бы. Хотя бы потому, что князь Вид мог запросто покинуть свои земли на время такой облавы и вернуться чуть позже, заглянув перед этим к семьям каждого врага персонально. Возраст редко добавляет обладателю добродушия, развивая здоровую злопамятность, а уж конкретно в данном запущенном случае – тем более.

Разобраться в причинах уникальной живучести пытались многие. Но ответ пока был только у самого князя Вида. Судьбу же персонажа, поинтересовавшегося однажды: «А почему у тебя такие большие зубы?» – помнили все.

Как у каждого уважающего себя рода, у Долгоруких тоже имелась своя версия.

В мире Силы много того, о чем говорить не принято. Например, никто из физиков не возьмется всерьез изучать переходы энергии «воля» – «огонь», создаваемые одаренными. Или биохимики – те старательно игнорируют Целительство, не желая обсуждать, как мышечная ткань и кости возникают на месте поражения буквально из воздуха, а гарантированного мертвеца вытягивают из небытия без приборов и операции.

Молчат и про хвостатых обитателей подвалов, мертвых физически, но полагающих себя живыми, продолжающих свое существование в канализациях, остерегающихся людей, воюющих за пищу и пытающихся обзавестись потомством. Иногда эти создания натыкались на котов и одерживали победу. Иногда матерые коты, придя в возмущение от такого хамства, становились немертвыми и разрывали немертвую мышь. И только потом погибали сами – потому что уже их разума вполне достаточно, чтобы отдавать себе отчет о смертельном ранении и невозможности выжить. Благодаря этому проблема не выходила из подвалов на улицу.

Самая простая и разумная версия существования князя Вида состояла в том, что князь Вид считает себя живым. Не важно, что будет происходить с его телом: воля не даст ему уйти за грань.

Довольно частое явление для «виртуоза», но в ограниченной форме: часто после смертельной схватки победитель ради долга и чести заставляет себя дожить до получения медицинской помощи. Позволяет Целителю восстановить свое тело из воздуха... Или восстанавливает сам, веря в Силу Целителя? Сколько в самом Долгоруком этой пустоты?

Не те мысли, не тот градус напитка, чтобы о них размышлять. Главное, старый князь знал точно – он-то жив, и порукой тому наследники. Потому что мертвый не может дать новую жизнь. Но мертвый, что сидел перед ним, мог легко ее забрать.

– Попробуй, – промолвил после долгой паузы князь Вид.

– Нам потребуется видеозапись. – Пряча вздох облегчения, Сергей Михайлович дважды звонко хлопнул в ладоши.

Дверь тут же распахнулась, впуская тележку с широченным экраном и двух слуг, бережно вкатывающих ее по драгоценному ворсу ковра прямо к столику их сиятельств – так, чтобы экран оказался по левую руку от гостя. Хозяину с поклоном положили под правую руку механическую указку, вытягивающуюся в длину. После очередного поклона слуги покинули кабинет пятясь – спинами вперед.

Внутри рода не одобрялось показное чинопочитание и битье лбами об пол после каждого слова, но без всего этого мог бы оскорбиться уже гость.

Сжав тоненькую указку в необъятной пятерне, Долгорукий ловко щелкнул одной из крохотных клавиш на поверхности, включив изображение на экране.

– Перед нами запись выступления с восьми ракурсов. – Обозначив круговое движение, Сергей Михайлович показал на расчерченную три на три плоскость экрана. – Девятое изображение идет с камеры, направленной в зал, в том числе на судейский балкон. Разумеется, внутри вашего помещения и помещений уважаемых арбитров камер нет. Но нам будет достаточно внешних. Синхронный хронометраж – в правом нижнем углу.

По щелчку кнопки на указке масштаб изображений сменился – теперь крупными были только два, остальные семь съезжились до мелких прямоугольников по нижнему краю.

В комнате зашумело от приветственных аплодисментов, сцена с участниками поднималась из подземного уровня.

– Выключи звук, – сквозь сжатые зубы произнес Вид.

– Дело не в нем. – Предварительно поставив запись на паузу, Сергей

Михайлович все же сумел поймать взгляд черных глаз и постарался голосом и телом передать уверенность в своих словах. – Гарантирую. Смотрим?

Князь Вид с силой выдохнул и коротко кивнул.

Показ записи продолжился со звуком.

– Стало быть, это момент падения щитов, – вновь щелкнул сигнал паузы.

Кадры на правом экране несколько раз показали, как парень в очках накладывает смычок на струны и издает первый звук. На левом экране отразился вид на зал сверху, тут же приблизивший полукруг старых на вид плиток, опоясывающих сцену. Плитки в одно мгновение раскалились до ярко-белого и синхронно дыхнули плотным белым дымом. Затем Долгорукий еще раз показал те же кадры – справа движение скрипача, слева выгорание плиток.

– Двести сорок миллионов за одну плитку, – стоном зубной боли вырвалось у князя.

А еще – сцена, выжженная электроника, экран, бронестекло судейской комнаты и издержки с этой чертовой эвакуацией! Каждому пожать руку и поблагодарить за участие во внезапной учебной проверке.

Куда уж внезапней! В миг падения щитов старый князь впервые за долгие годы вспомнил о возрасте – сердечко зашло так, что хоть пить бросай. Страшная перспектива.

– Долгорукие – богатый род, – со скрытой иронией хмыкнул Вид, слегка успокаиваясь.

Потратить такие деньги и не попытаться убить его сразу – в этой логике есть весомое доказательство. Если, конечно, видео не смонтировали позже. Он проверит.

– Выжгло все, синхронно. Я так не умею. Никто так не умеет. Тем более эти пацаны, – категорично заявил Сергей Михайлович. – Стало быть... Тьфу, прицепилось... Скрипка. Артефакт.

– Забрали? – как о само собой разумеющемся поинтересовался Вид.

Хотел было положить руки на стол, но вновь с неудовольствием отметил – дрожат, и сложил на груди.

– Нет.

– Тогда я заберу.

– Ты мне друг. – Вновь приостановив видео, Сергей Михайлович отложил указку, поставил локти на стол и сцепил пальцы.

Вид иронично приподнял нарисованную бровь. У него друзей не было.

– Не был бы другом, я сейчас просто промолчал бы. Мол, хочешь

братъ – бери, – всплеснул князь руками. – Но этот скрипач – Шуйский Артем. Наследник.

– Откуда команда, я слышал. Название школы слышал. Почему не слышал его фамилии? – вновь нахмурился румын.

– Инкогнито, – провел Долгорукий рукой по благородной седине. – Плюс не капитан команды. Им заявлен наследник Зубовых.

– Не знаю такой род.

– В зале, наверное, никто не знает, – пожал Сергей Михайлович плечами. – Как таких объявлять перед отпрысками княжеской крови?

– Боишься его отца? – изобразил удивление гость.

– Нет, – изобразил пренебрежение старик. – Но так нельзя! Чтобы какой-то Зубов стоял впереди Шуйских! Это бардак! – возмутился он.

– Значит, скрипка, – задумался князь Вид.

– Именно. Но дело не в ней. Вернее, не совсем в ней. Падение барьеров сделал возможным следующий элемент, – вновь щелкнула указка, возвращая запись чуть вперед и приближая самого юного участника команды. – Самойлов Федор. Смотри за движением его инструмента.

На этот раз соседнее изображение сконцентрировалось на последнем блоке судейской трибуны – пока еще темном. Одно движение маракасов в руках мальчишки, и стекло одиннадцатого блока в тот же миг сотряс дикий удар изнутри.

– Достаточно! – слишком громко произнес князь Вид.

Долгорукий тут же выключил изображение.

– Как видишь, не в звуке дело, – примирительно повел он руками.

Вид хотел было возразить, рассказать, как в голову через уши будто заливали раскаленное олово, стирая разум дикой болью, оставляя только животный инстинкт – добраться до источника страданий и уничтожить голыми руками. Но... Долгорукий не упомянул про другой элемент ужаса.

Мелькания холодного света, жгущего глаза до крупных слез, за которыми ничего не видно. Холод в груди, страшный холод внутри мертвого человека, вытягивающий к сцене саму душу – туда, в каскад несущихся в круге огней...

Но только сумасшедший станет рассказывать о собственных слабостях. Особенно людям, которые зовут себя твоими друзьями.

– Кто дал ему это? Шуйские?

В напряженном голосе сквозила ненависть, а дрожащие под столом руки вспоминали приятную тяжесть пыточных инструментов.

– Это интересный момент расследования, – хмыкнул Долгорукий. – Мы изъяли и изучили маракасы. Мальчик оставил их на хранение, что,

согласись, крайне странно, если предполагать злой умысел. Так вот, это абсолютный новодел. Ему меньше недели.

– Кто? – раздраженно спросил гость.

– Да сам мальчик и сделал. Полагаю, случайно, сам не зная, что сотворил, – с видимым удовольствием глянул на собеседника хозяин кабинета. – Он из тех Самойловых, что потерялись полгода назад, после Багиево. Оказывается, осели у Шуйских. Вещица, которую он сделал, из класса «тень мастера». В чужих руках не работает.

– Ты посмел проверить это на мне? – Глаза напротив сузились.

– В опытах, проведенных нами за стенами изолированного хранилища, не зафиксировано статичное фоновое выделение Силы при использовании чужими, – сухо отметил Долгорукий.

Князь Вид прикрыл глаза, разрывая противостояние взглядов. Руки расслабились и легли ладонями на колени. Слишком сильно воспоминания били по разуму.

– Приношу извинения.

Долгорукий обозначил наклон головы, принимая извинения гостя.

– Что же по поводу глобального заговора, – старик показал пальцами кавычки в последней фразе. – Предлагаю познакомиться с записью из зала подготовки.

– Ты еще за репетициями конкурсантов следишь?

– Разумеется, – недоуменно посмотрел на него Сергей Михайлович и развернулся к экрану, щелкнув кнопкой на указке.

Изображение заняло полный экран.

– Ну и сарай, – презрительно скривился Вид.

– Нас интересует диалог, – преувеличенно бодро произнес князь, вжав плечи, словно после удара.

– Теперь понимаю, что ты его отца не боишься. Я бы даже сказал, ни во что не ставишь.

– ...из которого можно понять... кхм... – нервно кашлянул Долгорукий.

– У меня даже у лошади стойло лучше, – уже осуждающе покачал головой Вид.

– ...что ребята вынудили Шуйского использовать эту скрипку, а не другую, – покраснев, продолжил Сергей Михайлович, изображая деятельную заинтересованность происходящим на экране, и суетливо нажал кнопку старта. Указка отчетливо хрустнула.

Князь Вид хотел было кольнуть очередной едкой фразой, но, услышав последнее предложение, ошарашенно покачал головой. Однако озвучивать

свое мнение не стал. Хотя очень хотелось. Но в голове не было ни одного приличного слова.

– Так как до того... одну секунду... – Долгорукий отмотал запись чуть назад. – Вот этот фрагмент. Их номер был под угрозой из-за того, что Шуйский указал неверные ранги и ребята остались без подходящего инвентаря.

– Что он указал? – с невольным любопытством поинтересовался Вид.

– Мм, давайте послушаем, – клацнул кнопкой Сергей Михайлович.

– Что?! «Новик»? «Воин»? «Без ранга»?! – расхохотался князь, как от хорошей шутки, откидываясь на спинку кресла.

– Родители, бывает, медлят с экзаменом, – нейтрально пожал плечами старик, игнорируя смех.

А бывает, что родителям просто страшно говорить о рангах детей. Потому что умные люди легко сопоставят достижения с возрастом и постараются убрать будущего «мастера» в детстве.

– Мы провели расследование. Они действительно репетировали с этим металлическим кольцом.

– Как будто ты запретил бы им выступить так, как они выступили, – потеряв край глаза, будто смахивая слезу, успокоился румын.

– Единственная команда с одиннадцатью баллами за первый день, – намекнул на неожиданную оценку князь и легонько подначил: – Кто-то говорил, что видел в этом мире все.

– Видел, – спокойно подтвердил князь Вид. – А ты разве удивлен оценке? Твой Игорь всех судей обегал, команду расхваливал.

– Что? – вытянулось лицо Долгорукого.

– Говорит, смотри внимательно, сами играть будут, – неправдоподобно передразнил Вид и сжал кулаки. – Посмотрел. Все посмотрели. Всем понравилось.

Накативший на него приступ ужаса почувствовали все соседи по судейской трибуне. И ставили оценки за удовольствие, которое принесла им команда. За удовольствие от того, как бессмертного князя корежит от страха. И человек, сидящий перед ним, прекрасно это понимал.

Темная волна прокатилась по комнате, выводя из строя монитор, высекая из поверхности стола и паркета крошечные волны праха, потом она достигла Долгорукого, чтобы тут же разбиться о нерушимый монолит воли.

Да, князь Вид тоже отдал им свой голос. Потому что заставившие его испытать страх не смеют называться посредственностями. Не смеют быть как все. Они должны быть лучшими, чтобы воспоминания обернулись

уважением к сильному сопернику, для встречи с которым следует подготовиться и стать еще лучше. И не вызывали стыда вместе с желанием выжечь этот день огнем из памяти мира. Если они проиграют турнир, он будет крайне разочарован.

– Но и номер был весьма неплох. – Осторожно, выражая тоном радушие, Сергей Михайлович постарался сбавить напряжение.

Несмотря на то что Долгорукий наблюдал за танцем через призму нескольких выжженных миллиардов, удовольствие от увиденного все равно было больше, чем желание придушить. А это – очень лестная оценка!

– В общем, ты хочешь сказать, что все это случайность, – выдохнул князь Вид, взяв эмоции под контроль. Собственная слабость ощущалась слишком болезненно.

– Так оно и есть. Все слишком нелепо и спонтанно, чтобы считать это нападением. И извини, но никакой возможности продолжения, которое могло бы зафиксировать результат или помочь извлечь выгоду, я в этой ситуации не вижу. А так не бывает.

– Вот так просто? Одна ошибка с оформлением, чувство вины и творится неведомо что?

– Дети, – пожал Долгорукий плечами и добродушно добавил: – Ты бы знал, как мои внучата чудят.

Он этого Игоря поймает и выпорет.

– Отдашь мне эту колотушку, – выдохнув, принял решение князь. – Я посмотрю, что с ней не так.

Вестники войны вновь отступили за горизонт.

– Инструменты принадлежат Самойловым. Мой сын ручался за сохранность.

– Так верни им их, и пусть они потом их потеряют, – лениво произнес Вид, выуживая из внутреннего кармана подкладки сложенный вчетверо листок с гербовым узором и снимая с уже не дрожащего пальца перстень с печатью.

Знание причины страха – лучший путь к его обузданию. Но истинное выздоровление наступает, когда убираешь первопричину болезни, ее источник.

Выведя несколько строк на желтоватом листке и скрепив текст снизу печатью, князь Вид протянул его Долгорукому.

– Отдашь этому Самойлову.

– Отцу? – с некоторой опаской принимая лист, поинтересовался тот.

Все-таки его сын гарантировал безопасность всех детей... Но что будет, если гость потребует жизнь мальчишки? Пожертвует ли ею сын ради

того, чтобы соревнования продолжались? Пообещает ли голову по завершении турнира и снятии всех клятв? Легкое головокружение поселилось в голове Сергея Михайловича, не давая вчитаться в коротенький текст из двух предложений на развернутом листе – специально, чтобы Долгорукие знали его содержание и сделали выводы.

– Федору.

– «Больше так не делай. Учись хорошо»?! – с изумлением прочитал текст старик, запомнив, что хотел всего лишь мельком зацепить его взглядом и демонстративно сложить лист.

– Приложишь несколько рецептов его ремесла. Старых, хороших, – удовлетворенно кивнул князь Вид. – Я знаю, у тебя есть. Три, нет – четыре. Это будет твоя вира за то, что не уследил.

– А он? – возмутился Долгорукий, на секунду позабыв, что в общем-то пытался разделить вину со второклассником.

Но столь кошмарный грабёж! Рецепт, попавший в чужие руки, теряет уникальность! Конкуренция, снижение цен, дефицит бюджета. Что дальше – разорение и дешевый алкоголь?!

– Еще маленький, чтобы с него спрашивать, – откровенно развлекался за его счет князь Вид. – Не станет повторять эти... маракасы, значит, вырастет умным и талантливым. Тогда спрошу. За хорошую плату спрошу.

– А если его заставят?

– Значит, не вырастет, – потерял всякую веселость трехсотлетний «виртуоз».

Но он верил в иное.

Тот, у которого было все на земле, кроме счастья воспитать детей, относился к ним по-особенному. Это не означало безграничного милосердия или желания уберечь беспризорных, не вытягивало из казны деньги на помощь лишенным крова. Возраст подарил ему иную странность.

С его долгой жизнью глупо было брать детей из приюта. Неправильно, когда сын умирает раньше отца. Поэтому он назначал себе воспитанников из чужих семей. То, что у тех уже есть родители, его мало интересовало. Но вот наблюдать за успехами гения, отмеченного даром уже в юном возрасте, доставляло истинное удовольствие.

Его нового сына звали Федор. А надо ли ждать беды от сына?

– Я рад, что недоразумение разрешилось, – после короткой паузы ответил Долгорукий церемониальным наклоном головы. – Теперь мы можем вернуться к турниру.

– Много дел? – повернувшись на кресле вполоборота к окну, глянул на

него гость.

– Мероприятие такого масштаба обязывает.

– Тогда иди, – лениво повел тот рукой. – Я тут посижу. Вид у тебя из окна красивый.

Сергей Михайлович даже растерялся – оставить Вида тут, среди документов? Но и мягко выгнать никак не получится – раз сам не вышел, упрется как... Сделать вид, что решил остаться и поработать ради гостя, – так этот паразит будет скалиться и ухмыляться до самого вечера...

– Я распоряжусь, чтобы принесли напитки, – доброжелательно улыбнулся Долгорукий и с невозмутимым видом покинул кабинет.

Не станет же он рыться по ящикам?! Хотя этот может... Триста лет не добавляют ни ума, ни просветления, ни таинственной мудрости. Триста лет – это немного опыта и целый океан отвратительного характера.

– Черт с ним, – хлопнул он раздраженно третьей по счету дверью. Первые две гость мог слышать.

Впереди торопливо разбегались подчиненные, прячась по темным углам. Дед опять был не в духе.

– ИГО-О-ОРЬ!!!

«Значит, на этот раз скрипка, – пробежала ленивая мысль у князя Вида, расслабленно откинувшегося на кресле. – Но это же неудобно».

Глава 24

Под белыми тучами неспешно несла свои серые воды река. Иногда поверхность покрывалась рябью от резкого ветра, налетавшего с севера. В лицо бил холод, пытался забраться в складки одежды или вырвать из рук удочку, но злости на него не было. Даже легкой грусти не приходило. Внутри мерно горел огонь новой влюбленности, волнами проходя по телу, согревая вместе с ним душу.

Оказывается, так бывает – потеря того, что казалось пиком совершенства, эталоном, бережно хранимым в сердце в надежде на новую встречу, обернулась не трагедией, а осознанием сокровища, что, оказывается, находилось совсем рядом. Иногда даже потрясение может стать великим чудом, способным раскрыть новые чувства. И там, где совсем недавно была холодная пустота потери, появляется новый образ, сотканный из ее аромата, ее облика, ее вкуса. Воспоминание о ней позволяло улыбнуться холодному ветру, рассмотреть яркое солнце за пеленой облаков, а знание того, что она ждет дома, наполняло уверенностью и желанием жить.

Кто знает, если бы Игорь не сожрал все вареники в первый день, приготовили ли бы мне эту замечательную шарлотку?

А я ведь чуть его не прибил, и, если бы не обещание бабушки сделать что-то особенное, Артем и Пашка меня вряд ли удержали бы. Теперь, наверное, следует сказать Игорю спасибо.

Рядом плеснул небольшой карась, тут же ловко подсеченный Димкой и с важным видом, полным превосходства, помещенный в ведро с водой, к остальному улову.

Старый знакомец щеголял новыми кедами с модной зеленой полоской и свежим фингалом – у среднего брата оказался такой же размер ноги. Но, судя по тому, что у конкурента фингалов было два, а кеды остались у Димы, этот раунд выиграл младший брат. Еще на нем была безразмерная серая фуфайка и столь же теплые и габаритные штаны. Такой же набор, кроме обуви, был и на мне – Димка сдал в аренду за смешные деньги вместе с рыбацкими сапогами. Он вроде как мог достать решительно все из числа того, что было в деревне.

А еще у Димы появилась новая мечта, пришедшая взамен исполнившейся – об обретенных кедах, – пока тайная, как и положено мечте. Но стоимостью вряд ли ниже обуви, потому после школы он почти

безотлучно находился рядом с нами. Без особой наглости, просто занимался своими делами у нас на виду, ожидая, когда нам что-то может понадобится. Оказалось очень удобно. А когда попросили не верить Игорю и не давать в кредит, то и выгодно.

– Может быть, мотыль, белый хлеб? – нейтрально поинтересовался Димка, демонстрируя спичечные коробки. – Всего пять рублей.

– Нет, спасибо.

Димка безо всякого расстройства кивнул, переснарядил крючок и продолжил сосредоточенно наблюдать за поплавком.

Я же потянулся к телефону во внутреннем кармане, сверился с часами и положил его обратно. Осталось минут десять до обеда, и можно возвращаться домой. Она ждет.

Воспоминания вновь накрыли разум, играя на струнах души музыку волнующего предвкушения. Смел ли я подумать, что такое чудо можно создать из теста и яблок? Какие еще тайны хранит мир?

– Там ваш друг идет, – вежливым шепотом вывел из грез Дима. – С футляром от скрипки. Кажется, Артем.

– Он, – утвердительно качнул я головой, не оборачиваясь.

Внутри гигантской куртки было слишком удобно, чтобы портить установившийся баланс мягкости и тепла лишним движением.

– А хотите, – подмигнул он заговорщицки, оглянувшись назад и чуть пододвигая ко мне свое ведерко, – готовый улов, недорого? Ваш друг обзавидуется!

С иронией покосился в его сторону, и Димка понятливо притих.

– Привет всем, – известил о своем прибытии Артем. – Как успехи?

Я потянул за удилице и вытащил из воды полуторалитровую пластиковую бутылку.

– Компот почти остыл, – оценил температуру ладонью и погрузил емкость обратно в речную воду.

Рядом возмущенно выдохнул Димка.

– Вы сказали бы, я б ее в свой холодильник засунул, – буркнул он, с поникшими плечами собирая снасти.

– От горячего техника портится, – отрицательно качнул я головой. – Нельзя.

– Можно еще в подпол поставить.

– Так быстрее. Проточная вода.

– О, отличный улов, – отчего-то заинтересовался Артем его ведерком. – Продаешь?

– Шесть отличных карасей. Могу сразу почистить. Сорок рублей за

все, – протараторил Димка на одном дыхании.

– Беру, только домой к нам сразу отнеси. Там и почистишь.

За спиной шелестнули бумажки, и парень с энтузиазмом отправился покорять холм с уловом и удочкой наперевес.

Рядом на корточки присел Артем и некоторое время молча смотрел на гладь реки.

Одет он был в зеленоватый охотничий костюм с желто-серыми полосками, голову прикрывала черная вязаная шапка, ноги грели такие же, как у меня, рыбацкие сапоги – удобно в них передвигаться по местной слякоти, особенно после дождя. С учетом очков и футляра от скрипки вид был своеобразный.

– Там почта пришла, – произнес он, продолжая смотреть вперед. – Письма, газеты.

– Мне есть что-нибудь? – заинтересовался я.

– Даже Федору есть конверт, – утвердительно кивнул Артем.

– А от этих... – завершил я неопределенно, но друг понял.

– А тебе как раз только от них и есть. Пятнадцать писем, между прочим. Все ответили. Сейчас отдать?

– Можешь кратко, про что там?

– Это все-таки твои письма, – с укоризной возразил он.

Были бы от кого из близких, тогда да... Но эти вряд ли стоят времени, которое нужно потратить на их прочтение. Тем более скоро обед, а Артем умеет ужимать содержание листа бумаги до пары фраз.

– Так прочтешь? – повернул я к нему голову.

– Ладно, – улыбнулся друг, доставая пачку писем из внутреннего кармана.

Звучно хрустнул сургуч на первом конверте.

– Тебя ненавидят, но благодарят за торт, – хмыкнул Артем и взял следующий. – Тебя ненавидят за то, что торт всего один. Тебя ненавидят, но готовы простить за рецепт торта. Тебя и твой торт обвиняют в срыве выступлений. Так, тут то же самое.

– Однотипные можно пропускать.

– Ладно. – Глянув в мою сторону, Артем некоторое время молча перебирал конверты. – Хм. А нет, тоже ненавидят, – с разочарованием глянул он на конверт. – Просто тут по-французски. Вот! Благодарят за торт. Звездочка чувствует себя хорошо. Зовут в гости. – Друг с удивлением поднял взгляд. – Графиня Елена Белевская.

– Надо будет съездить, – вздохнул я, принимая протянутый конверт и пряча в карман куртки.

– Еще двум девушкам ты разрушил жизнь и диету. Больше ничего интересного, – просмотрев письма, подытожил Артем. – Только на одном стоит ремарка СБ Долгоруких о санации.

– Это зачем? – заинтересовался я.

– Яд подсыпали, может быть, – невозмутимо пожал Артем плечами. – Там в тексте тебя тоже не сильно любят.

– Зря только торты потратил, – вздохнул я с грустью.

– Никто из них не получил больше трех баллов за конкурс. А мы получили максимум. Этого достаточно, чтобы ненавидеть.

– Странные люди.

– А еще это слишком вкусный торт, и ты можешь его есть каждый день, а они нет.

– Надо было сразу об этом подумать, – повинился я.

Отправил бы лучше вместе с другими в крепость. Кроме одного.

Хотя в общем-то не жалко. Это ведь просто символ, но вовсе не предложение дружбы, которое желают видеть эти снобы и от которого демонстративно отворачиваются.

Он вообще не для них. Это символ для меня, в знак того, что я их простил.

Для отправки каждого из вкуснейших тортов приходилось делать волевое усилие, за которым легко было замаскировать отказ от мести. Старый гнев сейчас только мешает и уже чуть не сорвал наше участие в турнире. Более я этого допускать не намерен.

Вот только Артему и команде это знать без надобности. Они довольны попыткой примирения, которую пожелали увидеть.

– Что в газетах?

– О нас написали на первой странице, – с готовностью поддержал мой интерес Артем.

– Да?

– Ага. Сейчас прочитаю. Вот: «По итогам трех дней десять и более баллов получили команды...» Дальше список, и вот тут, в самом конце, название нашей школы.

– Это что за халтура? – нахмурился я.

Артем неопределенно повел рукой, воздержавшись от комментария.

– Надо будет сделать нашу газету, – кивнул я своим мыслям. – Эти вообще работать не умеют.

– Мне тут тоже письмо пришло, – после небольшой паузы произнес Артем, прижимая к футляру красивый конверт, покрытый металлическими лентами и следами от штампов дипломатической почты.

Конверт был уже вскрыт, из него проглядывал еще один – чуть меньше, но столь же диковинно украшенный железом, специальными наклейками «опечатано», «контроль» и «без досмотра» на двух языках: русском и английском.

– Ругают? – сопоставив выражение лица и напряженную осанку друга, предположил я.

– Не только, – помедлил Артем. – Там много всего. Про тебя даже есть, – неуверенно завершил он.

– Хорошее или плохое? – заинтересовался я.

– Да как сказать... – Артем замер, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. А затем, будто принял решение, выдохнул: – Помнишь, я говорил в крепости, что тут все не так просто?

– Помню. Но все ведь прошло нормально? – поднял я бровь, ожидая продолжения.

– В общем, папа проверил. Ты им все-таки родственник, – как-то даже растерянно завершил друг, с опаской глядя на меня, он вроде даже чуть напружинил ноги, чтобы, если что, отпрыгнуть в сторону.

– Испанцам? Вряд ли, – усомнился я.

– Не испанцам, – качнул Тема головой. – Владельцам крепости и земли.

Прислушался к себе – и почувствовал только недоверие к этим словам.

– Наверное, твой отец перепугался за тебя. Затем сделал те же самые выводы, что сделал ты. Но мы ведь в итоге решили, что они были неверны? – мягко возразил ему я.

– Проверили ДНК, – настойчиво продолжил Артем, встав во весь рост. – Медосмотр перед турниром. Остались образцы.

Его ладонь скользнула внутрь кофра со скрипкой, а сам он будто отгородился им от меня.

Пришлось и мне встать, чтобы говорить было удобнее. Только я, в отличие от товарища, не держался так, будто чуть-чуть – и начнется драка.

– А твой репетитор – твой родной дед, – словно в воду ухнул, выдал скрипач. – Мы всё знаем.

– Мне когда начинать танцевать? – скептически посмотрел я на него. – Или родинку надо для начала найти? Ты не переохладился сегодня? Может, шапка тонкая?

– Максим, моя настоящая фамилия – Шуйский, – звенящим от напряжения голосом произнес Артем. – Мой отец – хозяин княжества.

– Слушай, иногда все так наваливается скопом, что даже мне начинает мерещиться всякая ерунда, – примирительно начал я, тайком поглядывая на

его руки и ноги.

Мало ли как ведут себя буйные. Еще набросится, вылавливай его потом из воды.

– Вроде того, что ты Император? – криво улыбнулся он.

– Мм, нет, это как раз таки нормально.

– Максим, я не шучу.

– Слушай, многоуважаемый хозяин дерева... – Меня это начало раздражать.

– Княжества!

– Но дерево, на котором я тебя в первый раз увидел, тоже ведь твое? – хмыкнул я. – Давай не будем это сейчас обсуждать? Просто пойдем домой, пообедаем, выспимся. А утром...

– Я абсолютно серьезен и хочу все решить сейчас, – перебил Артем, упрямо наклонив голову.

– Что именно? – махнул я рукой и уселся обратно на свое место. – Кому принадлежат все белки в лесу? Кто дальше кинет желудь?

Пусть и дальше стоит, если ему так нравится.

– Прекрати издеваться!

– Ладно, все белки твои. Ты же у нас князь, – проворчал я, подтягивая к себе за леску бутылку с компотом. – Одна пропадает не знаю где, второму в клубе чуть голову не проломили, третий вообще князь. Ладно хоть Федор нормальный.

А еще этот Игорь навязался на нашу голову. Кстати, да.

– Хотя... вон с Долгоруким проконсультируйся. Местные белки частично его, но если ты сделаешь такое же страшное лицо, то он точно уступит парочку. Хоть какая-то от него польза.

– Ты мне что, не веришь? – изумленным голосом поинтересовался Артем.

– Я видел как-то раз княжеского сына. Он в одиночку грозу удерживал на границе города. Помнишь такого? – посмотрел я на другой берег с грустью.

Беседа затягивалась, шарлотка стыла.

– Нет, ну когда я вырасту, я тоже смогу, – возмутился парень. – Правда, не так, но!..

– Да ты и без этого хороший парень и мой друг. А княжество я тебе как-нибудь обязательно подарю. Пойдем обедать, а?

Артем осторожно присел рядом. Затем, через десяток секунд, пододвинулся еще ближе, так, что ткань наших курток почти соприкасалась.

– На, почитай, – вздохнув, произнес он привычным меланхолическим тоном и ткнул тем странным конвертом в грудь, тоже глядя на другой берег.

Конвертов, вложенных друг в друга, оказалось аж три. И только в последнем – самом обычном, безо всякого железа и надписей, лежал листок бумаги чуть желтоватого цвета, заполненный убористым почерком поверх красивых росчерков еле различимого гербового узора.

Интересное вышло чтение.

«Теперь, сын, нам выставили счет на три миллиарда восемьсот сорок миллионов рублей», – хмыкнул я задумчиво.

Мысли, правда, были заняты прочитанным выше этих строк, но ту информацию следовало обдумать чуть тщательней.

– Что так дорого-то? – развернулся я к Артему.

– За порчу нерушимой защиты сцены.

– Так какая ж она тогда нерушимая?

– Там тоже сильно удивляются. Ты строчку-то дочитай.

«Тебе задание: придумай пять дипломатических оборотов, близких по смыслу фразе: «За тот китайский хлам, на который ты списал столько турнирных взносов, что не хватило даже на приличную гримерную, спрашивай деньги с продавца». Хм. А задача-то со звездочкой».

– Да, – вздохнул Артем. – Каждый вариант минимум на две страницы выводить.

– Выходит, защита все-таки бракованная?

– Может быть, – пожал он плечами. – Они настаивают на том, что мы специально использовали артефакт для ее разрушения. Мы считаем, что защита должна защищать участников, а не гореть сама по себе. Тем не менее кто-то должен заплатить.

– Я тебе потом шестой вариант напишу, можно? Даже сам отправлю.

– Пока ситуацию можно спасти – нет, – обескуражил Артем ответом. – Читай давай.

«Все это видится тщательно спланированной провокацией. Договорись со Светланой и покинь деревню под благовидным предлогом. Точка эвакуации закодирована ниже. Подтверждение по схеме нечетного дня. Жду звонка».

– Как-то так, – хмыкнул он, принимая письмо обратно. Поправил дужку очков и поплотнее прижал к себе футляр со скрипкой. Сейчас тот был полностью застегнут.

– Это хорошо, – подытожив, задумчиво кивнул я своим мыслям.

– Да, наверное. Богатый род, – по-своему понял Артем. – Гарантированно признают.

- Да я про деда. Остальные мне не нужны.
- Это как? – недоуменно повернулся ко мне Артем.
- Раньше очень хотел, чтобы меня выбрали родственником, – посмотрел я ему в глаза. – Теперь выбираю я. Зачем мне та грубиянка в красном платье?
- Ты не понимаешь! Это очень, очень влиятельная семья! Да ты все свое будущее, всю свою жизнь устроишь! Даже если из самой младшей ветви!
- Так я сам неплохо справляюсь, – пожал плечами. – Вот бабушка уже есть. Теперь дед будет.
- А дед твой, думаешь, просто так рядом? Сам не пойдешь – он заберет.
- Так я ведь не вещь. Как меня забрать можно? Тем более что у меня отец есть, брат, сестры.
- Может, потому и не говорил пока ничего, – с сомнением пробормотал Артем. – Хотя... дед ведь недавно появился?
- В августе.
- Значит, ждет решения главы рода, – утвердительно кивнул скрипач. – Кто-то из младших, им без разрешения многое нельзя.
- Сказать слово «внук» тоже? – произнес я с горькой усмешкой. Я ведь ему доверял.
- Признание родственника – непростое событие, – осторожно заметил Артем. – Вот если есть папа или мама, они могут сразу. А если их нет в живых... Извини... – смутился он.
- У меня отец есть.
- Просто деды тоже между собой должны решить, в какой род ты попадешь. Со стороны папы или мамы. Остаться в роду Юсуповых – огромная честь. Думаю, твой наставник легко отстоит это право. Ты достоин.
- Я – Самойлов.
- Максим, ты не понимаешь! Они – совсем другой уровень! Это одна из сильнейших финансовых империй, – начал загибать Арием пальцы.
- Пока – да.
- Это крупнейшие запасы нефти.
- А у меня молокозавод строится.
- Да как такое вообще сравнивать можно?!
- Ну бензин сколько стоит?
- Тридцать копеек.
- А литр молока?

- Тридцать одну.
- Ну и вот. Каждый качает свое. У них черное, у меня белое.
- Но объемы несопоставимы!

– А мне хватает, – вздохнул я, поднимаясь. – Дурацкий разговор, извини. Вон уже Пашка бежит на обед звать, – махнул я рукой на вершину склона, по которому несли в нашу сторону друг с перевязанной бинтом головой.

Одно хорошо – после той драки у него мозги на место встали. Больше не называет каждую встречную своей леди. Тем более в клубе. Тем более в компании двадцати претендентов на двух дам сердца. Тем более не имея базовых навыков фехтования оторванной от забора доской. В общем, исправился человек. Вот что делают свежий воздух и здоровое питание!

– От родства просто так все равно не откажешься, – категорично заявил Артем.

– Да я не то чтобы отказываюсь. Просто теперь, чтобы принять кого-то в семью, мне надо спросить Федора, папу и сестер. Если они согласятся, тогда да.

Никогда не согласятся. Я помню эту фамилию.

– То есть ты к ним в род точно не пойдешь? – требовал подтверждения Артем, отчего-то очень внимательно ожидая ответа.

Будто он мог измениться. Особенно после Багиева.

– У меня уже есть семья. Зачем мне чужая?

– Да или нет? – возрос градус напряжения в его голосе.

– Не пойду. Точно.

– Тогда можно после турнира я у тебя поживу? – выдохнул друг просительно.

– Мм? – растерялся уже я. – А как же твое дерево? Тьфу, то есть княжество?

– Папа очень, очень зол за три миллиарда штрафа, – втянул он голову в ворот куртки и зябко поежился. – Я как-то вазу разбил. Вот. Хоть в лес уходи. А она ведь явно была дешевле.

– Так вы ведь все равно платить не собираетесь?

– Мир – он сложнее, чем кажется, – отвел Тема взгляд на воду. – Скорее всего, заплатим.

Я аж дышать перестал от возмущения.

– Это выгоднее всего. Потому что означает, что защита настоящая, а у нас есть артефакт, который способен пробить крипты уровня «Цитадель», – твердо посмотрел Артем на меня. – После такого многие враги надолго расхотят даже смотреть в нашу сторону. Затем испорченные крипты

отдадут нам, мы их восстановим и вернем почти все затраты. С твоим отцом, думаю, это получится. Долгорукие тоже все понимают, но им важны даже не деньги, а уважение. Будут хвастать, что нас продавили. Может, дадут тайком что-то поверх крипт.

– Но в итоге хорошо всем?

– Ага. Только за три миллиарда ругать будут меня, – поник Артем. – Каждый день, каждый час, хоть из комнаты не выходи! Это, получается, я разбил, а клану теперь битое покупать. У нас со свободными деньгами сейчас сложно...

– Так а чего ты переживаешь? Выиграем турнир, отдашь отцу деньги из призовых. Даже на десяток ваз еще останется.

– Да? – скептически произнес он.

А затем напряженно задумался. Многозначительно так, немного двигая губами – будто считал что-то. Или делил призовой фонд на пять.

– Паша, мы обязаны выиграть этот турнир, – приказным тоном обратился Артем к запыхавшемуся товарищу, только-только подбежавшему к нам.

– Да? А, хорошо, – согласился тот, опираясь руками на колени и пытаясь отдышаться.

– Иначе мне конец, – завершил Тема, прижав к себе футляр и зябко поежившись.

– Вот, правильная мотивация, – хлопнул я его по плечу.

– Там это, – заполошно махнул Пашка рукой в сторону холма, – Игорь не дышит.

– Отлично, добавка моя.

– Как не дышит? – побледнел Артем. – А кто теперь подтвердит, что мы его не похищали?!

– Н-не знаю, – растерялся наш капитан.

– Так, срочно в дом! Хоть бы это была просто легкая кома! – уже на бегу завершил Артем.

– Да что случилось вообще? – прижимая к себе бутылку с компотом, пытался я разобраться, вышагивая рядом с Пашкой.

Бежать в гору по плохой дороге, да еще в неподходящей обуви, оказалось почти настолько же эффективным, как быстро идти. Так что вскоре мы двигались компактной группой, а дыхания вполне хватало для беседы.

– Да ничего! Он просто что-то ел.

– Мм, ничего необычного.

– Потом замер и перестал есть!

– А вот это уже действительно очень тревожно, – согласился я и прибавил скорости.

Еще пара минут, и мы вбежали в калитку, осторожно разулись, повесили одежду, переоделись в тапочки и все домашнее, и уже потом стремительно ворвались в дальнюю от кухни комнату.

Рядом с пациентом дожидался Федор. Судя по его насупленному лицу, дела были весьма плохи.

Я оглядел комнату и с сожалением осознал весь трагизм случившегося. Действительно, вряд ли можно представить ситуацию хуже.

– Он наш последний торт нашел и слопал, – обвиняюще ткнул пальцем брат в неподвижное тело в кресле и в качестве доказательства показал на знакомую коробку с остатками лакомства рядом на столике и запачканные шоколадом пальцы левой руки Игоря.

– Выходит, не только похитили, но еще и отравили, – обреченным голосом поведал Артем.

– Он погиб счастливым, – шмыгнул Пашка, глядя на коробку из-под торта.

– Пульс проверяли? – нахмурился я.

Ох, зря мы взяли его с собой в вертолет. Кто же знал, что в большого доброго человека помещается так много доброй еды? А она и самим нужна.

А съесть все, ни с кем не поделившись, и умереть – это вообще верх хамства!

– Не прощупывается, – развел Федор руками.

– Рефлексы?

– Я пнул, – хмуро подтвердил он. – Как только торт увидел. Дважды.

– Это все же благородная кровь, – как-то потерянно и без особой настойчивости укорил нас Артем. – Нельзя так.

– Не те рефлексы проверял, – сосредоточился я и тихонько скользнул к столику.

Затем с шумом попытался отодвинуть коробку от кресла. Полная рука тут же дернулась и уцепилась за край.

– Ага!

– Он жив! Он не умер! – прослезился от радости Артем. – Он напишет нам предсмертную записку!

– Ребята, мне очень стыдно, – тут же очнулся Игорь и вжался в кресло, панически оглядывая нас. – И страшно!

– Прошу отметить, он в полном уме и здравой памяти, – заявил Артем, суетливо выуживая из карманов ручку и блокнот.

– Пожалуйста, не выдавайте меня!

– Я бы поспорил, – с сомнением заявил я Артему, оценив последнюю фразу.

– Так. Сначала документ, потом все остальное, – суетливо что-то писал тот красивым почерком. – Я еще раз переживать не намерен! Мало ли что может случиться!

Федор дисциплинированно поднял руку.

– Да? – приглашающе улыбнулся я ему.

– А давайте Игорь выйдет на молодой лед и утонет?

– Федор, на реке пока нет льда, – мягко возразил я.

– Так даже удобней.

– Ре-эбята, вы чего? – с укоризной посмотрел на нас Игорь. – Это ведь просто торт!

Тут даже Артем оторвался от блокнота и смерил его осуждающим взглядом.

– Нет, Федор. Как бы ни хотелось, хорошие люди не должны так поступать, – потрепал я брата по волосам. – Даже я не буду.

Я приблизился к окну, выходящему во двор, распахнул форточку и крикнул привычно ожидающему нас Димке:

– А бывает так, что человек уходит в лес и теряется навсегда?

– Две тысячи рублей!

– Ре-эбята... – тоскливо протянул Игорь, схватившись за сердце.

– Мы дадим тебе на дорогу пирожки и теплую красную шапку, – с мрачным видом повернулся я к нему.

Нет, пусть живет. Но напугать в любом случае следует.

– Так, хватит! – воскликнул Артем. – У него сейчас сердце разорвется. Как вам не стыдно!

Игорь облегченно выдохнул.

– Вы ведь видите, что он еще ничего не подписал!

Слова благодарности Артему обернулись сиплым кашлем.

– Извините, – грустно потупился Игорь. – Мне стыдно, правда. Но и очень страшно. Вы бы знали, каким дед бывает в гневе!

– При чем здесь дед и наш торт?!

– Так он ведь вертолет присылает. – Игорь растерянно посмотрел на нас.

– Паша! – рыкнул Артем, поворачиваясь.

– А? Да, звонили. Говорят, надо парадный выход срочно переснять. Прилетят с нашими костюмами. Но это ведь через час, а помер он уже сейчас...

– Это за мной, – испуганно пискнул Игорь. – Они узнали, что я здесь!

– И эта проблема стоила нашего торта?! – возмутился я.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – развел он руками. – Даже не помню, где я его отыскал! Я вам новый куплю, ладно?

– Такие – не продаются, – махнул на него рукой.

Хороший он, хоть с ним и сложно. Но и злиться долго не получается.

– Просто поймите правильно, мне тридцать лет! А я отчетливо понимаю, что дома меня ждет ремень. В тридцать лет! Я занимаю солидный пост! У меня, может, скоро семья будет! Но деду вообще все равно! Я для него все еще внук! А я так не могу! У меня стресс! Спрячьте меня, пожалуйста? – просительно сложил он ладони.

Рядом печально вздохнул Артем, но удержался от комментариев. Тему хоть победа спасти может, а Долгорукому так или иначе перепадет. Только время может поумерить гнев, это я как опытный человек могу подтвердить.

– Ладно. – Повернулся я снова к форточке. – Дима, надо человека хорошего схоронить!

– Тысяча!

– Отлично!

– Ю-ху! Я за лопатой!

– Стоять! Я не в этом смысле! А, ладно, вернется, поговорим, – хмыкнул я, глядя на удаляющуюся спину, и повернулся к Игорю. – У нас просто бабушка скоро к нам домой уезжает, но, думаю, Дима что-нибудь придумает с жильем в деревне.

– А можно мне с вашей бабушкой поехать? – с опаской глянув в сторону окна, попросил Долгорукий.

– Так она ведь очень далеко, в княжество к Шуйским.

– Так это очень, очень хорошо! – затряс Игорь молитвенно сложенными руками, просительно заглядывая в глаза.

– Тысячу. В день. И гулять с собакой в дождь, – махнул я рукой.

– Спасибо! – искренне выдохнул Игорь.

– Спасибо – это хорошо, но документ вы все же подпишите, – подsunул блокнотик с ручкой ему под нос Артем, получил заветный вензель и тут же успокоился.

– Ребята, шарлотка стынет, – деликатно постучалась в дверь бабушка.

– Кусок Игоря – мой, – обозначил я свои притязания, с энтузиазмом направляясь к выходу из комнаты.

– Мог быть, если бы Игорь не передал его мне, – махнул перед лицом подписанным листком Артем и с гордым видом первым проследовал на кухню.

– И этому человеку я обещал княжество! – застыл на месте от такого

поворота событий, с возмущением пророкотал я.

А после обеда прилетело аж два вертолета – первый грузовой, наполненный огромным количеством наших костюмов, с генератором, осветительной аппаратурой гардеробными и даже санузелом с душевой. А также косметологами и визажистами, так забавно пытавшимися прыгать через здешние лужи. Территорию центральной площади поселка, которую заняли вертолеты, дополнительно оградил от набежавших зевак высоким тканевым забором.

Через призму сытости и довольства приготовления и суэта вокруг нас воспринималась добродушно и без капельки возражения. Гости, правда, выразительно поглядывали на часы и деликатно просили не задерживаться, но переодевались мы безо всякой спешки.

Света сияла в танцевальном платье – резервном, с целой поясной лентой и подолом, не прожженным искрами. Она, кстати говоря, на момент прилета вертолетов отсутствовала, а обнаружилась одетой уже внутри одной из гардеробных. Но на этот раз Светлана виделась не ледяной и бессердечной, а искренне счастливой, словно только секунду назад смолк последний аккорд нашей песни и мы все еще на сцене.

Ребята солидно смотрелись в зеркала, разглаживая безупречные стрелочки брюк и смахивая несуществующую пыль с рукавов. Все-таки не зря готовили два комплекта костюмов –годились. Прежние слегка истрепались, пока мы не поняли всю суровую необходимость и важность ношения фуфаяк и охотничьих костюмов в столь специфичных местах, где соседский кот может коварно оставить столько шерсти на коленях, что чистить замучаешься, а выражающая радость Димкина овчарка легко опрокидывает на спину и основательно топчется лапами по пиджаку.

Затем нас как следует напудрили, вручили инструменты, с которыми мы поднимались на сцену, и отдельно проверили на полное соответствие одежды и украшений, вплоть до содержимого карманов, чтобы будущая съемка никак не отличалась от выступления.

Хотя отличий и не было. Разве что попросили у Светы снять перстень с огромным камнем, подаренный каким-то туземцем в чалме, что догнал нас после выступления на пути к вертолетной площадке. Он тогда что-то восторженно лопотал, пытаясь надеть кольцо на ее палец, а Пашка пытался переводить. Судя по размеру самоцвета, явный мошенник. Денег, наверное, хотел, а их и не было. А тут еще Свете колечко некстати понравилось, несмотря на всю спешку с вертолетом. В итоге сунули бродяге в обмен кольцо Федора, из тех, что попроще. Туземец вроде не возражал – как рухнул на коленки, что-то лепеча над кольцом, так больше и не обернулся в

нашу сторону. Только визитку сунул напоследок, с длинным именем, длинным телефоном и короткой фамилией «Сео».

«Никак нельзя оставить! Все должно быть как на сцене! – уговаривали Свету снять кольцо и шепотом добавляли: – Выйдет ляп – нас всех уволят».

Уговорили. На нее шарлотка тоже действовала весьма благотворно.

В нашей компании только Федор смотрелся чуть напряженно, да и то поначалу – ему как вручили маракасы, так он и держал их в согнутых на девяносто градусов руках, будто что-то очень хрупкое. Потом отпросился поправить сорочку, и после выхода из гардеробной вновь вел себя как обычно. Наверное, что-то с неудобной складкой или излишне туго застегнутой пуговицей. Мелочи.

Зато чуть позже ему вручили Лучинку и настоятельно попросили взять ее с собой.

– Ты что, мышь на сцену брал? – изумился Артем.

Федор смущенно потупился и позволил мышке юркнуть во внутренний карман.

– Она тоже часть команды, – произнес он, алея щеками.

Стоило объявить о готовности, нас провели ко второму вертолету по искусственному настилу из досок, купленному персоналом у Димки.

– Ребята, снимаем всех вместе, одной волной, – смотрел на нас добрыми глазами мужчина, в котором без особого труда угадывалось семейное сходство с Игорем. – Общий план и индивидуальный, поэтому, пожалуйста, улыбайтесь. Ведите себя естественно, можете помахать рукой. Это техническая съемка, все, что вам не понравится, в эфир не пойдет.

Рядом успокоенно выдохнул Артем. А Паша так и вовсе не переживал – ведь первый тур мы выиграли, а значит, отец не будет его ругать или препятствовать. Тем более что Паша выглядел весьма харизматично – повязку сняли, зеленку закрыли прядью волос, успевших порядочно отрасти, да и вообще он смотрелся абсолютно здоровым.

– Андрей Александрович, бланки, – подошла к нашему собеседнику миниатюрная блондинка и вручила прозрачную пластиковую папку с бумажками.

– Так, и еще, – тряхнул тот папкой, раскрыл и достал бумаги. – Один организационный момент. Там будет очень много посторонних, вы понимаете? Люди разные, поэтому с каждого берем обещание не пользоваться Силой до того момента, как мы вернем вас на вертолетах обратно. То есть, скорее всего, – эти и последующие сутки. Переночевать, вероятнее всего, придется там. Исключения для нарушения обещания – реальная смертельная опасность, и только. Будет драка – можно

использовать кулаки, пока вас не разнимут. Противник взял палку – берите палку. Но Силу – ни в коем случае! Тогда виноватыми окажетесь вы. Разумеется, я прошу вас воздержаться от драк и проявить взаимное уважение. Еще раз напоминаю: любое нарушение – и турнир для виновника завершен. Для любого виновника, – подчеркнул он. – Без различия статуса, положения. О нарушении обещания мы дополнительно сообщим по телевидению и по всем газетам. Это – очень ответственный шаг, молодые люди! Пожалуйста, помните об этом. Весь мир будет непрерывно смотреть на вас! В ваших руках честь семьи и рода!

– Можно почитать? – тронул оправу очков Артем.

– Разумеется! Они для того и распечатаны. Обещание вы даете устно – мне, Долгорукому Андрею. Я имею все полномочия принять их от имени рода и клана. Бумага станет свидетельством обещаний.

– Тут все нормально, – хмыкнул наш скрипач. – Даже удивительно, – не удержался он от легкой шпильки.

Я тоже прочитал, заодно сверил с текстами у других ребят. Одно и то же – и не более того, что сказал нам Андрей. Именно в таких формулировках, словно тот текст заучивал или сам составил.

– Готов принимать обещания. Можете читать прямо из текста, на память не требуется. Кто первый?

– Давайте я? – первым, как положено капитану, шагнул Паша.

Вскоре второй вертолет поднял нас над землей и понес в сторону города. На земле остался его грузовой сотоварищ – персоналу предстояла муторная операция по вытаскиванию всего привезенного из осенней грязи. Там же, на земле, махала нам платком бабушка, обещавшая ждать нас с победой.

В салоне оказалось неожиданно удобно – мягкие диваны с регулируемыми ремнями и отсутствие болтанки. Только шум все равно заставлял надевать наушники. Особо заняться, кроме беседы, было нечем – даже в окошки не посмотреть. Эта машина закрывала от нас мир стальными решетками-жалюзи, а Артем не дал мне дотыкать все имеющиеся кнопки, чтобы понять, как их можно открыть.

Через какое-то время нас основательно потрянуло, и виноватый голос кого-то из экипажа сообщил о вынужденном продолжении полета – взлетную площадку занял кто-то особенно важный, поэтому диспетчер решил увести борт на резервную, а уже оттуда нас доставят на машине. Все согласовано, все успеваем. Только неясное чувство тревоги, поселившееся во мне, не отпускало. Судя по виду Светланы, что-то подобное происходило и у нее. Очки Артема тоже бликовали как-то по-особенному,

выдавая напряженную работу мысли.

В итоге провисели мы в воздухе еще добрых двадцать минут и, несмотря на все уверения, к машине двигались почти бегом, наперегонки со встретившим нас персоналом. Новое транспортное средство – такой же лимузин, как и в первый день турнира, – нес нас по пустынным улицам с лихостью маршрутки, прямо перед бампером которой конкурент забрал пассажира. Только успевай держаться – бросало из стороны в сторону, несмотря на мягкость подвески.

Из машины мы выходили слегка помятые и с сарказмом вспоминали просьбу «почаще улыбаться». Впрочем, судя по виду других ребят, выбиравшихся из других машин, им досталось не меньше. А у тех, у кого был объемный реквизит, зачем-то взятый на съемки, вдобавок имелись крупные вопросы к организаторам, которые они не стеснялись громко высказывать.

Мелькали красивые бальные платья и веселые желтенькие мини-колокольчики, ребята красовались в черных фраках и костюмах моряков, дремал в гигантском аквариуме дельфин, которого доставили на грузовой тележке, прицепленной к лимузину. Глаза разбегались от разнообразия расцветок, фасонов, необычной косметики на лицах и затейливого реквизита. Многое хотелось потрогать и потом поинтересоваться, зачем оно нужно, но Света незаметно привязала меня к себе поясом от платья.

Всего на достаточно просторной площади, замкнутой в треугольнике из двух линий трехэтажных домов – точь-в-точь таких, как на центральных улицах столицы, – и массивного островерхого административного строения из белого кирпича было три десятка лимузинов и, соответственно, сто пятьдесят человек, претендовавших на широкую красную дорожку, идущую по площади к входу в белое здание и скрывающуюся где-то внутри.

Как они собрались организовывать очередь – большой вопрос, потому что персонала особо и не было. Разве что двое у самого здания и по водителю в машинах, но те в назревающие между командами разборки лезть вовсе не желали. Судя по возгласам, очередность пытались установить по статусу и родовитости, что находило возражения у тех, кто прибыл раньше.

Лично я, оценив сложности с парадным входом, привычно присматривался к окнам. Только они какие-то странные – и сложно сказать почему. То ли слишком правильные и чистые, то ли занавески висят слишком ровно. Не бывает так.

– Не помешаю? – над всеобщей сварой раздался знакомый звучный

голос. – Обращаю ваше внимание, друзья, на то, что ведется съемка, поэтому не забывайте о хороших манерах.

Ругающиеся команды тут же прыснули в разные стороны, а стоило части белой стены засветиться красочной проекцией, и вовсе образовали подобие строя.

На достаточно большой плоскости, не занятой окнами и представлявшей собой огромный экран, под величавый мотив стремительно наплывало золотое поле пшеницы, раскинувшееся от горизонта до горизонта.

Разогнавшись над ней и зацепив краешком серо-зеленый батальон военной техники, камера скакнула на верхушки многовековых деревьев, пролетев над рощицами и полянами, чащобами и развернутыми пусковыми установками баллистических ракет, перепрыгнула огромное зеркало водохранилища, спустилась к берегам речки и вылетела на необъятный морской простор.

Увернувшись от иссиня-черной морской волны, мощно набегавшей на берег, камера замедлилась, показывая белый бурун на ее гребне, тут же распавшийся на мелкие брызги под натиском подводной лодки, поднимающейся на солнечный свет из глубин. На борту серого металлического гиганта гордо сверкал герб Долгоруких.

Одно мгновение – и камера взлетела к небесам, где ее приветствовали наклоном крыльев три звена истребителей. Их рокот был настолько величественным, что казалось, будто гремит на самом деле где-то вдали.

И последний фрагмент – восхождение к бесконечному мраку космоса, на фоне которого мелькали крохотные звезды... Или не звезды?

– Понты, – скептически фыркнул Артем и ойкнул: наши ноги справедливо наступили на оба его ботинка.

Картина сменилась, появился князь Долгорукий.

На этот раз он стоял на невысоком холмике, за его спиной тек широкий ручей, через который перекинули декоративный каменный мост. На плечах – теплое серое пальто, серый шарф прикрывал ворот рубашки с галстуком.

– Уважаемые участники! Рад засвидетельствовать свое искреннее удовольствие видеть вас! – уже другим, полным торжественности тоном продолжил князь. – От имени клана и рода, от имени высокоуважаемых судей приветствую победителей первого тура! Да, вы здесь не случайно. Обернитесь вокруг, поприветствуйте другие команды. Вы – истинные чемпионы, по праву стальной воли, по праву таланта и мастерства. Подготовиться за такой малый срок – достойно гения. Не стану скрывать,

именно их мы желали увидеть. И мы безмерно счастливы, что вас сегодня так много. Наверное, многих интересует вопрос, что будет дальше? Где ваши гиды? Где публика и музыка? В жизни, мои молодые друзья, иногда нашим планам не суждено сбыться. Порою, отбывая на бал в парадном платье с прекрасной дамой под руку, попадаешь на войну. Истинного же победителя отличает то, что ему все равно, в какой момент его настигло испытание. Не важно, во что он одет. Не важно, к чему он готов и что у него в руках. Он добьется успеха! Разве такому чемпиону нужны иные проверки, чтобы называться лучшим?!

В воздухе повисла напряженная пауза.

– Давайте дадим нашим участникам небольшую подсказку.

Со всех сторон одновременно несильно хлопнуло, и фасады, еще мгновение до этого казавшиеся частью монолитных зданий, рухнули тоненькими декорациями, обнажив бесконечную черную чащобу, сбросившую листву, охватившую все вокруг на обозримом пространстве.

И тут же, не давая опомниться, над головами с диким ревом пролетели те самые три звена истребителей, заставив многих в панике, прямо в парадных одеяниях, упасть на асфальт.

В еще не отзвучавшем громе торжественно падали слова князя:

– Первый, кто ударит в золотой колокол, будет объявлен победителем! Найдите его! Узнайте, как он звучит! Награда ждет вас! Так чего же вы медлите!!!

Все деревянные декорации – по бокам от нас и за нашими спинами, одновременно вспыхнули огнем, отсекая дорогу назад.

– Финал турнира начинается прямо сейчас!

Глава 25

Ветер дохнул жаром огня горящих деревянных остовов. В наступившей тишине над площадью резко пролетел девичий крик и затих столь же стремительно. Эхо гулко пронеслось до лесной чащобы и вернулось обратно многоголосым волчьим воем. На этот раз им ответило сразу несколько девичьих голосов, выступивших настолько могуче, что аж уши заложило. Волки смущенно промолчали.

На лицах ошарашенное выражение сменялось испугом и оторопью.

Тридцать команд: Вяземские, Орловы, Ушаковы, Долгорукие; по две от Шереметевых и Голицыных; Панкратовы, Романовы, Еремеевы, Юсуповы, Гагарины, Шуваловы, Горенские, Алабышевы и еще более десятка других групп, терпеливо перечисляемых по фамилиям Артемом, вышедшим для такого дела на пару шагов вперед из общей дуги стихийного построения. Примерно к трети из них он добавлял «имперский род», но пояснил, что это, только завершив перечисление.

– Главы министерств и ведомств, – выдернул он из моей руки рукав, который я уже устал дергать, ожидая ответа, – чиновники и охранители. Иногда называют себя государством, забывая об императоре.

– А остальные кланы? – убрал я руки за спину и виновато шаркнул ногой. Но ведь интересно же!

– Остальные напоминают им, когда те заиграются, – ворчливо пояснил он, застегивая пуговицу на манжете. – Клань императору не служат, но уж лучше он, чем эти...

– Ясно, – изобразил я глубокомысленное понимание, а пока сосредоточился на конкурентах.

Большая часть фамилий участников повторяла список первого дня, выуженный нами из нерабочего терминала. Других же вместе с первыми мы видели в передачах по ТВ, собираясь по вечерам в ожидании нашего выступления. К слову, его так и не показали. Надо будет делать собственное телевидение, эти тоже не справляются.

Столь непохожие в танце и интервью, что обычно следовало за высоким результатом, сейчас ребята боялись совершенно одинаково. Вид дикого леса – истинно дремучего, без привычных ровных рядов деревьев и проторенных дорожек, всерьез пугал, а от одной мысли, что туда придется идти, многим становилось еще хуже. У соседей слева, представлявших род Горенских, упала в обморок девушка. У соседей справа, из Алабышевых,

девчонка пинала рассеявшихся в ступоре на асфальте парней, а те заторможенно отмахивались, обещали встать, но так и оставались на месте. Настроение у людей – самое разное, но большая часть команд явно потеряла контроль над событиями и самими собой. Просто есть очень большая разница – идти в лес подготовленным или в концертных платьях и туфлях, рассчитанных на ровную сцену и жар прожекторов.

Хотя были и те, кто уже подступил к самому краю впереди, где тоже через пять секунд после финальных слов князя Долгорукого все зашлось огнем, выгадывая, как обогнать всех и первыми вступить в гонку. Пламя, препятствуя замыслам, взвилось еще сильнее, с удовольствием поедая сухую осеннюю траву вокруг. Значит, и нам спешить пока не следует. Тем более, и тут дела есть.

– Вон слева, видишь? – ткнул я Пашку локтем, указывая на парня в шортах, обнявшего колени руками. – Цельный маркиз Ушаков, между прочим.

Наш капитан тоже пребывал в изрядной панике, но впал в нее еще до объявления нового тура соревнований. Такое число титулованной знати отчего-то ввело его в настоящий ступор, а взгляд как устался в асфальт, так и не желал подниматься все это время. Разве что для ролика и условий турнира Паша сделал исключение, да и то титаническим усилием воли и со значительной помощью – после дружеского постукивания локтем по ребрам.

– Не смотри на него! – шикнул Пашка, встав спиной к указанному пареньку. – А если он заметит?!

– Он дальше своих коленок ничего не видит, куда уж ему.

– Тише! – дрогнул его голос. – Мне проблемы не нужны!

– Именно поэтому ты демонстративно повернулся к его светлости спиной? – иронично поднял я бровь.

Паша исполнил прыжок на месте.

– А теперь пялишься прямо на его слабость, – цокнул я осуждающе.

Тот снова дернулся, но я удержал его за плечо.

– Да хватит уже, – убедительно сказал ему, глядя в глаза. – Они – просто ребята и девчонки, как все.

Пашка замотал головой в категорическом несогласии.

– Наследники! Т-тут четверть хозяев всех земель империи!

– Лесу все равно дела нет до титула и родословной, а также до тех людей, которые посчитают его своим и пожелают чертить линии поверх карты с его обозначением. – Спокойный, несколько меланхоличный голос Артема, выводящий слова обстоятельно и неспешно, умудрился заворочить

даже Пашку с его паникой. – Все, что внутри леса, принадлежит ему. Тем, кто войдет в лес, стоит об этом помнить.

– Вот, – поддакнул я товарищу и благодарно на него посмотрел.

Только Артем все это время глядел в сторону деревьев. Не могу сказать, с какими эмоциями. Но не боялся – это точно.

– И вообще, у нас есть специалист по переживаниям, – указал я на Свету. – Не отнимай у нее работу.

– Жар огня до поры скрывает осенний холод. Он будет греть спины некоторое время, пока команды станут добираться до чащобы, – посмотрела она вдаль. – Вслед за холодом придет голод. Острые ветви отнимут одежду, грязь и слякоть заберутся в обувь. Голос ночных хищников украдет сон. Отчаяние поселится в сердцах, каждая тень будет казаться чудовищем, а шелест веток холодным крошевом страха осыплется по спине...

– Но-о? – сделал я ударение на слове, недовольно глядя на нее, подсказывая, что оптимистическое «но» тут очень пригодилось бы.

– Но если Паша подарит свой утепленный пиджак маркизу, тот похлопает его по щеке и забудет всего лишь к вечеру...

Паша дернулся и с негодованием посмотрел на девушку.

– А если отдаст штаны и ботинки, то его даже назовут другом, – завершила Света, очаровательно улыбнувшись. – Только зачем маркизу друг без штанов? Вот слуга...

Паша нахохлился как воробей и оглядел площадь совсем иным взглядом.

– Ничего я никому не отдам! Мы – свободный род!

– Тогда не отдавай и самоуважение, – подмигнул я ему.

– Просто... они же князья, – замялся Пашка.

А затем обвел взглядом всех паникующих на площади, задержавшись на самых ярких очагах: на девушках, бьющих по закрытым дверям лимузина, на котором приехали, и уже успевших снести зеркала; группе Долгоруких, вокруг которых стояло две команды, а тон взаимных обвинений поднялся до тех вершин, после которых неизменно идет мордобой; группу Ники, у которой требовали отдать клинок, но у них был клинок и требовать совсем не получалось, так что тон пока выходил просительным.

– Вроде... – добавил он менее уверенно.

– Они считают за радость забыть все, что тут будет, – жестко произнес Артем, прижав к себе футляр со скрипкой. – Если обещание не применять Силу действует – а я в этом уверен, то всех нас ожидает еще то

приключение.

– Нет, такие приключения нам не нужны, – постановил я, глядя, как под изящной ножкой конкурсантки от Юсуповых покрывается трещинами бронированное лобовое стекло лимузина.

Ее, правда, пытались урезонить окружающие, но девушка в успокоении не нуждалась – она с присущей характеру рачительностью хотела добраться до автомобильной аптечки. И даже обещала заплатить. К слову, ничего родственного в ней я так и не увидел. Это ж где видано – ногами по стеклу! Есть же камни!

– В общем, тихо выигрываем и уходим, – подытожил я.

– Поддерживаю, – кивнул Артем.

– Тогда надо быстро, – качнула плечом Света. – Голод придет и за нами.

– Осень – пора грибов! – важно вставил слово Федор.

Его рука до боли сжимала мою, а глаза с ужасом и обреченностью смотрели на огонь – до того, как я повернул его к себе и прислонил его лоб к своей груди. Вот с этой позиции он и доносил бесспорно полезную информацию.

– Верно, – потрепал я его по волосам. – Грибы – это хорошо! Ну а еще – стратегический запас шоколада!

– Это еще какой? – заинтересовался Артем.

– Это который в тайнике в подошве. А еще внутри ремня. И немного в пуговицах, – с гордостью доложил я.

– Так вот почему Димкина собака так приставала! – с восхищенным пониманием оглядел себя Паша, а затем слегка взгрустнул. – А я думал, я ей просто понравился.

– Иногда нравимся не мы, а содержимое наших карманов, – философски заметил Федор, у которого та самая собака съела бутерброд вместе с куском фуфайки.

– Слушай, – подошел вплотную Артем, недобро мерцая линзами очков, и прочувствованно спросил: – А зачем нам шоколад в тайниках одежды?

– Потому что во всех стандартных моделях офицерской обуви и одежды есть стандартный набор тайников, – терпеливо ответил я ему. – Делать что-то новое не было времени, только школьный герб перешить и уменьшить размер.

– Нет-нет, я имею в виду, а почему не нож? – слегка наклонил он голову, глядя с грустной надеждой.

– Так это же оружие, его наверняка запретили бы, – пожал я плечами.

Артем выразительно ткнул пальцем в сторону, где сокомандник Ники показывал, насколько остер и быстр его огромный ятаган и насколько умело он им может пользоваться, если кто-то продолжит тянуть к нему загребушие руки.

– Хорошо, – выдохнул Тема. – Обеззараживающее для воды?

– Мм...

– Фонарь, котелок?

– Ну-у...

– Аптечка? – жалобно спросил он.

– Бинт, – указал я на платье Светы. – Большой бинт, – слегка смущенно уточнил в ответ на затянувшееся молчание.

– У меня перстни лечебные есть, – поддержал меня Федор. – Только их, наверное, теперь тоже использовать нельзя...

– Зато у нас есть как минимум десять плиток шоколада в подошве, – всхлипнул Артем и чуть не выпустил скрипку из рук.

– Ну у остальных и этого нет, – смущенно произнес Пашка, с осторожностью переваливаясь с ноги на ногу. – А туда точно ничего не попало?

– Нет. Да и не десять их, а пять. В левой подошве емкость со спиртом. Шоколадки в правой.

Артем восторгнулся и с гораздо большим интересом посмотрел на обувь.

– Еще в подкладке рукавов пиджака вшиты спички в парафине, в уголке воротника есть иголка с ниткой, в край брюк вшита синтетическая нить длиной двадцать метров, а под значком школы – компас, – распахнул я пиджак и указал на места, которые можно безопасно распороть, чтобы добраться до искомого. – И самое главное!

Артем смотрел уже благоговейно и с огромной надеждой.

Я открыл потайной клапан у подмышек пиджака и продемонстрировал плотно скрученный валик в герметичном чехле.

– Мягкая туалетная бумага!

В общем, если он и был разочарован, то не слишком сильно. Однако Артем не был бы собой, если бы не принялся ворчать, одновременно хваля и ругая. Только разойтись ему не дали. Время на приведение своих чувств в порядок определенно кончилось.

Слитно просигналили клаксоны лимузинов, приковывая внимание к себе. А некоторых дам к тому же призывая слезть с капота. Хлопнули водительские двери.

– Молодые люди? – окликнул знакомый голос.

Андрей Долгорукий снял черные водительские очки и улыбнулся нам, жестом приглашая подойти. Из других дверей выходили люди не менее представительные – мужчины и женщины, обладавшие идеальной осанкой и тем наклоном подбородка, который тут называли властным и за который в моем прошлом обычно пытались побить.

Всякая суматоха и выяснения отношений прекратились просто мигом. Иные личности, сражавшиеся с машинами, вновь выглядели ангельскими созданиями, не способными отломать решетку радиатора. Ну а те, кто до того боялся леса, не могли себе позволить бояться людей – поэтому вставали с асфальта с непринужденностью, достойной пикника или какой-то еще мелочи.

Обернувшись на нас, Пашка первый зашагал к нашему лимузину. Следом двинулись и мы.

Остальные тоже узнали своих сопровождающих – вряд ли ошибусь, но все «водители» явно из числа Долгоруких, знакомство с которыми у команд состоялось точно так же, как и у нас. Им тоже пообещали доставить на съемку, но доставили... Хотя не сказать что обманули – вот она, дорожка, а съемка уже успела состояться. Обвинить не в чем. Только не все это понимали.

Пока сокращали не слишком большую дистанцию, успел отметить как тех, кто уже начал в голос выражать претензии, так и других – кто делал то же самое, не повышая голоса. Почему-то самые отстраненные лица были у тех организаторов, которые слушали напряженный шепот, а не крики негодования.

– Как вам финал? – обратился к нам с улыбкой Андрей, с неторопливой неспешностью шагнув вперед и предлагая пройтись вдоль машины, подальше от шумных соседей.

Те, что были справа от нас, вспомнили, что они мужчины, и громко требовали от «их» Долгорукого объяснений. Девушка скромно стояла позади.

– А... нам не нужно торопиться? – переминался с ноги на ногу Паша, обернувшись на уменьшающуюся завесу огня.

– Это было официальное приветствие. Старт объявим дополнительно. – Андрей указал на остальные команды, собравшиеся возле своих машин. – Ролик смонтируем, добавим крупных планов, получится красиво. Не так, как сейчас.

– Это будет правильно, – слегка поморщившись, согласился Артем.

– Но вы держитесь молодцом, – одобрительно качнул он головой. – Уже догадались, что обещание не применять Силу действует?

– Да, – ответил за всех Пашка.

– Отлично, – выдохнул он. – Поверьте, это жизненная необходимость. Мы испытываем волю, командный дух и командные действия, а не возможность превратить этот лес в пустыню. Если вам кажутся неприемлимыми условия, вы можете остаться. – Андрей демонстративно указал рукой в сторону, противоположную площади.

Посмотрев в указанном направлении, с удивлением обнаружили за уже неплотной дымкой расстеленные на некотором расстоянии от площади ковры, на которых активно устанавливались и сервировались обеденные столы, числом три десятка. Еще дальше стояло аналогичное число вертолетов.

– Вы поставлены в сложные условия фактически без вашего ведома. Все понимают это и отнесутся благосклонно и с пониманием к решению остановиться на победе в первом туре. Вы не готовились к этому забегу, у вас нет подходящей одежды, а та, что есть, может истрепаться и нанести урон вашей чести. Поэтому род Долгоруких приглашает принять участие в торжественном обеде и выйти из соревнований с вполне достойным уважения результатом. Отведайте горячих напитков и вкусной еды с другими чемпионами первого тура, – растекался он патокой. – Примите памятные призы и грамоты, с каковыми будете доставлены до самого дома. Уверю вас, иногда вовремя остановиться – единственная возможная победа. О правильности выбора можно будет судить по телевизионному эфиру. Трансляция начнется совсем скоро. Разумеется, с полчасовой задержкой по отношению к реальному времени.

– Не-не-не, – замахал я рукой. – У нас уже все призовые расписаны.

Рядом синхронно закивали Пашка с Артемом.

– Точно? – потребовал подтверждения Андрей.

Ребята продолжили кивать.

– Хорошо, это ваш выбор и ваша ответственность. За соблюдением правил будут наблюдать спутники, – указал Долгорукий ввысь, где, вполне понятно, ничего не было видно. – Небольшие малютки на низкой орбите с потрясающей четкостью картинки. Наша гордость, – подходящим к словам тоном произнес он. – Соблюдение правил определяется судьями. Поверьте, их опыта достаточно, чтобы определить нарушения даже с этого расстояния.

– И вот так будут смотреть за каждым? Судей же одиннадцать, – с сомнением отметил Артем.

– Смотреть будут наши операторы, – уточнил Андрей. – Если им покажется что-то важным – а у них тоже немалый опыт, уверяю, – видео

попадет к арбитрам. Также на орбите две центральные камеры высокого разрешения и несколько сотен камер в самом лесу. Особенно много – на финишной прямой, – подмигнул он.

– А от них можно заряжать сотовый? – качнул я своим телефоном в руке.

Связи, понятное дело, не было никакой, но с песней шагать гораздо веселее.

– Нет, – слегка напряженно улыбнулся Долгорукий, – лучше их не трогать. Намеренный вывод камер из строя является доказательством вины.

– А если они сами? – заинтересовался я.

– Решат судьи, – дипломатично уклонился он от ответа. – Лишние вещи можете оставить здесь. Ручаюсь, все вернем в целости, – выразительно посмотрел он на скрипку в руках Артема.

Тот предпочел намек проигнорировать.

– А если с нами что-то случится... – без вопроса, словно утверждая, произнесла Светлана. – Вы сможете вовремя доставить... кота?

– Вы имеете в виду – помощь? Да, в постоянной готовности находятся более тридцати бригад, оснащенных вертолетами, способными успешно работать в данных условиях. Кризисная ситуация определяется по картинке со спутников, они же обеспечат координатами для эвакуации. Ночью тоже. В случае нарушения правил те же вертолеты заберут нарушителей. Сопротивляться эвакуационным бригадам нельзя.

– Подождите, следить за нами будут... всегда? – смутился Пашка. – Абсолютно всегда? Даже когда...

– Камеры не настолько высокого разрешения, – невозмутимо отозвался Андрей. – Во всяком случае, учитывайте взгляд сверху. Это и в жизни пригодится. Теперь самое главное.

Он вытянул из внутреннего кармана запечатанную сургучом брошюру и отдал капитану.

– Открывать в пределах площади нельзя. Тут все правила, в том числе то, что я успел вам рассказать. Но главное – специфика соревнований.

– А почему... вот так? – разволновался Пашка.

– Можете и дальше своими словами, – поддержал я его недоумение.

– Потому что я могу объяснить лучше, чем они, – указал он на других представителей организатора. – У всех должны быть равные шансы.

– Кроме тех, кто мог читать это дома, – буркнул Артем, поглядывая на улыбающихся друг другу и «водителю» ребят из команды Долгоруких, одетых в костюмы-тройки и довольно легкомысленно размахивающих брошюрой.

– У нас есть пять минут. – Укоризненно посмотрев на него, Андрей поднял руку с часами к глазам. – Затем последует отсчет настоящего старта. Первыми уходят победители прошлого тура. Форa составляет пять минут. За вами отправится волна участников с десятью баллами, затем все остальные. Должно же быть у победителей какое-то преимущество, – подмигнул он нам. – От себя же могу посоветовать смотреть по сторонам.

– Еще один момент, – дисциплинированно поднял я руку. – А команды могут обмениваться вещами?

– В том числе торговать, отнимать, брать без спроса, случайно находить и продавать за реальные деньги, – невозмутимо ответил Долгорукий. – Вам решать, что потребуется для победы. Вам решать, где и как это взять. И вам в полной мере отвечать за последствия.

– А аптечку можно купить? – уточнил Артем, просительно глядя на лимузин.

– Нет, – улыбнулся Андрей. – Продается все, кроме того, что в машине и вот на той стороне, – указал он на столы, от которых уже отчетливо доносился манящий запах жаркого.

– Тогда я на минутку.

Мягко перепоручив Федора Свете, я взглядом отыскал необходимого мне человека и целеустремленно зашагал в его сторону. Мир резко сузился до отрезка пути, который следовало немедленно пройти.

Чертыхнувшись и извинившись перед Андреем, позади двинулась оставшая команда.

– Максим, с твоей стороны будет очень любезно отвязать от себя Свету, – подсказал Артем причину неожиданно сложной дороги до цели.

– Хм, – притормозил я, не сводя взгляда с намеченной точки, и позволил развязать узел на поясе.

Шагать стало гораздо проще.

– Это с ним бывает, – услышал я краем уха чуть смущенное оправдание Федора. – Сейчас возьмет, что ему нужно, и успокоится.

– А если ему не дадут? – заволновался Пашка.

– Никогда такого не было, – с сомнением отозвался брат.

– Я полагаю, волноваться не о чем, – с меланхоличной грустьюотреагировал Артем. – Нам все равно предстоит бежать в лес.

– Тем более что у нас пять минут форы, – поддакнул Федор.

– А ведь у большинства грабителей всего сорок секунд после сигнализации.

Пришлось остановиться и обвести друзей хмурым взглядом.

– Как вы вообще могли обо мне такое подумать? Я честный человек и

всегда предлагаю справедливый обмен!

– Перед тем как отпилить половину чужой парты для своей трехместной, он предлагал старому владельцу две шоколадки и мяч, – демонстративно громко зашептала Света на ухо Артему.

– Он согласился, – насупился я.

– Ты пришел к нему с пилой, – уточнила она малозначительную подробность.

– Я держал ее за спиной! И не угрожал, а дружелюбно улыбался!

– Я бы тоже спорить не стал, – прошептал Пашка Артему.

– Парта чужая, здоровье свое, – поддакнул тот.

– И потом, он все равно пытался мне мешать! – возмутился я. – Ладно. Чтобы не сомневались в моем благородстве, – демонстративно выудил из кармана резервную шоколадку, затем отщелкнул подошву и вытащил пластиковую флягу. Под внимательными взглядами добавил иголку с нитками и несколько спичек. – Достаточно?

– Если ты собрался похитить кого-то из участников, то нет, – уточнил Артем, напряженно глядя в сторону команды Еремеевых.

– А нам самим разве не пригодится? – чуть жалобно возразил Паша.

– На мне сэкономим, – еще раз обвел я всех взглядом, не услышал возражений и в десяток шагов завершил свой путь.

– Девушка, это ведь ваш дельфин? – мягко уточнил у морячки из Шуваловых, сидевшей на краю гигантского аквариума и до этого грустно смотревшей вдаль.

Обуви, как и на сцене, у нее не было. Пара носков и намотанные поверх них полосы черной ткани сложно назвать обувью.

– А? – встrepенулась она. – Я не капитан команды, говорите с Виктором, – выскочило у нее, скорее, машинально.

– Но дельфин – наверняка ваш? – проявил я настойчивость. – Сложно любить чужого зверя.

Наш разговор заметили ее сокомандники, извинились перед мужчиной из рода Долгоруких и быстро подошли к нам.

– Какие-то проблемы? – нейтрально уточнил самый рослый из них.

Как и на сцене, они оказались с головы до пят укутаны в черное, но на этот раз лица с острыми, словно рублеными чертами и глазами с азиатским прищуром, словно подозревающие вся и всех, были полностью открыты.

– Хочу купить вашего дельфина, – откашлялся я. – Меня Максим зовут. Это, – повернулся я к своей команде, – мои друзья.

– Дельфин не продается, – сухо ответили мне.

Даже не представились. Но наверняка говоривший был Виктором, судя

по тому, что остальные предоставили ему вести беседу.

– Вернее, предлагаю обмен. Есть шоколад, – продемонстрировал я универсальное средство обмена в серебристой фольге.

– Пф, – пренебрежительно фыркнул он.

– Еще есть компас, фляга со спиртом, иголки и спички.

– Откуда? – заинтересовался парень.

– Всегда ношу с собой, – слегка пожал я плечами.

– Откуда узнали об условиях нового тура? – нажал он на меня своей волей.

– Меня интересует дельфин, – спокойно напомнил ему.

– Не продается, – поджав губы, ответила со своего места девушка.

– С компасом вы не заблудитесь в лесу, – привел я довод, глядя на Виктора. – Спирт для дезинфекции царапин. Без спичек в лес идти и вовсе бессмысленно, – постарался добавить в голос убедительности. – Особенно ночью.

Шувалов нахмурился и задумался на достаточный срок, чтобы владелица дельфина заволновалась:

– Виктор, не отдавай! Они его съедят!

– Верно. Малая плата за такое количество мяса, – одними губами улыбнулся он. – Неинтересно. Предложи что-нибудь еще.

– Виктор! – стегануло испуганное.

– Тома, тихо, – шикнул он на нее, не оглядываясь.

– Вы же не будете есть дельфина? – уточнил я, краем глаза наблюдая за девушкой, уже готовой прыгнуть с аквариума. – Ведь если нет, его давно следовало отдать Долгоруким?

– Это наше дело.

– Виктор! Это мой дельфин! – все-таки выбежала она и встала перед своим капитаном. – Мы не будем его есть! Никогда! Правда?!

Парень раздраженно мотнул подбородком, жестом приказывая отойти. Один из ребят подошел ближе, чтобы мягко отвести девушку в сторону, но та совершенно не желала идти – молча глядела на командира и взглядом требовала ответа.

– Тома, – повторил я ее имя.

Та дернулась и как на врага посмотрела на меня.

– Даю слово, если ты согласишься на обмен, я оставлю дельфина на хранение у Долгоруких и не возьму его в новый тур. Даю слово, что он останется жив после турнира. Обещаю о нем заботиться.

Резкая отповедь, уже готовая сорваться с уст, так и не была произнесена, а гнев на лице сменился мрачной задумчивостью.

– Разговор закончен, – грубо вмешался Виктор. – Много дел. – Подхватив Тома под локоть, он отвернулся.

– Мне просто очень понравился твой дельфин, – постарался вложить я всю искренность в слова. – И я совсем не хочу, чтобы его сегодня съели.

Тома резко вывернулась из захвата и за один шаг оказалась рядом, буквально выхватила шоколадку из моих рук и торопливо произнесла:

– Обмен совершен! – а затем с вызовом посмотрела на капитана. – Мой дельфин! Имею право!

– Позже поговорим, – сделав несколько выдохов, произнес он и быстро вернулся к лимузину.

– Андрей! – не стесняясь, прокричал я через всю площадь Долгорукому и жестом попросил подойти.

– Вообще-то Андрей Александрович, – кашлянул за моей спиной Артем.

– Учту, – отмахнулся я.

– Добрый день, – отчего-то смутилась Тома, увидев его, и спрятала замотанную ножку за другой.

– Здравствуйте, – поклонился он ей со всей галантностью и повернулся ко мне, вопросительно приподняв бровь.

– Андрей, это мой новый дельфин, – указал я на аквариум.

Позади выразительно откашлялся Артем.

– Андрей Александрович, дельфина необходимо срочно доставить в более приспособленное для него место. Рассчитываю, что на этот раз ваше слово не будет нарушено.

– Оно никогда... – возмутился он громко.

– Андрей... – произнес я с иронией и тут же спохватился: – Александрович...

– Немедленно распоряжусь о пересылке, – засуетился Долгорукий и быстрым шагом направился в сторону вертолетов и столиков.

К слову, сервировали их зря, никто так и не отказался от нового тура.

– Спасибо, всего наилучшего, – поклонился я девушке. – Счастливи иметь с вами дело. Будут еще дельфины – обращайтесь, – и развернулся к товарищам.

Я не понял, а где радость? Как будто они потом погладить не попросят.

– Максим, – хмуро смотрел на меня Артем, преградив дорогу.

– Что не так? Я ж сказал «Александрович»?

– Ты отдал ей только шоколадку.

– Н-ну да.

– А остальное?

– Это, между прочим, разумная экономия!
– Максим, ты только что поменял шоколадку на дельфина! Какая еще экономия?!

– Нехорошо, – цокнув, покрутил головой Федор.

Пришлось возвращаться и отдавать компас, нитки, флягу со спиртом и спички. За мной увязалась вся команда, так что представил каждого по имени и отдельно – Лучинку на руках у Федора.

Нам же в свою очередь представили Вожака – так звали дельфина, спящего в специальном зачарованном аквариуме.

– Какая милая, – грустно шмыгая, прошептала Тома, осторожно глядя кончиком пальца мышку по шерстке. – А что это у нее сверху закреплено? Красиво.

Конструкция из проволочек действительно смотрелась завораживающе и главное – совсем не мешала Лучинке. Выбраться она из нее не пыталась, словно не замечала на себе.

– Да так, – смутился Федор от похвалы. – Килограмм сорок в тротиловом эквиваленте.

– Но артефакты же нельзя использовать? – подняла она удивленный взгляд.

– А мы и не будем, – легко пожал плечами брат.

– А Лучинка никому обещание не давала, – поддакнул я. – Что вы на меня так смотрите?

– Андрей!!! – сорвался на крик Артем.

– Александрович, – укоризненно добавил я.

Но он вроде и так понял, что его зовут.

– Так, за специалистом-океанологом уже отправили, наш бассейн для приема дельфина готов. Командир вертолета сейчас подписывает маршрутный лист, и вылетаем, – доложил он с удовольствием на лице, быстрым шагом подойдя к нам. – Как вы можете убедиться, наше слово – кремень!

– Андрей Александрович, у нас на мышши случайно висит сорок кило взрывчатки, в эквиваленте, – со всей деликатностью, не поднимая голоса, доложил ему Артем. – Можно что-нибудь сделать?

– Предатель! – буркнул я в сторону.

– Какой еще взрывчатки? – слегка растерялся тот, а затем проследил за выразительным взглядом Артема. – А-а... зачем она там? – уточнил так же деликатно и вежливо.

– Мало ли что случится, – шмыгнул смущенно Федор.

– Понимаете, я вообще не хочу, чтобы что-то случилось! – категорично

мотнул подбородком Артем. – И я знать не знал, что они не шутят про взрывчатку!

– Как про такое можно шутить! – возмутился я. – Это ж не игрушка!

Артем тоскливо вздохнул:

– Андрей Александрович, давайте что-нибудь придумаем!

– Так, а просто снять? – смутился он. – В чем проблема?

– Наша мышь! Не позволю! – принялся отстаивать я секретное оружие. – Правилами дозволено.

– Да я могу снять, – заикнулся Федор.

– Ни в коем случае! – категорически постановил я. – Ты видел, что у других команд? Эти их мечи? Зонты? Острые каблуки? Железные брекеты на зубах? Разве это честно?!

– Вот в этом и проблема, – обреченно качнул Артем головой.

– Максим, верно? – обратился ко мне Андрей Александрович. – Вы ведь понимаете, что неправильно брать с собой такой опасный груз? Одно падение...

– Нет, они стабильные, – поправил его Федор.

– Во всяком случае, тут совершенно некого взрывать.

– Ну-у...

– Давайте это как-нибудь решим, – обескураженно, с тревогой глядя на мышь, попросил он.

– Максим, я серьезно! – нервно кусал губы Артем. – Война тут никому не нужна!

– Может, действительно не надо? – попросил Паша.

– Ради Вожака? – робко поддержала Тома.

– Ладно... – вздохнул я, расхотев возражать.

Мне ведь у нее еще советы просить по уходу за дельфином. Да и вообще... Вдруг ее случайно взрывом зацепит?

– Вы уберете артефакт? – уточнил Андрей.

– В обмен на обувь, – неохотно качнул я головой. – Для нее, – и чуть смущенно показал на Тому.

Все-таки дельфин – это моя мечта. А плату за эту мечту, скорее всего, заберет ее команда, не оставив старой владелице ничего. Неправильно это.

– Я бы с радостью, но правилами действительно запрещено брать что-либо вне площадки! – всплеснул руками Андрей.

– Так у вас ведь есть ботинки? И вы внутри площадки? И даже не в машине? – резонно заметил я, посмотрев на его элегантные черные ботинки с крупной сеткой узора на коже.

Рядом закашлялся Артем, а Паша стал нервно дергать за край костюма.

И судя по тому, что рывки усилились, это не было намеком на то, чтобы попросить пиджак.

Словом, разошлись мирно. Только вместо Андрея обувью поделился кто-то другой. Размер, правда, все равно не Томин, но она осталась довольна. Заодно пригласил ее в гости – наверняка ведь будет скучать по Вожаку.

– Теперь все нормально? – чуть виновато посмотрел я на брата, отходя к нашему лимузину.

– Сойдет, – примиряюще улыбнулся он мне. – Только дельфинам нельзя одним жить. Им обязательно друга надо.

– Так у нас ведь собака есть.

– Но она ведь не умеет плавать под водой?

– Наша – сможет, – пообещал я брату. – Ну или можно еще одного дельфина взять.

Рядом, встрепенувшись, со скоростью ветряной мельницы замотал в разные стороны головой Пашка.

– А с ним что опять не так? – показывая, махнул я Артему рукой.

– У меня тоже есть компас! – нашел Паша секунду, чтобы дать ответ. – Я тоже готов к выгодным предложениям! Компас!!! Кому компас!!! Меняю на золото и артефакты!!!

В итоге лот был успешно обменян на зонтик. У Романовых весь номер на них строился, так что им в общем-то не жалко. Только сам черный зонтик отчего-то тут же перешел к Свете.

– Готовы? – уточнили вскоре у нас, вновь собрав всех участников для настоящего старта.

За пару минут ситуация на площади ухитрилась измениться практически полностью, и вместо уже забытых паники и страха толпа кипела предвкушением и жаждой победы.

Тем не менее мы попросили небольшую паузу.

– Тридцать секунд, – громко произнес Андрей, вызвав выдох нетерпения.

Вместе с Артемом мы подошли к догорающим декорациям, выбрали по ухватистой палке и вернулись обратно. Подождали, пока Паша отломает штакетину от декоративного забора недогоревшего дома, примеченную им ранее, опытным жестом взвесит в руке и куда более уверенно займет место рядом с нами. Мешать нам по причине торжественности момента никто не стал.

– Теперь – готовы.

Наверняка в лесу есть палки, но вряд ли они ошкурены, окрашены и

настолько же удобно лежат в руках. Думаю, эта мысль сейчас пришла на ум многим из других команд – и вряд ли следующий старт состоится именно через пять минут. Ведь надо найти себе такую же и не дать конкурентам сделать то же самое.

Андрей Александрович вновь поднял руку, но перед отмашкой замешкался и шепотом уточнил:

– А вы, случайно, не знаете, где Игорь?

– Когда мы в последний раз его видели, он собирался в лучшее место на Земле!

– Так и знал, что на Кубу, – чертыхнулся Андрей. – Удачи!

В этот раз старт произошел буднично. На глазах у ста сорока пяти других участников мы перешагнули условную линию площади и зашагали в выбранном направлении. Уже за нашими спинами щелкнул секундомер, отмеряя пять минут форы. Хотя начинать соревнования первым – довольно необычно. Особенно в полной тишине, на фоне которой даже еле слышное и всерьез удивленное «а кто это?» доносилось вполне отчетливо. Пашу это смущало, Артема и Свету не трогало, а Федор сиял от радости – но это потому, что занял удобное место на моей шее. Мне было радостно, что Федору радостно. А еще – очень интересно, что там, под сенью леса?

Впрочем, через пару секунд про нас определенно забыли – судя по азартным возгласам за спиной и треску дерева не тронутой огнем ограды дома.

Сделав около сотни шагов вперед, я повернулся на девяносто градусов и свернул налево. Ребята невозмутимо повторили оговоренный маневр и продолжили неторопливое путешествие вдоль кромки леса, не углубляясь в него. Тем более что Артем вынужденно замедлился для чтения содержимого брошюры. Мы же не мешали ему разговорами.

– В общем, в лесу есть еда и одежда, – подвел он итог. – Это хорошая новость. Есть и плохая.

– Лесник не будет рад? – предположил я.

– Почти, – хмыкнул Артем. – Тут пишут, что установлены специальные огороженные площадки. В центре на столбе герметичная упаковка. Содержимое неизвестно, пока до него не доберешься. Либо одежда, либо еда.

– В чем подвох? – насторожился Пашка.

– Внутри площадки хищники. А еще, так как для победы заходить внутрь площадки не требуется, вступая за ограду, участник не находится в смертельной опасности, оговоренной правилами, и не может применять Силу.

– Зверя надо победить голыми руками?

– Или подручными средствами, – кивнул Артем. – Или не победить, а просто не дать себя съесть. Но нам оно ведь не нужно? – просительно поинтересовался он.

– Только время терять, – решил Пашка.

Остальные согласно промолчали.

Обувь оказалась вполне удобной, в костюме было довольно тепло, и только отсутствие шарфа на Федоре тревожило душу. Как бы не простудился.

Позади слышались слитный гомон и азартное перекрикивание – вторая волна стартовала. Мы к этому времени не сильно удалились, но и конкурировать с остальными на данном этапе не собирались. Пусть бегут в лес. Возможно, колокол именно там. А может, следует действовать чуть иначе. Кстати говоря.

– Описание колокола имеется?

– Пишут, что в лесу только один золотой колокол, не ошибемся. Но он явно не маленький. Пишут, что для победного звона следует хотя бы один раз ударить языком колокола. Сделать это может любой участник команды, даже если остальных рядом нет. В теории – можем разделить, – поднял Артем голову.

– Можем. Я даже знаю, кто погибнет первым, – продолжил я неспешно шагать.

– И кто? – осторожно поинтересовался Пашка.

– Хотя да, глупая идея, – мельком одарив Пашку жалостливым взглядом, Артем вернулся к чтению. – Кстати, из соревнования можно выйти. Достаточно минуту помахать руками над головой на открытой площадке. Выйти можно как одиночке, так и всей команде. Но в первом случае, даже если остальная команда побеждает, покинувший турнир лишается награды.

– Ну, это не интересно.

– Точно так же можно заставить выйти из турнира другую команду или ее участника.

– Хм...

– Вы не могли бы идти чуть менее уверенно? – впервые подала голос Света. – А то тут некоторые следуют за нами.

Оглянувшись, с удивлением обнаружил аж две команды, которые с некоторым удалением друг от друга двигались в нашу сторону. Впрочем, достаточно неспешно, чтобы было понятно – догонять пока не хотят. И одна из них – команда Ники. За ними, тоже не торопясь, – Вяземские, три

девушки и два парня. В принципе, с таким составом им действительно не следует ломиться через лес. И особенно – в таких нарядах. Если платья Еремеевых можно как-то подвернуть, а наличие ножей позволит им прорубить заросли, то пышные многоуровневые платья леди Вяземских для лесных путешествий вовсе не приспособлены. Только вот лишаться юбок они не торопились – ведь при желании это можно было сделать и раньше. Парням проще – хотя в шелковых костюмах наверняка скоро станет холодно. Интересный у них был номер: про трех толстушек и двух кавалеров, пытавшихся сбежать из такой компании. Словом, парней подняли в воздух и кружили в танце, перекидывая между собой. Было бы их трое, как и дам, и делиться подругам не пришлось бы, а так – все почестному и довольно весело. Девушки, к слову, вовсе не полные, если посмотреть вблизи – просто платья такие.

– Сворачиваем в лес, – поскучев, сменил я маршрут.

Конкуренты нам не нужны.

– Куда: правее, левее?

– Да тут без разницы, – ответил я на вопрос Паши, оглядывая почти сплошную чащобу.

Остановились мы у самой кромки леса. Хотя, возможно, были уже внутри, но несколько деревьев вокруг смотрелись чем-то отдельным по сравнению с серо-желто-черной теменью впереди.

– Может, чуть дальше пройдем? – с сомнением произнес вслух капитан.

– Да и тут нормально, – невозмутимо ответил Артем.

Будто не видел сплошные заросли. А еще в очках.

– Могу вперед пойти. – Он поправил оправу на переносице, поудобней перехватил футляр и просительно посмотрел на нас.

– Попытайся, – поставив Федора на землю, предложил я другу.

А тот, вместо того чтобы врезаться в слабые ветки скрипичным футляром и пробить дорогу, шагнул как-то неуловимо вбок и вперед, не иначе как чудом оказавшись внутри, будто нырнул без всплеска. Ни единой веточки не шевельнулось.

– Тут тропа есть, – услышали мы, ошарашенные и от того впавшие в некоторый ступор, довольный голос. – Долго вас ждать? – прибавились нотки недовольства.

Из леса высунулась рука с требовательно протянутой ладонью. Света осторожно вложила в нее свою руку. Через мгновение и неосторожный хлопок ресницами на поляне остались только Федор, Паша и я.

– Ну? – вновь появилась рука. Затем откинула мой снятый ботинок в

сторону, а голос повторил чуть раздраженно: – Как малые дети, честное слово!

– Я должен был проверить, – невозмутимо обулся и коснулся ладони.

Яркий свет тут же угас, а под ногами хрустнула сухая ветка. Над головой сплетался бесконечный лабиринт ветвей, закрывая собой небо. Сладковатый запах опавшей листвы, земли и коры и легкое головокружение. И страшное любопытство – как?!

Рядом ойкнул Федор, а затем чуть не шлепнулся на пятую точку от избытка впечатлений Пашка.

– Никто не возражает, если я пойду первым? – довольно блеснув очками, не дожидаясь ответа, Артем зашагал вглубь чащобы.

Когда две другие команды прошли мимо этого места, у них не возникло даже сомнения, что странная команда младшекласников по-прежнему идет где-то впереди.

Глава 26

Первым пришел холод. Он обрушился с неба каплями дождя, легко проникающими через серые кроны деревьев, глухо рассыпающимися по ветвям и попадающими на кожу, как ни прикрывайся. Не знаю, когда небо успело затянуть темными облаками, мы не смотрели вверх. Все внимание было приковано к еле заметной тропинке на земле и осознанию важности каждого шага, который непременно должен совпадать с отпечатком ноги Артема и следующего за ним Федора.

Хотя, казалось бы, чего сложного – просто идти вперед, выбирая место чище и суше. Вот и Пашка после очередных пяти минут отдыха решил возглавить движение. Вытаскивали его потом минут десять – нога застряла в норе какого-то зверя, хорошо, что хозяина не было дома. Плюс ветки, так неудачно зацепившие нашего капитана, что не шелохнуться без угрозы вывиха или перелома. Словом, следующие полчаса все молча двигались за Артемом. Потом Паша решил, что будет внимательней, и еще десять минут мы чистили его одежду от огромной паутины и убеждали, что паук не залез за воротник.

Больше роль «ледокола» никем не оспаривалась. Иначе и не скажешь – лес вовсе не желал нас пропускать, сковывая острыми ветвями и устраивая ловушки под опавшей листвой.

– С папой часто по лесу гуляли, – коротко ответил Артем на восхищенные взгляды, чуть смутился и продолжил путь.

Сложно удержаться от восторга чужим мастерством, глядя на экономичные, выверенные движения, благодаря которым чащоба позволяла идти по себе, словно по обычной дороге. Только вот видимости никакой, на расстоянии пяти шагов все скрывали переплетения ветвей и стены широких стволов. Впереди та же картина – тропа вилась по лесу своим путем, огибая мелкие овражки и крупные деревья.

На моем плече лежала Пашина рука, моя – на плече у Федора, а Федор держал Артема за пояс, просунув руку под его пиджак. Последней шла Светлана – и как Паша ни пытался пропустить ее вперед, она отказалась. К слову, двигалась Света без жалоб, тихо и уверенно, порою даже удерживала на тропинке зазевавшегося Пашку. Палки, взятые в начале пути, служили тростями, хотя больше мешали, чем помогали, но и выбрасывать их было глупо. Замену в таком лесу просто не найти.

Два с половиной часа движения, отмеренные стрелками, но

ощущаемые куда большим сроком. Дорога, которая должна привести нас к реке.

– Какой реке? – поинтересовался в самом начале пути Артем.

– К любой, – легко ответил я. – Выжма, Кемь, Вирма, Сума, Колежма, Руйга. Но, скорее всего, к одной из малых рек из числа втекающих в Белое море, на которой есть водохранилище. Как раз в пределах сорока минут лета от Сулаж-Горы.

– А почему не на Онежском озере? – нахмурился он.

– Тогда не знаю, зачем показывать вступительный ролик, – пожал я плечами. – Должен же быть в нем какой-то смысл.

– Так территории свои показать, – предположил Паша.

– У Долгоруких нет выхода в море, – ответил за меня Артем.

– А как же тогда подводная лодка? – растерялся наш капитан.

– Я и говорю – понты, – хмыкнул скрипач. – Арендуют они причалы и доки.

– Думаю, организаторы не откажутся от пересечения реки. Это достаточно сложно, чтобы быть частью испытания, – пояснил я.

– Вполне может быть, – подумав, качнул Артем головой. – Но почему она должна быть именно там? Почему не на востоке?

– Турнир стартовал на северо-северо-запад, – продемонстрировал я компас. – Большинство местных рек течет на северо-восток.

– А откуда ты все знаешь? География – это ведь скучно.

– Кому скучно, а кому всем этим еще править, – наставительно указал я пальцем ввысь. – В общем, если будем идти строго на северо-запад, рано или поздно наткнемся на одну из рек. Уж лучше рано, даже если поначалу придется сильно отстать от остальных. Плыть куда удобней, чем идти.

– На воде спокойней, – угрюмо согласился Паша.

К тому времени лихая ветка уже успела расцарапать ему щеку – и это за две минуты движения по лесу.

На том и порешили.

Хотя если оглянуться назад, то идея движения к воде хоть и была верной, теперь казалась довольно наивной. Где она, эта река? Правильным виделось уходить влево от маршрута, но толку, если идти удастся только туда, куда вьется тоненькая тропка? Компас оказался бесполезным, да и навигатор тут вряд ли бы помог.

– Дойдем, – тем не менее пообещал Артем.

Даже если не дойдем к реке, то обязательно придем еще куда-нибудь. Вера в лучшее горела в каждом из нас. Но потом пришел дождь.

– Доигрались, – остановившись на месте и посмотрев ввысь,

недовольно процедил Артем.

Пояс с платья Светы пришлось перевести на головные уборы, замотав на манер сверкающего тюрбана. Не самая теплая вещь, но воду до волос не допускала. А Паше даже шло.

– Они специально, – поежившись от холода, обиженно произнес Паша, поправив фольгированную шапочку. – Они ведь контролируют погоду!

– Еще бы не специально. Эти идиоты подожгли лес, – гневно выдохнул Артем.

– Кто? Где? – заоборачивался Федор.

И я тоже внимательно принялся – но вроде, кроме обычного сладковатого запаха прелой листвы и терпкого запаха мокрой коры, ничего не было.

– Там, – махнул он вправо. – Другие участники. Давно горит, – развернулся обратно на маршрут Артем и неторопливо двинулся вперед. – Привал окончен.

Федор торопливо уцепился за его пояс, но все-таки полюбопытствовал:

– А когда?

– Час назад, – буркнул скрипач, прижимая руками футляр и ловко раздвигая им ветви.

– Отсекли преследователей, – подала голос Света.

– Или решили, что никто не должен выиграть. Подожгли и вернулись обратно.

– Но это же... неправильно... – чуть не поскользнулся брат.

– Плохие люди, – охарактеризовал их Паша, помня про присутствие дамы среди нас.

А через десяток шагов мы буквально вынырнули на довольно широкую просеку с глубокой колеей от тяжелой техники и следами гусениц. Дорога шла дугой и уже через сорок метров не просматривалась в обе стороны.

– Официальный маршрут? – предположил я.

– Очень на это похоже, – согласился Артем.

– Может, даже лабиринт, – пробежался вперед Паша, чтобы заглянуть чуть дальше. – Там впереди дорога снова сворачивает, но в другую сторону.

Следом побежал Федор, проверить то же самое, да и я не удержался и пробежался в другую сторону. Все-таки после нескольких часов монотонного движения очень хотелось простора и скорости.

– С этой стороны, – махнул я, вернувшись, – два пути в разные стороны. Действительно лабиринт.

– Пойдем? – просительно глянул Паша.

Дождь на просеке лил куда сильнее, чем под защитой крон, но это была часть привычного мира, кажущаяся куда более безопасной, чем дикая чаща.

С другой стороны, вряд ли кто из обитателей леса станет его поджигать, обрекая остальных на гибель. Настолько жестоких обитателей там нет.

– Нам все еще к реке? – уточнил у меня Артем.

– Да.

– Тогда за мной, – вновь подошел он к стене леса, внимательно ее оглядел, будто видел нечто большее, чем хаотичное переплетение ветвей, и довольно констатировал: – Нам сюда.

– Как он это делает? – нахмурившись, спросил я, стоя в метре от Артема.

Только тот был уже в лесу, а мы – на тропинке. А тот самый момент перехода вновь остался незамеченным из-за движения ресниц.

– Я не чувствую Силу, – задумчиво произнес Паша.

В спины деликатно подтолкнула ладонями Света, обрывая рассуждения.

– И чьи это тропы? – не удержался Пашка от вопроса, прислонившись к стволу, когда все вновь оказались под сенью леса. – Ни одной зарубки! Ни одной полянки с лавкой! Даже маркировки на мачтовых деревьях нет! Ладно если лесничество давно закрыли, но следы обязаны были остаться!

– А вон, – указал Артем за спину Паше.

Тот резко дернулся и обернулся, но, как и мы все, никого не обнаружил.

– На коре, выше головы, – подсказал Тема.

Там были глубокие вертикальные рубцы, уже поджившие за достаточное время под слоем смолы.

– Э-это что? – сглотнул Паша.

– Когти хозяина тропы, – буднично уточнил он.

– Ух ты, настоящий медведь! – оглянулся я по сторонам.

– Тихо! Он не любит, когда шумят, – шикнул на меня Артем, вновь шагнув на тропу.

Ребята впечатлились и молча двинулись следом, только на этот раз позади меня встала Света.

– Не надо его звать, пожалуйста, – шепнула она мне в ухо и положила руку на плечо, поближе к шее.

– Ладно, – разочаровался я, продолжая выглядывать настоящего

большого медведя между деревьев.

У меня ведь были только маленькие медвежата, да и совсем недолго – всего один вечер. В газетах писали, что их устроят в зоопарк, а когда подрастут, выпустят из неволи.

И чувство, что именно этот медведь – из числа моих, нешуточно подогревало интерес. Конечно, вряд ли, но ведь есть какой-то шанс? Даже если он меня не узнает – посмотреть бы хоть издали...

– У тебя уже есть дельфин, тебе не нужен медведь, – продолжала настаивать Света.

– Хорошо...

– Медведь съест дельфина.

– Я понял.

– Медведь съест собаку.

– Угу...

– Медведь съест вареники.

– Да прекратите вы уже! – зашипел Артем. – И так есть хочется, а вы тут!..

Скормили ему шоколадку и отправились дальше.

Несколько раз пересекали просеки, неизменно их игнорируя и вновь вступая в дикий лес. Никого из других команд так и не встретили – то ли так сильно отстали, то ли двигались с самого края. Но сам факт присутствия просек говорил о том, что за пределы турнира мы не вышли, что изрядно успокаивало Пашку. Он довольно быстро перестал бояться медведя – уж больно запущенной была тропа, тем более что его поставили сразу за Федором в центр строя – и продолжил бояться того, что заставило его отправиться на турнир добывать большие деньги. Только чего или кого именно – так и не сказал.

Через час такого движения Федор признался, что больше идти не может. Дождь кончился, над головой разошлись тучи, демонстрируя вечернее небо с первыми искорками самых ярких звезд. Холод никуда не ушел, дыхание вырывалось облачками пара. Ткань, пропитавшись водой, слегка хрустела от морозца. Приходилось прятать ладони в карманы и рукава.

– Еще немного продержишься? – попросил его Артем, с тоской глядя вперед, по направлению движения тропы.

– Продержится, – ответил я за брата и взял его на руки.

Холод, сковавший землю и опавшую листву, позволил ускорить шаг, а отпечатки подошв Артема проступали особенно четко. К следующей просеке удалось выйти через семь минут.

– Все, можно разводить костер, – вымотанно произнес наш поводырь, чуть ли не падая на землю. – Придется со спиртом разжигать, весь хворост вымок.

– Я пройду, – предупредил товарищей, вповалку садившихся на землю, устроил Федора рядом со Светой и направился к левому ответвлению лабиринта.

Совсем скоро путь разделился на два, заставив всерьез подумать над дальнейшим решением. Ветка дороги слева привлекала округлым расширением вроде полянки – судя по следам от гусениц, техника тут разворачивалась по широкому кругу. Так что можно было присмотреть это место под привал с ночевкой. А вот справа отчетливо слышалось тьяканье. Шагнув вправо, замер, а затем все же вернулся обратно. Будет нечестно забрать эту загадку себе целиком.

– Там щенки, возможно, – сообщил я отдыхающим ребятам.

Те устали настолько, что даже не сдвинулись с места за все это время. Разве что Артем рукой придвигал к себе тоненькие ветки, выуживая их из-под опавшей листвы. А от сообщения встрепенулся один Федор.

– Откуда тут щенки, – отмахнулся Паша. – Тут танком все прошли несколько раз. Все звери давно сбежали.

– А тех, кто не сбежал, выловили, – меланхолично согласился Артем.

– Вот и я думаю. А может, и не щенки вовсе?

Через какое-то время понимание пробилось сквозь усталость.

– Задание? – предположила Света.

– Еда? – разгорелись глаза Артема.

– Одежда? – вздрогнул Паша зябко.

Света уже поднялась и перехватила Пашину палочку – не как трость, но как оружие.

– Волки, – с испугом произнес Федор, глядя в том направлении, откуда я пришел.

– Не бойся, не обидим мы их, – поднял я Федора и посадил на шею.

Тут, на просеке, такой способ движения был возможен – ветви даже тех деревьев, что с самого края, срезаны тяжелой техникой до самого верха, ничего не будет цепляться.

После поворота просека разделилась еще один раз, но, ориентируясь на жалобное тьяканье, мы выбрали верный рукав и через десяток минут стояли возле деревянного частокола из неотесанных жердей в три метра высотой, закрывавших круглую площадку в два десятка метров диаметром. Между жердей было достаточно пространства, чтобы разглядеть высокий столб метров в десять с синим пластиковым контейнером на вершине.

А еще – пять грязно-серых тощих волков, жмущихся друг к другу у самого столба, дрожащих от холода и голода и жалобно потягивающих.

Дождь и мороз не прошли для них даром – никакого навеса на площадке не было, не говоря о загоне или будке.

– Варварство, – зло прошипел я, сильно дернув ограду.

– Пять – это много, – философски отметил рядом Артем.

Пригляделся к жердям – те оказались перевязаны бечевкой, скрученной достаточно надежно, чтобы не поддаться ударам, но оснащенной вполне простым узлом, распускающимся при небольшом усилии. Только вот дождь и холод слегка усложнили этот процесс.

– Максим, ты чего делаешь? – спохватился Паша, когда я снял первый узел.

– Выпускаю волков, – глухо отозвался я, костеря про себя организаторов.

– Максим, это волки, – мягко произнес Артем, встав рядом. – Очень и очень голодные волки.

– Они тут помрут, если не выпустить.

– Видишь ли, тут есть один нюанс... – нервно подбирал он слова, когда я развязывал нижние крепления.

– Ничто не может встать между мной и хорошим делом! – категорично подытожил, не желая слушать возражения, и резко дернул жердь, открывая дорогу и отходя в сторону.

Волки, подтверждая, что умные, тут же серыми молниями ринулись в прореху, не задерживаясь ни на секунду, и скрылись за ближайшими деревьями, с треском врезавшись в переплетение ветвей. Только ветром обдало, и будто не было их никогда.

– А кого они будут есть? – шепнула сзади Света.

– Ну-у... – растерялся я.

– Других зверей в лесу нет.

– Хм...

– Других участников?

– Тогда мы спасем и их! И это будет уже второе хорошее дело, вот, – смутился я.

Рядом звонко хлопнул ладонью по лицу Артем.

– А если бы они напали на нас?! – в легкой панике спросил Паша. – А если они вернуться?!

– Но ведь не напали, – смущенно почесал я затылок.

– Как ты вообще дожил до четырнадцати лет?!

– Мне тринадцать, – поправил я его.

– Вот! Имеешь все шансы не дожить!

– Да хватит вам паниковать. Вот, теперь у нас место для ночевки есть, даже с забором.

– Я не буду ночевать там, где спали волки! – категорично заявил Артем.

– Тогда у нас есть отличный забор для розжига костра!

– А плот из чего делать будем?

– Найдем уж из чего, – буркнул я, ощущая тень вины.

Может быть, надо было пройти мимо. Только не чувствовал я в этих зверях ненависти и злости. Обида – та была. Словно и не дикие вовсе.

Да и не те в лесу люди, чтобы им бояться волков.

– Контейнер, – подсказал Федор, запрокинув голову вверх.

То, из-за чего все затевалось, по-прежнему венчало столб.

– Король деревьев, ваш выход, – обратился я к Артему.

Тот фыркнул, но на столб залез довольно сноровисто, подцепил контейнер за лямку и скользнул по гладкой поверхности обратно.

Чуть позже, на огне костра, разожженного на обнаруженной мной ранее поляне, кипел на треноге котелок с водой, а в другом котелке варилась каша с тушенкой.

Все это богатство оказалось внутри контейнера – вместе с набором ложек, слегка туповатым ножом из плохого железа, кружками и двумя пятилитровыми канистрами воды. Открывалки не было, но справились и так.

Вокруг будущего лакомства обеспокоенно ходил Паша, то и дело помешивая кашу и пробуя на готовность.

По другую сторону костра осторожно распарывал ткань контейнера по шву Артем. Доставшееся нам богатство было решено нести в руках, а контейнер использовать в качестве подложки для плота – материал герметичен, судя по тому, как пережил дождь.

Слева Света неторопливо ворошила угли в костре и время от времени подкладывала жердочки – от влаги в дереве огонь потрескивал и некоторое время дымил.

Дремал на коленях Федор – ему хватило шоколадки и обещания разбудить, когда все будет готово.

Словом, все были довольны.

– И никого не пришлось убивать, – проворчал я себе под нос.

Где-то вдали прострекотал вертолет, уже не первый за этот вечер. Не все выдержали суровость испытания.

Ели из общего котла. Вместе с сытостью наплыла сонливость. Ночь

над головами расцвела миллиардами звезд, жар от костра отгонял холод. Шум леса и стрекот вертолета, зачистившего к полночи, вплетались в треск огня.

– Команд шесть уже выбыло? – предположил Паша.

– Вряд ли. Наверное, отсылают самых слабых участников, забирают у них одежду, чтобы продержаться, – ответил Артем, протирая ложки тканью. – Сейчас перенесем костер на другое место, и спать.

– А зачем? – заинтересовался я.

– Земля под костром прогрелась. На теплом спать будем.

– Дежурства? – деловито уточнил Паша. – Федора и Свету, наверное, освободим?

– Федора освободим, – мельком глянул на него Артем. – Тебе первая вахта, потом будишь Максима. Он – меня. По два часа каждому.

На место потушенного костра уложили так вовремя подвернувшуюся ткань контейнера. Укрываться было нечем, но особый материал костюма держал тепло. Накопившаяся усталость быстро обернулась сном, несмотря на все неудобства ночевки.

Чуть позже меня разбудил Паша. После пары часов вглядывания в темноту и вслушивания в чужащиеся вдалеке крики и звериный вой удалось поспать еще немного. Но к утру все равно осталось ощущение бессонной ночи.

Позавтракав разогретыми остатками вчерашней каши, умылись туда же, в котелок, сполоснули посуду и снова зашагали в лес. На этот раз – буднично, будто ходили так каждый день. Хотя подмерзшая за ночь и подтаявшая к утру изморозь грозила падением при каждом неаккуратном шаге, так что внимания не теряли.

А еще через полчаса мы вышли на берег реки.

Артем резко встал на месте, да так, что в спину ему прилетели не успевший остановиться Федор с Пашей. С моей позиции не было видно, что там, но путь впереди изрядно посветлел и отливал холодной синевой неба. Протиснувшись вперед, я вместе с остальными ребятами замер возле выветренного обрыва, в десяти метрах под ним текла неширокая река с удивительной чистоты водой.

– Ты был прав! – взволнованно произнес Артем, цепляясь руками за ветви деревьев, чтобы не упасть вниз.

– А речка-то знакомая, – хмыкнул я довольно, припоминая увиденное в стартовом ролике.

– Это – старое русло, – ударил Тема подошвой по краю обрыва. – Значит, вверх водоохранилище. Река Сума? – неуверенно предположил

он. – Или Вирма?

– Еще Кемь и Нижний Выг, но у них русло иначе идет, – сверился я с компасом.

– Но все равно это не земли Долгоруких, – удивленно констатировал Артем, до последнего предполагавший, что мы в лесах возле Онежского озера.

Он, конечно, не спорил, да и некогда нам было. Но уверенность в его глазах просматривалась железная – словно иначе и быть не могло. Так что сейчас он говорил с некоторым оттенком изумления и даже опаски.

– Для нас есть разница? – поинтересовался я.

– Как сказать, – задумчиво покачал он головой. – Выходит, это земли князей Борецких. Только род уже четырнадцать лет считается неактивным. Пройдет еще шесть, и если никто из клана не покажется на императорском приеме, земли перейдут в казну.

– Выморочные? – выступил с хитрым словом Паша.

– В том-то и дело, что еще шесть лет – нет. А до того они на сохранении. Если не ошибаюсь, у Долгоруких на сохранении. Нехорошо, – поджал Артем губы.

– Так какая нам разница? – вновь задал я вопрос.

– Разница в том, что это чужая Долгоруким земля, – посмотрел он строго. – Они тут никто!

– Но ведь нам обещали безопасность... – неуверенно начал Паша.

– Нам много что обещали, – нахмурился я, осознав суть проблемы. – Ерунда какая-то.

Это как без спроса проводить конкурс в нашем подвале, лишь немного прибравшись. Гиблое дело.

– Подумаешь, чужие земли, – хорохорился наш капитан. – Все ведь подготовили и проверили.

– А может, и так, – вздохнул Артем, успокаиваясь.

– Что скажет специалист по переживаниям? – повернулся я к Свете.

– Это совершенно дикий, безлюдный уголок, – артистично обвела она рукой вокруг. – Про который даже ближайшим союзникам известно, что ничего опасного тут нет.

– Вот теперь и мне страшно, – грустно вздохнул Паша.

– Ладно, турнир сам себя не выиграет, – констатировал я. – Пойдемте к воде.

Чуть ниже по течению нашли удобный спуск и, что самое главное – целую гору бурелома, срезанного на просеках в лесу. Тут не то что плот, тут целый корабль можно было построить!

Лес срезали острым ковшом, выламывали корпусом, перевозили небрежно, волоча по земле. А вниз сбросили безо всякого порядка, оставив догнивать на берегу. Тем не менее удалось вытащить из общей свалки с десяток невысоких деревьев без крон и совместными усилиями почистить от остатков ветвей.

Полученные заготовки скатили к берегу и плотно перевязали между собой бечевой, вытянутой из тайников в брюках. Сверху застелили тканью, проверили на плавучесть на мелководье и оттолкнули подальше. Простое вроде бы дело, а заняло время до обеда. Заодно чуть не отморозили ноги, пока отталкивали плот, – только Федора со Светой погрузили на руках, самим же пришлось засучить брюки и снять ботинки.

Зато теперь плыли с комфортом и даже развели на корме небольшой костерок на камнях и песке, над которым установили треногу с водой. На корме со счастливым видом вел вперед наш боевой корабль Паша, управляя движением судна длинной жердью, легко достававшей до дна. Получалось у него почти так же лихо и уверенно, как у Артема – двигаться по лесу.

Света методично отстирывала края платья, уже давно потерявшего белизну. Радость, что ни одна ветка не смогла его разорвать. Федор поблескивал фольгированной шапочкой и деловито мастерил новую поделку для Лучинки.

Тишина и спокойствие. Разве что слегка дымило где-то далеко справа и впереди.

– Надо кораблю имя дать, – отхлебнув кипятка, задумался я. – Команду назвать не позволили, так хотя бы тут.

– Скорее, забыли, – тактично отметил Артем. – Ведь не только у нас было семь дней, но и у них тоже.

– Открытие было красивым.

– Согласен. Но первый тур – обычный оперный театр. Даже средний телеканал может это себе позволить. Не то что целый клан. А сейчас? Вот, – повел он рукой с кружкой в сторону берега. – Все, что им удалось. Лес с просеками.

– Это интереснее, чем бегать по кругу или отжиматься.

– Верно, – пожал он плечами. – Только от везения очень сильно зависит. Нам вот повезло с одеждой.

– Попрошу!

– У нас позаботился об одежде ты, – поправился он. – А тем девочкам-колокольчикам каково?

– Не повезло, – механически ответил я.

– Вот то-то и оно!

– «Победа»! – звонко заявил Федор, которому явно надоело ждать. – Название корабля.

– Знаю я один такой корабль, – хмыкнул Артем. – Может, что-то другое?

– Да нормальное название, – отмахнулся я.

– Я – за, – дисциплинированно подняла руку Света и привела аргумент: – На том корабле все выжили.

– А я – за «Сокола»! – отозвался капитан.

– Я тоже, – проголосовал Артем.

– «Сокол Победы», – хлопнул я себя по коленке.

Нехорошо ссориться по таким пустякам. Особенно за пару часов до триумфа. Ну или куда мы там плывем.

В огромном зале без окон, смотревшем на мир через экраны десятков мониторов, в это воскресное утро полагалось быть дежурной смене. Трех человек вполне достаточно для оперативной реакции на отчеты умной техники, контролирующей оборудование машинного зала. Тысячи датчиков опоясывали монструозное технологическое чудо, нареченное двадцать лет назад Сумским водохранилищем. Двойное, тройное дублирование всей автоматики – и дежурство превратится в еще один спокойный день из общей череды спокойных дней. Так бывает, когда сооружение еще не устарело, на ключевые узлы еще не вышли гарантийные сроки, а за малейшим несоответствием заданных параметров следует незамедлительная реакция аварийной бригады. Даже сейчас, когда старые хозяева ушли в вечность, выстроенная ими схема финансирования поддерживала установленный, размеренный порядок вещей. Странное сооружение, возведенное там, где нет проблем с пресной водой.

Вопреки установленному порядку сегодня в помещении было многолюдно. Только один из присутствующих принадлежал к персоналу станции. Двое других дежурных к этому моменту были мертвы.

– Я не стану вам помогать. – Хриплый голос начальника смены глухо доносился от входа в лабиринт шкафов с электроникой.

Сергей Киров лежал на полу, неестественно подвернув под себя ноги. Любое движение отдавало дикой болью, а давящий на грудь ботинок прибавлял мучений с каждым вздохом.

Четверо автоматчиков в черном, один из которых стоял подошвой на его груди, не отреагировали.

Пятый – почти двухметровой высоты и весьма внушительной ширины, также предпочитавший анонимность, создававшуюся черными тряпками на

теле и лице, повернулся от терминала управления в его сторону.

– Мне плевать, – храбрился Сергей, глядя в серые глаза бандита. – Я лучше сдохну.

Пятый равнодушно развернулся обратно.

– Вас все равно найдут! Всех до единого! Уходите сейчас же!

Киров откашлялся кровью и попытался повернуться. На грудь тут же нажали чуть сильнее.

Хлопнула тяжелая входная дверь, и в помещение, чуть семеня, вошел невысокий сутулый господин, на котором черный костюм и перчатки смотрелись несуразно.

– Вас тоже найдут! Н-нападение на...

Пятый сделал знак рукой, и сильное нажатие на грудь выдавило из легких воздух на новое слово. Хотя этих людей вряд ли напугало бы имя мертвого рода. А был бы род жив, воины клана не позволили бы даже близко подойти к охраняемому объекту. Но их нет. И, как бы ни убеждали себя слуги клана, не будет уже никогда.

– Все понятно, стандартная схема, – тихо произнес невысокий своему боссу. – Он не нужен.

Тоска захлестнула грудь.

– Работайте, – произнес лишенный эмоций голос из-под маски.

Пальцы сутулого принялись деловито и с явным знанием дела отщелкивать предохранители аварийной системы. Всех трех контуров. С проворотом контрольных ключей.

– Вы не представляете, что собираетесь сделать! – превозмогая боль, нашел в себе силы в ужасе воскликнуть Сергей. – В-вы н-не представляете!

Ему было больно, но он пытался донести до их разума, совести или хотя бы страха за свою жизнь.

– Представляем, – ответил пятый, возможно, даже с некоторой доброжелательностью.

– В-все, ч-что н-ниже течен-ния...

– Смоет, – подсказал он, присев рядом.

– Т-там сейчас д-дети, – просипел Киров.

– Турнир, – мягко дополнил человек в черном.

– В-фаж-шн-ные, – проклекотал дежурный кровью в горле и сплюнул накопившийся комок на пол.

– Аристократы. Дети князей, – качнул бандит головой. – Но они нам не нужны.

Фыркнула рация на его поясе, докладывая, что аварийные затворы и падающие щиты успешно заварены.

– В-всех смоеет волной! – в отчаянии воскликнул Сергей. – Никто не выживет!

– Все выживут, – смотрели на него расчетливые холодные глаза. – Всех спасут.

– Н-но... тогда... зачем!!!

– Ради одного мальчика, папа которого очень и очень упрямый, – похлопали Сергея по щеке и поднялись на ноги.

Солдат убрал подошву с груди дежурного.

– Вас не пустят к нему! Долгорукие! – дернулся он всем телом. – Военные! Вертолеты! Корабли! Это все бесполезно! Не надо, пожалуйста!

– Когда наследники начнут тонуть, все станет не важно. У всех участников есть собственные службы спасения. Долгорукие не посмеют запретить им прийти на помощь своим детям.

– Вы – не они!

– Но у нас есть их вертолет.

– Вас все равно найдут и накажут!

– Не найдут, – посмотрели на него внимательно.

И в этом ответе было столько уверенности, что невольно накатило отчаяние. Систему видеонаблюдения эти твари сожгли первой, как и скрытый механизм слежения. Как и ее дубль, о котором никому не положено было знать. Впрочем, мало ли людей, посвященных в тайну, оказались без денег и работы после падения рода... Что у них осталось, кроме секретов? Правда, в отличие от них, у Сергея и его друзей была еще и честь...

– Я завершил, – буднично подошел к пятому невысокий человек. – До открытия всех шлюзов сорок минут.

– Разве это стоит того?! Жизней?! Разрушений?! – последним усилием воли попытался Киров доискаться до причины смерти охраны, своих друзей и коллег.

Мужчина в черном на секунду замер, но все же решил, что человек, ни разу не взмолившийся о снисхождении и жалости, достоин знать, почему умрет. Даже если причина ему не понравится. Впрочем, она никому и никогда не нравится.

– Разумеется. На кону квартальная прибыль, – отвернулся от него пятый, потеряв интерес. Приходилось спешить, чтобы не лишиться денег за стенами третьей башни Кремля. Еще немного, и все, что можно будет получить за уничтоженный товар, – это белоснежная улыбка.

К счастью, рычаг давления имелся. К еще большему счастью, Долгорукие были так любезны, что позволили наблюдать за ним

практически в прямом эфире. Подарком судьбы стало то, что команда Зубова первой выбралась на речной простор. Значит, волна смывает их к самой границе охраняемой территории конкурса, а то и за нее, позволив «эвакуировать» без ненужных свидетелей. А потом... Вряд ли кого-то заинтересует пропажа малоизвестных школьников в общем хаосе, панике и страхе за наследников влиятельных персон. Но если и вспомнят – к этому моменту вопрос с Зубовым-старшим должен быть решен.

Пятый достал из внутреннего кармана простенький мобильный телефон, терпеливо дождался включения и отбил сообщение на единственный номер в памяти аппарата.

«Вода поднимается».

Глава 27

Там, где встречаются разные культуры, редко обходится без вооруженной до зубов границы или стены от горизонта до горизонта. Нужна мудрость, чтобы признать право других жить иначе, а также достаточно силы, чтобы другие проявили эту самую мудрость к тебе, опасаясь достойного отпора.

Одиннадцать судей необычного турнира были достаточно мудры, чтобы не замечать различия в цвете кожи, одежде, еде или количестве жен. Пожимались руки тех, кто полагал, что их целование – высшая награда для остального мира. Невозмутимо плескалось вино в бокалах у истинных праведников. Темнокожая ладонь деликатно и со всей вежливостью пожималась плантатором-рабовладельцем в сороковом поколении. И повсеместно – дружеские объятия тех, кто полагал себя сыновьями богов, с теми, кого народ окрестил выходцами из преисподней. Все усреднялось до средневропейской величины демонстративного равенства, комфортного для общения и свободного от угрозы поубивать друг друга. Хотя в последнем была серьезная заслуга организаторов.

Мало дать гарантии безопасности, необходимо создать атмосферу, привычную каждому из важных гостей и достойную его высокого статуса. Поэтому шикарное помещение, подготовленное для арбитража последнего этапа соревнований, одной своей бесконечной стороной начиналось в редком лесочке, теплом и зеленом, перетекая дубовым паркетом через две сотни квадратных метров с удобными креслами и столиками, беседками и садом камней, диванами и татами и завершаясь невесомыми мостиками через широкий пруд в противоположной стороне.

То, что находилось все это на последних этажах высотки и скромно именовалось «малым залом для встреч», невольно впечатляло. Об истинном расположении места прямо сообщала одна из стен помещения – затянутое бронепленкой окно, достаточно прозрачное, чтобы продемонстрировать всю красоту Онежского озера с высоты сотни метров. Истинный же интерес присутствующих был направлен на противоположную стену зала – все пространство там занимали огромные экраны.

Включен, правда, был только центральный – самый большой, от пола до потолка и с десятков метров в ширину. Демонстрировалась на нем телевизионная передача. Но в отличие от той, что поступала на другие

экраны страны с получасовым опозданием, для особых гостей трансляцию вели в прямом эфире, без вырезок и монтажа «деликатных» моментов, таких, как слезы и злость, отчаяние и ненависть, драки внутри команд и предательство случайных союзников – все крупным планом. Потому что именно в такие моменты правила и забывались. Или становились не нужны тем, кто уже проиграл.

Обычно в этот момент с дронов отстреливались сигнальные огни, а громкоговорители доносили до участников вкрадчивый голос князя Долгорукого, поименно перечислявшего нарушителей и возвещавшего о скором прибытии вертолета. На данный момент ни одна из шести команд-аутсайдеров не посмела возразить, а острый конфликт так и не дошел до грани смертоубийства.

Хотя последнее, если честно, большинство из арбитров изрядно расстраивало. Им после какого-то времени наблюдений за гонкой становилось откровенно скучно: чужие дети, даже не дальние родственники; однообразный рельеф с высоты вертолета; переводчики, не поспевающие за разгоряченными русскими комментаторами. Драки – и те рафинированно-технические, обычно до разбитого носа или рассеченной брови. Где ярость, где схватка на грани жизни и смерти, прокушенные зубами уши и расцарапанные лица?! Даже никаких хищников в лесу! Их сыновья и внуки наверняка давным-давно выиграли бы у этих вкусных белокожих неженков!

Или не выиграли – признавали те, кто поглядывал на темп движения лидеров турнира. Да они бы и не стали требовать от своих детей не спать сутками, вырывать голыми руками глотки волкам за тряпки и консервы. И уж точно не пустили бы их на маршрут с теми, кто делал все это с легкостью, поджигая лес за собой и шагая вперед чуть быстрее огненной волны. Дикие люди эти белые. Наверное, от того, что произошли от обезьян, а не от богов.

Но даже такие моменты были крайне редки, показывали их без особой охоты – все равно эпизод уйдет под нож монтажеров. В основном на экране сменялись условно-спокойные эпизоды, вникать во внутреннее напряжение которых судьям было откровенно лень. Вот и сейчас камера показывала небольшой плот на глади реки, двигавшийся едва ли быстрее течения. Слишком медленно, слишком в стороне, слишком отстали от основной гонки.

«Очевидно, у них есть какой-то план, и они его придерживаются, – щебетал голос диктора. – Напомним уважаемым телезрителям, что именно волки, коварно выпущенные командой на волю, вывели из гонки команду

Алабышевых. Коллектив телеканала от всей души желает Михаилу и Александру скорейшего выздоровления... Возможно, движение ночью позволит сократить расстояние».

Сомнительно настолько, что даже недостойно обсуждения уважаемым жюри. Истинные победители в эту ночь тоже спать не станут.

Словом, оживлялись судьи редко, комментируя через переводчиков способности конкурсантов на экранах, но неизменно приходили к общему мнению о пропащем поколении. В основном же коротали время, как могли. Слишком его, этого времени, выдалось много – работа не предполагала перерыва на сон. Терпимое условие за грандиозную оплату. Только скучно.

В первый день спасала череда разговоров и знакомств – часть судей не была знакома с остальными, да, если честно, ранее и не стремилась заводить такие знакомства. Все они были так или иначе дружны с Долгорукими, но друг с другом виделись в третий или четвертый раз, если считать все моменты с начала турнира. До соревнований у этих людей просто не пересекались интересы – слишком далеко друг от друга, чтобы делить, враждовать, дружить или испытывать любые эмоции, кроме признания самого факта их существования. Но раз уж встретились, следовало попытаться извлечь прибыль.

То еще занятие, без толпы консультантов, финансистов, да еще с чужим переводчиком, навязанным Долгорукими. Свои специалисты, конечно, были бы лучше, но стоило признать, что если от приближенного приятно слушать дифирамбы в свою честь, то гробить время на скрипучий голос и отвратительный акцент слуги чужака, что-то там бормочущего о титулах собеседника, наскучило и стало откровенно раздражать еще в день первого, официального представления друг другу. А без перечисления титулов эти карьеристы работать давно разучились. Так что переводчик Долгоруких все же был меньшим злом. В любом случае взаимный интерес даже через него удавалось обозначить, а этого вполне достаточно.

Потому сегодня арбитры уже сидели группами по два-три человека, скрашивая ожидание легкой беседой и игрой – дух соревнования и жажды победы добрался с экранов до их умов и сердец.

Где-то играли тихо, степенно передвигая фигуры на доске. Азартные возгласы доносились в направлении от тройки игроков в кости. Ну а в одном месте, в правой стороне зала, старые знакомые и вовсе не сдерживали эмоции. Вернее, один из них – как проигравшему и положено.

Хрустнула рубашка карт, сминаясь в руках разгневанного невысокого господина в белом шелковом халате, расшитом золотым узором.

– Мошенник, прохиндей, шарлатан! – с чувством летели гневные слова

на хинди над карточным столиком.

Карты хлопнулись на столик картинками вниз и были тут же убраны профессиональным жестом крупье.

– Раджа расстроен исходом партии, – деликатно произнес переводчик на английском, обращаясь к жутко довольному мужчине, прибравшему двадцать фишек номиналом в пятьдесят тысяч.

– Скажи, что я предлагаю ему отыгаться, – фыркнул лендлорд Куомо, трогая ус и пристраивая стопку выигранных банкнот к двум таким же.

Раджа Миттал отлично знал английский, французский, русский и многие другие языки, на землях которых стояли предприятия его концерна. Но не видел удовольствия говорить на родном наречии старого американца, трогającego грубыми пальцами ковбойскую шляпу всякий раз, когда приходила хорошая карта.

Куда приятнее высказывать в улыбающуюся физиономию все то, что он о нем думает, прикрываясь новым проигрышем и спецификой перевода, не позволявшего воспринять слова как прямые оскорбления. Тем более что Куомо владел хинди. Но в этом и крылось все наслаждение.

– Ставлю миллион! – хлопнул раджа по столику полной рукой.

Крупье тут же подвинул новую стопку купюр в центр.

– Ставь три, сразу отыграешься, – посоветовал ему партнер по игре делано участливым голосом.

Ну уж нет, это же в три раза меньше ругательств из-за уведенного из-под носа железного рудника!

Рядом с приклеенной к лицу улыбкой прошелся с бокалом в руках молодой князь Долгорукий. Слуги говорили, хотел обсудить ряд деловых вопросов и даже спрашивал об удобном для этого времени. Был бы это старый князь, время обязательно нашлось бы прямо сейчас, но пока череда поражений в игре выглядела гораздо интересней.

– Сет на дамах у его превосходительства, – посочувствовал ему крупье.

– Гад, враль, короста! – возопил раджа, с удовольствием прощаясь с деньгами.

– Раджа расстроен исходом партии, – с вымученной улыбкой перевели лендлорду.

– Поднимем ставки? – сытым котом улыбнулся тот.

«А может, отыграть у него рудник?»

В приятных раздумьях раджа чуть не пропустил момент странной тишины в зале. Повернул голову к экрану, с которого продолжали щебетать голоса дикторов – на этот раз обеспокоенные, с ощутимой долей паники, –

и замер на месте.

На экране через всю его многометровую диагональ катила грязно-серая лавина воды, вырываясь из узкого русла реки и штурмуя чащобу волнами двухметровой высоты. В ее волнах, кипящих от выпущенной на волю дикой силы, невесомыми щепками закручивало и уносило вперед вырванные с корнем деревья. В бурунах белой пены терялись любые препятствия, уносимые течением вслед за собой. В зале гремел отзвук победного рокота реки, вознамерившейся смыть земную пыль в океан, – и невольно тянуло обернуться назад, на Онежское озеро, чтобы убедиться через окно, что эта беда произошла не здесь.

– Что они говорят? – полюбопытствовал раджа, пропустивший начало репортажа, у переводчика.

– Г-говорят, скорость волны восемьдесят километров в час. Заметили только сейчас. Она достигнет границ турнира через десять минут, – в некой растерянности произнес тот.

Раджа убрал в сторону карты с двумя тузами, встал со своего места и подошел к князю Долгорукому, замершему в центре зала перед экраном. В этот момент он хотел быть первым, кто скажет необходимые и крайне важные слова устроителю турнира – то, что каждый на его месте желал бы услышать: дань уважения и долг гостя хозяину.

– Александр Сергеевич, – с ощутимым акцентом, чуть медля и подбирая слова чужого языка, начал раджа, – то, что произошло... сейчас, перед всеми нами...

– Да, – сухо сглотнул князь, продолжая сжимать бокал.

– Это восхитительно! – торжественно завершил Миттал, поворачиваясь к остальным судьям.

– Наконец-то достойное испытание, – поддержали в зале.

– Жемчужина! Я уж думал, эта тягомотина будет длиться еще двое суток.

– Мы не сомневались в вас, князь. – Слова сопровождались одобрительными кивками – не всех, но десяти судей.

Одиннадцатый силуэт молча застыл в глубине беседки, пряча эмоции за тенью навеса, укрывавшего его от яркого света экрана.

– Да, – повторил князь, слегка обозначив поклон. – Спасибо. Вынужден вас покинуть. Надо за всем проследить.

Стараясь двигаться не слишком быстро, он направился в сторону рукотворных озер – там был один из выходов. Привычным жестом поставил бокал на поднос официанта.

Бокал, оплавленный Силой по всей длине ножки, неуклюже упал

набок, выплеснув на поверхность подноса и на фартук слуги алое пятно.

Только пройдя комплекс озер, князь позволил себе сорваться на бег, игнорируя удивленные взгляды случайных встречных. Говорят, бегущий по коридорам начальник – плохая примета. Они даже не представляли насколько.

Следом, покинув свою беседку, медленно и неспешно вышел румынский князь. Соревноваться в беге с Долгоруким ему даже не пришло в голову – какой в этом смысл, если можно подождать нужного ему человека на вертолетной площадке.

Старому князю Долгорукому повезло еще пару минут пребывать в неведении насчет своего статуса «нужного человека». Новости сын доставил самолично, проигнорировав телефон.

– Я уже распорядился перекинуть войска и инженерные части. Готовим массированный арт-удар по руслу реки. Мы скажем всем, что это новый этап соревнований, – лихорадочно вышагивал по ковру кабинета нынешний князь, не отрывая взгляда от ритмично повторяющегося рисунка на ворсе. – У нас все еще под контролем!

Щелкнула тяжелая оплеуха, от резкого звука которой прояснились панические мысли в голове.

– Спасателей поднял? – глухо прозвучал голос враз постаревшего старшего родственника. – Поднимай. Всех предупреди. Всем гербовым вертолетам участников – координаты и зеленый коридор. Эвакуация.

– Но мы можем...

– Немедленно!!! – рявкнул старик так, что дрогнули стекла. – Кто у нас на месте из старших?

– Андрей уводит в сторону дождь, – ответил князь, непослушными пальцами набирая центр координации турнира.

– Пусть держит волну с остальными.

– Он не сможет, – поднес князь аппарат к уху.

– Пусть сделает или умрет, – глухо ответил отец и дед... А после напряженной паузы добавил с горечью: – Мы тоже должны кого-то потерять. Иначе будет не отмыться.

– Все останутся живы! – упрямо наклонил голову Александр Сергеевич. – Подлетное время по спутникам...

– Придет волна, – прошипел Сергей Михайлович, надвигаясь на сына. – Заберет всех с собой. За мусором и мутной водой твои спутники ни-чер-та не увидят!!! Сколько продержатся их щиты, камешки и перстни?! Какому виру назначат нам их отцы?!

– Но должен быть виновник! – с некоторой оторопью, только сейчас осознав всю грандиозность пропасти, разверзшейся под родом и кланом, произнес сын.

– Так найди его!!! А пока делай то, что я велю!!!

Старый князь вышел из кабинета и зашагал к лифтам.

– Оператор слушает, ваше сиятельство, – бодро произнес голос в ухе.

– Оператор, вторая полка, конверт номер три. Открыть немедленно. Приступить к исполнению, – стараясь говорить буднично, распорядился князь.

Палец с силой продавил клавишу отключения. Еще один номер.

– Канцелярия! – ответил немолодой женский голос.

– Юлия Сергеевна, шестой конверт. Немедленно. Подтверждаю, – не сдержался от горечи в голосе.

– Вы подтверждаете?.. – запоздало уточнили с некой растерянностью. И тут же добавили: – Принято.

Эвакуация женщин и детей клана в день конца света не бывает лишней. Так же, как и вызов всех союзников. Осознание беды пришло слишком поздно, но вместе с ним появилось полное понимание всей картины происходящего. Горькой и крайне тревожной.

Это не рядовое ЧП, тут и думать нечего. И не простая диверсия. Гигантская волна не только окатывала грязью репутацию Долгоруких. Ее мутные воды смывали в океан все надежды и чаяния получить земли Борецких.

Повсеместное освещение турнира, невероятное внимание к нему и ожидаемый грандиозный успех соревновательного замысла – все должно было привести к тому, что место, где он проводился, в людских умах привяжется к фамилии клана, станет ассоциироваться с ней. Дорогие подарки и щедрые авансы, выданные императорской фамилии, должны были узаконить свершившийся факт.

Кто-то, видимо, этого вовсе не желал. И был зол настолько, что решил наказать Долгоруких, втянув в конфликт с десятком сильнейших семей империи. Будет радость, если это не закончится войной.

Александр Сергеевич оглядел кабинет отца, пытаясь сохранить в памяти атмосферу добродушия и богатого спокойствия. Затем развернулся и быстрым шагом последовал за старым князем.

Опыт поколений и житейская мудрость обретают бессмертие в поговорках и крылатых фразах, красивых сравнениях и народных байках. Правда, доподлинно неизвестно, сколько времени требуется, чтобы черта

характера стала понятием нарицательным. Вот, например, старому князю Долгорукому Сергею Михайловичу хватило всего пары дней, чтобы всей душой принять правильность фразы «упрям как румын».

Мировая несправедливость заключалась в том, что это, по всей видимости, только его опыт и личная боль.

– Ты что тут делаешь?! – рыкнул Сергей Михайлович, распахнув дверь вертолета и глянув на князя Вида снизу вверх.

– Сижу, – невозмутимо ответил тот, будто вертолет изначально строился в комплекте с ним.

Князь дернулся и обернулся к нервно переминающемуся начальнику охраны вертолетной площади.

– Что он тут делает?!

– Мы пытались его не пустить, – вытянулся во фрунт верный служака, досчитывающий до пенсии последние деньки на почетной службе. – Даже стреляли.

Похвально, бесстрашно, но ожидаемо бесполезно.

– Ладно, летим на втором вертолете, – махнул рукой на проблемного гостя старый князь.

Благо личная площадка вмещала две разъездные вертушки – для отца и сына.

– Он не работает, – донесся со спины голос румына.

– Это еще с чего?!

– Они в меня стреляли.

– Ваше сиятельство, он сначала в тот вертолет сесть хотел, – пояснил начохраны из-за правого плеча. – Там пулями приводы винтов посекло. Техников уже вызвали, к вечеру обещают...

– !!!!! – именно столько восклицательных знаков было в экспрессивной речи, обращенной подчиненным к румыну и немного к небесам.

– Что тебе надо, а? – уже устало обратился к Виду старый князь.

– Ничего, – невозмутимо пожал он плечами. – Ты лети по своим делам, не обращай внимания.

– Выбери себе другой транспорт, я сейчас не в город.

– А мне не надо в город, – одними губами улыбнулся князь Вид.

– Друг, действительно не до всего этого. – Сергей Михайлович забрался внутрь, заметил вышедшего на крышу сына и ударил по перегородке кулаком, приказывая пилоту заводить машину. – Куда тебя доставить?

– Пока не знаю. Полетаю. Может, скажу.

– Мы будем долго летать, – начал терять терпение старый князь.

– Этот год у меня совершенно свободен, – меланхолично ответил Вид, глядя перед собой.

– Ладно, – вновь махнул старый князь рукой и пересел чуть дальше, уступая место нынешнему главе рода.

– Отец? – не удержался сын от вопроса, указав глазами на нежданного попутчика.

– Ничего не спрашивай, – поднял тот ладони и отвернулся к иллюминатору.

– Рад, что в эту трудную минуту вы с нами, – понял по-своему Александр Сергеевич, кивнул князю Виду и нацепил на голову наушники.

– Я не с вами, – донеслось еле слышно.

– ... Жаль.

– Молодой еще, – с некоторой скорбью посмотрел князь Вид на старшего Долгорукого. – Не понимает.

Тот хотел было раздраженно мотнуть головой и гневно (но про себя) ответить, что понять его могут только по известному адресу в известном месте с желтыми стенами и дверьми без ручек.

Но вместо этого замер, утратив всякие эмоции. Лицо его выражало безмерные уважение и признательность.

– Я запомню, – благодарно качнул он головой.

– Эй, – усмехнулся самый старый «виртуоз» этого мира, за услуги которого обычно расплачивались поколениями. – Я просто лечу рядом.

Это не значило, что платить не придется. В мире вообще не бывает ничего бесплатного, кроме ненависти и боли.

Просто однажды придется сесть в один вертолет с князем Видом и полететь отдельно от него. Но в итоге прибыть все равно вместе. Если повезет, даже вернуться назад. Потому что те проблемы, которые не сможет решить это существо, вряд ли под силу князю Долгорукому. Зато не будет долга на клане и семье. А одна жизнь взамен многих – всегда хороший выбор.

Впрочем, сейчас была надежда справиться без упрямого попутчика, и на это Сергей Михайлович искренне рассчитывал. Пока они не прибыли на место.

Река под ними соревновалась ревом с вертолетным гулом, срываясь с высоты плотины кажущегося бездонным водохранилища. Спокойствие зеленовато-синей воды с одной стороны бетонного барьера и пенное бешенство, на добрую сотню метров взлетающее от удара по бетонированному дну канала, – с другой.

Машина вильнула вверх и к берегу, словно опасаясь, что стихия дотянется до брюха машины и утащит за собой вниз.

– Где наши люди? – повернулся Сергей Михайлович к сыну.

Тот молча указал на правый берег, там в отдалении проглядывала широкая поляна, возле которой хищными птицами кружили несколько вертушек. Грязно-желтая камуфляжная расцветка машин и палаток под ними терялась на фоне осеннего леса, так просто не заметить, а гул вертолетов просто не был слышен в окружающем буйстве.

– Давай к ним.

Машина рухнула отвесно вниз и в сторону, пилот, прочувствовав важность каждой секунды, не особо заботился о комфорте пассажиров.

На земле уже ждал доклад – традиционно поспевшая первой разведрота отчиталась о физическом блокировании механизма закрытия шлюза и об обнаруженном минировании плотины. Живого персонала нет, следы нападения зафиксированы, время нападения по характерным признакам зафиксировано – полтора – два часа назад.

– Саперы уже работают, ваше сиятельство. Также собрана бригада из добровольцев, пытаемся срезать сварку на затворах. Продвигаемся, но мешает поток воды, – доложили ему деловым тоном, без особых эмоций.

Как будто там нет напора, способного сорвать с высоты и сломать шею о камни.

– Сколько времени вам нужно?

Старый князь стоял впереди треугольника из прибывших высоких персон, из-за общего напряжения ситуации позабыв уступить место сыну. Это дело младшего – требовать отчета, карать и награждать, но сейчас было не до церемоний. Тем более что внук, возглавлявший операцию на земле, прекрасно знал, кто руководит кланом, а кто и есть – клан.

– Час, максимум полтора, – прищурился на солнце солдат. – Но закрыть все равно не сможем, пока не восстановят электропитание. Враг все срезал, уничтожил кабель и разграбил автоматику затворов. Ожидаем специалистов и ремкомплекты из столицы. Сложная номенклатура, но обещают уложиться в три часа.

– За это время все до океана смоем, – процедил старый князь в сторону, коротким кивком приняв доклад.

– Деревья замедлят волну, – предложили из-за спины. – Может, бомбардировка?

Старый князь глянул на сына как на несмышленища. Даром что тому шестой десяток. Ведет себя, как... Недостойно. Говорит до того, как думает.

Накопленная за годы вода будет истекать еще очень долго, а преграду ниже течения сметет, не заметив. Впрочем, хватило взгляда, чтобы на нынешнего главу рода снизошло озарение, внешне это выразилось в нервно закушенной губе, но пояснять при посторонних не пришлось.

Разум старого князя искал решения проблемы, сердце заходило недобрым стуком, напоминая о возрасте.

– А где князь Вид? – выйдя на мгновение из столь же тяжелых раздумий, спросил Александр Сергеевич, оглядываясь по сторонам.

Сергей Михайлович тоже с некоторой растерянностью рефлекторно оглянулся.

– Вот ять! – в сердцах припомнил он старославянскую буквицу, так же не обнаружив вздорного румына.

Где-то недалеко воздух дернуло резким криком постового: «Стой, кто идет!»

– Ага! За мной! – нахмурившись, бульдозером двинулся старый князь в ту сторону.

Шагнув было туда же, остановился командир разведроты, уступая им и жестом успокаивая насторожившихся от крика дежурных.

Между тем интуиция Сергея Михайловича не подвела.

– Уважаемый, я не вхожу, я выхожу, – вежливо обратился князь Вид к патрульным, не обращая внимания на приставленное к груди дуло автомата.

– Руки за голову, на колени! – в некоем ошеломлении требовал от него молодой солдат эдак лет девятнадцати, разглядывая старика без бровей и волос в традиционном наряде из красного и черного, вышитом золотом, и шапке с алыми камнями.

Не самая рядовая встреча в диком лесу. Особенно если такой подходит из-за спины, куда зайти просто не мог!

– Давай я пойду, а ты стреляй, – со вздохом предложил румын компромисс и уже собрался идти дальше.

– Отставить! – на всякий случай крикнул Сергей Михайлович солдату.

– Стой, кто идет! – вместо этого произнес в панике молодой и направил ствол уже на них.

– Боец, смотри налево, – указал старый князь на сына. – Узнаешь?

– Руки за голову, на колени!

– Да твою же... Потрет у вас в части висит, над входом и в актовом зале, – раздраженно посмотрел Сергей Михайлович в спину неспешно удаляющемуся румыну, а затем повернулся к сыну. – А ты сделай одухотворенное лицо. Вот так.

– Ваше сиятельство! – признал солдат, опуская оружие. – Виноват, ваше сиятельство!

– Благодарю за службу! Продолжать наблюдение! – побежали князя вслед за румыном. – И не вздумай ему в спину пальнуть!

Красно-черная одежда то терялась впереди между ветвями, то появлялась на другой стороне неглубокого овражка, который пришлось обходить, чтобы не завязнуть в грязной луже на его дне. Погоня уже превратилась в самоцель, заглушив вполне логичную мысль: «Ушел – да и черт с ним, не маленький».

– Гребаный партизан, – чертыхался Долгорукий-младший.

Становилось ясно, почему за все эти годы румына так и не выгнали из родных лесов. Тут бы самим не сгинуть, за ним шастая.

Шикарные ботинки были заляпаны глиной, брюки до колен покрылись грязной влагой и паутиной, а лицо и прическа из-за попадающихся ветвей уже выглядели так, что князя в каждом из них не признал бы даже собственный секретарь.

– Сейчас колокол найдем, станция и комбинат нашими будут, – позволил себе шутку Александр Сергеевич, вытирая пот со лба.

– Так и так будут, – пер буром вперед Сергей Михайлович. – Внуки пока первыми идут.

Слабая улыбка на его лице тут же погасла. Уже никуда не придут.

Ввинтившись в ярости в очередную группу кустов, старый князь неожиданно для себя оказался на берегу водохранилища, где-то в паре километров от водосброса. Река тут ревела почти столь же сильно, но о катастрофе говорили только звук да пар, поднимающийся вдали. А без этого – будто бы и нормально все, только тянет сор на воде в сторону, да и то – может, ветром гонит. Слишком тут этой воды много. И зачем Борецким столько? Даже больших поселений рядом толком нет.

Мысли пронеслись мгновенно и тут же сменились более яркой эмоцией – догнали.

Князь Вид стоял у самой воды, заложив руки за спину. Он был отвратительно чист – аж негодование брало.

– Тут место, в которое тебе надо? – кое-как отряхнувшись, подошел к нему старый князь и встал рядом.

– Ты воду подкидывать умеешь? – мельком глянул на него румын.

– Да, – не стал тот обращать внимания на очередное чудачество.

– Много воды, Силой, – уточнил гость.

– Могу, – уже иным тоном подтвердил Сергей Михайлович – собранный и спокойный.

Мало ли...

– А твой сын – держать ее в воздухе?

– Да, – выступил вперед Александр Сергеевич, до того стоявший за спиной.

– Тогда ты подкидывай, а ты держи.

Все еще с неким сомнением старый князь черпанул Силой воду в сотне метров от них и бросил вверх. Вода, как и положено, с брызгами плюхнулась вниз, пустив кольца по поверхности.

– Выше кидай. И больше.

подавив накатившее раздражение, Долгорукий выполнил просьбу.

Мир рядом дернуло резким порывом Силы, наждачкой черканув по обостренным чувствам. В воздухе резко заискрилось и дыхнуло холодом.

То, что было выплеснутой вверх волной, рухнуло вниз ледяным осколком.

– Он не держит, – пожаловался старику на родственника князь Вид.

– Сашка!

– Делаю, – сухо отозвался нынешний князь и Силой вытащил из воды упущенный от удивления ледяной булыжник.

– Где вода? – проворчал румын.

– Будет тебе вода, – лихорадочно пробормотал старый князь, распахивая ладони и пытаясь прочувствовать объем, который следует поднять.

Из воды показалась кромка высотой в полметра и длиной в полноценные три сотни, пеналом выдвинувшаяся из глади водохранилища и мутноватым стеклом потянувшаяся ввысь. Поверхность тут же покрылась инеем под скрип и хруст скованной волшебством воды, выводившей зимние узоры на гигантском полотне.

– Держит? – уточнил Вид.

– Держу.

– Тогда давай такое же стеклышко. Только чуть больше и шустрее.

Сергей Михайлович дал. И еще раз, и еще больше сотни раз, уже дыша горячим паром в стуже, идущей от огромной стены, созданной в небе из воды, холода и людской воли.

Рядом надсадно дышал сын, упрямо раздувая крылья носа и удерживая созданное ими над водой.

Часы нагло ввали о пятнадцати минутах, прошедших с начала спасательной операции. Тело и разум жаловались на сутки без сна и отдыха, и только ужасно бодрый румын требовал еще и еще воды, делая что-то невообразимое в небесах – замораживая, склеивая между собой

холодом, придавая форму, ребра жесткости и округлый контур преграды в половину километра высотой.

Иногда Александр Сергеевич невольно ослаблял контроль, и барьер проседал на полметра, пока неведомо что не поддерживало его снизу. Он верил, что помогал отец. Отец верил, что сын отлично справляется сам.

Князь же Вид выглядел слишком бодрым, чтобы испытывать к нему положительные чувства.

– Теперь носи это к водосбросу и перекрой его, – буднично подвел румын черту титаническому труду, выдохнув слова теплым облачком.

«Оказывается, он еще теплый, после стольких-то лет», – пронеслось ворчливое в голове старого князя.

Громада льда, трещавшая под собственным весом, медленно поплыла к цели, накрывая тенью двух «виртуозов» и одного «мастера».

– Погрузи осторожно, сбрасывать не смей, – въедливым прорабом стоял румын за плечами вспотевших от напряжения князей.

Те же испытывали к нему светлое чувство любви подчиненных к мудрому начальству.

Громада льда шевелилась, легонько качалась от налетающего ветра, сбивала птиц и лишала уверенности в собственном здоровье случайных наблюдателей.

В момент погружения по глади водохранилища прошла высокая волна, а вместо рева падающей воды пронесся тоскливый стон бетона, по которому закрипела ледяная преграда, ударившись о дно и почти полностью перекрыв сечение шлюзов. Что-то наверняка все равно протекало, но это был совершенный пустяк.

– Справились, – рухнул как подкошенный сын.

– Нормально, – согнул колено и чуть ссутулился отец.

– У тебя телефон ловит? – обратился к старшему безо всякой торжественности князь Вид.

– Спутниковый, – качнул тот головой и выудил аппарат из внутреннего кармана. – Держи.

– Мне не надо. Ты там позвони. Пусть Самойловых найдут и спасут. Их по реке, должно быть, сильно вниз снесло. Долго вы возились.

– Всех ищут одинаково тщательно и эвакуируют при первой же...

– Эй-эй, – небрежно отмахнулся князь Вид. – Пусть Шереметевых ищут одинаково тщательно, ладно? Вяземских пусть так ищут. А ты мне Федора найди.

– Найду, – пообещал князь, набирая номер штаба турнира, который ныне стал штабом спасения.

– Найди, – коротко кивнул князь Вид, поворачиваясь к лесу и неспешно двигаясь обратно.

– А если они уже погибли? – шепотом спросил Александр Сергеевич отца.

– Видел, под водой глыба? – нахмурившись, поднес к уху телефонную трубку князь. – Здоровенное надгробие, а?

Глава 28

Потрескивает прямоугольный парус под сильным ветром, грозясь сорваться с тонкой мачты. Под ногами десятки метров студеной воды, плещущей через борт в поисках крохотного огонька, тщательно оберегаемого и хранимого на носу корабля. Над головой несутся вдаль хмурые тучи, угрожая вновь пролиться ливнем. Земля на дне реки терпеливо ждет, когда разойдется шнуровка на плоту. Да и огонь, даром что согревает одежду и пищу, нет-нет, да покусывает сухую ткань искрами, разлетающимися от углей.

Но человек, стоящий между всех стихий, тверд. Его взгляд обращен по курсу на горизонт. Его руки заложены за спину, подбородок гордо приподнят. Ему нипочем холодный ветер, его не страшит темный лес, внимательно поглядывающий в спину с высоких берегов.

– Господа, дело сделано, поступок совершен. Сомнения остались в прошлом, и нечего вспоминать их снова. Здесь и сейчас только мы, объединенные одним решением, одной судьбой на всех. И только время расставит все по местам!

– И все-таки я думаю, что рыба немного испорчена, – с сомнением потрогал живот Паша.

– Слушай, мы вместе решили это съесть, – прервал я свою речь и оторвался от торжественного разглядывания пути впереди. – Вон у Артема ничего не болит.

– Я не ел, – поднял тот руку. – У меня Паша долю выиграл.

– Я тоже проиграла, – раздался по другую сторону паруса Светин голос.

– У меня мышь стошнило.

– Зато ты отлично играешь в камень-ножницы-бумага! – присел я к хмурому Пашке и ободряюще похлопал его по плечу. – Отличный, кстати, рецепт. Где научился?

– Там еще соль нужна, специи, овощи и оберточная бумага, – буркнул он. – И костер у нас маленький, чтобы целиком запекать.

– Нормально, я же съел, – успокоил его. – И ничего, отлично все.

Нет, ну не съел, но попробовал. Визуально. А затем тайком предал прах воде.

Да, кстати говоря, шоколад кончился. Да и остатков гречки – всего чуть, а никаких новых волков возле берега, которых можно было бы

освободить в обмен на справедливую награду, не наблюдалось.

Потому остро встал вопрос о пропитании. И тут уж действительно тот случай, когда ответ на него лежал под ногами. Вернее, плавал. Осталось только поймать.

В качестве приманки решили использовать чуть подгоревшие остатки крупы на дне котла. Леской послужила расплетенная по краю платья нить, а вот насчет крючка было аж два предложения: согнуть иголку и использовать Светину сережку – там как раз подходящий замочек, да и грузило из него отличное. Ребята настаивали на первом варианте, да и самой хозяйке не очень хотелось расставаться с красивой вещью. Тем более весьма дорогой. Я как услышал цену – сразу решение принял. Семьдесят тысяч! Раз Света на такое повелась, то вся местная рыба тоже наша. И пока Артем зализывал проколотый иголкой палец, выудил первый улов – не сильно большую рыбеху в ладонь величиной.

– Плотва, – авторитетно заявил Паша.

За что тут же был признан экспертом с мировым именем и записан в повара.

Он, конечно, протестовал и стеснялся, но после торжественного обещания съесть все, что он сварит, уступил.

– Я приготовлю вам рыбу по-итальянски, – благосклонно кивнул нам.

За этим названием скрывалась не самая легкая смерть нашего улова.

Надо сказать, немного опрометчивое решение стоило нам шести рыб, а повару легкого пищевого отравления.

К счастью, остальную добычу вызвалась спасти Светлана – она готовить не умела, но когда-то проходила курс выживания на дикой природе. Так что после краткого вояжа к берегу и собирания кислой красной ягоды да оставшихся с лета безымянных кореньев в котелке кипела крупа пополам с очищенной от чешуи рыбой.

Не знаю, каким будет результат. Вон с Пашей тоже был сплошной энтузиазм, а завершилось все кремированными в глине тушками. Большая их часть до сих пор дожидалась своего часа в ткани на краю плота, положили их так специально, чтобы нечаянно сорвались в воду под хор разочарованных голосов, уже готовых восхвалить поварский талант Павла и скорбеть о необратимой трагедии, унесшей в коварную воду истинный шедевр кулинарии. Но шедевр кулинарии, как и всякое зло, не желал покидать этот мир и потихоньку травил совестливого повара, который все пытался найти причину своего промаха и периодически пробовал рыбу.

– Может, если переложить ягодами, они оттянут на себя горечь...

– Обязательно попробуем на ужин, – незаметно пододвинул я

«шедевр» к самой кромке плота.

– Там человек у правого берега, – звонко оповестил всех Федор.

На правом берегу к реке выходила очередная просека, заканчивавшаяся у отвесного обрыва на высоте нескольких метров. Там действительно кто-то был, на фоне осенней серости выделялся аляповатый яркий наряд из синего и красного. Метров триста до него, плюс стоит позади нас, да против солнца – не разглядеть.

– Вроде один, – констатировал Артем, на манер козырька прикладывая ко лбу ладонь.

Человек заметил наше внимание и скрылся в лесу.

– Значит, мы все еще на маршруте, – облегченно выдохнул Паша.

Да как-то и не было сомнений: просеки на берег реки выходили часто, а бурелом из них выбрасывали отвалами прямо вниз. Один раз даже углядели целую команду, но впереди себя и издалека. Они нас тоже заметили, посчитали догоняющими и вновь вернулись в свой лабиринт. Мы же неспешно двинулись по прямой, не сильно переживая из-за явного отставания. Разве что Паша взялся грести деревяшками, тревожно поглядывая на берег, но через час спокойствие пришло и к нему. С тех пор у нас появился парус, созданный из подкладки юбки Светы, части полотна от контейнера, Пашиного пиджака и его же упрямства, сшитых друг с другом бечевой. Неказистый, но довольно плотный, чтобы держать ветер, парус был успешно закреплен на реях, за которыми мы сплавали к очередному завалу из деревьев возле берега. Ветер нам благоволил, унося тяжелые тучи куда-то вперед по течению, а заодно придавая ускорения через сомнительную Пашину конструкцию. Не скажу, что сильно, но под особо мощными порывами ветра плот иногда серьезно клевал вперед, зачерпывая немного волны. Потом Паша провел повторную развесовку всего тяжелого по поверхности (то есть указал, где садиться и откуда лучше не уходить), и мы поплыли без холодной воды на борту.

– Само собой на маршруте, – подтвердил я очевидное, внимательно приглядываясь к цвету его лица. – К берегу точно не надо пристать?

– Зачем? – по инерции переспросил он.

– Ну там, ягоды, кусты, – шепотом уточил я. – В основном кусты.

– А? Нет, – замахал он руками. – Все в порядке. Вернее, с рыбой вот не очень, а мне нормально. Только обидно немного.

– Смотри сам, – хлопнул я его по плечу, неуклюже поднялся, чуть не смахнул остатки рыбы в воду, но и тут не повезло.

– Там снова он! – чуть тревожно огласил воздух Федор, указывая на просеку куда ближе, в сотне метров от нас.

Человек мелькнул буквально на секунду, но такой наряд в голых ветвях не укрыть.

– Да и пусть себе бегают, – хмыкнул Артем, мельком глянув на лес и с куда большим интересом присматриваясь к содержимому котла.

Там уже вовсю кипело, а ветер срывал из-под крышки довольно приятный аромат похлебки.

– Она! – приподнялся на ноги Федор парой минут позже, указывая на берег рядом. – Это она!

С ближней просеки буквально летел вниз девичий силуэт, ловко перепрыгивая через узловатые высохшие корни деревьев, обнаженные сходом почвы, через выветренные песчаные вертикальные откосы, находя точку опоры на темноватых участках утлых кустарников и сорной травы.

– Быть такого не может, – поднялся Артем, и я вместе с ним.

Синяя накидка с рукавами прикрывала знакомое платье, уже не белоснежное, скорее, серое, поверх которого юбкой до пола были застегнуты лоскуты алого цвета. На ногах – мужские ботинки, на голове плотная серая повязка, закрывающая волосы. Ноги перетянуты плотной серо-белой тканью, подвязанной лентами синего цвета. Но это без сомнения она. Ника.

– Максим! – ударило с берега моим именем. – Надо поговорить! Подождите!

Ко мне, ожидая пояснений, обернулись друзья. А я молча смотрел вперед.

Плот шел по воде дальше, вслед за ним, отставая из-за наваленных на берег деревьев, бежала девушка.

Правильное решение все еще не желало превращаться в слово.

– Может, пристанем на минуту? – предложил Артем. – Объяснитесь? – попытался заглянуть он в глаза, коснувшись плеча.

– Никого чужого больше не видно, – бодро доложил Паша, поднимая с плота длинный шест.

– Можно просто подойти чуть ближе, чтобы через реку не кричать. А мы отвернемся.

– И даже уши закроем, – подтвердил Федор.

– К волкам в загон ты вообще первым залез, а сейчас стоишь столбом, – возмутился капитан, собираясь править к берегу.

С волками все просто, а тут...

Впереди река слегка сворачивала вправо, перебираясь через небольшой порожек, заваленный по обе стороны камнями. Правильно решиться сейчас, пока сама природа не отберет другой вариант.

Ника, заметив преграду впереди, остановилась у самой воды и принялась сбрасывать с себя лишнюю одежду, шагая вслед за плотом. А затем, скинув накидку с волос и оставшись в укороченных брюках до колен и рубашке, бросилась в холодную воду, широкими гребками направляясь к плоту.

– Ну вот, – возмущенно всплеснул руками Артем. – Теперь ее еще нашей ухой отпаивать. А пристали бы к берегу – и угощать не пришлось бы.

– Да не жалко, – хмыкнул с улыбкой Паша.

– Тебе легко, ты рыбу ел.

Тот зябко поежился и от комментариев воздержался.

Между тем девушка изрядно сдавала, каждый мах руки явно давался тяжелее. Промокшая одежда тянула на дно, а вроде бы попутное течение стремилось унести к берегу.

– Максим, она же утонет. Помоги ей, – прошипел сквозь зубы Артем, забирая шест у Паши и передавая мне. – Хотел ведь ее видеть, а сейчас сам не свой.

Да, кое-что правильное в его словах было.

Я подошел к краю плота, вытянул вперед шест, удерживая двумя руками. Подвел к Нике. Чуть отвел в сторону, пропуская вытянутую в его сторону руку, и аккуратно, в плечо, оттолкнул ее от плота.

Девушка забарахталась в воде, затем парой махов выровнялась на поверхности и остановилась, двигая руками, чтобы не пойти ко дну. Более она нас не преследовала.

– Максим, ты что творишь? – в растерянности повернулся ко мне Артем.

– То, что ты просил. Помогаю ей тонуть, – отдал я шест Паше и вернулся на свое место.

– Я такого вообще не говорил!

Рядом поспешно разувался Пашка, явно собираясь броситься Нике на помощь.

– Может быть, – пожал я плечами.

– Наверное, Максим хотел сказать, что у одинокой и беззащитной девушки наряды аж четырех команд, – впервые подала голос Светлана, невозмутимо помешивая рыбный суп в кастрюле.

– Да? – замер с одной штаниной на ноге Пашка.

– Может, забрала у волков? – неверяще глядя на берег, где осталась одежда девушки, напряг взгляд Артем.

– Волки нынче любят одеваться как Вяземские, Алабышевы и

Орловы, – покорным тоном согласилась с ним Света.

– Да ну, она же одна, – с сомнением пробормотал Артем.

– Да еще без ятагана и боевых вееров. Бедная, одинокая и прекрасная, – улыбнулась Света ему и подняла голову вверх, мечтательно прикрыв глаза. – Как такую не пожалеть, верно?

От такого Артем почему-то слегка побледнел, тут же взял шест в свои руки и сильными движениями оттолкнул плот от берега, поближе к стремнине.

– Слушайте, ну все равно так нельзя, – буркнул Паша, одеваясь. – Давайте хотя бы рыбу ей кинем.

– Не будем усугублять ситуацию, – мельком глянув назад, качнул головой Артем. – Может, мы все неверно поняли.

Девушка продолжала держаться на воде и смотреть нам вслед.

– Тогда она замерзнет, ее ногу сведет судорогой, и она утонет, – зябко пожал плечами Федор и укоризненно на меня посмотрел.

– Целитель. Не утонет, – нескладными фразами успокоил я его, глядя по курсу движения плота.

– И все-таки это неправильно, – подытожил Пашка, перебираясь поближе к котелку с ухой.

Даже после того как Ника в пару десятков гребков достигла берега, атмосфера некоторой неловкости еще долго присутствовала в воздухе.

– Рассказал бы, откуда вы знакомы, – обратился ко мне Артем.

– Она мне пломбир должна.

– О как, – чуть растерялся он, а затем продолжил обеспокоенно: – Слушай, а я тебе ничего, случайно, не должен? Просто я бы вот прям сейчас отдал, вот честно.

– Нет, не должен, – успокоил я его.

– А я? – взволнованно поддержал Паша.

– Да успокойтесь вы, – буркнул я им, выудил из кармана ложку, попробовал суп, одобрил и принялся за более длительную дегустацию.

Остальные тут же поняли, что говорить во время еды вредно – это ведет к сокращению доли в общем котле.

После сытного обеда отношения изрядно потеплели. А тут еще кремированные тела рыб все-таки упали в воду, и будущее стало еще приветливей.

Турнир двигался вперед чуть быстрее течения реки, над головами сияло солнце. Синее, по-осеннему глубокое и холодное небо более не закрывали темные тучи – их ветер согнал далеко вперед, в одну черную линию на горизонте.

Вот только в последнюю пару минут Артем то и дело замирал на месте, а порою неловко, тайком от остальных, вытягивался во весь рост и поднимался на цыпочках, пытаясь то ли углядеть что-то, то ли услышать.

– Странно. Звук какой-то знакомый, – опередил он вопрос, махнув рукой назад.

– От берега? – уточнил Паша.

Рядом встrepенулcя Федор, с самого утра выполнявший почетную роль вахтенного.

– Нет там никого, – категорично заявил он.

– Да не с берега, – досадливо поморщился Артем. – Такое ощущение, что отовсюду сзади. А еще справа будто сирена воет, но тут не уверен, очень далеко.

– Я вообще ничего не слышу, – приложив к уху ладони, констатировал я. – Ветер, вода, птицы.

– Может, показалось, – все еще с сомнением опустилcя на cвое место Тема, пододвинул к себе футляр со скрипкой и крепко прижал ее к груди.

– Что-то есть, – через какое-то время заволновался Паша. А затем закатал рукав и сунул руку в воду чуть ли не до плеча. – Точно есть! Землетрясение!

– Да откуда оно в наших широтах, – прикусил губу Артем и вновь принялся вглядываться назад, отыскивая источник беспокойства.

Рядом Света методично застегнула на Федоре все пуговицы, игнорируя вежливые протесты, а затем ловко опоясала его концом бечевки, накрепко обвязав другой конец вокруг себя, села рядом и распахнула зонт над головой.

– Там что-то есть, – пояснила она спокойно на мой удивленный взгляд.

И было в ее словах и действиях нечто, что взволновало куда больше, чем предчувствия ребят.

– Огонь затушить, – распорядился я, самостоятельно зачерпнул котелком воду и погасил пламя небольшого очага. – Парус снять.

Тут уже Паша сдернул ткань с рей, выдернул мачту из щели между бревен и сбросил ее в воду. Затем суетливо распорол ножом из трофейного комплекта скрепляющие парус нити и набросил на плечи свой пиджак.

А говорил, не холодно ему.

Но было не до дружеских подтруниваний – вода на реке отчетливо покрывалась рябью, а тревожная дрожь земли, похожая на глухой бой далеких барабанов, не давала сомневаться в близости беды.

– Новое испытание, – собравшись, не допустил дрожи голоса Пашка и гордо выпрямился, желая взглянуть опасности в лицо.

Был он стоек и тогда, когда тихий гул обратился шумом. Но стоило шуму обернуться ревом, а на дальнем горизонте реки позади плота выплеснуться грязно-коричневой волне, невольно отступил на шаг и растерянно посмотрел на нас.

Волна летела над рекой, летела через лес, с грохотом прорываясь через ветви деревьев на берегах. Волна гремела камнями, сминая древесину, зло шипела, ударяясь о повороты русла реки.

– Это что такое?! – сделал Паша еще два шага по плоту, будто от этого можно было сбежать.

– Может, проверка умения действовать в смертельной ситуации? – меланхолично ответил Артем, одной рукой расстегивая скрипичный футляр.

– А кто не справится? – чуть успокоился от такой реакции Паша.

– О мертвых либо ничего, либо хорошо, либо правду.

– Ника, – шагнул я в сторону катящей волны и стал взволнованно оглядывать берег.

– Нашел когда о ней вспоминать, – заворчал Артем, просунув руку в еле заметную прорезь у края и выуживая что-то из глубины бархатной подкладки чехла.

– Она все еще должна мне мороженое! – сжал я кулаки. – Идем к берегу.

– Бред! – схватил меня Паша и тревожно посмотрел в сторону волны. – Поздно! Уже слишком поздно! Когда волна придет сюда, все прыгаем вперед и плывем по течению! И веревка! Нужна еще веревка, – обратил он внимание на бечевку, связывающую Федора и Свету. – Щиты все умеют поднимать?

– Умеем, – мельком глянул на него Федор, без паники и с некоторым энтузиазмом копающийся в своей сумке.

– Почему паникую только я?! – возмутился Паша, всплеснув руками. – Я что, только один это вижу?!

Волна между тем уже покрыла треть расстояния, явив свой истинный размер. Было в ней что-то около пятиэтажки в высоту, а шириной... грохот уже сейчас обнимал со всех сторон.

– Да все видят, – буркнул Артем, недовольно елозя рукой внутри чехла. – Что теперь, помирать?

– Просто... Я-то выживу, – как-то резко погрузился Паша.

– Да? – с интересом посмотрел на него Тема.

– Это ведь вода, – шмыгнул он виновато носом, приводя довольно сомнительный довод.

А затем, будто только вспомнил, содрал с мизинца левой руки небольшое колечко и протянул Федору.

– Вот, срочно надень. Это старый могущественный артефакт моей семьи!

Тот удостоил кольцо взглядом, хмыкнул и продолжил дальше копаться в своей сумке.

– Сейчас вообще не до капризов! – Паша вновь посмотрел на волну, досадливо дернул губой и повернулся к Свете. – Тогда ты возьми! Когда щиту останется пару секунд, используй! – тараторил он, тревожно оглядываясь. – А ты что делаешь?! – обратился ко мне.

– Правлю к берегу, – спокойно отозвался я.

– Нельзя! Нельзя! Там сомнет!

– Да я только немного подойду, потом спрыгну в воду и доплыву так. – Уверенность в своих действиях была выше и сильнее волны и не желала видеть ее в соперниках.

– А как же Федор?

Весь настрой тут же сбил, а выдох обернулся кашлем. Вместо прежних чувств – некая растерянность. Как я мог про него забыть?!

– Я остаюсь, – отбросил шест и даже мотнул головой, сбрасывая наваждение.

Поймал взгляд Федора и виновато опустил глаза. Даже ссутулился от случившегося, пообещал про себя не меньше вагона пластилина во искупление. И тут же понял, что откупиться после такого невозможно даже всем пластилином на свете. Украдкой наблюдал, как брат смотрел на меня еще несколько секунд, потом расслабленно махнул рукой, хмыкнул про себя и продолжил что-то искать в своей сумке, которой вроде как не положено было быть настолько огромной, чтобы тратить на это такое количество времени. А затем явно нащупал то, что ему нужно, – настолько просветлело его лицо.

Но первым о находке сообщил Артем.

– Так, ребята, все ко мне! – отчеканил он команду, умудряясь делать акцент на каждом слове. – Прижимаемся плотно-плотно!

В руке, выдвинутой на уровне груди перед футляром от скрипки, Тема сжимал старые на вид четки черного дерева с алыми прожилками, образующими ритмичный узор по чуть овальной поверхности.

Несмотря на надвигающуюся беду, ревевшую чуть ли не в шаге от нас, внимание захватила исходившая от вещи грубая Сила, бьющая учащенным пульсом во все стороны.

– Ух ты, – впечатлился Пашка.

– Это старый и могущественный артефакт НАШЕЙ семьи, – хмыкнул Артем довольно.

– Здорово, – произнес под руку Федор тем тоном, которым родители хвалят рисунки своего ребенка, обнаружив на листочке солнышко из кривого кружка и неровных лучиков. – А это – наш.

На ладони брата лежал жемчужный браслет, сотканный из застывшей океанской пены. Если всмотреться, детализация была настолько искусной, что взгляд буквально проваливался вглубь, находя все новые и новые образы, напоминающие то перистые облака, то поднятую ветром в жаркий день пыль. И только два недлинные выступа, кроваво-ржавых, острых, обращенных внутрь, портили картину.

От вещи не фонило Силой, но даже Артем как-то неловко убрал свою поделку в карман и, облизнувшись, потянул было руку к артефакту Федора.

– Кровавый! – тревожно воскликнул Паша, заставив Артема отдернуть руку. – Нельзя!

– А ты не пользуйся, – глянул на него тот мельком и вновь потянулся к вещи.

– Она от Силы владельца зависит, – пояснил Федор, перебивая близкую волну. – Чем сильнее – тем безопасней!

Под ногами уже отчетливо дрожал плот.

– Дай мне! – решился Паша, вновь дернув взглядом в сторону волны. – Я тут единственный с боевым рангом!

– Я сильнее, – положил Артем ладонь на закрывшийся в последний момент кулак Федора. – Света, подтверди.

– Есть такая версия, – серьезным тоном произнесла она.

Я просто молча раскрыл ладонь, не решаясь ничего говорить и даже смотреть на брата.

Вина все еще была по мне. То, что произошло, нельзя простить. Я никогда его не брошу. Но сейчас он вправе во мне сомневаться.

Рука ощутила ледяной холод жемчужного браслета.

– Мой брат самый сильный, – подытожил Федор. – Это общеизвестно, – с важным тоном завершил он.

А я с робкой благодарностью посмотрел на него.

– Блин! – возопили в голос Паша с Артемом и обреченно посмотрели на волну.

– Света, знай, в этот последний миг я хочу сказать, что я тебя люблю, – схватил Паша девушку за руку и нервно затараторил: – Если я не выживу, передай Кате и Марине, что их я тоже люблю! Но, разумеется, меньше, чем тебя! Но этого им не говори!

– Максим, отдай браслет. Ты же знаешь, кто я, – протянул ко мне раскрытую руку Артем.

– Да, – посмотрел я на него, а затем на совсем близкую волну. – Но ты даже не представляешь, кто я.

В браслет удалось продеть только фаланги пальцев, и он тут же прокусил острыми выступами указательный и мизинец. Боли не было – артефакт буквально проморозил их.

И ничего.

– Хм... – пощелкал я стекляшку ногтем другой руки.

– Мы все обречены, – вдохнул Артем, потерянно опуская руку.

Интересно, а как оно вообще работает? Волна любопытства хлынула от меня к браслету, наполняя Силой древнюю вещь.

И та будто отозвалась – но не яркой вспышкой заклинания, а некой эмоцией сомнения-узнавания. Будто, проходя мимо, мелькнул чей-то знакомый силуэт. Взаимная остановка и поворот на месте, и вот один из встретившихся уже тянет руку – явно кто-то из прошлого, но все мелькает на краю сознания разгадка имени и фамилии. Загадка узнавания – и она же ответ, стоит ли отвечать рукопожатием этому человеку.

– Короче, у нас проблемы, – деликатно шепнул я вещице, отмечая краем глаза, как Артем вновь выудил свои четки и собрал всех вокруг себя.

Вернее, собрал вокруг Федора, потому что тот смотрел только на меня и не желал двигаться.

А волна уже поднимала плот, собираясь подгрести всех под себя и размолоть между сором и речным песком.

– Но я все еще могу стереть тебя в пыль до того, как умру сам, – вырвались сухие слова угрозы совсем иным тоном.

Вспышка узнавания – и мир резко задышал жаром, вспыхнул на одно мгновение и оброс прозрачной чешуей мыльной пены на десятки метров вокруг, образуя сетчатый шар, в котором оказались мои друзья, плот и часть реки. Движение далось с трудом – пузырьки проминались под рукой, на месте пустоты возникали новые. Дышалось вполне обычно, воздух был свеж и тепл, но стерилен, как бывает в больнице – это чувствовалось после привычного запаха древесины, реки, хвои и углей. Рядом пытались делать осторожные шаги мои друзья. Кажется, они что-то восторженно кричали, но мелкая ячеистая сетка вокруг нас гасила звуки, и пришлось показать жестом, что я ничего не слышу. Через пенную преграду прорвался Федор и обнял меня. А затем нас подхватила волна.

Мы мчались ввысь огромным мячом. Нас подкидывало вверх, закручивало на волне, небо и вода менялись местами, нас бросало к берегу

и подхватывало вновь. Мы не слышали грохота, удары не чувствовались, а ощущение плота под ногами позволило Паше определиться, куда лечь и за что схватиться. Сверху, над нами, парила Света с зонтом в руке – она оказалась ближе к границе барьера, но ее не интересовала возможность выбраться. Она будто плыла – или летела – по этому кисельному мареву и, если присмотреться, – смеялась, наслаждаясь вновь пролетающей под нами землей.

Нас несло настолько долго, что даже Паше надоело бояться, и он освоил движение внутри барьера наравне со всеми, только внимание его было обращено вовне. Когда нас подкидывало особенно высоко и било о берег, он внимательно вглядывался во все вокруг, явно нацеливаясь на то единственное, что составляло главную суть турнира – найти колокол. Но вместо него – только несколько зеленых и фиолетовых вспышек мелькнули где-то вдаль, внутри мутной волны, несущейся среди деревьев.

Барьер был достаточно легкий, его защита хранила только нас, и вскоре вся захваченная вода под нами утекла обратно в реку. Всего в двух местах ячейки оказались наполнены водой с бултыхающейся в ней рыбой. Мы, как волейбольный мяч, взлетали от каждого удара стихии. Вскоре уже вся команда прониклась идеей Паши и внимательно смотрела по сторонам. Под нами все еще бушевали волны, но вокруг простирался лабиринт из просек, на метр погруженный в воду.

Наверное, прошел час, когда напор воды спадал. Всю ладонь уже охватили немота и холод, что продолжал тянуться к локтю. Крови не было, но рука побелела, и ладонь не чувствовала нажатия ногтем.

Нас в очередной раз закинуло к верхушкам деревьев, а от них отприкошетило еще выше.

– Там! – проревел Паша так сильно, что голос донесся даже через ячеистую структуру щита.

Всего мгновение виден был золотой отсвет вдаль, но его хватило, чтобы отпечатать в уме небольшую речку или ручей – явный приток – через который перекинут каменный мостик, точь-в-точь такой, какой был позади князя Долгорукого на вступительном ролике. Только над этим мостом сиял массивный золотой колокол, установленный прямо посередине, с каменной же надстройкой над ним.

– Снимай щит! – прорвался ко мне Пашка и буквально прокричал в ухо.

И остальные тоже взбудораженно посмотрели на меня. Волна действительно ослабела, но ее силы было вполне достаточно, чтобы стукнуть нами о камень. Жестом указал на плот – всем лучше находиться

не над ним, а позади, чтобы не удариться о дерево.

Не зная, как снимать этот щит правильно, я просто стянул браслет, морщась даже при нечувствительности руки от неохотно выходящих из кожи зубцов.

Барьер пропал в ту же секунду, и мы мгновенно свалились в мутную воду, подняв тучу брызг.

Я переложил браслет в другую руку, оглянулся в поисках Федора, с удовлетворением отметил, что он плывет к берегу, и тоже принялся выгребать одной рукой. Вторая не совсем слушалась. К счастью, вскоре под ногами стало прощупываться дно, основательно замусоренное ветвями и прочим, что принесла волна. Зато удастся отдохнуть.

– Там, я запомнил! – метался по берегу Пашка, помогая всем выйти из воды и буквально пританцовывая на месте от нетерпения.

Он будто не замечал мокрой одежды, Артема, хмуро выискивающего у самого берега пропавший ботинок, и меня с будто бы отбеленной рукой, на которую тревожно смотрел Федор, то и дело примеряя на мои пальцы все новые и новые кольца.

– Не работают, – в легкой панике шептал он мне. – Слишком долго! Очень долго!

– Да все будет нормально, – успокаивал его я. – Только... Ты уж извини меня, ладно?

– А? Да нет! – махнул он рукой. – Ты ведь знал, что я не пропаду, поэтому решил ее спасать, верно?

– Я... – замялся, не зная, как объяснить это помутнение рассудка.

– А я говорю – верно! – подытожил он и просто замотал раны на пальцах чистой тряпкой.

– Спасибо, – обнял я его другой рукой.

Рядом устроился Артем – он уже нашел ботинок и теперь пытался разжечь костер.

– Может, Силой попробовать? – произнес Тема с сомнением, пытаясь скормить огню со спичек влажные ветви.

А сухого в округе ничего и не было – все вымокло, на берегу слой воды и в лесу тоже.

– Ты что, это ведь нарушение правил! – зашипел на него Паша.

– Нет уже никаких правил, – хмыкнули ему в ответ. – Ты сколько людей знаешь, у которых есть браслеты, как у Федора?

– Ну у тебя же что-то похожее было... – замялся он.

– У меня – на пять минут, – жестко ответил Артем. – Максимум. И это – очень хороший результат, знаешь ли! А потом всех смыло бы:

Федора! Максима!

– Свету... – подсказал Паша.

– Может быть, Свету... – понурился скрипач, расстегивая футляр и оглядывая скрипку на предмет попавшей воды.

– Но ведь мы...

– Это – мы! А остальные?! У всех есть Федор и кровавые артефакты в нарушение законов?!

– Это личная вещь рода, переданная по наследству, – нахмурился брат. – Можно!

– Ну да, – признал Артем. – Но без нее... Это уже не турнир, а мясорубка.

– Да наверняка нас всех контролировали! Вот, смотрите, вертолет летит, – указал Паша рукой, услышав на стрекот вертушки.

– Я бы за такой контроль... Ладно, давайте хоть одежду выжмем. И выиграем уже этот конкурс, – горько улыбнулся Артем.

Наскоро распрощавшись с излишней влагой, зашагали, ориентируясь по отмеченным с воздуха приметам. Несмотря на близость цели, усталость не позволяла бежать – даже не физическая, а такая, что хотелось сесть и проспать пару дней.

Ноги хлюпали по раскисшей земле, неохотно отдававшей ботинки обратно. Над головами вновь возникли тучи – это отогнанная в сторону гроза решила посмотреть на окружающий нас кавардак.

Мимо еще раз пролетела вертушка, зависла чуть поодаль в вышине.

– Герб Еремеевых, – поднял голову Артем. – Видимо, Нику ищут.

– Она, наверное, выше по течению. – Паша тоже поднял к вертолету голову и указал верное направление. – Она там! Там смотрите!

Вертолет будто понял и нырнул в ту сторону.

Этот лес вовсе не походил на турнирный. Не было в нем ни чащобы, ни лабиринтов – обычный средний лесочек с полянками и просматривающимися под ногами тропами. Да и просторнее тут было меж деревьев, никаких веток, грозящих уцепиться за одежду. А потом мы вышли к забору с запрещающей табличкой – только она была с той стороны, а не с нашей.

– Здорово, – хмыкнул Артем. – Ничего себе нас волной выкинуло.

– А это – почему? – Я перелез через забор и с любопытством стал изучать грозный знак с черепами и черными молниями.

Впервые был в запрещенном месте, куда вообще нельзя заходить, и только после выхода из него узнал, что там так много интересного. Как-то даже... несправедливо.

– Кто знает этих Борецких, – пожал плечами Артем. – Жили себе жили сотни лет, а потом раз – и не стало. Может, там, откуда мы пришли, есть ответ.

– Очень интересно!

– Так, стоять! – задержал меня Тема. – У нас план. Турнир – потом все остальное.

– Ладно, – с разочарованием отвернулся я от тайны.

Скоро тропа вновь вывела нас к берегу, а там знакомая чащоба, выращенная будто бы специально, да просеки.

– Почти на месте! – ликовал Пашка.

На этот раз решили прямую дорогу не игнорировать. Хотя с воздуха все расстояния кажутся малыми, да и шли мы около двадцати минут, не меньше, но все же сейчас казалось, что вот-вот – и победа.

По просеке уже практически бежали, шла она все еще вдоль берега – через ветви проглядывала помутневшая от наводнения река. Под ботинками по-прежнему хлюпала вода, но на это уже никто не обращал внимания – ни Паша, ни Артем, ни Света, ни Федор у меня на плечах. Вокруг царила тишина; птицы – и те наверняка улетели, оттого, кроме ветра в кронах деревьев, ничего не было слышно. Мы у финиша и явно – одни. Это будоражило кровь и давало силы.

Тем удивительнее было выскочить на очередном повороте на десяток упакованных в стандартное воинское обмундирование мужчин в глухих шлемофонах. На гербе у сердца – любопытствующая ласка, поднявшаяся над зубцом кремлевской стены. Еремеевы.

– Я же говорил, ее надо там искать, – выдохнул Паша, указывая на реку. – Нику вместе с нами смыло, но нас несло явно быстрее.

– Паша, Зубов? – спросил стоящий в центре, самый габаритный из безликих за защитными масками.

– Да, верно, – с удивлением посмотрел Паша на говорившего.

На голову тут же словно молот опустил. Мир на несколько секунд погас.

Ощутил я себя лежащим на земле, лицом в пожелтевшей мокрой траве. Руки не шевелились, ноги не ощущались. В голове страшно гудело, попытка повернуться тут же отозвалась резкой болью и коротким обмороком. Мир размытыми пятнами плыл перед глазами, не желая становиться четче. До слуха доходили обрывочные фразы, казавшиеся нереальными и неправильными...

– ...в вертолет... Остальных в реку...

Мир наконец-то обрел четкость – то, что было черным вытянутым

пятном, оказалось ногой Федора. Мимо проволокли тело Светланы.

– Куда! Двумя руками держи... Не должно быть следов... Они утонули...

Глава 29

Черное небо над нами качалось под сплетением веток. Голова запрокинулась, в затылке отдавало резкой болью при каждом шаге человека, что нес меня на руках. Нес небрежно, больно задевая моими ногами кусты и стволы деревьев, царапая ветвями безвольно висящие руки. А я ничего не мог поделать. Чувствительность вернулась, но там, где положено быть Силе, – равнодушие. Будто созерцание глубокого сна, над которым нет власти.

Отряд из четырех человек двигался к воде, легко удерживая свой груз. Дорога петляла в лабиринте, позволяя на поворотах посмотреть на Артема с перекошенными очками на лице; на Федора, руки которого прижали к футляру скрипки, чтобы та не упала...

Где-то внутри рождались тревога и злость, свежими каплями падая в мутное болото безразличия.

«Спаси, его надо спасти!» – билось внутри.

Но во сне на это не было силы. Только злость.

Не поднять руки, не сжать ладони в кулак. Только зубы скрежетали в бессилии.

– Мой очнулся, – с сомнением произнес голос над головой.

«Рано!» – закрыл я глаза.

Процессия остановилась, послышался звук приближающихся шагов. Щека вспыхнула от резкой боли, но я, не издав и звука, позволил голове свободно мотнуться из стороны в сторону.

– Продолжаем движение, – холодный голос прозвучал укором моему конвоиру.

Через два десятка шагов, на очередном повороте, я позволил себе приоткрыть глаза. И неожиданно столкнулся со взглядом Светланы. В этом перевернутом мире, где небо находилось под ногами, мы мгновение смотрели друг другу в глаза.

«Она жива...» – слегка припозднившись, капнула в бесконечность апатии радостная мысль.

Эмоция прибавилась к гневу, объединилась с ним. Пальцы чувствовали, что могут собраться в кулак.

«Рано», – произнес ее взгляд.

«Хорошо», – движение ресниц.

Поворот сменился прямой линией, нарушив контакт взглядов. Но мы

продолжали ощущать друг друга. Чувствовать, что больше нет битвы «один против четырех», их всего лишь в два раза больше. А это уже обычное дело, мне ли привыкать. Надо всего лишь подготовиться к тому моменту, когда не будет рано.

Силы все еще не вернулись, но ведь сойдет и заемная? Тут неоткуда взяться линии электропередачи, выручившей половину года назад, но Андрей говорил, что на финише множество камер... Потянулся вокруг... Пустота.

Где-то там, так далеко, что можно обмануться, виднелась крохотная капля – обрезанный кабель... или мы действительно слишком далеко от финиша. Или нас обманули... опять.

Взгляд невольно попытался через пелену черных туч с укором посмотреть в глаза спутниковых аппаратов. Но облакам нет дела до чужих бед, не разойдутся они в сторону.

Кое-что все равно есть – крохотными искорками чувствовались рации, зацепленные у противника возле сердца. Забирать бессмысленно, но испортить сумею.

«Я отлично умею портить, – с горечью пронеслась мысль, эхом отзываясь событиями первого сентября и прожигая болью ответственности за последствия. – Научиться бы создавать...»

Что-нибудь для победы. Дотянуться до иглы в ворота пиджака... Тоже – оружие. Руки, желая ощутить холод стали, сжались вокруг пустоты. Щелкнули друг о друга перстни, подаренные отцом.

«Точно! – участилось биение сердца от воспоминания давней беседы. – Ослепить! И щит во втором перстне! Щит – Федору!» – взгляд невольно потянулся к бесчувственному телу брата, его небрежно нес конвоир справа.

Моментальное возбуждение сменилось размеренным спокойствием. Половина плана есть. Осталось пробудиться от этого сонного марева, включить в комнате свет и сознательно вернуться в полудрему, взяв управление кошмаром в свои руки.

– Тела сюда клади, – равнодушно прозвучал голос.

Ветви над головой кончились, холодный ветер дунул тиной и сыростью, недалеко плеснуло волной.

Нас свалили на пологий холм из мокрого песка, одним рядом, ногами к воде. Повезло оказаться крайним справа и повернуть голову так, чтобы видеть остальных. Рядом оказался Федор, около него положили футляр и сумку. Метром дальше от Федора – Света, которую уронили настолько неловко и удачно, что лежала она на животе, лицом ко мне, сложив руки

возле головы. Последним в ряду нечувствительной куклой упал на землю Артем. Очки почти сползли с лица, но несший его бандит заботливо поправил их на переносице.

Свои маски они подняли, показав миру в общем-то далеко не страшные лица. Обычные, спокойные, без злодейской щетины и шрамов. Возраст – немного за тридцать. Пройти в толпе мимо, сесть рядом в кино, проехать в одном транспорте и даже указать на оброненную мелочь – легко... Но больше я не позволю вам никого обмануть.

«Жди», – строго посмотрела Света из-под ресниц.

«Жду, – согласно прикрыл я глаза. – Вспышка». – Крепко зажмурился и показал взглядом вниз.

«Вспышка?» – недоверчиво подняла она бровь.

Скосил взгляд на отвернувшихся к реке бандитов и подтвердил, беззвучно произнося слова о перстне губами.

Края губ Светы на мгновение приподнялись. Ближняя ко мне ладонь немного сдвинулась, показывая острую и тонкую щепу в семь сантиметров длиной, и тут же ее скрыла. Интересно!

«Жди!»

«Жду...» – отозвался я, прислушиваясь к пробуждению знакомой и безумно приятной эмоции.

Болото в душе исчезало под покалывание тысячи иголок, будто при первом шаге ногой, которую отлежал, – болезненно-приятных, побуждающих сделать еще одно движение.

– Мелковато, – донесся обеспокоенный голос от реки.

– Нет разницы, – ответили ему без эмоций. – Лицо в реку, сами захлебнутся. Ты там не ходи особо, следы потом сам затирать будешь.

– А если очнутся? – повеяло трусостью от вопроса.

– Не очнутся, – уверенно ответили ему. – И не вздумай ногой прижимать! Никаких следов насилия!

– Да кому они нужны, безродные, – хмыкнул третий голос. – Кто расследовать-то будет?

– Босс сказал, мы делаем. Заткнулись и работаем.

– С кого начнем?

«С кого начнем?» – из-под ресниц спросил я Свету.

Вместо ответа девушку скрючило в жестком приступе кашля.

– Ты сказал, они не очнутся! – истерично прозвучал голос.

– Да мы «ветеранов» этой штукой глушили! – зло сорвался их старший.

Света между тем приподнялась на коленки, кашляя, и, дернув ворот

платья, бессильно упала, загребая ногтями землю.

– Тащи ее первой в воду!

– По башке, может, дать? – меланхолично поинтересовался голос четвертого. – Камнем и в реке могло приложить.

– Так закинем. Видишь, у нее сил нет. Побарахтается и потонет. Ладно, я сам, – зло чертыхнулся предыдущий голос.

Пара уверенных шагов – и на нас надвинулась слабая из-за непогоды человеческая тень.

– Давай, красавица, переворачивайся, – встал мужчина рядом, наклонился и потянул девушку, намереваясь забросить себе на плечо.

Света неловко повернулась и вновь зашлась в приступе кашля, резко сгибаясь и поднимая руки к лицу.

А потом тянувшийся к ней мужчина неловко упал на нее всем телом.

– Вадимыч, неужто девка так понравилась? – скабрёзно хохотнул трусливый голос.

«Пора», – посмотрел на меня жесткий взгляд из-под тела бандита. Тела, из правой глазницы которого выглядывал кончик щепы.

Света тут же зажмурилась и вжалась в грудь покойника. Я же потянулся Силой к рациям на груди оставшейся на ногах троицы и одновременно активировал перстень, подняв его над головой и сгибом другой руки прикрыв глаза.

Вспыхнуло так, что показалось, будто вижу кости руки сквозь ткань одежды и кожу. Тут же по ушам ударил тройной крик, а по чувствам – жар огненной волны, прошедшей над головами.

– Н-не вижу, ничего не вижу! – визжал трусливый голос.

– Держу щит! Стоять на месте! Маски на лицо! – вылаивая команды, распоряжался другой.

– Вадимыч, ты где? Вадимыч?!

– Серый, сволочь, где разведка?!

– Никого вокруг нас на триста метров! Вадимыч лежит на этой... Вадимыча убили! – добавилось истерики в крик третьего.

– Снайпер! – прозвучал нервный голос.

Паника врагов требовала действий. Сердце стучало как бешеное, призывая к броску. Но в мыслях отчего-то наступило странное спокойствие.

«Думай перед тем, как бить». И я думал, машинально комкая песок в сжавшихся кулаках, глядя на синеватое марево щита вокруг тройки бандитов. Защита искажала их облики, размывала силуэты, то делая огромными, то приближая увеличительной линзой берег вдаль и скрывая

врага. Обманчивое бездействие и тишина с их стороны, которые не означали ни победы, ни шанса на побег.

Если я нападу – берег рядом zalьет слепым огнем, заденет друзей. А кольцо у меня только одно.

Бежать, подхватив друзей на руки? Но один из бандитов может чувствовать противника. Сейчас он насторожен, пытается отыскать врага и сам будет таковым, пока его не найдет.

Поэтому – указать Свете на друзей и на лес. Повелительно дернуть рукой еще раз, пока возмущение на ее лице не сменится покорностью и она не схватит Федора и Артема и не потянет к лесу.

Самому – приподняться и скатиться по пологому склону вниз, к воде. И, уже оказавшись за спинами врага, сидя, поджав под себя ноги и уперев руки в песок на мелководье, крикнуть со всей накопленной злостью:

– Я твой враг!!!

Потому что иначе ударят по друзьям. Не дадут им уйти. Ну а я...

На руке вспыхнул сиянием серебристый ободок кольца со щитом, застыв жемчужной волной света в метре вокруг. По щиту тут же ударило полосой огня. По воде и песку рядом стегануло воздухом, стянутым в отчетливо видимое лезвие, затем ударило вновь, и на этот раз разбилось о жемчужную завесу над головой.

А я как-нибудь справлюсь.

Секунды, отмеренные на абсолютную защиту, начали обратный отсчет оставшихся мгновений жизни. Главное, не дать им обернуться, схватить за горло страхом и не отпускать.

– Я отнял у тебя глаза, – прошипел не своим голосом, поднимаясь на ноги и делая шаг к врагам.

По щиту ударило еще раз – закрученным в шар огнем, раздутым порывом ветра до метрового диаметра.

– Которыми ты смел на нас смотреть. – В голос добавилось хрипоты и скрежета.

Огненное и воздушное лезвие двумя гильотинами одновременно опустились на щит.

– Я заберу твои руки.

Щит окутало пеленой огня, бушевавшей еще два моих шага.

– Что смели касаться нас.

На этот раз ударило передо мной, раскаляя песок до стадии расплавленного грязного стекла, зло шипевшего выкипающей из него водой.

– Я отрежу твои ступни. – Ботинок хрустнул по спекшемуся песку,

обозначив новый шаг. – Но оставляю колени, чтобы ты мог встать на них и молить о пощаде.

Оставалось еще два шага до мерцающей завесы, за которой скрывались трое бандитов. И, скорее всего, пара-тройка секунд работы щита.

По остаткам защиты грохнула очередная конструкция из огня и воздуха, неразличимая из-за расстояния.

– Ссе-эрий, с-связь н-не работает...

– Я ее забрал, – поделился я с ними таинственным шепотом, касаясь пальцами вытянутой вперед руки вражеской защиты, ответившей на усиливающееся нажатие искрами. – Чтобы остальные не смели бежать от моего гнева!

Голос сменился ревом, а ладонь на десяток сантиметров провалилась вглубь защиты, побледневшей на фоне ярких электрических разрядов, в которые превратились искры.

А затем поймал краем глаза движение, перевел взгляд за спины врагов и со вздохом теплой грусти, состоящей из укора и благодарности, осуждения и понимания, искренне, хоть и устало, улыбнулся.

Зачем они... Хотя я бы тоже не ушел...

Улыбнулся Свете, которая спокойно стояла прямо за щитом с очередной острой деревяшкой в руках, на этот раз наспех обвитой медной проволокой поверх нацепленных на дерево серебряных перстней.

Улыбнулся Федору, с трудом сидящему в отдалении над распахнутым кофром со скрипкой и уже занесшим смычок над струной. Артем лежал рядом... Но он наверняка простит, что использовали его вещь.

Длинная, тоскливая нота пронеслась над берегом вместе с последним моим шагом. Мигнула защита бандитов и схлопнулась мыльным пузырем. Пошел разводами мой щит, нагревая кольцо и намекая на мгновения, оставшиеся до конца работы. Но он все же успел отразить слепую атаку стихией, в которой было больше отчаяния, чем формы.

– Да сдохни уже!!!

Тут же за спины врагов шагнула Света, вонзая острие в основание шеи лидера и подножкой помогая упасть отшагнувшему назад Серому, угощая и его деревом в горло при новом замахе.

Последнего, трусоватого, выставившего перед собой кулаки и слепо, мелкими шажками, отступающего назад, я перехватил за кулаки, дернул Силой и болью за попытку освободить руки и мягко потянул вниз, помогая встать на колени.

– Будем отрубать руки? – деловито поинтересовалась Света.

– Н-не надо. Я т-только наемник! Я никого не убивал! Пощадите!!! – бормотал мужчина.

– Не-э, – смутился я от слов девушки, отпуская его руки и вытирая ладони о брюки. – Это я пугал просто.

– Д-добрый господин!

Света коротким ударом по затылку отправила трусоватого в беспамятство и укоризненно глянула на меня.

– Что опять не так? – с возмущением посмотрел на нее.

– Добрым господам ни слова правды не говорят, – тоном учителя, отчитывающего прогульщика, ответила она.

– Это на обществознании или на уроках права было?

Девушка вздохнула и махнула на меня рукой.

– У меня просто ускоренный курс... Но я исправлюсь! Что ты так смотришь? Да в какой четверти хоть было? – допытывался у крайне недовольной и построжевшей лицом девушки.

А потом она прыснула смешинкой – расхохоталась, падая на колени в мокрый песок, закрыла лицо ладонями и содрогалась от смеха.

Ну, это нервное – обвел я глазами поле боя, до сих пор исходившее паром от ударов огненной стихии. Туман потихоньку сползал в сторону леса, придавая картине облик грез – на этот раз взятых под контроль и доведенных до победы.

Тела четверых, тихий хохот, тишина, плеск волны... И только странный ритмичный звук...

– Это он чего? – тронул я девушку за плечо.

– Ох! – засуетилась Света, заметив поднявшегося-таки Артема, вставшего над телом Вадимыча и методично вбивавшего каблук ботинка ему в затылок.

Девушка метнулась к нему, тщетно пытаясь оторвать от неприглядного занятия. Затем резко остановилась, подбежала к Федору, подхватила скрипку и изо всех ног рванула к Артему, буквально силой вручив ему в руки инструмент. Только после этого парня удалось увести в сторону и усадить на землю.

– Ты как, нормально? – подошел я к брату и помог ему подняться. – Цел? Ничего не болит?

Тот, дрожа крупной дрожью, неопределенно дернул плечом и вцепился в меня стальной хваткой. Кое-как перецепил его чуть выше, чтобы вернуться вместе с ним к Свете и расслабленно рухнуть рядом.

Артем вроде успокоился. Только дрожал сильно и сжимал скрипку так, что еще немного – и наверняка сломает. Наверное, родная вещь, оттого

успокаивает.

Света между тем доламывала свою туфлю, выбивая деревяшкой подошву под каблуком.

– Хоть бы шоколад, – озвучил я свою надежду.

Девушка мельком глянула на меня и после очередной попытки добралась-таки до тайника.

– Тоже пойдет, – воодушевленно отреагировал я на набор карамели в железном пенале.

– Это – нашему спасителю. – Вредная Света отвела мою руку в сторону и протянула угощение Федору. – Заслужил.

– Спасибо, – со второй попытки смог уцепить тот угощение и тайком подмигнул мне, шепнув: – Я поделюсь.

А затем незаметно для себя сонно клюнул носом в мою грудь. Из подкладки выглянула любопытствующая мордочка Лучинки и тут же скрылась обратно. Надо же, живая. Только камни в переплетениях проволоки ее нового доспеха будто выгорели. Защитные? Интересно...

Тихонько поднялась Света, подошла и уверенным движением выудила леденец изо рта брата.

– Эй! – спохватился я запоздало.

– Федор заслужил не смотреть на пытку, – с улыбкой посмотрела она на меня, укладывая леденец обратно в пенал.

– Н-не бойся, это б-безопасно, – исходя крупной дрожью, простучал зубами Артем. – П-пусть спит. Ему н-не надо на это смотреть.

Метнув на них злой взгляд, скинул основательно подпорченный событиями пиджак с плеч и, аккуратно разместив на нем брата, укрыл, как умел.

Когда повернулся обратно, Света уже раздевала оставшегося в живых бандита, сдирая одежду до пояса.

– Некомфортные условия и холод повышают желание говорить, – пояснила она в ответ на мой изумленный взгляд.

– Армейских т-татуировок нет, – подошел к телу Артем, внимательно осмотрел плечи, грудь и не поленился приподнять туловище, чтобы увидеть спину. – Тюремных тоже. На плече к-кельтский узор. К-кто угодно может быть.

– Сейчас парализуем конечности и спросим, – взяла Света в руки свое деревянное оружие и резким махом вонзила в спину ниже черепа, равнодушно отведя в сторону дернущуюся было и тут же ослабевшую руку врага. – Можно работать.

– Как-то это... – не находил я подходящих слов.

Бандит, конечно, и его совсем не жалко. Но та легкость, с которой это делала Света... А она ведь моя соседка по парте! Вот так отвернешься – а она тебе запятую под лопатку.

– Эффективно, – предложила она свой вариант, с которым не хотелось соглашаться.

– У нас там Пашку поймали, нам бы к нему бежать, – буркнул я, чтобы что-то сказать.

– К-куда бежать? – подошел Артем, с силой прижимая скрипку к груди. – Сколько их там? Какие ранги? Сколько будут ждать этих четверых? Куда полетят потом?

– Разведка – основа боя, – с важным видом качнула пальцем перед моим лицом Света.

А затем оглушительной пощечиной пробудила трусливого обратно к реальности.

– Имя! – щелкнул ее голос кнутом.

– В-веньямин, – в панике вращал он глазами, явно пытаюсь дернуться, но не в силах этого сделать.

Почувствуй себя в нашей шкуре – ворохнулась справедливая злость.

– Род!

– Петров! Свободный горожанин! Д-добрый господин, я все скажу, – поймал он мой взгляд. – Меня заставили!

Сверху надвинулся Артем, перехватил его руку так, чтобы трусоватый ее видел, ухватил зубами за кожу мизинца. А затем плавно повел челюстью, снимая кожу и мясо с кости.

Света только и успела всунуть заготовленную деревяшку бандиту в зубы, но стон боли все равно пролетел над рекой, а тело выгнуло, несмотря на блокировку подвижности.

– Доброго господина тут нет, – зло улыбнулся Артем окровавленными губами.

– При чем тут род Еремеевых? – Света дождалась, когда крик сменится поскуливанием, и вынула разлохмаченную зубами деревяшку изо рта.

– Н-ни при чем. Мы убили охрану и экипаж вертолета... – со стоном полилась правда.

Трусоватый желал говорить, он тараторил столь быстро, что порою проглатывал слова. Он закладывал, предавал, называл имена, перечислял города и улицы. И с ужасом смотрел на Артема, продолжавшего держать его руку.

Я тоже смотрел на Артема, пытаюсь угадать, кто и как подменил моего друга. Я совершенно его не узнавал и чувствовал, что после того как этот

сон закончится, с ним придется знакомиться заново. Если я этого захочу.

– О-он все придумал! Он гений! В-все будут смотреть вверх. Никто не будет смотреть вниз! Никто его не найдет! Но я, я все расскажу! Я буду свидетелем! Кочетов продает наркотики! Хорошие, очень чистые! «Сияние ветра», «Сила гор», слышали, а? – облизывал бандит губы и торопливо тараторил дальше: – Большие деньги! А Зубов, он товар потерял. Там несколько тонн, на всю страну, на шесть месяцев в к-каждую вену. Платить не хочет. Упрямится! Тогда сына приказали взять. У него сын один. М-мы бы ему по пальчику, по уху присылали, пока не оплатит. Но без меня – не докажете! Нет! У него на самом верху связи! Такие люди! Ш-шею ломаешь, если голову вверх поднять! Все равно не увидишь, да! Но я все расскажу! Он-ни же всю страну травят! И м-меня т-тоже, – расплакался он.

Но веры в эти слезы не было – совсем.

– Сколько их? Где?

– В-вертолет! Б-будут ждать! Там, где мы встретились. Прямо, направо, двести метров, б-большая поляна.

– Я примерно дорогу помню, – успокоил задумавшуюся Свету.

На Артема предпочитал больше не смотреть.

– Н-не ходите! Дети! Т-там два «учителя» и т-три «ветерана»! Он-ни все дозу приняли. С-считай, рангом выше! Зовите Д-долгоруких, я д-дам показания, – дрожал он, лязгая зубами из-под синих от холода губ.

– Закончили, – холодно ответил Артем.

Деревянное острие взлетело еще один раз.

– А как же свидетель? – перевел я обескураженный взгляд с тела на Свету.

– Я – свидетель, – хмуро ответил Артем, вставая и направляясь в сторону леса. – Моего слова достаточно.

– Ты не заметила, его, когда несли, сильно головой о деревья било? – шепотом поинтересовался я у Светы.

– Почти как тебя.

– Но меня вообще не било!

– А кто обещал ступни отрезать? – криво улыбнулась она, поднимаясь.

– Да я же чтобы внимание отвлечь! – возмутился уже нормальным голосом.

– Это ты сейчас так говоришь, – покачала она головой, двигаясь к Федору. – Если бы нас рядом не было, совсем по-другому могло получиться.

– Да никогда!

– Так же никогда, как Артем – снимать кожу зубами, – горько

произнесла Светлана.

– Но он же... – растерялся я.

– ...Страшно об этом сейчас переживает. Так же, как если бы ты исполнил свои угрозы. – Она подняла на меня взгляд на секунду. – Ему сейчас очень плохо.

Света присела возле Федора, помогая ему, спящему, устроиться поудобнее на мокрой земле.

Посмотрел на берег, на тела врагов, на траву под ногами. Тайком глянул на спину Артема, устроившегося поодаль на коленях и положившего скрипку перед собой. Нет, ну я бы точно никогда, и Света говорит ерунду, но... Все-таки даже если Артем стал чудовищем, он мой друг. На крайний случай найдем ему принцессу. Пусть целует и расколдовывает нашего ботаника-пессимиста обратно. С этими мыслями направился к нему и присел чуть позади справа.

– Пашу будем спасать или ты метишь на его парту в нашем классе? – с ворчанием обратился к нему.

Он легонько вздрогнул и как-то странно на меня посмотрел.

– Я спасу, – перевел он взгляд на скрипку. – Я не могу иначе.

– Ну он мой друг тоже.

– Мой род гарантировал его семье безопасность. За деньги и привилегии. Не за то, чем занимался его отец, – спохватился он и поспешил пояснить: – Мы не знали о его бизнесе и удавили бы собственными руками, если бы знали.

– Паша не знал, – уверенно произнес я.

– Это не имеет значения, – пожал Артем плечами. – Тот же бандит врать мог или заблуждаться, а может, говорил правду. Пусть решает суд. Но пока – слово дано. Оно должно быть сдержанно.

– А спасти его просто потому, что он Пашка?

– Это тоже важно, но во вторую очередь. – Он нагнулся он к скрипке и принялся крутить дальний винт сверху, ослабляя струну. – У нас, аристократов, особое отношение к обещаниям.

– По Долгоруким не скажешь.

– Долгоруких больше нет, – произнес Артем со спокойной уверенностью.

– Такого огромного клана с землями и городами? – усомнился я.

– Падая в пропасть, можно дышать, – вытянул он первую струну, аккуратно отложил в сторону и приступил к снятию второй. – Долгорукие достаточно высоко, чтобы падать пару лет.

А по мне так вряд ли. Хотя бы потому, что среди них есть Игорь. Этот

точно обязан уцелеть, он мне торт должен.

– А ты чего это делаешь? – заинтересовался я уже третьей снятой струной, отвлекая Артема от мрачных мыслей.

Вроде так берег свой инструмент, а сейчас чуть ли не с силой выдирает струны и не глядя откидывает винты в траву.

– Мне же как-то надо спасти Пашу.

– Так пойдем и спасем? – недоуменно посмотрел я.

– Ты же слышал, там два бойца с рангом «учитель», – поднял он на меня взгляд. – Скорее всего, ранг на нижней планке, слабенький, но с учетом химии не пробить даже Свете.

– Но ты все равно собираешься пойти? – не находил я связи между его словами.

Если мы слишком слабы, это не повод пойти и убится. Это значит, что надо стать сильнее. А пока – оставить проблему организаторам. Паша ведь нужен бандитам живым и совершенно не нужен мертвым, значит, даже если помощь слегка запоздает, – ничего страшного.

– Я обязан пойти, – нахмурился он, со звоном выдергивая последнюю струну. – Чтобы род исполнил свое слово. Чтобы не стать, как эти... Это ведь всего лишь бандиты, Максим.

– Где-то в этом лесочке есть дерево с вмятиной в твой череп величиной, – расстроено покачал я головой.

– Ты обо мне ничего не знаешь, – хмыкнул он, раскручивая металл струны в обратную сторону, обнажая тонкие серые и серебристые нити, составлявшие ее сердцевину.

Металл был небрежно отброшен в сторону, а нити бережно собраны и ловко свиты в крупное кольцо, закрепленное двойным узлом.

– Это что? – подался вперед я, смутно чувствуя легкое покалывание, будто исходящее от него.

Или кажется? Но ощущение сродни пыльце, попавшей в нос.

– Долгая история.

– Я тебе, на секундочку, жизнь спас, – укорил я его, загораясь любопытством и принимаясь ходить вокруг, как кот вокруг сметаны.

Сунулся бы ближе, но он ловко убирал ладонь от моего носа, умудрившись одновременно свить новое кольцо. Первое уже накинул на левую ногу, совершенно нечестно поджатую под себя.

– Это Света, – бросил он взгляд в ее сторону. – Отблагодарю ее потом.

– Я смотрю, много ты видел, лежа под кустом, – отреагировал я спокойно, не собираясь хвастать или спорить.

Куда интереснее было умыкнуть четвертую струну.

– Ну-ка!

Провал.

– Ладно, – вздохнул он, надевая второе странно широкое кольцо на правую ногу и принимаясь за создание третьего. – Ты с историей как?

– Не очень, – повинулся я.

– Тогда будет проще, – дернул он плечом. – В общем, история создания нашего княжества немного отличается от официальных хроник. По ним нас отправили в пустые земли. На карте там действительно никаких надписей в те времена не было, даже большинство рек без названий. Но тем, кто жил на тех землях до нас, было плевать на карты, нарисованные чужаками, – сжал он губы в мрачной улыбке.

– А оглавление этой истории можно сразу посмотреть?

– Да там в общем-то немного осталось. Мы считали земли своими, а они не хотели уходить. Когда пятая часть родичей померла в окрестных лесах, пришло понимание, что надо мириться. Свадьбы играть и родственниками друг друга называть, а не убивать. Только у предка сыновей не осталось, всех на службе убили. Но тогда подумали, что можно принять в род их жениха, обвенчав с нашей невестой. Все равно наша кровь сильнее. У нас ведь уже была Сила крови, а это такая вещь... Даже не у каждого князя тогда еще пробудилась. Дети у предка родились бы нашими, не чужими. Да не грызи ты струны!

Я поспешно отложил железку, на которой вроде оставались следы того самого «искристого».

– В общем, предок слегка ошибся, – подытожил Артем, надевая на правое и левое запястья кольца, свободно свисавшие с рук – еще солидное расстояние осталось, хоть голову суй.

– В чем ошибся? – подтолкнул я его.

– Они древнее нас оказались. Сила Крови своя была, сильнее нашей. Был один род, стал другой. Но предок ничего поделать не смог, старый он был, а это уже во внуках проявилось.

Важно ли, что вместо Шуйских появился кто-то еще? Мне – без разницы, потому лучше спросить у Артема.

– Это плохо?

–хлопотно в детстве, – нахмурился он, вставая с колен и проверяя, чтобы кольца из нитей не спадали. – Там, в древности, нельзя было жить в лесу, не став частью леса. А у нас вокруг город. Очень сильно по сознанию бьет. Только вот это рядом и спасает, – указал он на самодельное украшение.

– Так что это? – чуть не подпрыгивал я от нетерпения.

– Ты сейчас не сильно удивляйся, – ответил Тема, вновь опускаясь на землю и вставая на все четыре конечности, будто перед отжиманием. – Просто оставайтесь тут и ждите помощи. Света!

– Да? – отозвалась девушка.

– Охраняй их.

– Хорошо.

– Артем, – нахмурился я, напоминая о своем вопросе.

– Пряди волос прадедов, – произнес он голосом, словно пропущенным через железную бочку.

В этот миг будто волна прошла по его телу, искажая, ломая привычные линии человеческого силуэта. И моментом позже, словно гром после яркой вспышки, дикая волна Силы заставила отшатнуться на пару шагов.

Там, где только что был Артем, в коричнево-зеленом урагане, захлестнувшем пространство на несколько метров, под звуки сошедшей с гор лавины рождалось нечто огромное, изредка в своих порывах давая разглядеть гигантские лапы и бурый бок.

– Они превращают тебя в это?! – в восторге пытался перекричать я рокот.

– Они. Сдерживают. Мою. ЯРОСТЬ!!! – диким ревом донесся искаженный голос из магического урагана.

А парой секунд позже из шторма Силы выступил гигантский медведь. С меня высотой, он, даже ступая, отчетливо сотрясал землю. Отпечатки лап украшали длинные борозды от когтей, отливавших иссиня-черным. Из зубастой пасти исходил не пар – сама Сила была ему воздухом. А шкура – мягкая, приятная такая на ощупь.

– Хороший, хороший мальчик, – провел я рукой, а затем заголошнно сунулся в потайной карман рубашки и выудил запечатанный в пластик стратегический ресурс. – Ам? – предложил я, распаковав котлету.

Зверь грозно рыкнул и небрежно отвернул морду. А затем жадно принюхался и смахнул угощение с ладони шершавым языком.

– Как знал, как знал, – чуть не прослезился я. – Давай, присаживайся на лапы, я залезу.

Тут зверь совершенно невежливо яростно взревел и рванул в туманный лес.

– Медвеежоооооок! – расстроено протянул я ему вслед. – Света!

– Да?

– Охраняй Федора.

– Хорошо.

Блин, теперь еще медведя спасать.

– Где Максим? – прозвучало, когда младший Самойлов проснулся.

Света поправила ему воротник, удобнее устроила у себя коленях, запахивая на нем чуть сбившийся пиджак Максима.

– Он скоро вернется, – ответила она то, что Федор наверняка желал услышать.

Мальчик дернулся, оперся о землю и упрямо выполз из ее объятий.

– Он мне обещал, – глухо прозвучал детский голос.

– Ты в безопасности. Он тебя не оставил и особо позаботился, чтобы...

– Он ничего не понял, – чуть пошатнувшись, встал Федор на ноги и подошел к своей сумке.

Одним движением мальчик вытряхнул все содержимое в траву. Оказалось там, мягко говоря, много. Больше, чем могло поместиться в сумке.

Но даже несмотря на то что самыми габаритными оказались инструменты, подставки, весы и катушки с материалами, по земле рассыпался ассортимент украшений небольшого ювелирного магазина.

– Максим очень о тебе заботится. Скоро он выручит Пашу и вернется обратно.

– Скоро... Вернется... – мрачно прозвучал голос Федора, выискивающего что-то особенное в россыпи драгоценностей. – Я уже слышал. Выручит и вернется.

Необходимым оказался небольшой мешочек из замши, стянутый сверху шнуром.

– Максим никогда не врет.

– Она тоже. Никогда.

Содержимое мешочка было извлечено бережно и тут же надето на пальцы.

Странные перстни. Грубоватые, сделанные будто наспех. Только камни отличались от дешевой безделицы – как на подбор крупные, с явным дефектом посередине, будь то трещина или грязный наплыв, рассекавший агат, рубин, карбункул, аметист и яхонт – по два каждого вида.

– Федор, иногда нужно идти и спасать друзей. На то они и друзья.

– Почему друзья не спасли ее? – поднял он на Свету тяжелый взгляд, неуместно-чужой для хрупкого второклассника.

– Кого? – мягко уточнила девушка.

Мальчик словно замкнулся в себе, сел на землю, перебирая перстни в руках.

Света не стала к нему лезть с разговорами, вернулась к привычному

делу – сжигать нервы в тоскливом напряжении, сканируя все вокруг, и всматриваться в небо, ожидая, когда разойдутся хмурые грозовые тучи над головой – тогда можно будет дозваться до помощи.

И только до уха сам собой долетал повторяющийся мотив детского стишка, произносимого устами Федора: «Придет серенький волчок и утащит за бочок...»

Невольно заинтересовавшись после очередного повтора, Света краем глаза присмотрелась к мальчику.

Самойлов будто играл в какую-то детскую игру: щелкал перстнями на разных пальцах под нехитрый мотив, выбивая звуки из камней. Только хмурился совсем не по-детски, то и дело снимал перстни, правил их своим талантом и надевал вновь.

Занят – хорошо. Пусть не переживает, достаточно, что она... специалист в этом деле. Но что-то все равно легонько тревожило душу. Будто просмотрела что-то.

Света внимательно прислушалась к чувствам, встала и осмотрела окрестности. Все чисто, не то. Но ведь что-то увидела... У Федора среди вещей? Красивые драгоценности, но... Федор! Пальцы!

С холодеющей от ужаса спиной Света заметила кровь, истекающую из-под перстней на руках мальчика.

– Федор! Ты что делаешь?!

– Все нормально, – удостоил он ее коротким взглядом. – Почти получилось.

– Сними перстни! Это очень опасные вещи!

– Я знаю. Я же их сделал. Ну-ка, еще раз... «Придет...»

Вместо звука камней – треск стекла, сломленного холодом и выпускающего стужу в дом.

– Федор!

– ...серенький...

И без того далеко не ясный день потемнел, посерел до кадров черно-белого кино.

– ...волчок...

В сером мире растекалась черная клякса, будто прорастая в метре перед мальчишкой, упрямо поднимающимся на ноги, несмотря на лютый холод вокруг и ужас, которым веяло от вызванной твари.

Света титаническим усилием заставила себя сдвинуться с места и пойти в сторону Федора. Она закроет мальчика своим телом. Потому что иначе ОН все равно ее убьет.

– ...и укусит...

Перстни на руках сияли кроваво-красным, пульсируя в такт сердцу, а на землю с них медленно капала черная кровь.

– Б-бе-еги-и, – тянулся голос Светы в будто бы застывшем времени мира.

Во времени, где привычную скорость имели только двое – черное облако и мальчик, его призвавший.

Дикий скрежет сминаемого ржавого металла возвестил окончательное прибытие Твари в мир.

– ...моих врагов.

И тут же вопль повторился вновь – мальчишка, слабый, маленький перед разросшимся до уровня двухэтажки мраком, схватил его плоть перстнями.

– Заткнись.

Звук прекратился.

– Федор! Отойди! – остановилась рядом Света, пробуждая щиты и готовясь к смертоносной атаке.

– Спокойно, – устало ответил младший Самойлов. – Уже все.

– Э-эт-то что такое?!

– То, что обитает под кроватью.

– Зачем?!

– Сейчас оно пойдет и спасет моего брата, – сквозь зубы произнес Федор. – Пойдет и спасет! Иначе я уничтожу его самого!

Тварь дернулась под сжавшейся рукой со вспыхнувшими перстнями и простонала, как несмазанная дверная петля.

– Мать не спас! – ударил мальчик второй рукой, уже не скрываясь плача. – Только посмей! Не спасти! Максима!

От каждого удара Тварь съеживалась, а после последнего уже уступала Федору ростом.

– Там еще Артем, – ворохнулся в Свете вассальный долг и тут же был погашен заботой об опекаемом. – Федор, не надо. Ты не успеешь, – увещевала она, нервно поглядывая на мрак. – Они справятся раньше, чем ты добежишь.

– У того, что живет под кроватью, много обличий, – потер Федор щеку, оставив кровавый развод от пальцев. – Вырасти крылья! – ударил он монстра.

Тварь поспешила преобразиться, формируя туманные кожистые плоскости в десяток метров каждая. И седло для пилота.

– Артема не тронет, – решительно произнес мальчишка. – Я прослежу.

– Стой! А я? – растерялась Света.

– Вот. – Спohватившись, Федор одной рукой выудил из внутреннего кармана мышку. – Охраняй Лучинку.

Девушка словно сомнамбула приняла мышь и прижала руку с питомицей к груди.

Федор подхватил с травы жемчужный браслет и пару перстней, а мгновением позже небо в вышине стало еще чернее от взлетевшей к облакам тьмы.

– Так не пойдет, – встряхнулась Света.

Положила мышку в оставленный Максимом пиджак, зацепив ниткой пуговицу пиджака и часть конструкции из проволоки на Лучинке. Впрочем, если захочет – перегрызет и ее.

– Если умная, останешься здесь, – закусилa девушку губу до крови и с тоской посмотрела в сторону чащобы. – У тебя хоть выбор есть.

Девушка в бело-сером платье рванула в сторону леса.

Где-то там, в лесу, верхушки деревьев тронул первый порыв начинающейся грозы.

Глава 30

Три широких шага между отпечатками огромных лап, выдох. Не нужно было вспоминать обратный путь, искать в памяти приметные деревья или считать повороты. Дорога лежала вдоль следов, по рукотворным просекам лабиринта. Лес такую тушу принять не смог, никакие хитрые тропы не вместят этого зверя.

«...ставьте парус, ставьте парус...» – куплет нехитрой песни из детства забирал выдох.

Скоро, совсем скоро появится цель. Потому что оттуда уже раздавался разъяренный рев, прорываясь сквозь тревожный шепот ветвей, раскачиваемых ветром.

Тревога передалась и мне. Много ярости в медвежьем крике, гораздо больше, чем оставалось там врагов.

– Заберу Пашку, и сбежим, – поделился планами с широким деревом, замершим перед последним поворотом.

Рука отдыхала на шершавой коре, дыхание восстанавливалось, а я осторожно выглянул за поворот.

Широкая поляна, гораздо больше той, на которой нам довелось ночевать. Метров триста в ней, достаточно для винтокрылой машины, замершей у дальнего края. И более чем достаточно, чтобы вместить участников сказочного противостояния.

Рвали синий купол черные когти, пытаюсь пробраться к шеям четверых бандитов за защитой. Их должно было быть шестеро, но двое лежали на траве поодаль, сломанные медвежьей лапой, втоптанные в землю.

На остальных внезапности не хватило, и теперь оставшиеся уверенно огрызались, тесня магического зверя, в бешенстве полосующего волшебную преграду.

Раз за разом бил по медвежьей шерсти огненной кнут, закручиваясь вокруг тела и сжимаясь до медвежьего стога, а потом рассыпался искрами со звуком лопнувшей струны. Громко щелкали короткие автоматные очереди, в упор всаживаемые двумя бандитами из-под защиты щита, взлохмачивали густую шерсть на теле зверя, тревожа и раздражая его, не давая обратить внимание на нечто более важное, что Артем в зверином обличье видеть не мог и отчего мне отчаянно захотелось его окликнуть. Земля под медведем чернела и стремительно становилась все более вязкой, с каждой секундой все неохотнее отпускала лапы. Вот она уже провалилась

на пять сантиметров вниз... Но совсем не было времени досматривать противостояние добра и зла до конца.

Это не сказка, тут все наоборот. И чудовища выглядят людьми, а человек – симпатичным мохнатым зверем. Одиноким героям тут не место, победой будет просто освободить друга и не пропасть самим.

– Держись, – произнес я одними губами, обратив внимание на распахнутые дверцы вертолета.

Никто не присматривал за ценным грузом, знакомым ботинком выглядывающим в просвете. Но по поляне не пройти незамеченным, а дальний выход вполне может затеряться так далеко в лабиринте, что обходить – дело гиблое.

Оценив шансы, я ввинтился в переплетение молодых и старых деревьев, высохших кустов и пожелтевшей травы. Этот участок чащобы я как-нибудь пройду.

Рывок за рывком, оставляя на злых ветвях клоки одежды, я шел к намеченной точке. Треск ветвей не имел значения, звуки тонули в медвежьем реве, автоматных выстрелах и хлестких щелчках огня. Сила, призванная служить щитом и помогать проламывать непокорные сучья, казалась искрой на фоне пожара смертельного поединка.

Еще несколько шагов до края поляны с другой стороны от схватки. Еще совсем чуть-чуть, и один друг будет спасен, а другой сможет избежать подготовленной для него западни.

Оглянувшись на миг – зверь погрузился в черную землю уже на полметра, этого он не мог не заметить, но продолжал раз за разом биться о щит, желая отобрать жизни тех, кто стоял за изрядно побледневшей завесой. Опаленная шерсть устало вздымалась от тяжелых вздохов. После каждого удара огнем в реве отчетливо проступал стон боли, но и те, кто был за преградой, тоже не выглядели спокойными. В тревожных движениях автоматчиков то и дело поворачивающих головы к двум бандитам в центре, отчетливо проглядывал страх. Ведь цвет щита – почти белый, а зверь продолжает жить.

– Должен жить! – зло прикусил я губу, проламывая грудью очередные заросли.

Опасение за друга придало сил, и несколько метров до дальнего выхода удалось пройти за несколько секунд. Спешно добрался до дверцы вертолета, дернул беспмятного Пашу на себя и, закинув на плечо, вновь вломился в лес.

Дикий рев сзади, исполненный боли и тоски, заставил вздрогнуть при очередном шаге. Повернуться бы, да в сплетении веток с таким грузом есть

только один путь – вперед. Артем выдержит, ему и надо-то – всего минуту простоять. Глупый медведь, сбежавший геройствовать в одиночку. Вот как мне было влезать в их драку? Под ногами все еще хлюпала вода, принесенная большой волной, а моя Сила пока еще не умела выбирать, где друг, а где враг.

Злости не было, только тоска и холод. Потом пришло понимание неожиданной тишины за спиной и одновременно – нежелание признавать ее причину. Сейчас положу Пашу на землю и вернусь за большим глупым медведем. Вот, как раз удачная прогалина...

Небо рухнуло на плечи, щелкнув по ушам треском ломаемых ветвей. На этот раз поднятый щит Силы позволил удержаться на коленях, сохранил сознание и волю. Только в ушах звенело, а мир вокруг посерел от поднятой в воздух деревянной трухи. Позади – просека до самой поляны, покрытая перемолотыми в щепу деревьями. На дальнем краю – четверо врагов. За их спинами спит медведь, уронив голову на гигантские лапы.

Новый удар бросил на землю, поселив в голове низкий звук. Мир качался под ногами, но дал мне встать и шагнуть навстречу врагам.

– Я... – вырвалось чужим голосом, а руки собрались в кулаки.

Вспышка в глазах не дала договорить, ноги на мгновение перестали чувствовать землю, а в спину ударило поваленное дерево. В глаза смотрели черные тучи, внимательные, ожидающие, тихо наклонившиеся к земле. Даже ветер – и тот притаился, не трогал и самые малые ветки. Надо вставать, пусть даже уцепившись за ветку. Есть ради кого встать и идти на врага.

– Максим! – неожиданно прозвучал родной голос.

Не сбоку, не сзади – с высоты. Будто окликало небо, а значит, сегодня оно точно за нас.

Любопытство искало дорогу к врагам, пробираясь сквозь влажный воздух по каплям воды на деревьях и под их ногами. Бандиты медлили, глядя ввысь, над ними вновь развернулся ярко-синий щит, но один такой я уже сегодня разрушил...

Черная клякса упала на их защиту за мгновение до моей атаки, разрезав синеву щита и подминая человека с автоматом. Вопль ужаса накрыл поляну, вызвав оскал злой улыбки. Это сделал не я, но какая разница. Через проделанные прорехи ударил своей яростью. Упал, теряя оружие и корчась в судорогах, второй автоматчик, с другого края от поверженного черной кляксой.

– Максим, – дернули меня за локоть.

С изумлением обнаружил за спиной Федора, поспешно пытающегося

нацепить на руку знакомый жемчужный артефакт. Мне он налезал на пальцы, Федор же натянул его почти до локтя.

– Не надо! – запоздало потянулся я к артефакту, уже вкусившему крови.

Защита медленно растягивалась вокруг нас, охватывая руки, тела. Хватило времени, чтобы уцепить за ворот Пашку и подтянуть ближе. А теперь...

– Просто ждать, пожалуйста, – сжал мою руку Федор, перехватив взгляд на Артема за спинами врагов. – Оно само все сделает! Просто будь рядом со мной!

Я не знал, что выпустил на них мой брат. Но видел, как черный лоскут охватили огненные петли, а двое выживших скрылись за серой хмарью новой завесы. Над поляной, возникнув еле слышным звуком, нарастал стон корежимого железа, возрастающий с каждым сантиметром победы огненной ленты над черным пятном.

– Нам надо бежать. – Голос брата был высушенным и тоскливым.

Его рука уже побелела до локтя, он привалился к поваленному стволу дерева.

Брат пушинкой занял место на левом плече. Подхватить Пашу оказалось куда сложнее. Но еще невыносимей – шагать, оставляя за спиной Артема. Шагать, сотрясаясь от ярости и невозможности что-то изменить. Ожидая удара в спину и отчаянно надеясь, что за просекой из поваленных деревьев откроется часть губительного лабиринта, в котором на этот раз удастся спрятать этих двоих. Но потом все равно вернуться, чтобы досказать им слова, которые так и рвутся пока что бессвязным рыком.

– Оно все, – устало выдохнул брат.

Жемчужный браслет сам соскользнул с его руки, замер на кончиках белоснежных пальцев. Защита схлопнулась, и вновь повеяло сырой хвоей.

– Федор? – тихо позвал я.

Но тот не откликнулся на тревожный оклик. Наверное, спит. Устал и потерял столько крови...

Прибавил шаг. Теперь у бандитов не было врага, и они должны были выйти на наш след. Но отчего-то медлили, даря надежду – ведь там, впереди, ясно проглядывал рукотворный поворот!

Знакомый девичий голос и резкий крик боли позади объяснили неторопливость противника. Ноги подогнулись, но следующий шаг удалось сделать с прежней яростью и силой. Еще немного.

Друзей приютили три молодых деревца, в жажде солнца росшие столь плотно, что со стороны смотрелись участком стены.

Повернул назад. Метрах в сорока стояли двое похитителей, глядя через приоткрытые маски с толикой удивления на фоне злости и усталости. Бой не прошел для них даром: подволакивал ногу один, пропитался кровью рукав правой руки второго.

«Не бессмертные», – ворохнулось радостное, латая трещины зашатавшейся уверенности в себе.

Вспыхнуло волной новой жизни любопытство, желая узнать – насколько не бессмертные. И молнией промчалось от рук к глазам бандитов.

Разряды ударили о поднятый туман щита и распались, будто и не было. А на голову, откидывая назад, обрушился молот.

– Школьники, – сплюнул тот, что справа, добавив злое слово.

– Ни фига себе школьники, – поморщился от боли в руке второй. – Давай, завершай работу.

Холод растекался от лба вниз по щеке. Перед глазами – бледное лицо Пашки. Протянул руку, нашел его пальцы. Взял ладонь в свою. Все равно не отдам.

Руку ударили ногой, затем второй раз. Над головой чертыхнулись и ударили по лицу. Ветви, черное небо над головой... Слабый ветер, первым разочарованно покидающий место действия...

– Что ты возишься? – раздалось над головой раздраженное.

– Да этот прямо прикипел.

– Может, помер?

– Как бы рано еще, – хмыкнул второй.

– А может... Этот...

– .... – посыпались бранные слова после короткой возни рядом. – Зубов сдох.

«Он не умер... – ворохнулось упрямое недовольство. – Он просто спит».

– ...Уходим.

– А тело?

– Ты за него по телефону говорить будешь?

– Что боссу-то скажем?

– Сдох и сдох, – с усталой досадой произнес голос. – Давай вали к вертолету, трупы сожги. А я тут и на берегу почищу.

Земля под спиной потеплела и мягко просела, принимая в себя тела.

Но так не должно быть. Впереди еще много дел...

Почва с чавканьем ухватила ступню.

...и несказанных слов...

Воля ухватила за мысль, потянула из легких хрипло проклекотавшее в тишине леса:

– Я...

– Живучий, а! – хмыкнул голос над головой.

– Здесь...

– Я не спасатель, дружище, – хохотнул он.

– Закон.

Рука резко дернулась, ухватив врага за ногу.

– Эй...

А Сила потянулась к черным небесам, давно задолжавшим земле хорошую грозу. Огонек тусклой Звездочки крутанулся возле руки... Укажи им путь...

На мгновение глаза ослепли, а уши оглохли от грохота близкой грозы. Руку обожгло оплавившимся пластиком. Мысли и память пронзило искристым разрядом, прошедшим через тело в землю.

Земля вокруг шипела выкипевшей водой, и даже часть одежды занялась огнем. Пришлось сдернуть костюм и откатиться в сторону, ухватив голову руками и пытаясь собрать из воспоминаний и слов прошедшие события.

Память выделяла странные вещи, расставляя все в необычном порядке, смешивая эпизоды детства и то, что происходило мгновением раньше, щедро сдабривая картинками, которые не были и не могли быть моими воспоминаниями... но тоже хотели занять свое место в моей жизни...

– Федор! – ухватился я за якорь и бросился к деревцам.

Коснулся обеспокоенно его руки и понял, что забыл, кто он мне. Но он важен, это точно! Второй, у дерева, с него все началось... А что началось?

До боли в голове попытался сосредоточиться, но, когда понял, что бесполезно, решил начать с простого... Подвижный холод в волосах – это ветер. Запахи вокруг – это...

«Война...» – подсказал хор странно знакомых голосов внутри.

Тут же застучало в висках, завалило чужими образами.

– Стоп! – закусил я губу, борясь с раскачивающимся миром. – Не та война... И война ли... Но враг все еще есть.

Взгляд равнодушно мазнул по спекшимся с землей остаткам сапог.

«То ли еще было...»

– Хватит! – кое-как унял новую волну воспоминаний.

Тут иной враг. Он сложнее и проще одновременно. Проще – для памяти, требующей невозможных и незнакомых действий. Сложнее для

меня, осознавшего, что даже за рангом «учитель» стоит гибель. У меня не было таких врагов...

«Были...»

– Тихо!

Один враг все еще жив. Он не придет на свет вспышки, но вернется к вертолету, чтобы... Вновь вспышка боли вместо знания. Но там остались двое моих друзей, и я обязан...

– Немного подождите, – шепнул я людям, которые были мне важны, но чьи имена память забрала себе и пока не отдавала.

Пусть путь назад сложен для избитого тела, но свое право на сон я еще не заслужил. Вот сделаю так, чтобы... Даже остановился, пытаюсь вспомнить, что будет зваться победой. Не важно, ведь пока есть враг, а потом...

«Бог преумножит!..»

– Может быть, и так, – осторожно согласился я.

У вертолета суетился противник, выкладывая тела своих подручных рядом со спящим медведем, складывая рядом оружие, мимоходом прижигая следы крови на поляне и тревожно глядя на порывающую с небес грозу.

Правильно он ее побаивается. Этот зверь получит его жизнь.

«Не работает», – пришло скептическое.

«Должно!» – привалился к дереву и потянулся Звездочками к земле под врагом, следуя за ней своей Силой по ручейкам воды между пожухшей травы.

А затем потянулся к небесам, предлагая забрать положенное им. Небеса равнодушно промолчали, прогремев молнией где-то совсем вдали.

– Но ведь раньше работало... – пронеслось растерянное.

– Ты почему не сдох? – строго спросил голос у вертолета. – Куда этот идиот смотрел?

– Я... – Автоматически вырвалось злое слово, а тело само двинулось ему навстречу.

– Ты-ты, – хмыкнул мужик, оценил мою шатающуюся походку и сплюнул на землю. – Давай, подходи ближе... Своим ходом на костер.

«Здесь – закон?» – зазвучало ехидное в голове чужими голосами. До неожиданного смущения.

Не те слова...

«И земля не твоя для таких слов», – наставительно произнесла память.

Не мои слова... Взятые неведомо откуда и примеренные на себя, но оказавшиеся не к месту.

– Пришел за другом, – нашлась фраза гораздо честнее.

– Забирай, – махнул мужик рукой на медведя. – Нога болит вас тащить. Что вы за бешеные, а? – злобно добавил он. – Ничего бы вашему Зубову не было! Ничего! Папаша бы расстался с деньгами! Новые заработал бы! Столько ребят положили! Себя не берегли!

Он бесновался, не замечая, как тихо поднимается на лапы огромный силуэт за его спиной. Так тихо, как умеют это только медведи.

Я же говорил, он просто спал!

– И что, чего вы добились в итоге?!

Медведь устало мотнул мордой. Я изобразил неловкие шаги и сместился в сторону, будто старался не упасть.

– Все сдохли! Все!

– Все, – согласился я, заметив, как Артем в обличье зверя присел на передние лапы. – Все наши враги умрут. Потому что я...

Медведь резко набрал воздуха и проревел в спину бандита столь мощно, что меня снесло в сторону, ударив уже настрадавшейся головой о сломанное дерево.

А враг – он так и остался на месте. Стоял, сопротивляясь реву, пока не истончился его щит. И даже потом, когда вопль ярости, щедро перевитый Силой, снимал с его тела одежду, слой за слоем, обращая в прах, но удерживая на месте и приподнимая над землей, будто схватив за глотку, – он стоял, уже безвольно. А затем с него словно стали срезать кожу, миллиметр за миллиметром, покрывая землю на поляне алым лепестком крови, вытянутым в сторону просеки. На землю упали только выбеленные кости.

Мгновением позже, устало покачнувшись, рухнул и медведь.

И вновь – череда образов, будто ждавших развязки драмы, чтобы накинуться и окончательно запутать мысли.

«Медведь враг! Увидел – убей!»

– Мой медведь, – не согласился я с памятью, с трудом поднимаясь на ноги. – Мой друг... Мы друзья...

Тут должны быть еще трое. Я им обещал... Морщины сошлись на переносице. Попытался вспомнить. Я обещал им победу.

«Как всегда».

Но не над этими людьми, что лежат в траве. Другую победу. Усталость не давала собраться с мыслями.

– Да! Надо ударить в колокол! – озарением пришло воспоминание, подарив улыбку.

Тело Светы обнаружилось на краю поляны. Подняв ее на руки, отнес к

медведю и, чуть подумав, аккуратно уложил на звериную шерсть, сверху.

Вернулся в лес по просеке, покачнувшись, подхватил Федора и Пашу. Побрел, спотыкаясь и падая, обратно. Уложил их рядом со Светой. Теперь все в сборе.

Осталось найти этот колокол и узнать, как он звучит.

– Пойдем, – ухватил за лапу Артема и потянул за собой.

Тот не сдвинулся с места.

– Пойдем, – вложил я Силу и попытался шагнуть вновь. – Я приведу нас к победе.

Земля промялась под ногой.

– Я обещал!

И вслед за криком эхом пророкотали небеса.

Застонали ботинки, треснула подошва. Медведь с друзьями сдвинулся с места.

– Я обещал, – повторил вновь, чувствуя, как путаются мысли. – Надо ударить в колокол... Колокол... Какой колокол? – задал я вопрос, крепко зажмурившись.

«Ураган раскидал корабли, будто щепки. Вода заливала борт, накатывая волна за волной, а из-за колдовской хмари вокруг даже на сотню шагов не было видно ни черта. В вспышках молний – только силуэты кораблей, идущих во тьму своим курсом. Капитан, бейте в колокол! Пусть собираются на звук!»

Нет, не тот колокол. Океана вокруг нет, хоть и качает немилосердно. И этот колокол должен быть из золота...

«Возьмите их золото и обратите их богатство в золото. И отлейте мне из него колокол, способный звучать столь же громко, как моя скорбь. А ежели звучать будет тише, то укрыли они часть виры и должны быть казнены без жалости».

Чужой колокол. Не мой.

«Бои на улицах отнимают слишком много моих подданных, не ведающих о падении стен. Грозовой гром скрывает величие криков победы, потому мы поднимем штандарт над ратушей и ударим в колокол, дабы удостоверитель жителей в виктории и милостивом желании оставить им жизнь».

Все не то... Чужие голоса, облики, картины, которые объединяет слабое чувство узнавания. И только оно не дает игнорировать увиденное.

Мысли метались, и я не заметил, как, сделав очередной шаг, ударил ногой об ответившее странным звуком препятствие. Ноги... Черные ботинки с крупной сеткой на коже... Знакомые, явно из недавнего

прошлого. Лицо... Присмотреться к чертам...

«Убить!»

Знакомое лицо, но внутреннему голосу нет веры. Кажется, я даже помнил его имя и прибавлял к нему отчество. Еще один пассажир со всем уважением был водружен на медведя. Снова – вперед.

– Мост! – озарило меня, стоило звуку близкого ручья обрести облик быстрой речушки, через которую перекинули каменную дугу с небольшим строением посередине. – Колокол. – В горле стало сухо.

В строение под колоколом недавней волной нанесло полным-полно веток. Но золото тускло светилось через них, пока не тронутое никем.

Взгляд грозно искал конкурентов – в чащобе леса; на волнах речки; на высоком холме, куда поднималась дорога за мостом. Нашел... Пятеро на самой вершине, что бежали, светя яркими точками платьев, и замерли, уловив мой взгляд.

Я – ближе. Но у них свободны руки, а путь лежит вниз.

«Мое!» – грозно забилося в груди.

Но натекая в рот кровь из прокушенной губы связала слова. Зато раскатились рокотом небеса над головой, предупреждая соперников. К их счастью, довод дошел до разума, и они не включились в гонку.

Прямая... Теперь только идти, не обращая внимания на усталость, на медвежий коготь, впившийся в ладонь, на порезанные подошвой ноги. Вперед, к началу моста. По камню медведь скользит куда легче.

Возле самого подъема меня невольно остановили странные звуки, доносящиеся будто из-под моста. Звуки борьбы человека с усталостью – тихий стон и бормотание, словно кто-то стыдил себя за слабость тела и воли. Достаточно интересно, чтобы задержаться.

На берег по грязи и слякоти, цепляясь за остатки выцветшей травы, буквально вгрызаясь в каждую угловатость подъема, ползла девушка. Платье превратилось в хламиду, из которой стыдно сделать половую тряпку. Вместо красивой прически – ветви и сор в волосах. Лицо рассечено порезами, на скуле – синяк. Прекрасна, как всегда.

И внутренний голос отчего-то не велит ее убивать.

Я наклонился к ней и поймал ошеломленный взгляд, в котором было столько всего...

– Верни мороженое, – сказал я и коротким толчком в лоб отправил ее обратно в воду.

– Пойдемте, друзья. – Я взялся окровавленной рукой за медвежью лапу. – Еще совсем чуть-чуть. Ведь обязательно надо пройти. А потом я тоже пойду спать.

Мусор на пути – смести пинками в сторону. Ветви у колокола, что не дают ему звучать, – в воду.

Крепко сжал в правой руке медвежью лапу. Левой потянул за язычок колокола, извлекая из него звук.

Глухой, тоскливый. Теряющийся в рокоте разыгравшейся грозы.

Я сполз по каменной стенке вниз. Обещание выполнено, и глаза спешили закрыться и не смотреть на этот мир.

Тело легло на камень настила, не ощущая холода поверхности, так же, как давно уже не чувствовало раны на теле. Над головой – спокойствие черной стихии, хотя далеко по краям из туч вылетают яркие молнии.

– Я... – вновь стала проситься наружу незавершенная фраза.

На этот раз не было врага, которому надо ее сказать. Да и друзья не услышат. Это – для себя. Вместо всех громких фраз за сегодняшний день и за всю жизнь. Чтобы не потерять себя в них и не потеряться в чужих воспоминаниях. Ведь, несмотря на всю искренность, они не мои... И рано или поздно растворят в себе мое прошлое и меня. Если не пойму, кто я есть на самом деле.

Небо тоже смотрело внимательно, не нарушая течения мыслей новым громовым раскатом. Знакомое небо... Во всех воспоминаниях, что навалились сегодня, – одно и то же, затянутое иссиня-черными тучами... Так часто виденное мною, будто...

Догадка показалась столь невозможной, что пришлось посмотреть на Артема в облике медведя, чтобы произнести ее вслух.

Так часто видел я это небо. Честное, бесстрашное, разрушительное, но способное сохранить самое ценное в его центре... Небо, что стало почти отражением в зеркале...

– Я – это шторм, – в волнении вывели губы.

Над головой не взвыл одобрительно ветер, не проревели близкие раскаты. Если я – это оно, то и не должны были прореветь.

Но проверить это можно гораздо проще. Ведь не надо просить руку подняться вверх. Можно просто захотеть...

Ветвистая молния ударила в золотой колокол, выбив красивый и чистый звук, эхом пролетевший над землей. Дыхнуло теплой волной. В глазах зарябило так, что пришлось зажмуриться...

Спину неожиданно подхватили сильные руки, помогая подняться. Наверное, это Света и Паша очнулись и помогают мне встать.

Много рук... Федор очнулся? Артем? Здорово!

И вот уже холодный камень парашюта под ладонями, а глаза смотрят вперед.

– Тут еще много интересного, друзья! – прозвучало тише, чем хотелось бы. – Я покажу вам место, через которое мы шли! Высокий забор, помните?

Столбы молний рухнули с неба, освещая заревом земли севернее.

– Завтра мы снова соберемся вместе и заглянем за горизонт!

Чувство одобрения позади и ликующий грохот в небесах.

Обернулся назад. Никого.

Падение.

Стук дождя по камню и шелест ливня, накрывающего реку под мостом и лес вокруг. Далекий раскат ушедшей на север грозы.

Пятеро, спустившиеся со склона, готовились принять титул вторых. Оттого шагали неспешно, позволяя усталости сквозить в жестах и походке. Тем более что ливень основательно размыл дорогу, а сломать себе ногу, поскользнувшись, так это и вовсе выйдет позор. Быть вторыми – уже провал и повод для объяснений со старшими. Может, кто-то другой искренне порадовался бы второму месту, но в деспотической династии Голицыных уважение полагалось только победителю.

Потому – угрюмые мины на лицах двух девушек и трех парней.

Двое суток без сна, конфликты с Орловыми и Долгорукими, изорванная одежда, грязь под ногтями, холодная жижа в ботинках и ощущение голода в животе. И все для того, чтобы увидеть победителя издалека.

Можно было побороться, можно было устроить забег, криками, угрозами и обещаниями отвлечь внимание...

Но этот псих тащил из леса убитого медведя, пристроив на нем всю свою команду, как на диване!

Для Голицыных, мечтавших о сне последние несколько часов, это было достаточно сильным моральным ударом, чтобы упустить инициативу. А затем... увиденного далее хватило, чтобы признать себя вторыми.

Во всяком случае, билеты на имперский бал – тоже статусный приз, дающий возможность подняться в иерархии власти и приобрести влияние внутри рода.

Резко встал на месте шедший первым, заставив остальных автоматически перестроиться в боевой порядок. Заостренные палки на изготовку, пращи из дерева и обрывки одежды заряжены камнями и готовы к применению.

– Ребята, там эти... лежат, – повернулся с изумленным выражением лица Олег Голицын, указывая на мост.

Команда не сразу убрала самодельное оружие, привычно ожидая подставы или засады. Даже несмотря на то что чемпион турнира уже определился. И ему, разлегшемуся под ливнем на холодном камне, явно не было дела до тех, кто придет после.

– Они не ушли? – обернулась Инга, даже в их компании изображавшая дурочку-блондинку.

Ясно, что не ушли. Но почему? И где подвох? Почему нет медведя? Скинули в реку? А может...

– Андрей Александрович! – охнул Олег, бросившись к Долгорукому, неведомо как оказавшемуся среди нагроможденных тел, и, оттащив его к краю моста, устроил сидя. – Н-не дышит... Вроде...

– Может, кто-то их убил? – прижала руки к груди Ольга, зябко пожившись от прорвавшегося через дождь ветра.

Эта родственница просто умела хорошо танцевать, ей простительны нелепые вопросы.

– Значит, мы первые? – прозвучал крайне важный вопрос. – Если этих первых нет...

– А если кто-то из них жив?

– А если даже и жив, но упал в реку, когда перебрасывал медведя через паркет?.. – В этом вопросе чувствовалась напряженная решимость.

У Голицыных очень не любили побежденных и не задавали вопросов о методах достижения цели... Константин занимал достаточно высокое положение в семье, чтобы знать это доподлинно.

Команда полукругом обступила неподвижные тела в отмытой дождем одежде, пусть и изрядно порванной. У одного мальчика ее не было вовсе. У другого руки и лицо будто выбелены, у третьего вместо ботинок какие-то сломанные колодки, из которых виднелись ступни, окровавленные руки проколоты насквозь, а лицо – сплошной синяк. Четвертый вообще мальчишка! А у единственной девушки сожжено платье на животе и боку...

– Это, вообще, кто? – вновь был задан вопрос.

Первый раз он был озвучен еще на спуске с холма. Но никому ответить так и не удалось. Фамилии-то участников помнили, однако знать в лицо всех детей из старших семей – изначально бесполезное дело. Тем более эти молодцы, а значит, род их укрывал особенно тщательно.

– Слишком молоды, – подала голос Инга, задумчиво наклонив голову.

Позади чертыхнулся Семен, пытавшийся обуздать язычок колокола и извлечь из него звук.

– Цепь приварило! Вы представляете?! После молнии! – возмущенно пояснил он повернувшись к нему и ударил о золото камнем. – И так

сойдет.

– Так мы первые или вторые? – громко спросил Константин сквозь дождь.

– Один точно мертв, – присела Инга рядом с самым прилично одетым конкурентом.

С такой брезгливостью ей в первую десятку рода не пробраться...

– Свидетелей нет, – кивнул Семен на Долгорукого.

Камер тоже не было – там, за спиной, остался глубокий дымящийся шрам на земле, пахнувший горелой изоляцией разрубленного кабеля на дне раны. Неведомо, кто это сделал – все было еще до того, как Голицыны прибыли на место. Важно другое – камеры, спрятанные в ветвях деревьев и проверенные ими на всякий случай, все до единой были обесточены. И на фоне этих знаний перспектива стать первыми всерьез будоражила кровь.

– Моя совесть мне свидетель, – скрестила руки на груди Ольга.

Но ее мнение мало интересовало четверку. В конце концов, она из младшей семьи, а танцев больше не будет. А если упрется... Главный приз – комбинат и электрическая станция – стоит дороже ее жизни.

– Так что? – уловив незаметный кивок Инги, повернулся Константин к Олегу и получил молчаливое согласие. – Чудненько.

– Ну-ка отошли от них! – Крик был достоин ушедшей грозы.

Из-за шума воды незамеченной пробравшись за их спины, на краю моста стояла девушка, демонстративно отведя правую руку с железным клинком в сторону. Вид, конечно, тот еще, но узнаванию он не помешал. Ее имя они помнили, его сложно забыть после представления на первом этапе турнира.

А кое-кто даже успел подсунуть солидную взятку генетикам, доказывая свою сметливость – а значит, конкурентное преимущество для создания пары с Целителем. Еремеевы – не особо старая семья, довольно слабая в боевом плане, – они охотно отдадут свою дочь Голицыным. Или муж войдет в ее род, чтобы чуть позже перенести все активы новой семьи обратно в клан. В этом не было сомнений. Только характер у женушки... Обломают.

– Ника, это ведь я... – шагнул к ней Константин.

– К дальнему краю, быстро! – щелкнул боевой веер в левой руке.

– Девушка, вы же понимаете, что не стоит ссориться... – вступила Инга.

Но отшатнулась назад, стоило Нике быстро зашагать вперед, подняв клинок над головой.

Веер заскрипел по камню парашюта, высекая искры. Но не это пугало –

а решимость идти до конца.

Вся команда, переглянувшись, попятилась назад.

– Пусть посмотрит на трупы, – обескураженно качнул головой Константин, сходя с моста.

– Я хотела бы остаться и помочь, – замялась на месте Ольга.

– Живо с глаз моих! – грозно глянула на нее Ника, присев рядом с телами.

– Хорошо, – ойкнув, заспешила та.

– Придурок, – шепнула Ника, выбрав самого гиблого пациента. – Скотина. Гад.

Девушка провела запястьем по щеке, стирая соленый дождь, рванула рубашку на его груди и засветившейся рукой тронула кожу.

– Ника, ударь в колокол, иначе использование Силы посчитают нарушением правил! – делано обеспокоенный голос Константина заставил ее поморщиться.

Все не так на этом турнире. Столько усилий и слез, столько боли и бессонных ночей. Чтобы осознать, что вокруг одни уроды, которым приходится улыбаться.

– Ты зачем не подождал?! – ударила она кулачком пациента, охнула и влила новых Сил в ладонь.

– Ника! – по-хозяйски настаивал голос с берега.

– Медведь тебе Ника!

– Это очень опрометчивые слова! Но я понимаю тебя, дорогая. Это стресс...

– Этот дурак замолчит сегодня? – слабо простонали сбоку.

– Ой! – Девушка повела взглядом в ту сторону и смущенно порозовела. – Вы без одежды, юноша.

Вернее, она успела заметить какие-то слипшиеся браслеты на руках и ногах, но это не то что одеждой, даже украшением не назвать.

– Да? – хрипло, с недоумением произнес парень. – То-то думаю, что так бодрит...

Он встал, покачиваясь, на ноги, и так же, обнаженным, выпрямился во весь рост. Благо край моста укрывал от взглядов.

– Слышишь, ты, тебе что надо? – крикнул парень на очередное завывание Константина.

– Я разговариваю со своей девушкой! – к великому возмущению Ники, послышалось с той стороны.

– Потихе там. Вон она рядом с тобой стоит, что орать-то. У меня тут друга лечат. – Он повернулся к Нике и невозмутимо уточнил: – Ведь лечат?

– Д-да, – порозовела она, забыла про возмущение и вернулась к диагностике пациента.

Да так, что губу закусила от отчаяния – пациент был плох... Если бы оказалась реанимация рядом – тоской застучало в висках... Но нет, может, она ошибается? Новый луч света устремился в грудь пациента.

– Ника – моя девушка! – не унимался Голицын.

– Это девушка моего друга. Вон выбирай себе из четверых рядом и не отвлекай.

– Я – не его девушка, – кошкой зашипела Ника на парня.

– А зачем ты его лечишь? – Слегка несфокусированный взгляд повернулся к ней.

– Прибить хочу, – честно ответила она.

– Это повод, – уважительно кивнул парень. – Я, знаешь, тоже иногда. Но сдерживался. Я ж этот... культурный, в очках. Скрипка еще у меня... Была, – недоуменно поглядел он вокруг, а затем посмотрел на руки и странные нитки на них, серые и белые, тонкие, будто волосы – только таких не бывает.

– Ю-у-уху-у! Наконец-то! – пронеслось средь слабеющего дождя, а голый парень затанцевал на месте.

– Да вы посмотрите на него! – негодовали с берега. – Как себя ведет! Голый! Отвратительно!

– А знаешь, почему я голый, морда? Это чтобы, когда я тебя поймаю, время не тратить.

– Да как ты смеешь со мной так говорить! Я – Голицын Константин! Сын второго дяди главы клана! Восьмой на княжение!

– А я – Шуйский Артем. Первый и единственный. А знаешь, кто мой друг?!

На берегу как-то сдулись и даже пожелали хорошего здоровья им обоим.

– А я и сам не знаю, – шепнул Артем еле слышно. – Как он? – обратился к Нике парень, с мрачным видом присев рядом с самым юным мальчишкой и двумя пальцами проверяя пульс на шее. – Жив, – облегченно выдохнул и только после этого принялся искать одежду.

– Плохо, – простонала Ника, пытаясь унять панику.

Такого в ее целительской практике не было и быть не могло. Повреждено все, что только можно! Из ног разве что кости не торчат! Сердце бьется столь медленно, что охватывает ужас, будто пульс почудился просто от огромного желания его ощутить.

– Ты уж постарайся, – смутился парень, не зная, как подобрать слова. –

Иначе как ты его убивать-то будешь...

Силы вытекли из Ники вместе со слезами, мир сузился до лица перед глазами и собственных чувств. Целитель должен любить, чтобы целить. Не важно, что – семью или светлый образ, перенося его на пациента. Но любви не хватало, и сложная машина чужого организма не хотела заводиться.

Один раз в разум прорвалось холодное «мертв», произнесенное Артемом. Страх от того, что придется сказать это самой, придал новых сил. Но страхом Целители не лечат.

Сердце, печень, поджелудочная, легкие, позвоночник. Следы ударов, деформаций, разрывов мышц и трещин. «Не лечится, не могу, – накатывало отчаяние после каждой попытки. – Было бы что-то одно...»

Постепенно рядом стали ощущаться новые люди, окатывая эмоциями разочарования из-за своего поражения и любопытством к разыгравшейся драме. Застрекотали вдали вертолеты. А жизнь уходила из глупого мальчишки, которому она даже не успела сказать спасибо за место среди выступающих первого дня. Тогда – было нельзя, неприлично у всех на виду. А сейчас – уже поздно.

– Тут Андрей Долгорукий! – тревожно прозвучал рядом голос. – Кажется, дышит! Девушка, Целитель, вы слышите меня?!

– Я ему ничего не должна, – сквозь зубы процедила Ника, вливая саму себя в лечение. – А ему – должна. Мороженое, – совсем тихо произнесла, чтобы никто не услышал.

Но кое-кто был слишком близко, чтобы упустить это слово.

– Мороженое, – распахнулись веки.

– Да-да, самое вкусное мороженое! – всхлипнув, кивнула девушка.

– Хорошо, – выдохнул парень.

А затем неожиданно сильной рукой слегка притянул за голову и поцеловал.

– Тут больше чем одно... Целый ящик... – прикрыл он глаза. – Я верну...

– Подлец! – запоздало сообразив, что произошло, вырубила его оплеухой Ника и тут же ойкнула и вновь принялась лечить.

И отчего-то это удавалось все лучше и лучше...

Сколько он себя помнил, тут всегда был резкий ветер, разгоняющийся от побережья по прямым портовым улицам. Особенности застройки, мало приспособленной для комфортной жизни. Зато вполне удобной, чтобы установить в глубине коридора длинной и узкой улицы крупнокалиберное

оружие. Последний набег отгремел около тридцати лет назад – тогда пираты успели сжечь треть города, пока не подошла дружина местного владельца. Но если бы не отчаянное сопротивление портовой стражи, вставшей насмерть, гореть бы ему целиком.

Из тех, кто жил тут во времена набега, вряд ли кто-то остался. Даже местные здания было проще снести, чем пытаться ремонтировать решето бетонных коробок. Так и решили, возведя все то же самое, серо-угрюмое, хлопающее дверями и окнами от прибрежного ветра. Общежития, съемные комнаты и дешевые квартиры. То, что надо для погорельцев и разоренных бедой.

Со временем кто-то находил возможность вернуться обратно, в чистые кварталы. Кто-то ломался и становился частью этого места. У кого-то не спрашивали, чего он хочет.

Руслан Артемьевич провел рукой по золотой доске, закрепленной на стене ветхого, давно нежилого дома.

«Шуйская Светлана». Годы жизни.

– А чтой-то, в нашем районе кто-то приличный мог родиться? – донесся издали сварливый старушечий голос.

За оградой, коей был окружен дом, ойкнули и под вежливые увещевания охраны согласились пройти мимо.

– Хороший человек может родиться в любом доме, – тихо произнес Руслан.

Налетевший ветер заставил поежиться и повыше поднять ворот пальто.

– Да ведь? – повернулся он к девочке лет четырнадцати в черном плаще поверх серого платья.

Та не ответила, продолжая с необычной серьезностью изучать памятную доску.

– Твоя служба окончена досрочно. Документы в машине, вместе с полной историей новой жизни. Рождение, переезды, детская медкарта... Даже есть билеты в кино двухлетней давности. Подлинные.

Тишина была ему ответом, и от этого длинная и торжественная тирада обрела неуместность и беспомощность.

– Я буду в машине, – кивнул он коротко и отправился к первому из двух джипов, стоявших возле забора.

Уважительно козырнул охранник, придерживая распахнутую калитку.

Еще раз посмотрев сквозь тонированные стекла на замершую девчонку, Руслан Артемьевич с силой провел ладонями по лицу.

За спасение наследника Светлана принята в клан. Почетная награда,

выше ее и быть не может. Но немного странная для человека, истово мечтавшего выйти из-под княжеской руки.

Ей долго пытались объяснить разницу между служением и родством. Но в целом не сильно удивились, когда титул она просила дать себе настоящей. А затем похоронить. Решение, с которым не стали спорить.

Руслан не знал, что он чувствовал бы, оказавшись перед посмертной табличкой самому себе. Да и чужую реакцию представлял слабо. Хотя именно сейчас надеялся хоть на какую-то радость, конечно – ведь служба, которую предстояло нести Свете до одиннадцатого класса, теперь тоже завершена. Подарок, не оговоренный ранее.

Вышло не совсем так, как загадывалось. То ли стресс тому виной, то ли последствия страшной раны в животе и на боку, которой суждено было стать смертельной... Только такие, как Светлана, – штучный продукт, чтобы допустить их гибель. Бессмертие недостижимо, но боевая химия способна замедлить жизненные процессы до уровня комы, если организм вдруг решит умереть. Два дня назад впервые пригодилось.

Хлопнула дверь джипа рядом.

– Поехали? – Света устроилась на своем месте и пристегнула ремень.

– В аэропорт, – хлопнул Руслан Артемьевич рукой под подлокотнику, и машина мягко двинулась с места. – Какие планы на будущее? – нейтрально уточнил он.

– Учиться, – сосредоточенно кивнула Света. – Мне пятерки ставят, учительницы любят. После двух часов свободна. Рай.

– Мм, а не скучно будет? – любопытствовал Руслан.

– У меня интересный сосед по парте.

– Вот, кстати... Ты, конечно, можешь не отвечать. Все-таки человек свободный и вообще... – поднял он ладони. – Но почему ты его не остановила? Тогда, на вокзале?

– Как?! – пронзил его укоряющий взгляд.

– Ну, вообще-то он обещал мне слушаться соседку по парте.

– Что-о?! – Машина аж вильнула от вопля возмущения. – И вы мне не сказали?! Да я... Да он!.. И вообще!.. – всплеснула она руками, выдохнув.

– А я не говорил, да? – смутился Руслан, вдавившись поглубже в кресло и нервно дергая ремень безопасности.

– Это просто безответственность!!!

– Слушай... Да, есть в этом моя вина, – покаянно отвернулся он к окну.

– Да мы жизнями рисковали, пока это чудовище кормило испанцев варениками!

– Я готов принести извинения. Проси, что хочешь, – затарабанил

Руслан Артемьевич пальцами по колену.

Не нервничая, просто желая скрыть энтузиазм и надежду – если первый подарок не удался, то, может, удастся подарить то, чего ей действительно хочется...

– Лучшего учителя по хореографии!

Глава 31

Наверное, было утро, когда удалось снова открыть глаза. Под руками отыскалось приятное одеяло. Солнце светило через приоткрытые жалюзи, отпечатывая полосы света на противоположной стене.

За окном жалобно требовали найти Барсика, и женский голос убеждал, что он обязательно будет найден.

Рядом стояла медицинская койка, окруженная приборами, сейчас выключенными. Приподнявшись, обнаружил себя на точно такой же, только у меня электроника отливала зеленым, помигивая лампами, а от одного из приборов шел к локтевому сгибу левой руки белый кабель, завершающийся круглой присоской, отсоединившейся с интересным звуком и спокойно соединявшийся с любой плоскостью.

Приятно пахло яблоками, апельсиновой кожицей, чистой постелью и совсем немного – горьковатыми лекарствами.

Резко дернулась дверь, пропуская запыхавшуюся медсестру в белом халате и чепчике, сначала она посмотрела на приборы, а потом, охнув, на меня.

– Доброе утро, – проявил я учтивость.

Та охнула повторно и столь же внезапно скрылась в коридоре, предоставив автоматической двери медленно затворяться. Судя по проглянувшему уголку большого плаката, закрепленного в коридоре, больница.

Двери закрыться не позволили.

Воровато оглянувшись по сторонам, в проем буквально втек Федор, скинул ботинок с левой ноги и оставил его в проеме.

– Электронные замки, – смущенно ответил на мой любопытствующий взгляд и с возмущением добавил: – Охрана страшная! Все хотят прическу испортить и к родителям отвести! Еле прорвался.

Брат осторожно присел на край кровати.

– Как ты? – обеспокоенно взял я его руку, оглядывая еле заметные рубцы на коже возле локтя и чуть синеватые – на фалангах пальцев.

– Да нормально, – махнул он другой рукой, явно храбрясь. – В первый раз было гораздо хуже.

– Федор, если ты не перестанешь так рисковать... – построжел я, скрывая за тоном заботу.

– Буду, – упрямо насупился он.

– А если ты погибнешь, что папа, сестры и я станем делать?

– Это я к тебе пришел, а не ты ко мне! – запыхтел он возмущенно. – Это я должен тебя ругать! И вообще, я не погибну. И тебе не дам! – категорично мотнул он головой.

– Я ведь до конца не знал, жив ли ты. Верил искренне, но не знал, – прикрыл я глаза.

– У меня просто пока кровать маленькая, – засмутился Федор. – И то, что под ней обитает, тоже. Вот когда я вырасту, никто не сможет нас обидеть!

– Послушай мудрого человека, дожившего до тринадцати лет. Всегда найдется кто-то, у кого кровать будет больше, а ужас под ней – опаснее.

– Но я не хочу вас терять... – понурился он.

– Главное, не теряйся сам, – чуть сжал его руку. – Для решения остальных проблем у тебя есть старший брат.

– Ты три дня лежал без сознания, – всхлипнул Федор. – Знаешь, как страшно?

– Да мне уже поспать нельзя! – делано возмутился я, обрадованно отмечая улыбку на лице младшего. – И вообще, мы ведь справились? Значит, все хорошо.

– Так, нарушитель! – звонко взлетел к потолку голос очередной медсестры, заставив Федора вздрогнуть.

– Красивая тетенька, а где туалет? – похлопал ресницами брат, вставая.

– Ох ты моя прелесть! Заблудился? Пойдем отведу, – заворковала она, за руку уводя брата в коридор. – Вот, ботиночек не забудь.

Дверь щелкнула, закрываясь.

Впрочем, не прошло и пяти минут, как открылась снова.

– Тридцать секунд! – произнес напряженно незнакомый голос.

Я аж яблоко схватил на всякий случай и в проем нацелился. Мало ли.

Но через секунду в комнату торопливо зашел Пашка, быстро оглядел комнату и широким шагом преодолел расстояние до кровати.

– Спасибо! – схватил он левую руку, лежащую над одеялом, и энергично затряс. – Спасибо! Спасибо! Спасибо!

В его лице был океан признательности и даже намек на слезинку от избытка чувств.

– Обращайтесь, – осторожно вернул я себе руку под невольную улыбку.

– Пятнадцать секунд, – прошипел голос из коридора.

– Извини, тут охрана страшная, пришлось взятку давать, – смущенно повернулся Пашка к двери. – Вот, пока не забыл! – спохватился он и

положил на простыню черное кольцо в виде паука. – Даже не знаю, как благодарить.

– Все нормально. Теперь, наверное, дома все хорошо будет? – осторожно поинтересовался я.

Если не знает про дела отца...

– Да, конечно! – расцвел он улыбкой. – Нам, правда, деньги пока не перевели, но как только – я сразу сообщу!

– Пять секунд!

– Ладно, я – бежать! – заговорщически подмигнул он. – Еще раз спасибо!

– Паша.

– А? – повернулся Пашка уже в дверях.

– А вот помнишь... Ну, эти корабли в порту, которые у вас утонули. Они сколько стоили, не знаешь? – нейтрально уточнил у него, рассматривая яблоко в руке.

– Мм, миллионов сорок каждый, наверное... – на мгновение задумался он, игнорируя мужскую руку, которая настойчиво вытаскивала его из палаты.

– Тогда, когда выигрыш делить будешь, ты из моих себе восемьдесят перекинь, хорошо? – вдумчиво принялся я поправлять край одеяла.

– Да не нужно, ты что! Ты и так для меня много сделал, – принялся он было отнекиваться, улыбаясь, а затем как-то резко замолчал и посмотрел на меня. – Максим...

– Все, юноша, время закончилось.

– Максим, – вцепился Пашка в проем двери.

– Ведите себя прилично, мы же договаривались! – дернули его уже бесцеремонно, отцепили руку и закрыли дверь.

Следующий визит был нанесен целым коллективом докторов, весьма интересовавшихся моим замечательным самочувствием и отрицательно зацокавших, стоило заговорить о том, что пора бы домой.

Находились мы, как оказалось, в гербовом оздоровительном центре Долгоруких, так что доводы «записаться на прием и прийти попозже» не срабатывали. В итоге облепили датчиками и велели изображать больного. Потом все приборы как-то разом вышли из строя, и от меня отстали. Разве что поводили по груди и спине холодным стетоскопом.

Минут через сорок зашел Артем, вполне свободно хлопнувший дверь за собой.

– Ты как добирался? – любопытствовал я, помня о нелегких путях предыдущих гостей.

– Сказал фамилию, к кому иду и пообещал, что разнесу все закрытые двери. Вот, выдали, – показал он краешек пластиковой карты доступа в нагрудном кармане.

Выглядел мой друг вроде бы так же, но неуловимо иначе. Конечно, были и явные отличия.

– А где очки и скрипка? – заинтересовался я.

– Да уже не надо, – с некоторой гордостью произнес он.

– А раньше было надо? Зачем? – Я аж заерзал от любопытства.

Нет, слова его помнил, но он тогда был не совсем расположен к беседе и немного медведь.

Артем хмыкнул, оглянулся на запертую дверь, а затем выудил из внутреннего кармана черную коробочку и установил на тумбе рядом с яблоками.

Тут же по палате дунуло Силой, а бывшая запертой и теперь, видимо, обесточенная дверь чуть скрипнула, отходя от косяка.

– Зверь внутри, он сильный, – оглянувшись на дверь и внимательно прислушавшись, но не обнаружив никого лишнего, начал Артем.

– Да я заметил, – хмыкнул в ответ.

– Он волей сильный. Сильнее человека, особенно в детстве, – хмуро посмотрел Тема в окно. – Чем сильнее зверь, тем сильнее его воля. Тем более он считает себя главным в теле. Унять сложно, а подчинить – вообще кошмар...

– Ты вроде не кусался, – осторожно нарушил я затянувшуюся паузу.

– Потому что скрипку с собой таскал. Там в каждой струне по пряди волос прадеда, прапрадеда, прапрапрадеда и его отца. В одну кучу свалить нельзя, под одеждой держать тоже нельзя – обидятся. Вот и приходилось... Они медведя и держали. Вернее, меня держали, наверное. Советовали, успокаивали. Знаешь, как страшно, когда глаз замечает дрожащую жилку на шее у соседа по парте, а во рту выступает слюна?! Я ведь этого не хочу! А зверь – хочет.

– Так зачем тогда очки носил?

– У меня зрение идеальное. Очки его специально портили, картину размывали. Так проще жить, – пожал он плечами.

– Тяжело медведю в городе.

– Не говори, – поежился Артем, вспоминая. – Зверя все в бешенство приводило. Запахи, звуки, машины, узкие коридоры. Хорошо, парк вокруг школы, можно на перемене спрятаться.

– Сейчас, выходит, скрипка и очки больше не нужны?

– Да, – со спокойной гордостью посмотрел он мне в глаза. – Вот только

это оставил, – показал Артем неброский браслет на левой руке. – Прапрапрадедушку, на всякий случай.

– А остальные что? – аж принялся я, уловив вновь нечто искристое, как тогда, на поляне.

– Да... Хорошие они, просто старые, – засмутился Артем. – «Возьми Казань, возьми Казань», – беззлобно передразнил он.

– А что там хорошего? – заинтересовался я.

– А что хорошего в полненькой Юльке из «Б» класса? – мрачно посмотрел Тема.

– Запятые? – предположил я.

Он просто рукой махнул.

– Ты там логику вообще не ищи, они своим веком живут.

– Ну, вообще, здорово так с родственниками говорить, – вздохнул я и завершил грустно: – С самого детства.

– Ладно, – хлопнул он ладонью по колену. – Я чего зашел. Спасибо хочу сказать.

– Да ерунда, – отмахнулся я. – Если бы ты тогда не поднялся...

– Не ерунда, – серьезно посмотрел он на меня. – Не пришел бы ты, мне бы никто подняться не дал. Награда будет более чем щедрой. Ты, пожалуйста, не отказывайся. А лучше сам скажи, чего хочешь.

– Дельфинарий рядом с домом постройте? – На такой искус сложно было не поддаться. – И секретный ход от дома к школе?

– Мм...

– Ой, да забудь, – махнул я рукой.

– Нет, ну тут просто со специалистами советоваться надо, – возмутился он.

– Просто спаси меня как-нибудь, и в расчете, – серьезно посмотрел я на него.

А он кивнул, понимая.

Не все же мне будет везти. И не всегда над головой в небесах будет мое отражение.

– Просьба будет, – замялся он слегка. – Ты про медведя – никому, ладно?

– Это само собой, – понимающе кивнул я.

– Даже обсуждать это нельзя, в том числе со мной, – строго добавил он и тут же смягчился: – Если какие-то вопросы остались, то давай сразу отвечу, чтобы потом не вспоминать.

– Слушай, – пристально посмотрел я на него, ведомый озарением и надеждой, – а у тебя есть брат?

– Нет.

– А тебя из цирка не похищали лет пять назад?

– Нет, – поскуchnел лицом Артем.

– А ты покатаешь меня на себе?

– Нет.

– Блин, – вздохнул я грустно.

– Что, все? – недоуменно уточнил друг. – Больше нет вопросов? А как же «есть ли у тебя блохи»?

– Ну ты же приличный медведь, как я о тебе такое подумать могу, – возмутился я. – Слушай... Давай лучше так: мне надо знать что-то действительно важное, о чем я не спросил?

– Хм... – задумался Артем. – В Серебряный заповедник не ходи. Там дедушка.

– Огромный медведь, наверное? – спросил я благоговейно.

– Да, – с гордостью приподнял он подбородок.

– А он меня покатает?

– Нет.

– Слушай, ну ты же не можешь знать точно, – рационально рассудил я.

– Стоп! – занервничал Артем. – Ладно, я тебя покатаю, если ты пообещаешь не лезть к дедушке! Он, знаешь ли, мне дорог! Только пять минут!

– Ну, ты ведь всяко меньше его будешь... Вот если десять...

– Максим!

– Ладно, – миролюбиво поднял я руки. – Слушай, а вот еще вопрос. Помнишь, мы встретились? Там еще двое в тебя желудями кидались.

– В парке-то?

– Да. Понимаю, что твоему медведю это не нравилось. А как к этому относился княжеский сын? – осторожно, чтобы не обидеть, поинтересовался я. – Ведь они вырастут и узнают.

Все-таки странно это. Я потому Артему сразу и не поверил про настоящую фамилию, там, на берегу реки возле бабушкиной деревни.

– Так ведь дети, – пожал он плечами, будто сам взрослый, даже и не собираясь как-то волноваться. – Понимаешь, сейчас у них ничего нет, и они ни за что не отвечают. Вот когда вырастут и вступят в наследство, – проступил на его лице истинно медвежий оскал, – тогда и спрошу. Ладно, пойду. Выздоровливай и приезжай быстрее.

– А Света зайдет?

– Она узнала про твое обещание слушаться соседку по парте, – замялся Артем. – Теперь пишет свод правил с кучей слов «нельзя».

– Посажу ее по правое плечо, – задумчиво кивнул я своим мыслям.
– И тебя не тревожит, что все это придется исполнять? – недоуменно уточнил друг.

– У меня трехместная парта, – отмахнулся я. – И определенное влияние на ее левое крыло.

– Если так, то да, – задумчиво закивал Артем. – До встречи!

Дверь закрывалась томительно-долго. В самый последний миг взгляд уловил нечто мелькнувшее в проеме столь быстро, что вполне могло показаться.

Но затем на одеяло возле ног одним движением взлетел матерый котяра, посмотрел укоризненным взглядом, важно вышагивая, подошел к лицу и ткнулся в щеку носом.

– Машк, – не веря, осторожно провел я ладонью по мягкой шерстке.

Кот завалился мне на грудь и размеренно заурчал, перебирая лапами от удовольствия и чуть выпустив коготки.

– Ты как тут оказался, бродяга? – посмотрев на дверь, прикрыл я свое чудо одеялом.

Не зря. Практически сразу в палату ворвалась медсестра и внимательно оглядела палату.

– Кота не видели? Барсиком зовут.

– Никаких Барсиков не знаем, – категорично ответил я, удерживая ворохнувшегося кота от побега.

– Извините за беспокойство. – Дверь вновь закрылась.

– Пока тебя не было, нашел еще три пары рук, которые будут тебя очень осторожно и нежно гладить, – обратился я к коту шепотом, а затем подтвердил в настороженное кошачье ухо: – Нет, хвост гарантированно не тронут. Еще у нас теперь есть свой подвал, глубокий и темный. Возможно, даже с мышами. И будет дельфин. Обычно он плавает в океане, но погостит у нас. Нет, его съесть нельзя, он очень большой. Но можно смотреть и мечтать, что съешь, когда вырастешь. Как видишь, я не терял времени зря.

Дверь еще раз открылась, на сей раз впуская знакомого доктора с абсолютно чужим человеком, одетым строго и весьма представительно – даже ботинки и те блестели, несмотря на осень и слякоть за окном.

– Максим, мы принесли тебе одежду, – положил доктор пакет на край кровати. – Тебя хотят увидеть очень важные люди, пожалуйста, переоденься.

Незнакомец между тем обошел палату, внимательно заглянул в тумбы, под кровать, свернул и развернул жалюзи и оценил вид из окна.

– Мы выйдем в коридор, – спохватился доктор, посчитав мое

бездействие смущением.

Дождавшись, когда дверь закроется, я осторожно поднялся, прислушался к организму. Слегка попрыгал, поприседал, поймал легкое головокружение, которое, впрочем, быстро исчезло. Переоделся в принесенные джинсы свободного покроя, рубашку, бежевую кофту и кроссовки. Открыл окно, оценивая расстояние до земли. Затем отметил водосточную трубу у края окна.

Подхватил Машка, положил его себе на шею и перебрался с подоконника на внешнюю часть стены.

– Важные люди ждут нас дома, – буркнул я коту, согласно провибрировавшему мурчанием в шею.

Довольно быстро спустился вниз и вместе с выходящими людьми покинул огороженную часть медицинского учреждения. Вышел на дорогу пошире, определил стороны света и побрел навстречу машинам, что должны были выезжать из города. Повезло не сразу, но примерно через полчаса удалось остановить длинный грузовик с гербом княжества Шуйских у номера.

– Тебе куда? – посмотрел водитель, оценив внешний вид и кота на руках.

Он был лет пятидесяти, с поседевшими волосами и бороздами морщин на лбу. На плечах спортивный костюм, накинутый поверх серой футболки.

В салоне – легкий запах табака, маскируемый «елочкой», болтающейся у стекла. Таблички «Пустой» и «Вован», укрытые пачкой заполненных бумаг.

– Домой, – назвал я ему свой город, улицу и дом.

– А родители где? – не торопился он вывести машину на дорогу.

– Там же.

– Давай им позвоним? Пусть знают, что едешь? – с тщательно скрываемым волнением произнес он.

– Было бы замечательно, – вежливо поблагодарил я его и продиктовал номер.

По телефону закономерно попросили меня пристегнуть (а я, между прочим, и сам не забыл), а также сориентировали на гостиницу, где жил Федор, и попросили немедленно с ним связаться.

– Федор, я еду к тебе на фуре с котом.

– ...

– Нет, не настолько огромным, но весьма представительным, – почесал я довольного Машка. – Да нет в больнице никаких проблем. Стоит на месте. Честно. Даже стеклышко не выбито. Там просто кто-то важный

решил на меня посмотреть, а я на него – нет. Тут ему не зоопарк, хоть все двери и закрыты.

А чуть позже нам позвонили и круто развернули в аэропорт, где слегка ошарашенный водитель узнал, что ехать домой ему не трое суток, а всего пару часов.

Светлое помещение впечатляющих размеров, скромно наименованное в плане дворца «детской комнатой», могло бы служить спортивным залом небольшой школы. Впрочем, большую часть его объема занимали вещи хоть и полезные, но настолько редко используемые, что касались их только слуги, стиравшие пыль с музыкальных инструментов и спортивного инвентаря. Вечная беда старших родичей, желающих увидеть в ребенке пробуждение собственных талантов, музыкальных или художественных. Вот и стояли мольберты, рояли, саксофоны, ударные установки, подаренные лицами столь высокими, что выкинуть их никак нельзя, но, чтобы оставить, выразив внимание и уважение, аккуратно и нужна столь огромная комната. К счастью, спать молодой принцессе клана было дозволено в апартаментах поскромнее.

Время частенько обращает тайны в пустяк. Так и факт существования пророка в родном клане с годами стал известен большому кругу людей. Они же носили подарки, пытаясь исподволь выгадать благорасположение принцессы-видящей, заодно испрашивая о «пустяках». Принцесса же с удовольствием принимала подарки и охотно делилась своим видением будущего, которое, увы, куда чаще оказывалось неверным, чем наоборот. Даже брошенная монетка – и та могла служить более надежным ориентиром.

«Слабый пророк», – с разочарованием, но одновременно скрытым ликованием, завязанным на собственные недостатки и боязнь их огласки, решали родичи и забывали дорогу в дальний дворец.

«Слабый пророк, – охотно соглашалось руководство клана, с горестью качая головой. – Но ведь наша кровиночка, принцесса родная. Ведь за то и любим».

Слабый пророк устраивал всех.

Даже император, пронюхавший откуда-то о пророке, пытался было протянуть загребущие руки к Юсуповым. Руки отбили, но согласились на пару встреч за дикую сумму в виде подарков.

Наткнувшись на глуповатую девчонку, тут же начавшую молоть лютую чушь при высоких аудиторах ее величества, император тут же успокоился. У императора своих сумасшедших не счесть. А так талантливо сыграть

дурочку – это гением надо быть, а не четырнадцатилетней малявкой.

Собственно, отец Ксении скромно полагал ее гением, не забывая добавлять: «Вся в меня».

С женихами вот после восемнадцати будут проблемы – начнут спрашивать ее руку всякие, полагая, что избавят своим предложением клан от убогой. За солидное приданое, само собой. Не зная, что покушаются на главный алмаз, главную ценность рода и клана. Но это будет позже, а пока у девочки шла нелегкая пора юности, бунтарства и революций в третьестепенных странах, в которых всякий раз побеждали истинные рыцари, спасавшие прекрасных дам и после победы уверенно заводившие свою страну в экономическую пропасть. Но потом романтические романы у Ксении отобрали. Или сама переболела и отказалась, когда поняла всю важность здорового цинизма и меркантильных взаимоотношений для блага семьи и государства. Сейчас ей подсунули исторические книжки, как кладезь чужого опыта и ошибок. И вроде помогало – особый отдел клана, исполняющий приказания юной принцессы, убавил активность международной деятельности.

Сам же «манипулятор» и «гений клана», как и во все времена, проводил время на мягких подушках, с большой книгой на коленях. Позади Ксении разместились верная подруга-погодка Мэй и занималась роскошными волосами принцессы – расчесывала их с таким видом, будто священнодействовала, исполняя нехитрый ритуал с видом чемпиона, получившего великую милость за титанический подвиг.

– Привет! – бодрым шагом вошел в комнату через потайной ход крайне живой и деятельный старик, которого еще пару десятилетий назад звали князем Юсуповым, присовокупляя не менее двадцати пышных титулов, как полученных самостоятельно, так и доставшихся в наследство.

Но для хозяйки этой комнаты он звался совсем просто.

– Здравствуй, дедушка.

– О, мифы Древней Греции? – Чмокнув любимицу в макушку, старый Юсупов мельком отметил наполнение страниц и, не дожидаясь ответа, энергично прошествовал к телевизору на одной из стен.

– Ага, про Микены и первых царей.

– Здорово, – отделался дед общей фразой и жестом опытного убийцы воткнул в бок телевизора флешку. – Я ненадолго, скоро обратно. Но обязан был тебе это показать. Так... Сейчас... – пощелкал он боковыми клавишами, выбирая источник информации на носителе. – Видела, а?

С гордостью повернулся он к внучке.

На экране отображалась картина Земли со спутника. Вернее,

огромного шторма с «глазом» посередине, во вспышках молний бушевавшего над землей.

– Наша Сила Крови. Максим сам пробудил, – с гордостью расправил плечи старик.

– Весь в дедушку, – искренне порадовалась Ксения, переводя взгляд от книги к экрану.

– А то ж! – с гордостью хмыкнул тот. – Но ты помогала, а? – лукаво прищурился он на любимую внучку.

– Ну... – скромно потупила она глаза. – Было очень, очень сложно, но я все-таки справилась...

– Умница моя! – одобрительно качнул головой старик, вновь отворачиваясь к огромному экрану.

И только после того как дедушка отвернулся, добавила еле слышно:

– ...И доставила ему кота.

– Рад, что вы здесь. – Рукопожатие следовало за рукопожатием.

Зал городской администрации небольшого городка Сумы постепенно заполнялся высокими гостями.

Помещение, несмотря на попытки выглядеть статусным и претензию на роскошь в виде овального дубового стола, занимавшего львиную часть зала, совсем не тянуло по уровню на зал для приема влиятельных князей и их представителей. Собственно, от него этого вовсе и не требовалось. Главной ценностью места являлось совсем иное – его было не жалко, если что-то пойдет не так.

А что-то вполне могло пойти не так, с высокой степенью вероятности. Изрядно сдавший за последние дни князь Долгорукий понимал это предельно четко, не позволяя уставшему разуму надеяться на добрую волю высоких гостей. Вал претензий, свалившихся на семью, норовил зазвучать ударами молотка о гвозди, вбиваемые в крышку гроба клана. Но все еще можно было спасти, если удастся поговорить.

Проблема в том, что с Александром Сергеевичем Долгоруким говорить не хотели. Выставляли вместо себя замов и младших сыновей для принятия соболезнований, канцелярски сухо отписывались, отвечая на душевные послания, вышедшие из-под руки князя. Поговаривают, где-то в столицах кто-то уже расчертил родовые земли Долгоруких на лоскуты и поделил со сварой таких же, как он сам, гиен...

Такие вести не способствуют долголетию, а тяжесть нарушенных обещаний выпивает не только здоровье, но и Силу. Прошлым вечером князь ощутил, что не может выполнить заклинания уровня «учитель», а это

уже практически смерть как руководителя и политика. Сильные не разговаривают со слабыми.

Из зеркальной створки двери на него смотрел поседевший мужчина, выглядевший как бы не старше собственного отца. Поэтому сегодняшние переговоры будет вести старый князь, олицетворяя мощь клана, с которой следует считаться. Собственно, именно Сергей Михайлович всех и собрал. Ему отказать не посмели.

Долгом же номинального главы клана было стоять у двери и пожимать руки всем входящим – тем из них, кто руку подавал, а не проходил мимо, словно он пустое место.

Но большинство пожимало. Потому как большинством ныне были свои, из Оболенских, связанные родством и долгами. Лопатины, Лыковы, Немовы, Пенинские, Репнины, Тростенские, Туренины... Вызванные под предлогом «расследования» и «защиты», они были призваны служить противовесом почти трем десяткам озлобленных семей, жаждущих мести и виры. Иначе вместо разговоров начнется война. А с такой поддержкой – хотя бы выслушают, что уже неплохо.

Отдельной силой на переговорах выступают судьи. Одиннадцать «виртуозов», слегка недовольных временной задержкой, но умасленных очередной порцией подарков, опустошивших оперативную казну. Перед такими тоже не особо поиграешь мускулатурой, страдая возможными проблемами. Они сами – одиннадцать проблем, и не где-то там в будущем, а на расстоянии вытянутой руки.

В дальнем углу, в кресле, стоящем в сторонке от общего стола, держась как бы наособицу от общего действия, но тщательно его контролируя, невозмутимо проводил время представитель принца. Этот в общую свару не вмешается ни в коем случае. Если кланы решат жрать друг друга, император возьмет свое, творя правосудие на обломках. Но без него никак, ведь официально – встреча все еще по поводу турнира.

Сложные времена для семьи, рода и клана. Но и не в такие выстаивали, отсчитывая новые и новые века.

– Рад, что мы все сегодня собрались, – взял слово Сергей Михайлович, встав из кресла во главе стола.

Александр Сергеевич остался у дверей. Ему бы занять место по правую руку от отца, но там уже сидели Немовы и Лыковы. Двигать союзников с места неудобно.

Напротив от группировки Долгоруких расположились судьи, занимая свою часть овального стола. Князья-участники и их представители расселись по обе стороны от Долгоруких, порою через кресло друг от

друга. Там тоже не у всех лады, на этом можно сыграть. Отец сможет.

– Как вы знаете, во время второго этапа турнира на участников было совершено нападение. Как дед своих внуков, тоже оказавшихся под волной, я разделяю справедливый гнев и глубоко скорблю по невинным жертвам. Мы уже определили злочинцев и передадим вам сведения по завершении данной встречи.

Зал явно желал негодовать и требовать немедленно, сейчас, срочно! Но старый Долгорукий никогда не был тем, у кого что-то можно требовать. И его Сила – при нем. Он никому не давал и не нарушал обещаний, его честь цела и только окрепла перед лицом угрозы уничтожения рода и клана.

– Размеры компенсации родственникам погибших я лично обсужу с каждой из потерпевших сторон. Клан и род не снимает с себя вины за небрежение безопасностью, – камнем упало в тишину зала. – Мы не станем уклоняться от виры и, если вы посчитаете нас виновными, от родовой мести. Но сейчас разговор не об этом. У нас осталось незавершенное дело, которое мы со всей ответственностью и решимостью продолжаем называть нашим турниром. Как бы ни сложились обстоятельства, он должен быть завершен, а приз должен уйти к победителю.

– Турнир, как мы полагаем, завершен в полной мере, – заявил со своего места представитель Шуйских, кажется, Руслан. – Победили ученики нашей школы.

– Неведомо что творилось на финише! – выступил с протестом представитель Голицыных. – Нет записей камер и спутников, а слова...

– Слова моего внука, Андрея Долгорукого, вполне достаточно, – успокоил спорщиков Сергей Михайлович. – Он там был лично и свидетельствует об ударе по колоколу.

«Вернее, упрямо твердит, что слышал», – добавил про себя Александр Сергеевич, поджав губы.

Княжеский представитель разочарованно откинулся в кресле. На этот аргумент ответить было нечем. Но тут же насторожился, стоило зазвучать новым словам Долгорукого-старшего.

– Но справедливо ли прошли соревнования? Можно ли назвать частью турнира дурную волну, перенесшую к с самому финишу плот команды, шедшей в числе последних? Или, так как волна является частью злого умысла, следует признать ее форс-мажором и провести этап заново?

Деньги, алюминиевый комбинат и станция – слишком большой куш, чтобы их игнорировать. Гибель детей... трагична. Но кланы предпочитают мстить, одновременно зарабатывая деньги, а не горевать. Этот ход вполне

мог отвести часть внимания от трагедии, а также вернуть шоу на телеэкраны не в свете провала, но нового рождения. Удар по имиджу был бы смягчен, недовольные кланы возобновили бы соревнование между собой, а не объединялись бы в порыве общего горя против Долгоруких. Изящный ход, старый князь на такие был большим мастером.

Раздались первые голоса с мест и тут же безо всякой солидности слились в единодушный гвалт с редкими репликами протеста. Проигравшие, особенно те, кто выбыл еще до волны, ожидаемо требовали все переиграть. Семьи, потерявшие близких, молчали. Но это молчание Александр Сергеевич Долгорукий уверенно трактовал в пользу клана.

– Полагаю, надо предоставить решение этого вопроса судьям, – постановил старый Долгорукий и жестом передал слово представителю жюри в противоположном конце стола.

О них на короткое время забыли. Впрочем, в своем эгоизме могли и вовсе не вспомнить.

– Если новый этап будет таким же веселым, как этот, я согласен, – важно качнулся человек в чалме.

– Против, – скучно ответил следующий в очереди.

– За новый этап.

Голоса были разными, но, к удовольствию Александра Сергеевича, существенный перевес оказался на их стороне.

Вот что значит – тщательная работа с судьями. Ну и откровенное их равнодушие к турниру северной страны.

– Я скажу, – неторопливо поднялся с кресла одиннадцатый судья.

И отчего-то от традиционного, слегка нелепого в современной обстановке наряда князя Вида, черно-красного, богато расшитого камнями, по золотой паволоке, неприятно екнуло в сердцах князей Долгоруких.

– Испытание было, – веско произнес румынский князь, отходя от стола и принимаясь медленно обходить кресла с судьями. – Суровое. – Он коснулся плеча «виртуоза» из рода Миттал. – Одно для всех. – Рука легла на спинку кресла американца. – Но для команды-победителя особенно жестокое.

– Мой брат погиб! – хлопнул по столешнице представитель рода Гагариных. – А они все живы!

– Твой брат утонул. Не справился с водой и течением, – уставился на перебившего мертвый взгляд. – Он не воевал против десяти бандитов, двое из которых были в ранге «учитель».

– Простите, уважаемый, о каких бандитах идет речь? – гораздо

почтительнее вступил в разговор человек Шуваловых.

– Силы противника действительно присутствовали на последнем этапе гонки, – чувствуя, что теряет инициативу, вступил старый князь Долгорукий.

Эта информация была совершенно лишней для принятия правильного решения! Оттого должна была быть передана после собрания, в удобной и обтекаемой трактовке, внутри запечатанного конверта!

Был еще вопрос о справедливости такого хода, но совесть удалось обмануть. Ведь первопричина – волна. И именно о ней должен был идти разговор! А решение – принято судьями, что исключало мысли о произволе и успокаивало честь.

Старый князь Долгорукий славился честностью, прямоотой и ненавистью к интригам... Когда он опять станет очень богатым и влиятельным, вновь позволит себе эту блажь.

– Вы хотите сказать, что дети смогли их нейтрализовать? – со скрытой насмешкой произнес Голицын, обращаясь на всякий случай ко всем, а не к жутковатому румыну.

– Шуйские, что за демонов вы к нам прислали? – хохотнув, привлек боевик Репниных всеобщее внимание к невозмутимому Руслану Артемьевичу, племяннику сиятельного князя.

– Я слышал, им по тринадцать – четырнадцать лет, а один так вообще второклассник, – громко скрипнув креслом, повернулся к нему же Голицын, демонстрируя максимальное внимание.

– Верно, – лениво повел тот ладонью. – Самойлов Федор. Из Самойловых, шестых в Красном регистре. С правом хранения и наследования артефактов на крови.

– Вы протащили запретное на турнир?! – зашипел сбоку представитель Алабышевых.

– Все, что было при них, оказалось дозволено. Правила создавались не нами, – посмотрел Руслан на князя Долгорукого.

– Хотите сказать, мальчик восьми лет вот так вот просто ходил все это время с артефактами? – изумились Немовы.

– Я не вижу проблемы, – нейтрально пожал Шуйский плечами. – Младший Самойлов умеет ими пользоваться. Вы, кстати, когда соизволите их вернуть? – обратился Руслан к Долгорукому-старшему.

– Удерживаем в качестве вещественных доказательств. К тому же часть не удастся идентифицировать, чтобы сверить с отправленной вами описью утраченного, – чуть смутился тот. – Но смею заверить...

– Были ли среди запретных артефактов боевые? – настаивал старший

Немов, чуть навалившись грудью на стол и буравя невозмутимого Шуйского взглядом.

– Во множестве, – ответил за него Сергей Михайлович Долгорукий.

«Правильно, – довольно кивнул своим мыслям Долгорукий-младший, наблюдая за собранием от дверей. – Нам тут герои не нужны».

Весь стол ожидаемо взорвался нервными репликами.

– Прошу спокойствия!

– ...надо отнять и поделить!

– Тихо! – гаркнул старый Долгорукий, унимая эмоциональное возбуждение.

– Я не считаю использование артефактов, созданных на боли, честной победой, – выступил представитель Юсуповых. – Было бандитов десятеро или больше, это не имеет в таком случае значения.

Зал согласно загудел.

– Для бойцов равного или более высокого уровня, – возразили ему Шуваловы. – Иначе артефакты бесполезны, о чем знает каждый, у кого они... были. Я слышал, в команде нет ни одного «ветерана».

– А я слышал, они защитные крипты и зал разнесли на клочки во время танцев, – подали голос с другого края стола.

Сергей Михайлович страдальчески поморщился, но вынужденно кивнул в ответ на замечание.

– Так что там по поводу Силы команды? – невозмутимо поинтересовался Руслан.

– Да, но для таких убить каких-то двух «учителей» вообще не подвиг!.. – возмущался Голицын, не замечая не особо скрываемые усмешки.

Даже Руслан закашлялся, пряча улыбку.

– Тогда давайте постановим, что наша команда самая сильная на турнире, и закроем собрание?

– Да что за чудовищ вы там у себя выращиваете?! – бухнул кулаком представитель княжества Орловых. – Может, имперским дознавателям тоже станет интересно?

Кто-то из старшего рода, судя по облику, но по возрасту – явно из младших братьев многочисленного имперского семейства.

В углу заинтересованно шевельнулся представитель принца. Мир знал мало способов, как слабому очень быстро и неожиданно стать сильным. За подавляющее большинство из них полагалась казнь.

– Мы не хотели лишнего внимания, но под фамилией «Архипов» в турнире участвовал Шуйский Артем Евгеньевич, – с некоторой

скромностью обозначил представитель Шуйских.

Что в общем-то переводило ситуацию из ранга «поражение слабосильному аристократу и простолюдинам» в категорию «проиграть равным». А последующие кривотолки и обсуждения – в политику. Потому что очень сильный наследник рода и древние артефакты, продемонстрированные словно напоказ, – это весьма серьезная политика уровня столицы, куда Шуйские давно планировали вернуться.

– Мои внуки сказали, что на ногах там удержался другой человек, – хмуро смотрел в столешницу Голицын.

– Фамилия этого человека слишком известна, чтобы ее называть, – принял Руслан загадочный вид. – Могу только сказать, что они с Артемом Евгеньевичем дружат.

– Это только слова, – буркнул Юсупов.

– Дать вам слово, что его род не моложе вашего? – приподнял бровь Шуйский.

На такое уже было невозможно возразить. А сама фраза... настораживала. Не так много семей уходили корнем столь глубоко в историю мира. И если они вместе с Шуйскими, которые всегда жили наособицу...

– Я бы сказал, что интересных персонажей там было больше, – решившись, взял слово Александр Сергеевич Долгорукий, отходя от своего места возле двери.

Подленькое решение, но он и так полутруп, а инициатива, похоже, полностью уплыла из рук. Зато кое-какое знание о прошлом единственной девушки в команде гарантированно способно поставить на победе команды Шуйских жирный крест.

Еще до начала регистрации на турнир внутри семьи Долгоруких постановили не бороться с «перерожденными» в молодых участниками, ограничившись пристальным слежением за их будущей судьбой. Схитрить наверняка захотели многие, а устраивать череду скандалов было вовсе незачем – ведь большинство «улетят» на первом этапе. Опытный убийца или телохранитель – крайне редко хороший танцор. И наоборот – то же самое. Не страшно.

Вот если после поражения «юный» участник вдруг решит вернуться в старую жизнь – тогда-то нарушителя и прижмут.

Цену размером в состоявшуюся жизнь организаторы посчитали достаточной платой за призрачный шанс. Оттого Светлану Джонс тоже пропустили на турнир, как и несколько других, подобных ей. Пусть вместо матерого убийцы у соперника появится еще один школьник. Это в чем-то

даже изящно. Да и не пристало сыновьям глав родов и кланов бояться простолюдинов.

– Я недосказал, – поднял голос князь Вид, до того отстраненно наблюдавший за сварой.

Долгорукому пришлось помедлить с разоблачением под прессом тяжелого взгляда из-под нарисованных бровей.

– Мы уже представили большую волну. Представили бой. Кровь, боль и смерть. Они там тоже были. Осталось представить путь, когда на ногах стоит всего один, но у колокола оказались все пятеро. И если вы сейчас сядете рядом со мной, – внимательный взгляд остановился на князьях Долгоруких, – и тщательно подумаете, то мы вместе, но независимо друг от друга, придем к одним и тем же выводам. Истина состоит в том, что победители у нас уже есть.

– Я согласен, – мрачно насупившись, вновь приподнялся раджа из рода Миттал. – Я не понял, что он сказал. Он сам, наверное, не понял. Я не видел второй тур из-за черного неба. Но я видел танцы. А вы признали их Силу.

Сердце Александра Сергеевича кольнуло безнадежностью. И кололо всякий раз, когда приглашенные «виртуозы» отказывались от старого мнения в пользу признания результатов конкурса.

А он... слова о прошлом Светланы так и остались при нем. Потому что сейчас прямо и недвусмысленно с него был требован свежий долг. По самому легкому курсу – нужно было всего лишь промолчать. Но как бы исход не оказался куда кровавей.

Чуть ссутулился Сергей Михайлович, осознавая провал замысла. Наступила тишина, и все взгляды обратились к старому Долгорукому – ответ судей получен, и именно ему надлежит навсегда закрыть этот вопрос. Закрыть турнир с позором, несмываемым на долгие годы.

– Впрочем, если уважаемый Сергей Михайлович проведет новый турнир, – неожиданно выступил молодой княжич Вяземский, представляющий род, – с теми же самыми призами, мы бы не отказались поучаствовать.

– Это хорошая идея, – улыбнулся старый князь Долгорукий. – Среди тридцати участников, последний этап тура, разумеется. Безусловно, проведем замену раненым и тем, кого постигла воистину трагическая участь.

– Мы уже свое выиграли, – отозвался Шуйский под недовольное фырканье большинства. – Нам неинтересно.

– Среди двадцати девяти, – дипломатично отметил Сергей

Михайлович. – Денежные призы оставим в том же размере.

На это род как-нибудь наскребет... Золотой колокол однозначно в переплавку.

– А как же станция и комбинат? – напомнили о самом лакомом куске выигрыша.

– Его величество принц выделили один набор призов, – пришло время напомнить о себе уполномоченному принца. – Но можете рассчитывать на то, что билеты на ежегодный бал первые два финалиста бесспорно получают. Не могу гарантировать обед с их величествами, но обязуюсь всячески способствовать.

– Не сомневайтесь, – поднял голос старый князь Долгорукий. – Главный приз останется прежним или мы предоставим равную альтернативу. Наш род и клан заинтересован в том, чтобы все вернулось на круги своя. Как и доверительные отношения между нами. Слово.

Зал, несмотря на определенный скепсис, поддержал краткую речь довольным ворчанием.

Гибель родичей, разумеется, никуда не ушла. Платить виру придется, и много – если ее вообще примут. Но испортить отношения с парой-тройкой семейств – не то же самое, что с тремя десятками разом.

Пришла пора очередного выхода на первый план действующего князя – на сей раз пожимать руки уходящим. Никто не отказался от протянутой ладони и радушных слов, уже неплохой результат и весомая надежда.

На автомате Александр Сергеевич чуть не пожал руку отцу.

– Вы куда? – удивился он.

– Надо съездить, – устало выдохнул тот, убедившись, что никого нет рядом. – Решить вопрос по комбинату.

– Так Шуйские же здесь?

– Артем Шуйский отдал главный приз простолюдину.

– Глупость какая... – не поверил своим ушам князь-сын. – Или не глупость? – засомневался он, вспомнив слова Шуйского. – Если он старой крови и его род...

– Самойлов Максим появился из ниоткуда, вместе с новой семьей вышел из разрушенного города. Полагаю, один из принцев Тенишевых, уцелевших в резне. Может, кто-то из их союзников.

– Но Тенишевых больше нет.

– Именно. Вместо принца теперь простолюдин, у которого ни армии, ни власти, – подмигнул князь-отец, выходя из зала. – Осталось объяснить, что маленький мальчик не может владеть комбинатом и электрической

станцией.

– Воистину, удача на нашей стороне! – вырвался облегченный вздох у сына.

Низкий гул реверса двигателей «Эмбраера» окончательно стих, остановив самолет на расчетном месте. Мягко распахнулись дверцы бортового трапа, открыв вид на синее небо, а затем и на силуэт города на горизонте, ставшего родным за эти годы.

«Я дома!» – радостно ударило сердце.

Паша ступил на трап, щурясь на солнце. Приложил руку ко лбу и тут же победно вскрикнул, отметив группу встречающих у подножия трапа, и не удержал эмоции в себе. Отец его уже ждал! А вот дядя Борис и...

И группа каких-то незнакомых мужчин, держащихся немного особняком, из-за которых Паша не стал кричать и срываться с трапа бегом, а с видом культурным и подобающим спустился вниз, предложив отцу ладонь для рукопожатия.

– Привет, – обняла его огромная рука, прижала к груди и взлохматила волосы.

Позади задумчиво хмыкнули.

– Здравствуйте, – чуть смущенно обернулся к незнакомцам Паша, но с облегчением увидел, что внимание их обращено к самолету, а не к нему.

Ну, это понять можно – с законной гордостью владельца улыбнулся Павел. Самолет – красавец, и гербовый узор Зубовых очень ему идет, о чем он тут же сообщил отцу.

– Да, – почему-то грустно улыбнулся Зубов-старший. – Красиво.

– Это еще не все! – Скрывая из-за посторонних детали, Паша потянул отца за руку в сторону трапа. – Пойдем, я покажу!

– Сын... – К Пашкиному удивлению, тот отчего-то встал на месте глыбой.

– Сходите, что же вы, – неожиданно поддержал чаяния сына незнакомец сбоку.

Был он невысок ростом, в черных роговых очках, из-за которых смотрели мудрые серо-синие глаза, одет – в подобающий клерку простой костюм и приближался к тому возрасту, когда к советам человека можно прислушиваться – или обозначать, что прислушиваешься, из уважения к летам. Хотя и старым его не назвать. Просто некая скупость в одежде, обычная прическа и очки добавляли солидности. И еще привлекала внимание вышивка золотом на лацкане, которую никак не удавалось разглядеть – было ветрено, мужчина поднял воротник, да и стоял боком,

повернув к ним только голову.

– Пойдем, посмотрю с удовольствием, – оттаял отец.

А Паша с благодарностью кивнул клерку. Тот ответил легкой улыбкой.

Буквально взлетев под трапу, Паша чуть не приплясывал на месте, пока отец грузно, с некоторой усталостью, поднимался следом. Но наконец дождался и решительно проследовал в салон, буксиром ведя за собой отца.

– Мы выиграли! – выдохнул весь воздух, что был в легких, младший Зубов, указывая на пассажиров самолета.

На прозрачные мешки, туго набитые деньгами, пристегнутые к креслам ремнями безопасности.

– Я так тобой горжусь, – последовали долгожданные слова и объятия.

– Теперь мы можем решить все наши проблемы, правда? – затаив дыхание, спросил он у отца.

– Это уже не важно, – ответил тот, грустно улыбаясь и прижимая к себе сына.

– К-как не важно? – не понял Пашка, отстраняясь.

– Наши проблемы взял на себя уважаемый клан Черниговских. И нас вместе с ними.

– Но как же...

– Это великая честь, – выдавил из себя Зубов-старший и медленно повернулся к выходу.

Только сейчас Паша отметил синие тени под глазами и чуть подрагивающие руки еще неделю назад казавшегося несокрушимым отца.

– Папа, – заступил ему дорогу Паша и тревожно, вглядываясь в глаза, спросил: – Что случилось?

– Твой отец совершил большую ошибку, – произнес тот, не поднимая глаза. – Но знай, что я приложу все усилия и положу свою жизнь, чтобы она не задела тебя.

– Да все будет хорошо! У нас ведь есть эти деньги, у нас есть еще корабли!

– У нас больше ничего нет, кроме твоей чести, – отодвинул сына в сторону Зубов и последовал на выход. – Ее удалось сохранить.

– Но, но... – с растерянностью пробормотал Паша, переводя взгляд со спины отца на мешки с деньгами.

Отчего-то выступили слезы, он решительно стер их. Так не может быть! Его отец – самый честный и благородный из всех людей! А его слова – просто из-за усталости. Просто ему надо помочь, и он это сделает!

Паша бегом отправился за отцом, но догнал уже у самого подножия лестницы.

За короткое время взлетное поле слегка оживилось. К самолету приставили гидравлический подъемник, и человек в технической робе дорисовывал черного двуглавого орла над гербом Зубовых.

От такого Паша сбился, растеряв весь праздничный настрой. В сердце поселилось возмущение и обида, а единственный человек, который должен был прогнать маляра от родовой собственности, старался даже не смотреть в ту сторону.

Стоило им спуститься, на борт с вежливой улыбкой поднялись незнакомцы, возглавляемые человеком в очках.

– Они и выигрыш заберут? – дрожащим голосом спросил Паша.

– Все, что наше, – теперь их.

– А все, что их? – пытаюсь отыскать справедливость, произнес сын.

– Встанет на нашу защиту.

– Но нам не нужна...

– Нужна, – присев рядом, посмотрел на Пашу отец. – Тебе не стоит знать почему. Не смотри на этих людей как на грабителей и врагов, прошу тебя. Смотри как на спасителей.

– Но я знаю, кто утопил наши корабли! – невольно вырвалось от отчаяния.

И тут же Паша прикусил язык.

– Это тоже – не важно. – Зубов прижал к себе сына. – Наверное, это даже хорошо, что случилось именно так. Плохо, что задело тебя.

– Что будет дальше?

– Служба, – серьезно посмотрели на Пашу отцовские глаза. – В доказательство твоей и моей чести.

– До конца жизни?

– Если повезет, да.

– И мы больше никогда не станем свободным родом?

– Глупый, – стер отец слезы со щек сына. – Мы с тобой вдвоем были семьей. А сейчас вся наша семья – тысячи человек. Только пока мы как приемные. Нас, конечно, не станут обижать и не дадут в обиду никому другому. Но в наших с тобой силах сделать так, чтобы нас полюбили. И тогда все, что есть у клана, станет в том числе твоим. Это больше, чем у нас было и могло бы быть. И самое важное – мы сможем и дальше жить вместе, одной семьей...

От последней фразы повеяло настолько сильной тоской, что нерешительные возражения и детские протесты вымело начисто...

А что ему было говорить? Что он не хочет, чтобы что-то менялось? Но его «не хочю» наверняка теперь тоже у новых владельцев...

– Превосходно! Наше сотрудничество начинается лучше, чем мы думали, – раздался голос с высоты трапа.

Вниз спускался крайне довольный мужчина в очках, и на этот раз удалось разглядеть герб князей Черниговских на его одежде.

– Ты молодец, – с силой и даже искренне пожал он Паше руку, спустившись. – Станция и комбинат тоже наши, да, капитан? – подмигнул он.

– Деньги на вступительный взнос дал Самойлов Максим. Поэтому мы договорились, что главный приз достанется ему... – Руку торопливо сжал отец. – Господин... – выдавил из себя непривычное слово Паша.

Тот было поморщился от услышанного, словно от зубной боли, но при слове «господин» смягчился и вернул улыбку.

– Полетишь к нам, в Москву? Столица, а? – подмигнул он.

– Полечу, – на всякий случай оглянулся Паша на отца и ответил на мгновение позже кивка.

– У князя двое сыновей как раз в возрасте вашего сына, – обратился мужчина к Зубову-старшему. – После демонстрации столь недюжинных успехов я буду рекомендовать Павла в их свиту.

– Это великая честь, – поклонился Зубов-старший.

– Пойдем к нашему самолету, юноша, – мягко коснулась Пашкиного плеча рука.

– Уже сейчас? – растерянно перевел он взгляд с отца на Черниговского.

– Разумеется. Нам с тобой надо тщательно готовиться к вечеру у его величества, – улыбнулся тот. – Заучить вопросы, которые следует ему задать для пользы клана.

– А папа? – пошел было Паша, но встревожился, заметив, что отец остался на месте.

– У твоего папы тут еще есть дела. Но он обязательно приедет. Надеюсь, он сможет гордиться сыном по приезде?

– Да, господин.

Паше досталось одобрительное похлопывание по плечу.

А за спиной скрипели ржавым невидимые заборы, отгораживая высокой стеной то, что называлось словом «детство».

– ...По данным службы спасения возгорание началось на шестом этаже делового центра.

Камера показывала конусообразную высотку, объятую пламенем.

– Внутри здания до сих пор находятся более сотни сотрудников газового концерна «Синий ветер».

Камера приблизила верхние этажи с распахнутыми окнами, в которых виднелись люди, отчаянно машущие обрывками ткани и одежды.

– Пожару присвоена высшая степень сложности, но из-за огромного количества машин, брошенных владельцами на дорогах и обочинах, техника для тушения не может добраться до здания!

Камера крупным планом показала подъездные дороги, блокированные статусными черными автомобилями, возле которых отчаянно сигналили грузовики пожарной службы.

– Городским властям следует задуматься о санкциях в отношении недобросовестных водителей... – продолжил обеспокоенный голос девушки.

Гораздо ближе к зданию, сразу за пробкой, образованной дорогими машинами, стояли семь человек, одетых неброско, но дорого.

Длинные плащи, надетые в связи с изменчивой осенней погодой, слегка распахнулись на груди. Выглядывали аккуратные белые воротнички рубашек. Шарфы, небрежно наброшенные на плечи. Будто одевались у одного портного или по велению души исповедовали один стиль. Или это форма одежды, предписанная для того, чтобы как-то замаскировать охраняемое лицо.

Взгляды четверых из них рассредоточились по сторонам света, еще двое присматривали за окнами других высоток, коих в деловой части множество.

И только один неотрывно смотрел на горящее здание.

Седой, с роскошной белой бородой, он беззвучно, раз за разом, шептал одни и те же слова. Текли слезы по грубой коже щек, обветрившейся за десятилетия нелегкой жизни. Морщины собрались в маску скорби, а руки сжали белоснежную трость, проминая пальцами наверх до неожиданно сложной пористой структуры.

Нет, он не предавался скорби по тем, кто горел внутри высотки. Он не сопереживал пожарным службам.

Он сам поджег это здание, это его машины блокировали все подъезды, а пожарные вертолеты города по его слову оказались не готовы к немедленному вылету.

– Ярослав, внук мой... – подхватил ветер тихий шепот, исполненный скорби.

Все сгорит. Здания, надежды и тела тех, кто посмел отнять у него родную кровь.

– Господин, – прижимая руку к динамику сотового телефона, подошел слуга, – князь Юхотский смиренно просит вас на минуту разговора.

Говорит о некоем недопонимании. Точка звонка вычислена, Анталья, яхт-клуб «Марина». Ведем наблюдение.

Иногда достаточно разжечь огонь, чтобы подманить жертву.

– Александр, – игнорируя телефон, обратился князь Гагарин к оруженосцу по левую руку.

– Да, господин.

Рука на трости сжалась, сминая костяной набалдашник.

– Мне нужна новая трость. Принеси мне ее, – почти прорычал княжеский голос.

– Будет сделано, – коротко поклонился «виртуоз» клана, поворачиваясь к машинам.

Холод сковал ноги, руки и спину. Глаза выедала химия, растворенная в воде, но Олег Кочетов продолжал держать их открытыми, всматриваясь в искаженный толщей воды силуэт на кромке бассейна.

Ему обещали разговор без крови. Кочетов поверил. Теперь его ноги были привязаны к скобам на дне бассейна, а легкие горели без воздуха. Действительно, все обойдется без единой капли крови.

Тот, кто смотрел на тихую агонию человека-камня через слой холодной воды, не нарушил своего слова.

Старый... Они все – старые: хозяева родов, кланов и честных слов. Этот был еще и убедителен, там, при штурме загородного имения Кочетова.

Низкий голос, пробирающий дрожью даже его, обреченного. Уверенность в своей правоте, слова, в которых не хотелось сомневаться. Как не верить заведомо более сильному, способному обратить в пыль здание из несокрушимого камня и современной стали? Тем более что у Кочетова не было ничего, кроме собственной жизни, а ее, каким бы складом характера он ни обладал, хотелось сохранить.

Олег полагал, что им нужны ответы, схемы, деньги, активы, компромат. Частью из этого списка он был готов поступиться, а за другую – отчаянно выторговывать лишнюю минуту дыхания, ощущения ветра на коже, света солнца сквозь крепко сжатые глаза. Не все тайны были бы выданы, кое-что осталось бы с ним даже под пыткой. Однако всего прочего вполне достаточно, чтобы остаться полезным и живым.

Но роду Панкратовых не нужны были ответы. Князю Михаилу Викентьевичу нужно было, чтобы Олег Кочетов сдох, задохнувшись под толщей воды. Максимально медленно и мучительно. Тяжелее, чем умирал княжеский сын. Гораздо тяжелее. Его наверняка не откачивали пятый раз кряду, топя в шестой до состояния полусмерти и оживляя вновь и вновь.

Спокойно, буднично, без отповедей и лишних слов.

Кочетов, скорее всего, стал бы молить и каяться, если бы это могло на что-то повлиять. Но его раскаяние никому тут нужно не было. Даже смерть – и та не цель.

Старые семьи безжалостны. Но не безумны. Расчетливы и терпеливы. Пожалуй, это то самое, что стоило вспомнить Олегу до почетной сдачи, до бесконечной пытки воздухом и водой.

Панкратовы метили не на тело, они желали лишить Кочетова разума. А уже затем, визжащего и сумасшедшего, продадут тем, кто захочет его смерти. Милым людям, если сравнить с этими.

Холодный разум человека-камня впервые сослужил плохую службу владельцу, отказываясь уходить. Все равно итог будет тем же, но в таком пути гораздо больше боли.

К старику за толщей воды подошел слуга и вместе с полным бокалом вина передал визитку, сопроводив короткой фразой. Ответом ему был короткий кивок.

Значит ли это что-нибудь для Олега?

На край бассейна вышел новый персонаж – лет тридцати – тридцати пяти на вид. Безупречно одетый, в сером костюме и белоснежной рубашке, он выражал глубокое уважение к хозяину дома в момент приветствия и передачи гербовой бумаги, выуженной из кожаной папки в руках. Сохранял он уважение и все то время, когда старик, прочитав бумагу, размахивал руками и пытался нависнуть своей властью и волей над высоким гостем. Тот не отшагнул ни на шаг. Тогда бумага была разорвана в клочья.

Но вслед за ней вынули новую, куда более солидную, с красными печатями, и запечатанный пухлый конверт без видимых надписей.

Старик перекинул свою ярость именно на конверт, разорвал по кромке и гневным жестом выудил пачку бумаг и фотографий. Не прошло минуты, как он сник, понурился, опустил плечи и равнодушно махнул рукой в сторону бассейна.

У Кочетова даже промелькнуло слабое удивление, когда нырнувший в бассейн пловец, исполнявший все это время обязанности палача, расстегнул скобы у ног вместо того, чтобы ослабить цепь, и подтолкнул под руку, помогая всплыть.

– Я хочу, чтобы вы уведомили меня в тот же час, минуту и секунду, когда его казнят, – зло прозвучал голос старика, стоило Олегу показаться над поверхностью.

– Разумеется, ваша светлость, – согнулся гость в глубоком поклоне.

И пребывал в нем до тех пор, пока князь Панкратов резко не

развернулся и не ушел в дом.

– Кочетов? Имперская служба безопасности. Мы забираем вас с собой. Оденьтесь, – посмотрел на него мужчина и указал на пакет с одеждой в руках сопровождающего, до того почтительно стоявшего в отдалении.

Полосатая накидка вмиг пропиталась водой и тут же стала остужать тело. Шлепанцы слишком большого размера, норовившие слететь с ног. Куда там бежать... Да и Сила... Силы не было, будто ее не существовало у Кочетова никогда. Неведомо почему, но точно – только у него. Целитель, который всякий раз оживлял его, стоило утонуть в очередной раз, пользовался ею вполне свободно.

Руки завели за спину и сковали пластиковым жгутом. Толкнули в плечо, указывая дорогу.

Не особо важно, как быстро ушедшая пытка сменится новой, в застенках ИСБ. Главное – пока есть ветер, а сквозь зажмуренные глаза пробивается солнце.

– Иди давай, – беззлобно толкнули его руки на повороте.

Возле въезда в поместье Панкратовых собрался представительный конвой машин. Две полицейские, сзади и в авангарде. Черный автомобиль сопровождения с небольшим значком – распахнутым глазом – на дверях и позади него тюремный автобус, серый, с двумя голубыми линиями вдоль корпуса. Люстры спецсигналов на каждой машине; неторопливые, уверенные в себе люди возле распахнутых водительских дверей.

– Загружаемся.

Его приковали к полу, стене и потолку автобуса, оставив в одиночестве, запертым в куб без окон. Из источников света – зарешеченная тусклая лампа. Цепи... Можно было бы порвать. Только есть ли смысл, если Сила все равно осталась где-то там, во вчерашнем дне? Двери он уже не откроет.

Через какое-то время, разбавленное ощущениями поворотов и звуками встречных автомобилей, привычный шум машины сопровождения позади стих. А где-то впереди, наоборот, взвыла сирена, спешно удаляющаяся вперед. Но автобус все еще двигался неспешно, по ощущениям, заходя на крутой поворот. Дизель автомобиля сопровождения также ощущался рядом.

Вдруг скорость упала, кузов качнуло, машина явно шла по обочине. Колеса заскрипели по камню. Двигатель затих, и в наступившей тишине раздался только звук хлопнувшей двери да тихий отзвук сирены впереди и... позади.

Дневной свет ударил через резко открывшуюся дверь. Тот же

охранник, что застегивал наручники, невозмутимо расстегнул браслеты на ногах, вывел Кочетова из кузова и вручил очередной пакет с одеждой, водрузив сверху нормальные ботинки.

– С вами хотят поговорить. Переодевайтесь и садитесь в машину. – Распорядившись, охранник деликатно повернулся спиной.

Жил осенней жизнью лесной массив у поворота. Сбежать? А далеко ли удастся?

И Силы... Все еще нет.

Неспешно раздумывая и оценивая шансы на побег, Кочетов переоделся в джинсы, рубашку и серую кофту. Чуть подумав, водрузил на глаза темные очки, обнаружившиеся в пакете, и последовал к уже распахнутой задней двери машины сопровождения.

– Олег Степанович Кочетов... – изучая бумаги на коленях, мазнул по нему взглядом знакомый мужчина из ИСБ.

– Я...

– Умер... – завершил свою фразу тот, игнорируя Олега. – Казалось бы, оставил щедрое наследство. Но, как выяснится совсем скоро, опутанное долгами и залоговыми расписками. В итоге клубы достанутся ряду банков, местных и зарубежных. Спортивные залы перекупит федеральная сеть, другое имущество тоже не останется без владельцев. Но войдет в итоге все это в молодой холдинг «Алькют», зарегистрированный на Сейшельских островах под руководством Питера Юзефовича Джексона. Это теперь вы.

Вместе с последней фразой Кочетову вручили фото с изображением тучного и воистину огромного мужчины – как вширь, так и в высоту. На нынешнего Олега совершенно непохожего. Разве что ростом, да и то... Из-за объема талии Джексон казался ниже.

– Наберете в весе. Можете уже начинать – вот чипсы, кола. – Указал он на карман в переднем сиденье. – Татуировки вам сведут, нанесут новые. Характер у Джексона аскетический, так что со старыми излишествами придется попрощаться. Никаких картин и особняков. Хотя бы первое время. «Крыша» будет тоже другой, со старой проблемы.

– Что дальше? – Холодный ум Кочетова уже понял, что убивать его не станут.

А значит, вопрос был вполне логичен.

– Продолжите заниматься тем, что умеете. У нас не так много хороших и ответственных исполнителей, чтобы терять их просто так, – поднялся на него взгляд равнодушных глаз.

– Если татуировки сведут... – неожиданно ворохнулось в душе совершенно посторонняя мысль, на фоне адреналиновой волны,

пришедшей с осознанием новой жизни, показавшаяся очень важной. – Я смогу повидаться с отцом?

– Насколько я знаю, у вашего нового образа нет отца. – Холодные глаза посмотрели на Олега, и тот согласно прикрыл глаза.

Не судьба... Даже в этой жизни...

– Еще вопросы?

– Что именно пошло не так в операции с Зубовым?

– Не занимайтесь стратегическим планированием, это не ваш конек, – холодно осадили его.

– Я бы не хотел допустить такую ошибку снова, – изобразил раскаяние Кочетов.

– Хм... Могу только порекомендовать внимательно смотреть, как общаются люди между собой, – подумав, решил сказать представитель госбезопасности. – И если сын аристократа начинает бегать по распоряжениям простолюдинов из собственной команды... делайте соответствующие выводы.

– Был кто-то инкогнито? – сжал кулаки Олег.

– Многие знания несут многие печали, верно? Давайте сосредоточимся на нашей миссии и не допустим, чтобы раковая опухоль кланов убила нашу любимую страну. Пусть живут красиво и ярко, живут для себя, не оставляя потомства. Этого хочет ваш отец. Думаю, если вы добьетесь успехов... – многозначительной паузой обозначил намек мужчина. – Он об этом узнает.

– Я все сделаю, – фанатично кивнул головой Питер Джексон.

Девичьи пальцы скользили по холодному стеклу, выводя на запотевшей от дыхания поверхности отражение мыслей в символах и абстрактных рисунках.

По ту сторону рамы заливали окна потоки воды, укрывая за дождевой завесой потускневшие краски домашнего парка: желто-черного, с редкими вкраплениями фиолетового и белого – поздних осенних цветов.

Казалось бы, ничего не разглядеть. Но девушка продолжала всматриваться в глубину сада, видя в смазанных образах не кусочек наступившей осени, но часть памяти. Приятной, судя по легкой улыбке на ее устах.

Из глубины дома доносились грустные отзвуки фортепиано. Более – никаких звуков. Разве что редкая капля стучала по желобу.

На короткое время, под аккомпанемент открываемой двери, мелодия в комнате становилась громче.

Но девушка не отходила от окна. Не повернулась она, и когда за

спиной демонстративно громко раздались шаги.

– Ника, надо поговорить. – Голос отца был строг, он не потерпит непослушания.

В слабом отражении стекла удалось разглядеть выражение лица, напряженную осанку и несколько раскрытых конвертов в руке, украшенных гербовыми печатями. Он был явно недоволен.

– Да, папа.

Пальцы девушки сплелись у живота, локти прижались к бокам, фигура выражала смирение. Только легкая улыбка никак не сходила с ее губ, но это видел только дождь.

– Нам отозвали все приглашения, – сухой голос, пытающийся казаться строгим, на мгновение окрасился волнением и тревогой. – Я не смог добиться прямых объяснений. Ника, что произошло на турнире?

– Ничего...

– Дочка, если тебя посмели обидеть... – Сильная ладонь осторожно легла ей на локоть.

– Это не связано со мной.

– Тогда что случилось?! Почему все брачные договоренности рассыпались прахом? Почему на мои звонки отвечают секретари, а первые лица всегда заняты?!

– Они просто боятся.

– Чего?! Позора?!

– Его, – повернулась к нему дочь со спокойствием и светлой грустью.

– Кого – его? – растерялся отец.

– Императора тигров... И медведей.

– Достойный юноша? – осторожно уточнил он, осознав, что имя спрашивать бесполезно.

– Возможно, – со странной неопределенностью ответила Ника. Раньше она была куда категоричней в оценках.

– Есть какие-то планы?

– Ну, нужно будет подождать лет пять, ведь ему всего тринадцать, – рассудительно произнесла она.

– А потом? – задержал дыхание отец.

– А потом я его задушу голыми руками! – прорычала она, пнув коробку с мороженым возле стены с задорным названием «Лиз-Ника!» в две строчки.

В которой не было ровно одного пломбира.

Мягкая подвеска лимузина, призванная сделать путь приятным и

легким, откровенно бесила Сергея Михайловича Долгорукого ощущением неподвижности. Даже проплывающие в окне картины пригородной застройки не создавали эффекта движения вперед. Тело жаждало действия, но было вынуждено терпеливо дожидаться завершения пути.

Впрочем, в последние дни его откровенно раздражало все. Ощущение безнадежного опоздания, поселившееся двумя днями ранее, когда в госпитале не оказалось Самойлова Максима, царапало нервы. Слуги, опасливо отводя глаза, уверяли, что тот сбежал сам.

Представитель СБ госпиталя невозмутимо доложил, что за час до побега о скором визите в больницу сообщила августейшая канцелярия, не уточнив имени гостя. Представитель был против, но директор госпиталя воспользовался правом последнего слова, а до старших Долгоруких, занятых приготовлениями в Суме, дозвониться не удалось. Его вина в побеге, безусловно, тоже есть, но никто не знал, что будут сожжены электронные замки на дверях и окнах, а госпиталь – не режимный объект, чтобы ставить под окна автоматчиков.

Тогда-то и накатил первый порыв ярости, снесший кабинет директора вместе с ним самим. Но Самойлова это не вернуло, разумеется.

К счастью, мальчишку не забрала к себе императорская фамилия, как Долгорукий подозревал, деревеня от напряжения. Удалось отследить маршрут – все-таки это еще их город, несмотря на то что кое-кто из столицы решил тут шастать, не предупреждая хозяев.

Максим Самойлов сел в фуру с номерами Шуйских. Фура заехала в грузовой самолет и отбыла на родину. Долгорукий не знал, для чего такая схема и зачем понадобилось перевозить в Шуйск двадцать тонн рыбных консервов. Наверное, в этом тоже был какой-то план. С этой командой не все так просто, он уже убедился.

Расследование отняло еще один день, так что на самолет в княжество Шуйских удалось подняться только этим утром. Не важно, где пройдет беседа, он сможет убедить мальчишку вернуть то, что ему не по рангу. Спокойствие и уверенность – главные аргументы. А еще – как и у всех князей, у него имелся кровный талант убеждения, сотканный из Силы и способный вертеть чужой волей, как заблагорассудится. Не всякий поддастся, но у этой мелочи даже шансов нет.

Но в воздухе над княжеством раздражение вернулось. «В связи с погодными условиями аэропорт не может вас принять». Чистое небо над головой! Ни ветерка! Сухая взлетно-посадочная полоса, отливающая матово-серым!

Чертыхнувшись и помянув Шуйских до пятого колена, князь приказал

уходить на посадку в соседнее княжество. Там борт приняли и даже расстелили красную дорожку. Но Долгорукий предпочел выкатить на своем лимузине, игнорируя встречающих (всего лишь официальные лица аэропорта), и повелел водителю мчаться к Шуйским.

То, что по воздуху заняло десяток минут, тут растянулось в многочасовую гонку. Медленно, слишком медленно! Особенно с учетом того, что Шуйские уже знают про его визит. К счастью, говорить с мальчишкой они запретить не могут, а пожелают скрыть его – им же хуже. Долгорукий не постесняется заявить о пропавшем без вести «чемпионе» и лично попросит доставить в княжество Гончих. Пусть Шуйские оправдываются, что его не похищали.

– Почти приехали, господин, – обнадежил водитель, выруливая с дороги налево, к проглянувшему за оградой и деревьями двухэтажному особняку.

Лимузин втек в очередной поворот и тут же вынужденно остановилась в конце длинной череды машин, брошенных прямо на дороге.

Какие-то грузовики, от которых деловито сновали к калитке люди, таская плоское и круглое, тяжелое и объемное. Вереница дорогих лимузинов растянулась чуть дальше грузовиков. И даже строительная техника частью стояла на дороге, а частью – и вовсе за оградой, у левой части дома. И там тоже – деловая суeta, скрытая углом здания. Звуки сварки, звонкий гул метала о металл, солидный рокот дизеля и странно вежливые крики прораба на подчиненных.

– Это точно верный адрес? – с недоверием поглядывая через окно, уточнил князь.

– Ручаюсь, господин.

– Ладно, – поджав губы, распахнул Сергей Михайлович дверь и вышагнул из лимузина.

До калитки оставалось что-то около сотни шагов, но хватило и сорока, чтобы вновь выбить князя из колеи.

У грузовиков на номерах были гербы Долгоруких. Без цифр, просто гербы!

– Ты что себе позволяешь, собака? – схватил он за шиворот удачно вышедшего перекурить водителя.

– Б-бросаю, ваше сиятельство! К-крест даю, бросаю! – в ужасе откинул тот сигарету, узнав старого князя в лицо.

– Я имею в виду, кто позволил тебе сюда приехать?!

– Т-так его сиятельство Андрей Александрович приказали, – искренне удивился он. – Дельфина привезти. Мы и поехали.

– Какой еще, к чертям, дельфин?!

– В-вожак зовут. Большой, темно-синий, и брюшко белое, – совсем расклеился слуга, стекая в руке Сергея Михайловича на переставших держать ногах. – Эти вон т-тоже привезли, – качнул он головой в сторону других грузовиков.

– Сам княжич где?

– Не могу знать! Мы без него приехали.

– Разберемся, – рыкнул князь, отпустил шофера и продолжил путь к калитке.

Разобраться действительно стоило, потому что лично сам князь начал терять логическую нить происходящего. Что затеял внук? Почему не посоветовался?

С этими мыслями старый князь дошел до калитки, краем глаза отметил охранный знак Шуйских. Плевать, с ними все равно не избежать ссоры.

Из-за снующих туда-сюда грузчиков дверь в ограде была открыта, оттого на территорию дома удалось вступить без звонка. В какой-то мере далеко поставленная машина тоже могла помочь, внезапность – часть победы.

Калита Древичей поубавила уверенности, заставила замереть руку, потянувшуюся было к ручке двери.

– Эти тут при чем? – напряженно вглядывался он в нарочито небрежно вырезанный из дерева герб, закрепленный над створкой.

Корабль с распахнутыми парусами в кроне дерева. Не символ и не традиция рода. Угроза. Каким бы мощным ни был твой корабль и как бы ни была сильна команда, на вершине кроны, куда тебя закинет необоримая сила, будет ждать только отчаяние. Чем больше парусов на корабле, чем сильнее раздувает их ветер, тем стремительнее это произойдет. На калите были распахнуты и наполнены ветром все паруса...

Рука уцепилась за ручку и потянула на себя. О том, чтобы чего-то требовать в этом доме, придется забыть.

С еле заметным сопротивлением подался доводчик двери, выпуская звуки детского смеха и веселья, приятные ароматы выпечки и тепло нагретого очага. Из дома во двор важно прошагал котяра, будто ждавший, что урожденный князь лично откроет ему дверь. Следом за ним, словно неопит за сэнсэем, медленно прокралась здоровенная собака, почему-то с наивной мордой щенка. Ее тоже пришлось пропустить, потому что вдвоем они в дверь не влезли бы.

– Черт-те что тут развели, – проворчал князь, недовольный задержкой, и вступил-таки в холл. Достаточно просторный, с камином и диванами, с

высоким потолком на уровне второго этажа, и лестницами по бокам, ведущими туда же. Огромный портрет кого-то из старых Шуйских на стене сразу напротив входа. А под портретом... Стоят двое, мужчина в годах и красивая женщина, глядят молча и выжидательно.

Князь набрал воздуха для приветствия и... вдруг понял, что не может выдохнуть. В голове от напряжения будто сосуд лопнул.

Он ее узнал.

– Т-ты... – Голос князя сбился на постыдную вибрацию.

– Я, – погасив радушную улыбку, светившуюся мгновение назад на ее лице, отстраненно произнесла Лида Борецкая. – Здравствуй, клятвопреступник.

– Я – нет! – нервно дернул подбородком Сергей Михайлович, отчего-то призывая Силу.

Не чтобы все тут разрушить, нет! Чтобы убедиться, что Сила слушает его, а значит, нет изъяна в чести! Слабо зашевелились занавески на окнах...

– Тц... на, – недовольно качнул головой князь.

Холл окатило ужасом чужой Силы, грозно явившейся в мир по призыву владельца.

Заискрили тканевые обои, тревожно замигали выключенные лампы массивной люстры, зашипел лист железной двери за спиной. Холодная волна прокатилась по спине Долгорукого.

Он узнал эту Силу. Он опоздал.

– Дедушка! – раздался знакомый голос с лестницы, ведущей на второй этаж, и по ступеням бодро скатился внук Игорь. – Это за мной, – кивнул он, как добрым знакомым, Борецкой, которая-должна-была-быть-мертва, и Юсупову, который-должен-был-быть-мертв.

– Ой, а что это вы? – споткнулся тридцатилетний оболтус, только сейчас заметив неладное.

С неохотой ужас ушел из комнаты. Отпустил свой «ветер» Долгорукий.

– Мы познакомились, – по-доброму произнес Юсупов. – Заново.

– Собирайся, – устало сказал Сергей Михайлович внуку. – Мы уходим. Больше не было воли и сил.

– Так быстро? – нейтрально произнесла женщина. – У нас скоро ужин, и главное блюдо само просится на стол.

– Тут готовят отличные вареники, – с надеждой посмотрел Игорь. – Вера Андреевна – настоящий мастер!

Да, люди рангом меньше не всплывают через тринадцать лет... Только почему Вера?..

– Вы, наверное, что-то хотели? – улыбнулся в тридцать два белых зуба старик.

– Поздравить Максима, – выдохнул князь, опустив плечи.

– Красавица, позовешь нашего внука?

– Да, конечно.

Князя качнуло от навалившейся усталости и отчаяния... Кто может быть родовит настолько же, как Юсупов? Юсупов и может...

– Он сейчас с Томой Шуваловой с дельфинами разбирается. Скоро освободится, – произнесла Борецкая через пару минут.

Шуваловы тоже здесь... Он действительно опоздал. Только непонятно когда. Два дня или тринадцать лет назад...

В небольшое помещение на втором этаже, бывшее, судя по мебели, незаселенной комнатой, князь вошел на негнущихся ногах. Сел на деревянный массив кровати и стал думать, что можно будет продать... Или отдать, чтобы получить станцию и комбинат... Но Юсуповы не отдадут. Заберут – точно, но не отдадут ничего взамен. Это если выпустят его из дома живым. Еще Игорь в заложниках. Темные времена.

– Добрый вечер, – показалась из приоткрытой двери голова, а затем в комнату вошел сам виновник торжества. – Прошу прощения, небольшое чепэ с дельфинами.

– А? – вздрогнул Долгорукий, выплывая из черных мыслей.

– Федор упал к дельфинам, Тома упала к дельфинам, сестры упали к дельфинам, ну и я тоже упал к дельфинам, – бодро отрапортовал Максим Самойлов, садясь на стул и приглаживая мокрые волосы. – Игорь тоже хотел упасть к дельфинам, но эту трагедию удалось предотвратить.

– Ясно, – устало произнес старый князь и с силой провел по лицу. – Максим, я...

Не было готовой фразы, а речь, придуманная еще в городе, с аргументами и доводами, да еще подкрепленная Силой, сейчас оказалась неуместной.

Парень сидел тихо, терпеливо ожидая продолжения, глядел серьезно, но без тени страха. Просто – как младший на обычного пожилого человека, уважаемого за возраст. Совсем скоро, когда княжество отнимут, Сергей Михайлович именно таким и станет. Если выживет.

И тут князя прорвало. Не криком и яростью – а простой, будничной речью, в которой он рисовал перспективы мрачного будущего. Обычная правда, скупая и страшная. Неизбежность, которую человек с его опытом может предсказать лучше любого пророка. Он не жаловался, нет. Жаловаться мальчишке? До такого безумия князь не дошел. Будет война, но

потерь не избежать и другой стороне. Долгорукие не сдадутся. И пусть его сын Александр Сергеевич больше не «мастер», а сам он чувствует, что больше не «виртуоз», в клане еще много людей сильных и храбрых, готовых положить свою жизнь за жизни и счастье близких.

Речь приободрила даже его самого, вырвав из нахлынувшей тоски.

А ответные слова мальчишки вдохнули надежду.

– Ну как? – Возле дверей ждал якобы проходивший мимо старик.

– Все нормально. – Максим кивнул им и отправился на первый этаж.

– Я признателен вашему внуку, – низко поклонился Сергей Михайлович Юсупову.

Но был остановлен в середине поклона.

– Пойдем поужинаем.

– Приношу извинения, но дела...

– Подождут. – Юсупов подхватил его под локоток и повел по галерее второго этажа.

Но не к ближней лестнице, по которой ушел Максим, а к дальней.

Которая как минимум была дальше даже от кухни.

– Федор, теперь у нас есть свой телеканал! – звонко и торжественно поделились радостью внизу. – И это будет лучший канал во всем мире! Только мультфильмы, и никаких скучных новостей! А еще – газета и радиостанция!

– Ю-ху! – вторили счастливые детские голоса.

– Срочно покупаем контрольный пакет акций «Ну, погоди!».

– Я не обманывал вашего внука, – поспешил объясниться Сергей Михайлович. – Это медиахолдинг федерального уровня. Еще он получит молочный комбинат полного цикла, с фермами и собственными магазинами, и...

– Я ему доверяю, – кивнул как чему-то само собой разумеющемуся Юсупов.

– Тогда в чем...

– Есть небезынтересная мысль, которой хотелось бы поделиться. Как вы считаете, если на один сильный клан, ослабевший ввиду определенных факторов, нападут... А нападут, как бы вы ни юлили, уж поверьте...

Долгорукий дернулся и неприязненно посмотрел на соседа.

– ...и после объявления открытой войны вы покажете союзный договор со скромной сибирской семьей, подписанный еще до войны...

Неприязненность сменилась задумчивостью.

– Как быстро утихнет эта камарилья, когда в их города придут гроза и тайфун? И как быстро мы перебьем их по одному, чтобы переплавить

шакалье золото в благородные слитки с нашими гербами?

– Шуйские в союзе?

– Обойдемся без них, – уверенно произнес старик. – Серьезные силы против нас не выступят, мы отговорим наших друзей от губительного альянса. А остальных... Не жалко.

– Каковы ваши условия? – не торопился спускаться по лестнице Долгорукий.

– Девяносто процентов – наше.

– Восемьдесят. И покрытие ущерба первых дней войны.

– Семьдесят пять процентов без покрытия, – категорически ответил Юсупов. – Признаете Лиду Борецкую.

– Борецкую? Не Юсупову? – удивился Долгорукий.

– У меня внук растет. Ему понадобится свой дом.

– Я согласен, – осторожно пожал он протянутую руку, скрепляя сделку.

Сильную, горячую руку человека, способного изменять историю своим словом.

– Можно просьбу? – деликатно поинтересовался Сергей Михайлович.

– Да? – приподнял бровь старик Юсупов.

– Вы не могли бы попросить вашего внука отозвать требование по постройке метро в Сулаж-Горе?

– О... – округлил глаза собеседник.

– У меня из-за этого сын спивается, – отвел глаза Долгорукий. – У нас под городом одна вода, вторую проходческую машину потеряли...

– Сделаем. Пьянство – горе в семье...

К счастью, необычную просьбу Самойлова Федора отзывать не пришлось. Впрочем, кому к счастью, кому к горести, но Долгорукого это не сильно волновало – нельзя требовать невыполнимого...

Из дома Сергей Михайлович выходил в полном душевном равновесии и спокойствии.

– Деда, меня пригласили управляющим на телеканал! – поделился радостью Игорь.

– Этого тоже забирайте, – отмахнулся он, посмотрев на Максима. – Следующие пять лет видеть его не желаю.

В машину старый князь садился в одиночестве, не обратив внимания на застывшего на пороге внука, крепко сжавшего кулаки.

– Это будет самый лучший телеканал в мире! – шептал Игорь сквозь злые слезы.

– Разумеется, – хлопнул его по плечу Максим и завел в дом. – Пойдем, обсудим репертуар. Что по поводу шоу «Самый умный»?

– На него права у другого канала, – отмер Игорь и дал себя увести.
– Тогда делаем «Самый умный, что ли?».
– Это как? – заинтересовался Игорь.
– То же самое, но ставим боксерское ограждение по периметру и вводим дополнительную пятиминутку между турами, – охотно пояснили ему.
– Пойдем, упадем к дельфинам.
– А мне можно? У меня сменной одежды нет...
– Эта высохнет, да и куда ты торопишься? У нас полным-полно свободных комнат.

Золото и огромные потолки. Зеркала и ростовые портреты. Хрусталь люстр, фонтанами зависающих над головами. Эхо шагов, постыдных в благородной тишине.

Камердинер Третьей двери Серебряного зала неодобрительно выдвинул вперед нижнюю челюсть и посмотрел на трех шагающих мальчишек и одну девочку в сопровождении свитского. Краем глаза, разумеется, не смея нарушать облик идеального слуги и вертеть головой. Тут же отметил, что гостей четверо, а не пятеро, возмущенно цокнул языком. Да еще с опозданием на одну минуту! Возмутительное поправление протокола! А одежда? Что за фасон, что за градус на носке ботинка?! Он же совершенно не подходит к вырезу жакета! А полосы на рубашке, как у императора, когда он в прошлый раз обращался к народу по телевидению?! Их нет! Апофеоз безвкусыя – красная бабочка на всех, даже на девушке, одетой в брючный костюм. Хотя в общем-то костюм неплох, из последней коллекции мэтра Вгжинского, но все остальное... Минимум прошлый сезон, – вынес он жесткий вердикт. Впрочем, что с этих деревенщин взять, – опять же молча хмыкнул слуга. То ли дело они, потомственные открыватели дверей перед его величеством!

– Молодые люди, – остановился свитский и поклоном передал бразды правления камердинеру.

Ох он им сейчас...

– Молодые люди, вам выпала честь присутствовать на ужине его величества с семьей, – важно повел рукой камердинер. – Прошу соблюдать ряд правил! Первыми с императором не заговаривать! За столом не чавкать! Не плевать, не...

С удовольствием растекся по многим «не» слуга. Обед, разумеется, задерживался, но ведь они и так опоздали.

– Эх, а у Максима сейчас вареники... – грустно вздохнул самый младший.

– А он чего не пошел? – шепнул ему парень с гербом князей Черниговских на костюме.

– Говорит, ужин с Императором у нас каждый вечер, – пожал плечами младший. – А к Белевским приглашение только на это утро. Еще там лошадка есть.

– Он приболел, – ответил улыбкой юноша из Шуйских на возмущенный взгляд камердинера.

– Молодые люди! – добавил слуга строгости в голос.

– А давайте я на этого длинного нажалуюсь? – оценивающе посмотрел на него самый юный гость. – Мне все равно императора просить не о чем.

– Гости к его величеству! – поспешно отворив дверь, зычно провозгласил камердинер.

– Дозволяю, – донесся спокойный голос среди тихого звона столового серебра о фарфор.

«Как же так? – расстроился камердинер. – Сели ужинать без моей команды».

– Ну, пойдем? – с легкой взволнованностью произнесла девушка.

– Иди, – криво улыбнувшись, Шуйский легонько подтолкнул друга, – капитан.

– Павел Викторович Черниговский-Зубов к его величеству! Княжич Шуйский Артем Евгеньевич к его величеству! Самойлов Федор Михайлович к его величеству!

Младший замешкался, склонил голову и что-то пробормотал, после чего вступил за остальными в обеденную.

– Светлана Джонс к его величеству!

Сопроводив величественным голосом детей к императору, камердинер с чувством исполненного долга закрыл дверь. Вернее, прикрыл, позволив звукам сиятельного ужина доноситься до ушей верного слуги. Тут он вряд ли услышит что-то полезное, да и не стал бы подслушивать разговоры действительно важных гостей. Но его величество вполне мог обронить нечто интересное даже на самом скучном и рядовом ужине. Впрочем, камердинеру сгодились бы какая-нибудь красивая фраза из его уст, дабы со значением повторять в своем кругу, добавляя: «Как сказал сам император...» Ладно, некрасивая и нескладная – тоже пойдет. Да даже не от императора, а от его младшей дочери Елизаветы, что тоже присутствовала на ужине вместе с братьями и матерью! Но пока – не везло, говорили только слуги и гости, а его величество и августейшая семья, как и предполагал камердинер, не спешили показывать свое расположение каким-то там...

- Салат, пожалуйста... Благодарю...
- Суп, будьте любезны... Благодарю...

Устав прислушиваться, камердинер даже прикорнул, привалившись тайком к стене. Так что следующий вопль заставил его буквально вскинуться, больно ударившись головой.

- А-А-А-А!
- *Папá, папá!!!*

– Да кто-нибудь, святая Мария! – в визге и звоне сбрасываемой посуды раздался зычный голос императора.

- Боже мой! Боже мой! Охрана!!! Охрана!!!

Бежать за охраной?! А может, вломиться в двери и спасти императорскую чету самому?! Ему дадут титул графа! Герцога! И принцессу! Нет, принцессу – вряд ли... Но хотя бы графа! А если там опасно?!

- Суп!!! Мое платье!

– А как вы относитесь к Ачинским месторождениям? – вплеся в крики грустный голос Павла, отчего-то вовсе не паникующего.

- Это ужасно, это просто трагедия!
- Я так и думал.
- Да кто-нибудь, убейте уже это чудовище!

– Все уже, поймал. И ничего это не чудовище, – буркнул голос Федора Самойлова. – Ее Лучинкой зовут. Она тоже – часть команды...

Эпилог

Мерно покачивалась линия горизонта, сотканная из верхушек черно-серебристых деревьев. Зверь подо мной шагал неторопливо, одолевая заброшенную лесную тропку в глухом углу парка. У этой дороги не было определенного завершения – через пару сотен метров она сорвется в овраг, чтобы возникнуть на другом его конце под иным углом, и вновь заплутает по чащобе, свиваясь в кольца, разделяясь на ветви и пересекаясь с самой собой.

Но на ту сторону оврага мне не нужно. Да и вовсе нет на этом пути какой-либо цели, каковой следует достичь. Нет и человека, что ожидал бы встречи. Просто – истекают пять минут обещанной прогулки, самой странной, какую мне довелось совершить.

– Еще тридцать секунд, – озвучил я, взглянув на часы.

Хорошие, добротные часы со сверхточным хронометром и почти беззвучным механизмом. Подарок неведомо от кого, приятный, хоть и с легким браком – там, где положено бы показывать день, медленно отщелкивает цифра пять, судя по скорости, через год грозясь обернуться четверкой.

Зверь недовольно фыркнул и повел плечом, но продолжал идти, преодолевая, хрустя по опавшей и слегка подмерзшей листве. На этот раз его шаги сродни метроному, одинаковы и почти идеально укладываются в секунды. Ровно тридцать.

– Все! – недовольно тряхнул плечами Артем и присел. – Слазь!

– Ладно, – вздохнул я, с неохотой сходя на землю.

– Чтоб я еще тебе что-нибудь пообещал, – буркнул Тема, отряхивая плечи и оправляя складки плаща.

– Что опять не так? – глянул я на него удивленно.

– Я, между прочим, сменную одежду приготовил, – продолжил он ворчать. – Думал, обернусь в медведя и по лесу пробежимся. А ты на плечи залез! Всю шею мне за пять минут отбил!

– Нет, мне вчера Звездочки хватило, – охнув, приложил я ладонь к внутренней части бедра и слегка помассировал через ткань брюк. – Ну их, эти скачки, все мышцы болят. Я даже не знал, что так бывает. И это с седлом! А ты ведь без седла?

– Конечно, без седла! – возмутился Артем в голос. – Даже думать не смей!

– Вот. А на плечах – оно как-то спокойнее, – примирительно кивнул я ему и повернул обратно.

– Просто как-то... – хмыкнул он. – Я думал, ты именно на медведе хотел прокатиться.

– Так ты разве не медведь?

– Ну медведь. – Он зашагал следом.

– Так какая разница?

– Странный ты, – сделал он спорное заключение минутой позже.

Осень в этих широтах довольно быстро уступила место ранней зиме, заставив кутаться в теплые плащи. Белые тучи над головами обещали вскоре порадовать первым снегом, хотя вряд ли тот задержится надолго.

– Максим, можно спросить? – пошел Артем рядом, стоило тропинке расшириться достаточно, чтобы можно было идти бок о бок.

– Да?

– Ты почему на ужин к императору не пошел? – вспыхнул он еле сдерживаемым любопытством.

Кажется, именно ради этого вопроса и организовал встречу, а вовсе не из желания поскорее выполнить обещанное. Я ведь ничего у него не требовал, наоборот – уж лучше выучиться верховой езде и в удовольствие прокатиться следующим летом. Но и переносить встречу тоже не стал. Мало ли как обещания и их исполнение на Артеме сказываются.

– По той же причине, по которой не обедаю с Яном.

– Это у которого ты соседку забрал и полпарты отрезал? – припомнил он.

– Ага, – не стал я спорить с такой формулировкой крайне правильного распределения кадров и ресурсов на благо общей успеваемости в классе.

– Но какая тут связь! – возмутился Артем, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Обедали бы вместе, я бы Яна, может, пожалел.

– Ладно, все с тобой понятно, – махнул он рукой с легкой улыбкой. – Опять твои мечты. И толку тебе от императорства?

– Вот в соседнем княжестве хорошо живут?

– Да средне, как везде, – пожал он плечами. – Шесть княжеств вокруг, тебе про какое сказать?

– Но вообще хуже, чем у вас? Если каждое из них взять?

– Думаю, да, – прикинув, кивнул он. – Мы крупнее и богаче будем, – добавилось в голосе легкой гордости.

– А если бы эти земли вашими были – там стало бы лучше? – повернулся я к нему лицом.

- Да, – не сомневался Артем ни секунды.
- Вот я тоже так считаю.
- Про нас?
- Про себя. – Я зашагал чуть шире, выходя первым на узкий поворот.
- Понятно...

Артем догнал через десяток шагов, за эти секунды явно махнув рукой на желание поспорить.

– А станцию и комбинат зачем отдал? – перешел он к более интересному вопросу. – Мы тебе такого отличного управляющего хотели посоветовать.

– Не отдал, а поменял. Не достроят их, – категорично мотнул я головой.

– Да ну, они же слово давали, – слегка споткнулся Тема.

– Война скоро будет, – вздохнул я, припоминая слова старого князя Долгорукого.

Князь искренне верил, что откупится новым конкурсом со старым призом от своих врагов. Но в моем прошлом еще никому не удалось откупиться одной конфетой от тех, кто хотел и мог забрать весь пакет силой.

– Война – не повод, чтобы не сдержать слово.

– Видел я это ваше «слово», – улыбнулся я грустно.

– Это просто Долгорукие такие...

– Это просто ради нас оно такое, – не согласился я. – Строить, наверное, будут. Но медленно, затягивая и без должного качества, будут работать, как класс на уборке листьев. Они ведь меня не знают. А каждого заставлять мне некогда. У меня школа, собака, кот и дельфины.

– И все же неравноценно... – засомневался Артем.

– Развалины станции и комбината? – поднял я бровь. – Я бы, может, сам достроил, но ведь эти аристократы мне даже спасибо не скажут. Первыми оскорбятся и пакостить начнут.

– Ну это они могут, – вынужденно кивнул он.

– Вот. А потом с этих руин еще налог платить. Нет, пусть забирают.

– Тебе это князь Долгорукий рассказал или ты сам? – все еще с недоверием уточнил Артем.

– Еще до его визита понял, когда правила перечитывал, – пожал я плечами.

Там Тома Шувалова на строителей бассейна и всех, кто рядом был, очень ругалась. Как раз срочно понадобилось заняться чем-то убедительно важным.

– Понятно... Долгорукий, выходит, этого не понимает, – пробормотал Тема себе под нос. – Или ему все равно...

– Зато теперь у нас есть свой телеканал, радио и газета. Ну и пара магазинов с молочным заводом, – довольно отметил я.

– Но насчет руководства-то канала мог с нами посоветоваться, – для порядка пробурчал Шуйский.

– Не получилось бы, – развел я руками. – Это ведь как на корабле.

– То есть?

– Если капитан не будет похож на капитана, команда сбежит.

– Наш специалист – очень опытный капитан!

– Но он не Долгорукий, – не согласился я. – Команда телеканала Долгоруких просто уволится и уйдет делать новый канал.

– У старого останутся лицензии и оборудование!

– А кто будет вести передачи? Я ведь говорил: у меня школа, собака, кот и дельфины.

– Да нашли бы кого-нибудь...

– Тогда это был бы ваш канал, а не мой, – пожал я плечами.

– Но так в руководстве будет Долгорукий, он тоже...

– Это – мой Долгорукий! – поднял я палец вверх.

– Не бывает такого, – категорично мотнул Артем головой. – Семья – всегда самое главное!

– Его дед от дома отлучил на пять лет.

– Ох блин... За что? – изумился Артем.

– За то, что был у нас. Или за то, что не дал обмануть меня с каналом. Или потому что у них скоро война, до которой такому, как Игорь, лучше побыть отлученным, – пожал я плечами. – Или просто он разочаровался в своем внуке, толстом и бестолковом, совсем не похожем на него.

– Как-то ты... слишком... – странно посмотрел Тема на меня. – Игорь услышит – обидится.

– Так это ведь не мое мнение. Мое мнение – Игорь сейчас ночами спать не будет, но сделает мне самый лучший канал на Земле.

– Хм... Я бы сказал, коварно, – выдал Артем после пары минут раздумий. – Использовать чужую обиду...

– Еще бы. А ты думал, можно есть мой торт просто так? – улыбнулся я ему. – На самом деле он будет стараться для себя, чтобы доказать деду. Я ему просто помогу. Всем ведь хорошо.

– Надо тебя к нам в клан, – оценивающе посмотрел на меня друг.

– Папа не пойдет, – вместо отказа ответил я.

– Ну можно ведь для начала обсудить... – посмотрел он на лес.

– Папа в аристократов наигрался, как он говорит, – грустно обозначил я улыбку. – Мы ведь так маму потеряли.

– Там, где есть общая грусть, куда больше общей радости...

– Маму убили свои. Дальние родичи, решившие ограбить дом ювелира. Считали, что там наверняка найдутся наличные или золото, а род все равно уже мертв.

– Шакалы... – зло оскалился Артем.

– Поэтому наша семья не пойдет ни в один клан. Вы, конечно, лучшие. Но папа не согласится, не обижайся.

– Я не знал... Ладно, – вздохнул он.

– Паша там как? – перевел я разговор.

– Нормально. Наверное, даже доволен. Теперь красивая двойная фамилией.

– Звоню – телефон не берет.

– Тут сложнее, – вздохнул Артем. – Он вроде на тебя обиделся немного. Не знаю почему. Не говорит.

– Ладно, – выбросил я Пашку из головы.

Все же дружба – это когда оба дружат. Если он попросит помощи – я помогу. Но для этого звонить ему придется первым.

Оберегать же то, что не является дружбой... Подобная ошибка уже один раз сгорела в пламени котельной вместе с частью души. Больше я такого не хочу.

– А что до тех бандитов, которые Федора чуть не убили? Нашли их или мне самому искать?

– Нашли, – согласно качнул друг головой. – Некто Кочетов был главой, занимался распространением «грязи» через спортивные клубы. Убили его. Над ним был князь Юхотский, прикрывал своим именем. Его Гагарины нашли и ноги поотрывали.

– И что теперь с ним будет? Ну, с князем.

– Максим! – строго посмотрел на меня Артем. – Ему оторвали ноги и сделали из них трость. У князя Гагарина внук на соревнованиях погиб.

– Сурово, – впечатлился я. – Зубовых, получается, простили?

– Ну как простили... – отвел он глаза. – Были бы они без покровителя, за соучастие им бы тоже не жить. А так – князь Черниговский сказал, что они действительно не знали, что перевозили. Все поверили.

– Вот так взяли и поверили? – усомнился я.

– Это ведь князья Черниговские, один из древнейших имперских кланов, Максим. У них даже собственная башня в Кремле! Из-за каких-то Зубовых им не верить – это очень рискованно! Не веришь им, значит –

называешь лжецами. А зачем воевать из-за Зубовых, у которых уже ничего нет? – мудро завершил Тема.

– Что, и полиция так вот взяла и им поверила?

– Полиция и имперская безопасность – тоже имперская аристократия, – хмыкнул Артем. – Зачем правой руке ссориться с левой? К тому же Зубов действительно ничего не знал и уже потерял все, что мог. Семьи, которые злы на них из-за нападения на турнире, уже взяли свое с Юхотских. Эти не в пример богаче... были.

– Вы – тоже?

– Максим... – вздохнул Артем. – Мы – тоже. Иначе мы не могли. На нас ведь тоже подозрение упало, а мы богаче Юхотских... Максим, нас тоже хотели под нож, – чуть дрогнул голос Артема. – Всегда хотят... Только мы пока достаточно сильные, чтобы желания оставались только желаниями. За нас, кстати, князя Черниговские тоже слово сказали... Чтобы мы не мешали им забирать у Зубовых их добро...

– А император?

– Ну... – отвел Артем взгляд. – Не после того, что случилось на ужине. Я чуть смутился, вспомнив рассказ Федора.

– А ты хотел его попросить об этом?

– Да нет, – отмахнулся Артем. – У нас с его семьей особые отношения, – ухмыльнулся он криво. – Сидеть на ужине с ним – это для остальных. В этом польза!

– Отец сильно расстроился, да? – припомнил я реакцию нашего папы на сбивчивый рассказ Федора.

Сначала была валерьянка. А потом папа два дня дом укреплял – так, что валерьянка понадобилась случайно забредшему почтальону. Ну, вместе с новой одеждой и успокаивающей речью, что драконы были ненастоящие (а жаль!).

– Он смеялся как сумасшедший, – прыснул Артем. – Стол разбил, пока смеялся. Теперь хочет у Федора выменять Лучинку на такую же статуэтку из золота. Вы, пожалуйста, не отказывайте, – заспешил он. – За ней действительно будут хорошо ухаживать, а у вас еще кот!

– Ну, если будут ухаживать... – припомнил я реакцию Машка на мышь-которую-нельзя-есть.

В его жизни было много колбасы и сосисок, которых тоже нельзя было есть... В общем, вопрос эвакуации Лучинки стал весьма актуальным!

– А зачем ему мышь? – любопытствовал я.

– Ты что! Только у нас будет зверь, которого боится вся императорская семья! – расхохотался Артем. – Ее, кстати, стража хотела схватить, но

Федор Лучинку в пятое приглашение вписал. А гость – свят! – вновь фыркнул он.

– Часть команды, – понятливо кивнул я.

– Ну, вроде все.

Мы вышли на полянку возле дороги.

Чуть вдали стояли машины, терпеливо поглядывали в нашу сторону водители, ожидая, когда мы тронемся в обратный путь.

Только группа людей с биноклями, выстроившихся на солидном расстоянии у микроавтобусов, показалась странной.

– Это кто?

Будто услышав вопрос, люди потеряли к нам интерес и разошлись по автобусам. Один, правда, остался в компании с двумя мелкими девчонками и смотрел еще секунд пять, но и он ушел вслед за остальными.

– На тебя хотели посмотреть. Не обращай внимания, это тебя кое с кем спутали.

– С кем? – любопытствовал я, переводя взгляд с отъезжающих машин на Артема.

– С Тенишевым. Там, правда, в основном девчонки в семье, но принц тоже был – примерно твоего возраста.

– Я – не он, – обозначил на всякий случай.

– Знаю. Но тут проще показать, чтобы успокоились, – отмахнулся Артем. – Теперь можно сказать, что все завершилось.

– Я бы так не сказал, – покачал головой в ответ на оптимизм друга.

– То есть? – нахмурился Артем.

– Кое-что мы упустили. Кое-что серьезное, чего нам не простят и от чего нам точно не уйти, – обозначил я холодным голосом, осознавая всю величину грозящих неприятностей.

– Максим? – Он остановился напротив и тревожно посмотрел в глаза.

– Все это время оно только накапливалось день за днем. Не важно, что мы делали и где были до этого. Оно именно здесь, на нашей земле, и уже ждет нас дома.

– Все будет в порядке, Максим. Я попрошу отца, мы справимся!

– Вместе? – усомнился я.

– Вместе! – твердо пообещал Артем. – Так что же это?

Я повернул лицо к ветру, стойко принимая его холодные порывы, готовясь встретить любую трудность и с честью ее преодолеть.

– Домашнее задание за две недели.

---

notes

СНОСКИ

1

Военный робот аннигилятор четвертый.